

ISSN 1680-645X
07006
9 771680 645003 >

9
ЕСЛИ

ИЮНЬ 2007

ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

6' 2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

РОБЕРТ РИД
ЕВА РАЗ, ЕВА ДВА...

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
РИЧАРД ЛОВЕТТ

ВИКТОР МЯСНИКОВ:
НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Автор знаменитого
«Волкодава»

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ТАМ, ГДЕ ЛЕС НЕ РАСТЕТ

**Самый новый
роман-фэнтези!**

ЧИТАЙТЕ В ИЮЛЬСКОМ НОМЕРЕ

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

**Марины и Сергея ДЯЧЕНКО
«СОЛЬ»**

**Павла АМНУЭЛЯ
«ПРОСТЫЕ ЧИСЛА»**

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

**Сергея СИНЯКИНА,
Олега ОВЧИННИКОВА, Марии ГАЛИНОЙ**

а также

**очерк Вл. ГАКОВА
к столетию Роберта ХАЙНЛАЙНА,
статью Дмитрия КАРАВАЕВА
о творчестве режиссера Дэнни БОЙЛА**

и наконец

**интервью со старейшим российским
фантастом**

Евгением ВОЙСКУНСКИМ

**Текущую подписку на наш журнал
вы можете оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТ:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРЖЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8(49672)6-25-36,
8(496)270-73-59.

Отдел продаж услуг:
8(499)270-73-59.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

69 Роберт РИД

ЕВА РАЗ, ЕВА ДВА...

Создателю понадобилась всего одна женщина. Демиургам новых миров — легион.

**203 Евгений ГАРКУШЕВ
ЖРЕБИЙ**

Мужская мысль бьется в поисках компромисса: и в «войнушку» поиграть, и громадных жертв избежать.

3 Святослав ЛОГИНОВ

«ОДИНОЧКА»

Как говаривал сам герой: «Дедушка Фрейд был бы доволен».

39 Владимир МИХАЙЛОВ

**БАЛЛАДА О СЫНЕ
ИЗ СНОВИДЕНИЙ**

...или неназначенные встречи.

49 Мэри РОЗЕНБЛЮМ

ПОИСКОВАЯ МАШИНА

«Под колпаком» оказываются покупатели отнюдь не особняков и яхт.

133 Ричард ЛОВЕТТ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
«МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»**

Что бы вы сделали, окажись у вас бесконечное количество шансов?

169 Далия ТРУСКИНОВСКАЯ

СОЧТЕМЯ СЛАВОЙ!

Тайна творчества непостижима. Особенно если это — коммерческая тайна.

261 Дмитрий ВОЛОДИХИН

СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

С июня того страшного года прошло 66 лет... Всем хладнокровным «переоценщикам» истории посвящается.

149 **Анна КИТАЕВА**
ПРИКАЗАНО НЕ ВЫЖИТЬ
«П» — значит «Параграф».

151 **Дмитрий КАРАБАЕВ**
КРОВЬ НА ЗОЛОТЫХ ХРИЗАНТЕМАХ
Умеючи, даже китайское «рукомашество» можно снять как шедевр.

160 **Георгий ГРЕЧКО**
«В ФАНТАСТИКЕ ВСЁ НА ПРЕДЕЛЕ»
Вспомним знаменитую телепередачу, которую вел космонавт.

163 **Дмитрий БОГАРНИН**
КУЗНЕЦЫ СВОЕГО НЕСЧАСТЬЯ
Экологическая катастрофа: поджанр или отдельное направление?

154 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**
Веселье по-американски... «Земноморье» по-японски... Сказка по-новорусски.

270 **Виктор МЯСНИКОВ**
ПОЧЁМ БАВАРСКОЕ ПИВКО?
И все же как хорошо, что сослагательное наклонение есть только в литературе.

281 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**
Редкий случай — эксперты почти единодушны.

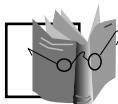
290 **Виталий КАПЛАН**
ЧАСТИ РЕЧИ
«Программная» книга киевского дуэта.

284 **РЕЦЕНЗИИ**
На сей раз в рубрике представлены только отечественные авторы.

297 **КУРСОР**
Ушла еще одна легенда мировой литературы. К Сиренам Титана.

293 **Генри Лайон ОЛДИ**
ПОВЕРИМ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ?
Выходит, не зря «Если» столь настойчиво требует от авторов оригинальных идей!

299 **ПЕРСОНАЛИИ**
Голоса старых знакомых: есть возможность услышать ответ «из первых уст».

С В Я Т О С Л А В Л О Г И Н О В

«ОДИНОЧКА»

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Комната большая, светлая... Распахнутое окно прикрыто занавесками. Это хорошо, что в окне ничего не видно, только солнечный свет просачивается сквозь белый тюль. Вряд ли оттуда следует ожидать нападения. В комнате порядок, совсем как при ознакомительном визите. Только на столе стоит тарелка с недоеденным супом.

Во время ознакомительного визита Игнат представлялся санитаром, что, в принципе, недалеко от истины. Стоял с чеподанчиком в руках, рассеянно оглядывал комнату. Подал пальто старенькой докторше Рине Иосифовне, попытался поухаживать и за хозяйкой, но та шарахнулась как от зачумленного. Игнат тогда решил, что прокололся, но нет, в больнице, освоившись в палате и беседуя с Риной Иосифовной, пациентка не вспомнила подозрительного санитаря. Значит, она шарахается таким манером от каждого встречного. Случай запущенный, но не безнадежный.

Неприятно, что Игнат попал именно сюда; значит — бытовуха. Такие дела распутываются либо всего проще, либо не распутываются вообще. И до последней минуты не знаешь — пустышка тебе выпала или глухарь.

Игнат осторожно понюхал тарелку. Нормально пахнет, картофельный суп с фрикадельками. На поверхности пятнышки жира, на дне морковные кружляшки, аккуратно нарезанная картошечка, пара фрикаделек, явно самодельных — в фарш добавлен мелко порезанный укроп. По всему видать, хозяйка — повариха превосходная. У таких суп безопасен.

А вот это уже серьезно! — у самой двери на полу валяется неумело выстроганная деревянная сабля. Такие вещи случайными не бывают, особенно у немолодых, одиноких, бездетных женщин. Честное слово, лучше бы там лежал настоящий клинок, отбалансированный и убийственно острый.

Игнат вскинул самострел и шагнул в коридор. Обои в желтый цветочек, под ногами половая доска, выкрашенная багрово-коричневой масляной краской. Ох, как давно не приходилось видеть таких примет! Собственно говоря, подобный интерьер ушел в прошлое лет пятьдесят назад и сохраняется разве что в провинции, где люди до сих пор прозябают в барачных общежитиях коридорного типа.

Как и полагается, в коридоре царил смутный полумрак, лишь отдельные предметы бросались в глаза ярко и отчетливо. Обшарпанный велосипед, висящий на вбитых под самым потолком штырях — весной его снимут, а место под потолком займут лыжи, которые сейчас небось стоят возле входной двери. Интерьерчик конца пятидесятых,

начала шестидесятых годов, а возможно, и более ранний. Сегодня такое только в кино встретишь... И, конечно, Игнату частенько приходилось бывать в подобных коммуналках. Ему еще и не в таких местах бывать приходилось.

Куда теперь? Пройтись по соседям или сразу во двор? А там — подвалы, чердаки, темные закоулки между гаражей, воняющие кислотной помойки... Все это не столь опасно, сколь противно. Хотя и опасно тоже.

Игнат резко обернулся, вскинул самострел... Никого. А на какое-то мгновение почудилось, будто по коридору несется серый комок — не то хищный обитатель подозрительно пустой квартиры, а быть может, этим комком кто-то пульнул из-за угла. И неважно, что минуту назад никакого угла не было, коридор кончился, словно обрезанный ножом. Минуту назад не было, а сейчас вполне может быть.

Коридор был пуст, только в торце, где прежде не удалось ничего рассмотреть, обозначились дверь и латунный выключатель на стене. В самых первых электрифицированных домах висели на стенах подобные механизмы. Гетинакс еще не был изобретен, и корпуса выключателей делали из латуни. Как ни странно, это был очень надежный механизм, хотя, казалось бы, всякого желающего включить свет он должен бить током. Интересно, ловушка или нет?

Подошел, концом самострела повернул выключатель. Разряда не было, механизм работал как новенький.

За дверью, как и следовало ожидать, оказался туалет, такой же древний, как и вся квартира, с бачком, вознесенным под самый потолок.

Игнат покачал головой. Ему не нравилась тщательная проработка деталей, фактура стен и дверей, велосипедный руль, обмотанный бечевкой, четко означенный колер пола. Куда как проще было, если бы вокруг оказалась серая невнятица, обрывки сцен и разговоров вперемышку с чдовищами и гадами, лезущими неизвестно откуда. А тут видны потеки старой краски на стене, и пятно в виде тигриной головы, и даже слышен чуть заметный запах хлорки (не было в продаже во времена подобных квартир ни дезодорантов с цветочным запахом, ни даже хлорамина). Ай да хозяйюшка, этакий заповедник хранить!.. Киношники бы за такое двумя руками ухватились, если бы здесь можно было безопасно снимать.

А сортир всего подробнее проработан — дедушка Фрейд был бы доволен. Фиксация на анальной стадии... Эх, если бы все оказалось так просто, как полагал дедушка Фрейд!

Вокруг что-то ощутимо изменилось. Не возникло ни шороха, ни подозрительного сквознячка, вообще ничего, но Игнат ясно понял, что события начались, и оно, скорей всего, уже здесь. Теперь главное — не вспугнуть и не спровоцировать нападение. Хороший боец не тот, кто первым стреляет, а кто побеждает без пальбы.

Медленно, словно нехотя, Игнат повернулся. Сзади стоял мальчик. Белобрысый парнишка, стриженный под челочку. Сейчас такой прически никто и не помнит: вся башка оболванена под машинку, лишь надо лбом оставлен короткий чубчик. И одет мальчишка по моде пятидесятых: рубашка в полоску, широкие штаны чуть ниже колена, держатся на помочах... на ногах — сандалики и гольфы. А ведь верно, носили гольфы в ту далекую эпоху! И загадка была: «У мальчиков и у девочек наблюдается, на «г» начинается». Ответ: «гольфы». Дедушка Фрейд был бы доволен.

— Здравствуй, — сказал Игнат.

— Здравствуйте, — отозвался мальчишка.

— Тебя как зовут?

Обычно с такого рода явлениями можно разговаривать до бесконечности, задавая стандартные, ничего не значащие вопросы и получая столь же содержательные ответы, из которых тем не менее можно вычленил полезную информацию. Впрочем, расслабляться во время разговора не стоит: нечаянно заденешь болевую точку, и реакция окажется столь неадекватной, что только голову пригибай. Но на этот раз ответа не последовало, мальчишка бочком протиснулся мимо Игната и притворил за собой дверь уборной.

Тоже стандартный ход — дети очень быстро выясняют, что в туалет за ними никто не пойдет, и значит, там они в безопасности. Инстинкт этот сохраняется даже у взрослых; следователи знают, что, когда вооруженный маньяк врывается в квартиру, жертва ищет спасения, как правило, в туалете, хотя и понимает, что липкая защелка не задержит убийцу ни на секунду. Интересно, что сказал бы по этому поводу дедушка Фрейд?

Мальчишка, значит, не монстр, а фантом. Или это сама хозяйка? Тогда он влип основательно — если старушка идентифицирует себя с семилетним пацаном, то все реакции будут нестандартными, и дело, скорей всего, окажется безнадежно глухим.

Впрочем, сабля на полу была деревянной. Будь хозяйка мальчишкой, саблю сделала бы стальной.

А хорош бы он был, коли, не разобравшись, пальнул бы в ребенка! После такого можно сразу уходить с работы и оформлять инвалидность. Или вешаться, что не сильно отличается от пенсии по инвалидности.

Стоять возле запертой двери можно до бесконечности. Игнат пожал плечами и двинулся назад по коридору. Пройдя несколько шагов, остановился.

А вот тут прокол... мальчишка одет по-летнему: сандалии, короткие штаны, а велосипед висит на стене, хотя что ему там делать летом? Игнат оглядел стену: велосипеда не было, на вбитых штырях умещались две пары лыж. Вот так, теперь все правильно... А хозяйшка где-то поблизости, мелькнула придушенная мысль, корректирует окружающее по мере выявления несостыковок. Очень плохо... лучше бы она была полностью беспомощна и воспринимала меня как спасителя. А то ведь незваный гость хуже родного монстра.

Двери городской квартиры выходили не на лестницу, а сразу во двор: наполовину городской, наполовину деревенский, нечто вроде того, что изображен на картине Поленова. Это хорошо, а то лестничные площадки — всегда самое скверное место, именно там тебя могут взять в оборот. Но, с другой стороны, лучше бы уже начались какие ни на есть события, а то хожу почти десять минут, а про окружающее так ничего и не выяснил, кроме самоочевидной вещи, что детство хозяйки приходилось на середину пятидесятых. И еще... солнце, яркие краски, ни намека на угрозу. Может быть, ошибка? Ну как это благолепие может держать в страхе несколько тысяч человек? Злые миры тоже бывают солнечными, но опытный взгляд не обманешь, свет там всегда внешний, сквозь разливы золотистых лучей непременно проступает изнаночная чернильная тьма. Если уж взялся за живописные сравнения, то можно вспомнить картину Куинджи «Березовая роща». Белые стволы, солнце, воздух, напоенный светом, — и чернота, проступающая сквозь этот свет. Говорят, прежде картина такой не была, просто художник пользовался битумными красками, которые темнеют со временем. Вот и этому миру, законсервированному на полвека, пора бы темнеть, наливаясь незримой угрозой, а он сияет себе, как ни в чем не бывало.

Посреди двора — песочница, сколоченная из крашенных досок. На краешке сидит мальчишка, тот самый, которого Игнат оставил в туалете. Не по возрасту парню куличи лепить... впрочем, он и не играет, просто сидит на краю песочницы. В руках — деревянная сабля. А куличиков — полная песочница, кто только налепил... Не иначе дедушка Фрейд.

— Здравствуй, — сказал Игнат.

— Здравствуйте, — отозвался мальчишка, в точности как в первый раз.

— Тебя как зовут?

Игнат ждал, что ответа не будет, однако мальчик, не подняв взгляда, ответил:

— Шурка.

Любопытно... Шурка — имя равно мужское и женское. Как же зовут хозяйку?... Но не Шурка, это точно. Лидой ее зовут! Лидия Андреевна.

— А Лидия где?

Мальчишка посмотрел пристально и ничего не ответил.

Игнат осторожно, стараясь не поломать аккуратные кучки куличиков, присел на край песочницы.

— Ты почему, не пообедав, гулять убежал? Суп остынет.

Молчание.

Игнат покосил глазом. Мальчишки не было. Только деревянная сабля торчит посреди песочной кучи. Самый большой кулич развален надвое.

Черт, и где же здесь опасность? Похоже, что самая большая беда на этом дворе — появление Игната Шомняка с его самострелом. Но ведь не может быть, чтобы он ошибся; темная жуть гнездится именно здесь, посреди солнечного полудня.

Игнат придирчиво осмотрел двор. Где тут может скраться опасность? Дом, из которого он вышел — городской, до второго этажа облицован серыми осколками гранита, а выше — обычная старая штукатурка. Единственная парадная — там он только что был и не видел ничего нехорошего. Может быть, проблема возвращения? Выбежала Лида из светлой безопасной комнаты на солнечную улицу, в поленовский дворик, а назад хода нет, объявилась темная лестница со всеми прелестями, что водятся в таких местах... Но тогда что-то должно гнать домой, а вокруг ни малейшего признака беды. Впрочем, от поленовского дворика осталась только трава и дорожка, ведущая к двухэтажным дровяным сараям.

Как там в анекдоте? «Явный псих!» — «Но какая память!» Тем, кому меньше пятидесяти, подобных штучек не представить, а в первой половине двадцатого века дровяные сараи в центре большого города были самым обычным делом. Многоэтажный дом, полсотни коммунальных квартир, в каждой живет от четырех до шести семей. Отопление печное, газ то ли проведен, то ли еще нет. Скорей всего — нет. А это значит, на кухне кроме огромной дровяной плиты еще и несколько керогазов, керосинок или шумящих медных примусов.

Людам портит аппетит гарь от керосина. Если примус твой коптит, значит, ты скотина!

Поэт хорошо знал, о чем пишет. А вот Игнат, пожалуй, зря не заглянул на кухню, прежде чем выходить на улицу. Не исключено, что улица олицетворяет свободу, место, где тебя никто не догонит, а ужас как раз обитает на кухне.

Хорошо, когда квартира дружная. Тогда перед праздниками топится плита, на которой варится студень, а в огромной духовке пекутся пироги разом на всех соседей. А если это не квартира, а недоброй памяти Воронья Слободка? Тогда каждый ковыряется на своей керосинке, а с печами положение и вовсе безвыходное. Три круглых голландки на шесть комнат и коридор. Печь топится со стороны одной из комнат, а обогревает еще и соседнюю комнату и кусочек коридора. Кто ее должен топить и как часто? Проблема... Но главное, где хранить дрова и керосин? На чердаке сушится белье, в сыром подвале дрова хранить не станешь, да и места там не хватит. Значит, нужен сарай, а вернее, полсотни сараев, которые надо разместить во дворе.

Сараи в два яруса лепятся вдоль глухой стены и вдоль дощатого забора, отгораживающего дом от переулка. В каждом сарае шесть полениц колотых дров, шесть бидонов с керосином, еще какой-то скарб. Ох и раздолье для склок и выяснения отношений! Кто у кого керосина отлил, кто спер у соседа полено?.. А уж с точки зрения пожарной безопасности... удивительно, что город так редко горел. Хотя люди понимали, где живут, и даже местные гопники собирались тайком покурить где угодно, но не в закоулках возле сараев.

Сидеть на краю песочницы можно было долго и при этом не дожидаться ничего. Ясно, что его высчитали, видят, опасаются и просто так, нахрапом, не полезут. Самый неприятный вариант, если беда разумна. С нерассуждающим монстром, который бросается при первой же возможности, гораздо проще. Или он тебя схарчит, или ты выпустишь ему кишки. А тут — нечто разумное, значит, стрелять, не взглянув ему в лицо, никоим образом нельзя. Может быть, оно гробит людей, просто оттого что ему никто не догадался помочь... не людей гробить, конечно, а просто помочь, по-человечески.

Игнат поднялся и направился туда, где сараи, выстроенные вдоль забора, почти смыкались с сараями вдоль брандмауэра. Проехать в эту щель могла разве что инвалидная машинка, на какой в фильме Гайдая раскатывали Вицин, Никулин и Моргунов. Грузовик, на котором привозили дрова, втиснуться туда не мог, так что дрова выгружали посреди двора, а потом перетаскивали в сараи на руках.

На дворе — трава, на траве — дрова...

В дальнем закоулке стоял Шурка и, приспустив штаны, писал на стенку сарая.

— Другого места не нашел? — спросил Игнат.

Понимал, что не стоит этого говорить, но патовую ситуацию нужно было обострять, и Игнат рискнул.

Мальчишка странно изогнулся, оборотился, открыв рот, тихонько взвизгнул и бросился под ноги Игнату, собираясь проскочить низом. Из спущенных штанов мечтой Буратино упруго торчала деревянная, дурно выстроганная сабля.

Можно было не загадывать, что случится, когда самодельный клинок ткнется Игнату в живот или ноги. Деревянные сабли ранят страшнее стальных и уж, во всяком случае, занозистей. Рука сама нажала на спуск самострела.

Недаром говорится: «Мастерство за плечами не носят, а оно всегда при себе», — он и сейчас выстрелил не в мальчишку, а в деревьяху, что угрожала его жизни. Тонкая серебряная стрелка расщепила сосновую древесину, что-то хрустнуло, мальчик слабо замычал, опрокинулся на бок.

Пошатнувшись, Игнат схватился рукой за стену сарая, наклонился, уже понимая, что убил ребенка. Мальчик лежал, выбросив одну руку вперед, он как бы незаметно подползал к Игнату, и вытянутая рука его была неестественно, страшно длинна. Хотя, возможно, так просто казалось, оттого что ног у Шурки не было. Короткие, обычно не достающие до колен штанины пусто обвисали, пластаясь по земле. Рядом валялись какие-то щепки, стружки... их становилось все больше, казалось, сейчас стружечная пена полностью поглотит лежащее тело.

В далекие пятидесятые, когда еще не были изобретены ячеистые клетки из макулатурного картона, яйца в магазины привозили в ящиках, наполненных сосновой стружкой. Эту стружку потом жгли на задних дворах продуктовых магазинов, местные мальчишки разгребали прутиками золу, выскивая печеные яйца, которые были гораздо вкуснее сваренных матерью. Порой ненужную стружку отдавали людям на растопку или для набивки матрацев. Так что здесь все в русле времени, ничего удивительного, что возле сарая лежат покуда не прибранные стружки, и когда они скроют мертвое тело, оно обратится там в случайно забытое яйцо, из которого вылупится безногий ужас.

Игнат ухватил Шурку под мышки, потащил в сторону от множасьихся стружек, прочь из узкого грязного прохода, на солнечный двор. На дворе — трава, там все должно быть кенно...

«...правильно...» — одернул себя Игнат.

«Кенно, — возразило помраченное подсознание, — или нарно».

«Как же это она меня так уела? Откуда знает?»

Мальчишка открыл мертвые глаза и внятно произнес:

— Катись колбаской по Малой Спасской!

Игнат покачнулся, упал, больно ударившись головой, и впрямь откатился немного, причем не кубарем, а именно колбасой, как и приказал безногий мертвец. Провода натянулись, электроды соскользнули с висков, так что программа аварийного возвращения немедленно вышвырнула Игната в затененную комнату лаборатории.

С полминуты Игнат царапал ногтями пол, будучи не в силах не только подняться, но и вообще сделать хоть что-нибудь. По счастью, на контроле ничего не заметили, никто не прибежал помогать. Трудно сказать, что Игнат ненавидел больше: состояние полной беспомощности в первые минуты по возвращении или услужливую готовность дежурной смены помочь. Ведь того и гляди на руках понесут. А некоторым нравится, когда с ними вот так возятся. Зиновий, говорят, по возвращении долго лежит в прострации, а дежурная смена бежит, только что горшок ночной не приносят... Хотя на то он и Зиновий, наша гордость и маяк.

Удивительно другое: Игнат, Зиновий — имена редкие, и подобные в их профессии почти у всех. Нет, встречаются, конечно, и Александры с Николаями, но тогда фамилия у коллеги окажется такая, что не сразу выговоришь: Зацепиани или Соловей-Залетный. Шомняк, впрочем, тоже звучит как надо. Один Алешка Иванов — простец, но это исключение, которое подтверждает правило.

Игнат размышлял, лежа на полу, прижавшись щекой к холодному линолеуму. Потом собрался, подтянулся на руках и втащил себя на топчан. Надо бы встать, выйти к дежурной смене, но сегодня, похоже, это не получится, так что пусть укол глюкозы делают здесь.

Нажал кнопку вызова, закрыл глаза. Чувствовал, как ему закатывают рукав, колют глюкозу. Доктор — по прикосновениям ясно, что на смене Рина Иосифовна — быстро нащупала пульс, коснулась лба тыльной стороной ладони, проверяя, нет ли жара. Хотя откуда взяться жару? А пульс в таких случаях всегда за сотню.

— Все в порядке?

— Думаю, — ответил Игнат, не открывая глаз.

Думать — это тоже часть работы. Он туда не за приключениями ходил, и если сейчас не проанализировать увиденное, то весь поход пойдет прахом.

Что в конечном счете произошло? Фиаско он потерпел полнейшее, сама Лидия Андреевна так и не появилась, но инициатива все время была в ее руках. Причем ударила она лишь однажды, но чуть не насмерть. Вероятно, так же она действует и с остальными людьми,

неподготовленными. Он искал надвигающуюся угрозу, копящийся страх, а их попросту не было. Был свет, радость, ностальгия далекого детства... а потом один внезапный удар, способный убить или свести с ума.

Хороша старушка, ничего не скажешь. И все-таки как она это делает? Ясно, что делает неосознанно, характер у бабушки параноидальный, но сознательно мучить незнакомых людей она не станет.

Отправной точкой была комната, очень похожая на ту, в которой он побывал во время ознакомительного визита. Теперь ищем разницу... Понятно, что в настоящей комнате не было сабли. Впрочем, саблю даже расшифровывать не надо, обычный фаллический символ. А уж в последней сцене, когда она у Шурки из штанов торчала... кстати, именно тогда мальчишка стал агрессивен. Какую роль сыграл этот Шурка в юные годы Лидии Андреевны? Может быть, затащил малолетку в проход между сараями и надругался над ней. А мы теперь разбираем последствия.

Нет, это было бы слишком просто, и главное, сюжет развивался бы не так. В поддержку этой гипотезы говорит только разрубленный саблей песчаный кулич. Мальчишка не стал бы запирается в туалете, не избегал бы разговоров, а хитро зазывал бы Игната туда, где можно пустить в ход саблю. Но главное, откуда хозяйка знает, как именно можно расправиться с пришельцем, причем самым жестоким и эффективным способом? Можно подумать, что это не ее кошмар, а мой.

Игнат сосредоточился и вызвал в памяти виденную лишь однажды комнату. Подобной техникой владели немногие, называлась она «ментальной галлюцинацией». Игнат снова ссутулившись стоял посреди комнаты и мог внимательнейшим образом разглядывать вещи, на которые в реальности не обращал внимания. И все-таки они были замечены, отложились в памяти, и теперь их можно перевести в разряд осознанного.

Картинка на стене не новомодный постер, а раскрашенная фотолитография. «Маленькая кошечка охотно играет с мальчиком», — апофеоз пошлости, современные коллекционеры за такое бешеные деньги платят. Литографированный мальчик лет трех даже отдаленно не напоминает Шурку. Котов во дворе и вовсе не замечалось, так что картинка безвредна, если не считать вопиющего дурновкусия.

Тарелки с супом на столе нет, да и какой может быть суп, когда хозяйка собирается ложиться в больницу? Ох как неохота было Лидии Андреевне ложиться в стационар, пусть даже для рядового обследования! Рина Иосифовна еле уболтала подозрительную старуху. Обещала

после обследования вторую степень инвалидности, а это льготы и прибавка к пенсии. Вот и думай: в больницу неохота, а на инвалидность — так очень даже.

И все-таки супом в комнате пахнет, тем самым, фрикадельковым. Пообедала хозяйка еще до приезда врачей, посуду помыла и поставила в буфет. Но запах остался, и, значит, появление тарелки с супом объясняется, по Фрейду, как небывалая комбинация привычных впечатлений. В кошмаре непременно должно быть что-то из впечатлений минувшего дня. К сожалению, впечатления — старушкины, а кошмар — родной, Игнатов. И у каждого из пострадавших кошмар тоже родной, а Лидия Андреевна как бы и вовсе ни при чем.

На столе лежит книга, вместо закладки торчит кончик рекламного объявления. Игнат прищурился, прочел название на коленкоревой обложке. Все-таки хорошо, что одинокие старушки предпочитают перечитывать классику. Оказалось бы на столе что-то глянцевое — и гадай, имеет ли оно отношение к последним событиям. А так, вызвал в памяти давно прочитанный текст и все понял. Ай да бабка! Значит, это не герой романа мальчика убил, а злобный Игнат Шомняк... ловко придумано, дедушка Фрейд был бы доволен. Неужто на совести Лидии Андреевны кровь неведомого Шурки? Нет, вряд ли... маленькие девочки редко убивают мальчишек. И потом... как там в подлиннике: «Мальчик лежал, выбросив одну руку вперед, другую придавив коленом, одна нога его казалась немного короче другой...» — тут явно творческая переработка, чтобы побольнее ущутить незваного гостя.

— Дело ясное, что дело темное, — произнес вслух Игнат и, стряхнув остатки сосредоточенности, встал. Его еще покачивало слегка, но в целом состояние было нормальным.

Теперь предстояло наводить справки, в первую очередь, кто такой Шурка и какую роль он сыграл больше полувека назад в жизни нынешней старушки Лидии Андреевны.

Легко сказать — наводить справки, а закон о неприкосновенности личной жизни куда девать? И без того вся контора работает полужурнально. Это ж подумать страшно — соваться не просто в личную жизнь, а в подсознательное, куда и сам человек не осмеливается заглянуть. По закону подобные эксперименты можно осуществлять только с согласия пациента. А Лидия Андреевна никаких разрешений не давала и давать не собирается. Она со своими кошмарами сжилась, а что полгорода из-за нее пребывает в глубокой депрессии — вещь практически недоказуемая, особенно для самой виновницы. И чуть

выползет история за пределы лаборатории, как немедленно объявится какой-нибудь правозащитник и громогласно заявит:

— По какому праву вы лезете во внутренний мир пожилой женщины? Нарушение закона налицо, а оснований для вмешательства никаких! Статистика самоубийств по району?.. Частота обращений к психиатрам?.. Количество несчастных случаев? Но при чем здесь Лидия Андреевна? Вот и засуньте свою статистику сами знаете куда. За подходящую цену мы вам еще и не такую статистику сварганим.

В результате получается, что работающие в центре не то благодетели рода человеческого, не то убийцы в белых халатах. Во всяком случае, со времени последнего прокола всякая деятельность центра была прекращена прокуратурой, и то, чем занимался только что Игнат Шомняк, иначе как преступлением против личности назвать нельзя. Причем преступление совершается с особым цинизмом, под самым носом у работающих следователей.

За день своим людям не удалось выяснить ничего. В таких случаях обычно клиента оставляли на несколько дней в покое, но Игнат понимал, что еще раз заполучить Лидию Андреевну в больницу вряд ли удастся, да и неизвестно, что с ними будет завтра — может быть, всех арестуют. Поэтому он решил ближайшей ночью повторить вылазку, а там — хоть трава на дворе не расти.

* * *

Комната большая, светлая — это понятно, теперь так всегда будет. Люди незнающие, слышавшие что-то, но не понявшие ничего, полагают, что такие, как Игнат, шастают по чужим снам. Оно, конечно, случается, что разные сны начинаются с одного зачина, а потом расходятся, словно тропинки от камня с надписью: «Направо пойдешь...» — но очень немногие видят такие сны и даже помнят, что уже бывали в этой ситуации, знают, какого коня потеряют, если пойдут направо. А при путешествии в подсознание отправная, базисная точка встречается непременно. Конечно, меняться будет и эта комната, символ устойчивости переменчивого мира, но меняется она медленно, за годы. У дедушки Фрейда о таком ни слова нет: то ли не знал, то ли ему неинтересно было.

А вот мелочи в комнате меняются непременно. Тарелки с супом нет, книги тоже... хотя книга была в реальности, а здесь засветилась жутковатой инсценировкой. На столе лежит неровно отрезанная скибка хлеба и большой пыльный огурец. Дедушка Фрейд немедленно сделал бы вывод и на этот раз ошибся бы; как там, в анекдоте... бывает ведь и просто сон. Хлеб и огурец имеют двоякий, но совершенно

не сексуальный смысл: прежде всего, они означают, что Лидия Андреевна дочитала-таки книгу, а во-вторых, ей, искусной поварихе, решительно не понравился больничный обед. И это правильно, нравиться больничный обед не может по определению.

А вот и фаллический символ: на том месте, где валялась увиденная в первый раз сабля, лежит игрушечная жестяная дудка. Ох, как давно отечественная промышленность выпускала подобные игрушки, теперь такое только на картинках Пахомова увидеть можно!

Левой-правой! Левой-правой! На парад идет отряд!

Значит, не удалось взять чужака саблей, и Лидия Андреевна перевооружается. Очень мило, посмотрим, чего можно ждать от дудки. Поднять, что ли, трубу и задудеть? Нет, в комнате нельзя, в базисной точке вообще не следует совершать необдуманных действий. Ты на шумишь не подумавши, а старушка умом тронется. Страшное дело, если в центре мира, где все должно быть неизменно и безопасно, прозвучит жестяной сигнал тревоги. Реакция в таких случаях непредсказуема. Чужая душа — потемки, даже если в ней царит солнечный день.

Игнат вышел в коридор... нет, прямо во двор. И это был сразу городской двор, безо всякой зеленоющей травки. Хотя солнышко блестит, без этого Лидия Андреевна, видимо, не умеет. И тесный проход между сараями на месте, приглашает зайти. Просто и навязчиво: в коридоре тебе делать нечего, на лестницу, где, несомненно, обитают мелкие страхи, даже в прошлый раз не пустили, а сюда — милости просим.

На земле, перед самым проходом свалена куча дров, причем не поленьев, а старых шпал. Их еще пилить предстоит и колоть. Не позавидуешь тому, кто, позарившись на дешевизну, купил списанные шпалы. Намучается он с ними и пилу заездит вусмерть. Зато горит пропитанная креозотом древесина жарко и дымно.

На одной из шпал, не глядя в сторону Игната, сидит Шурка. Ноги на месте, нормальные мальчишеские ноги, на правой коленке царапина. В руках у Шурки, конечно же, жестяная дудка. Что и требовалось доказать.

Сейчас от Игната ждут, что он заговорит с парнем, например, делает замечание: сидеть на плахе не следует, штаны будут испорчены, смоляное пятно никакая стирка не возьмет. Не исключен и другой вариант, что Игнат сразу зайдет в промежуток между сараями и окажется в ловушке. Вряд ли удастся выйти назад через шпалы, как бы деревянные плахи не стали плахой в ином смысле слова.

На дворе — дрова, на дровах — братва, у братвы — трава... Нет, у братвы — труба. Ему, Игнату, труба.

А вот мы сейчас сделаем иначе и подыгрывать бабушке не станем. Не я за тобой буду бегать, а ты за мной побегай!

Игнат развернулся и, пройдя через подворотню, вышел на улицу.

Обычная улочка старого Петербурга, они и сейчас почти не изменились. Даже район угадывается: Петроградская сторона. Если напечатать это название на компьютере, то глупый «Ворд» не поймет написанного и предложит замену: «Ретроградская сторона». И, между прочим, будет прав.

У стены сидит нищий — безногий калека. Игнат внутренне напрягся: «Начинаются дни золотые...»

Обычный, неприметный дядька... Серое, давно не бритое лицо, в которое навеки впечаталось покорное безразличие. Обрубок тела усажен на тележке, махонькой, только поместиться. Вместо колесиков — четыре подшипника, вынесенных с завода. Рядом ручками вверх стоят подбитые резиной калабахи, с их помощью инвалид передвигается: отталкивается от мостовой и едет, куда сила в руках есть. Но сейчас он просто ждет, когда мимо пройдет сердобольный прохожий. Перед ним на тротуаре — мятая алюминиевая миска, должно быть, в нее прохожие кидают копейки. А ведь, судя по эпохе, ноги он потерял на войне. Это в наше недоброе время любой пропойца, по пьянке ставший инвалидом, облачается в камуфлю и корчит из себя раненого афганца, но в пятидесятых, попробуй искалеченный солдат выползти за милостью не то что при медалях, но просто в старой гимнастерке, мигом заметут в участок, а следом в специнтернат, ничем, по сути, от тюрьмы не отличающийся. И не посмотрят, что был ты героем, а стал калекой. Изувеченный воин не должен смущать граждан победившей страны.

Игнат шел, стараясь не глядеть. Руку в карман не сунул, и без того ясно, что там пусто, и подать милостыню давно умершему, живущему лишь в памяти Лидии Андреевны инвалиду не удастся.

Проходя мимо, покосил глазом. В миске у нищего вместо копеек лежали вареные макароны. В последнее время такие снова появились в продаже: толстые, серые... Но прежние макароны еще и разваривались, а остыв, слипались в неопрятный клейстерный комок. Клейстерный или клистирный?.. Тьфу, пропасть, опять все не просто так, все с подтекстом самого неаппетитного свойства.

Нищий ел, отлавливая толстыми невымытыми пальцами по одной макаронине.

Мимо Игната протиснулся невесть откуда объявившийся Шурка, приспустил штаны и принялся писать прямо в миску, на макароны.

Нищий ел.

подавив рвотный позыв, Игнат быстро пошел прочь. Шагов через пять оглянулся. Шурка продолжал свое занятие. Жестяная дудка была зажата под мышкой.

— Ничего личного, — пробормотал Игнат.

В самом деле, происходящее, скорей всего, не направлено против пришельца. Скажем, Лидочка в детстве страдала ноктоэнурезом. Не опасная, но стыдная для пятилетнего ребенка болезнь. Не было среди маленьких детей большего оскорбления, чем сказать другому, что он ночами рыбу в постели ловит. А дальше абсолютно по Фрейду происходит перенос: вовсе и не я писаю, где попало, а Шурка. Знать бы еще, кто таков этот Шурка, совсем хорошо было бы.

Хуже всего, если никакого Шурки в природе не существовало, а просто Лидия Андреевна — компенсированная трансвеститка. В таком случае Шурка — это она и есть... Впрочем, трансвестит бы непременно обустроил свой быт по-мужски, а комнаты, что реальная, что отправная точка подсознания, явно носят следы женской руки. Занавесочки, шкатулочки, картиночки... маленькая кошечка охотно играет с мальчиком. Так что этот вариант можно отбросить.

Оставив позади безногого нищего, Игнат свернул за угол и очутился на шумной улице.

Удивительная вещь — шумная улица! Подобное образование можно встретить в сознании почти любого человека, хотя иногда это не улица, а, скажем, шумная комната. Ее глубинный смысл — одиночество в толпе и взаимное непонимание. Идешь по дороге или сидишь на диване, кругом куча народу, но никого не видно, сфокусировать взгляд на окружающих не удается. Звучат голоса, крики, смех, плач, но ничто не касается сознания, все проходит мимо, все на уровне белого шума. Лишь иногда какой-либо образ впечатывается в память, и потом человек сам не может понять, откуда вылезли неопознаваемые, но отчаянно знакомые запахи, незнакомое, но родное лицо, безумные, но непременно многозначительные слова:

Ходил монах, стремясь от мира непосеидицы, Скрывался он в глуши на дальних берегах, Хранил монах, хранил червонные медведицы, Златых медведей где-то там хранил монах.

Зачем тебе это, если ты не поэт, и откуда эта бредятина выползла? А она именно оттуда, с шумной улицы.

Никто из коллег Игната в таких местах бывать не любил. Беспокойства много, а толку — чуть. Но иногда и там можно подслушать или подглядеть нечто важное. В практике Игната один подобный случай был.

Молодой человек, с которым работал Игнат, не был индуктором,

не проецировал свои страхи на окружающих. В таких случаях помощь осуществляется только по личной просьбе, но молодой человек и помощи не просил. Он с некоторой гордостью позволил заглянуть в свой внутренний мир, заранее ожидая посрамления психокорректора. Игнат не стал его разочаровывать, молодой человек и сейчас верит, что всех посрамил. Вообще-то пациент представлял собой редкий тип — глубоко верующего человека. Как и полагается христианину, был он дуалистом, ставящим дьявола если не на одну ступеньку с Богом, то лишь немногим ниже. Везде и всюду видел он происки дьявола, а в подсознании страдальца нечистый царил бесконтрольно, прямо хоть экзорцистов вызывай. В борьбе с внутренним бесом юный подвижник проводил едва ли не все свое время и видел в том смысл жизни. Игнату он дозволил вмешаться лишь для того, чтобы лишний раз убедиться, что молитва ему помогает, а психокоррекция — нет.

Дьявол, царивший в душе христианина, вид имел почти канонический: двухметровое монстрило, состоящее из смоляных потеков черного вара. Монстр оказался напрочь неуязвимым, он срстался даже будучи разорванным на куски или сожженным в пламени пожара. Игнат проклял создателей «Терминатора-2», с которого явно было срисовано смолистое чудовище. Оно неторопливо гоняло Игната по всем закоулкам бессознательного, никакие ухищрения не могли сбить его со следа.

Тем более не действовал против дьявола самострел с серебряными иглами; любой поп подтвердит, что подобные вещи проходят по части бесовщины, и толку от них ноль. Истиной в данном случае является то, что если имеешь дело с верующим человеком, нужно действовать верой.

В отчаянии Игнат попытался закрестить нечистую силу, но и тут не преуспел. Зато впервые овеществленный комплекс вступил с ним к контакт. Прямо под черепом неслышно для окружающих зазвучал насмешливый голос: «Не старайся, все равно не поможет. Я же знаю, что ты безбожник».

Игнат бежал по шумной улице, дьявол шагал следом. Если свернуть за угол, противник немедленно выходил из-за этого же угла, сокращая отрыв, так что Игнат предпочитал уходить по прямой, наблюдая за черной фигурой, рассекавшей толпу. Будь это собственный бред Игната, можно было бы пойти навстречу опасности и погибнуть в борьбе. Именно таким образом удастся избавиться от застарелого комплекса. Увы, дьявол был порождением чужих страхов, поэтому прямое столкновение не даст ничего. Сработает систе-

ма аварийного возвращения, и Игната попросту выкинет из чужого подсознания.

Улица была полна пешеходов. Они проходили мимо дьявола, ничего не замечая, не делая даже попытки посторониться. Дьявол тоже не обращал внимания на людей; удивительно, как при таком скоплении народа они умудрялись избегать столкновений.

И тут произошло нечто, заставившее Игната замереть. В безликой толпе образовалась пара, обладающая индивидуальностью. Мама и дочка, девочка лет трех. Точнее, в глаза бросалась только девчушка, мама шла подобно прочим сомнамбулическим фигурам, не видя посланца ада. А вот девочка... Игнат отчетливо почувствовал, как напряглась малышка, разглядывая идущего навстречу монстра. А когда они поравнялись, девочка протянула руку и пальчиком коснулась черной смолы.

Ух, как исказились смоляные потеки, заменявшие дьяволу лицо! Но он не выдал себя ни единым движением, лишь проводил уходящих долгим запоминающим взглядом. Бес не посмел тронуть ребенка, который держится за руку матери, и отложил свою месть на потом.

Этого было довольно, чтобы Игнат нашел выход из ситуации, казавшейся неразрешимой. Он сходил в церковь, которую посещал пациент, заплатил священнику и попросил подарить усердному прихожанину образ Богородицы, чтобы тот мог молиться пресвятой деве о ниспослании душевного покоя. Игнат уже не помнил всего, что наплел доброму пастырю, но тот просьбу выполнил, и в душе молодого человека установился мир. Когда Игнат в последний раз заглянул в подсознание пациенту, он обнаружил, что тот ни на секунду не выпускает ладонь женщины, в которой воедино слились Богородица и воспоминание о родной матери. А в особо критических ситуациях он попросту лежал на руках, прикинув к кормящей груди.

Кому-то подобная картина может показаться нелепой, но, честное слово, она куда менее кощунственна, нежели выражение: «Возлежать на лоне Христовом».

— Вот видишь, — сказал на прощание молодой человек. — Ты не помог, а молитва помогла.

— Неважно, что именно помогло, главное, что помогло, — ответил Игнат.

Ничего больше говорить он не стал, зачем огорчать великовозрастного младенца?

Теперь, оказавшись на шумной улице, рожденной полузабытыми воспоминаниями Лидии Андреевны, Игнат шел, высматривая среди теней нечто живое. И, конечно же, упустил, не заметил вовремя.

В какую-то минуту он сошел с тротуара, или тот сам выскользнул из-под ног, так что Игнат очутился на мостовой. И тут же грянул сигнал дурацкой жестяной дудки. Прямо на Игната мчал дребезжащий трамвай. За стеклом смутным пятном белело лицо вагоновожато-го.

Игнат попятился, но, споткнувшись о поребрик, упал, отчетливо понимая, что ноги остались на мостовой, как раз там, куда накатывал сошедший с ума и рельсов трамвай. Старые трамваи не умели гудеть, они дребезжали пронзительным электрическим звонком, так похожим на школьный, но этот гудел по-автомобильному, словно кто-то нажимал на грушу, прикрученную к жестяной трубе: «Би-бип!.. Би-бип!..»

«Труба архангела...» — успел подумать Игнат.

Он не помнил, сам включил срочное возвращение или его вышвырнуло, как в прошлый раз. Очнулся уже в лаборатории. Линолеум охлаждал щеку, тело не желало слушаться. Игнат лежал, чувствуя, как неохотно отпускает его леденящий ужас. В памяти раз за разом возникала наезжающая громада трамвая, пятно лица за лобовым стеклом, цифра шесть в обрамлении сапфировых огней.

Каждый маршрут ленинградского трамвая отмечался своей комбинацией разноцветных сигналов. Двадцать шестой — красный и оранжевый, сороковой — два зеленых огня, а шестерка — два синих. Даже в этой малости чужая память не соврала.

Крутая бабушка, однако. Еще раз его так шандарахнет, и он, пожалуй, больше не осмелится заглянуть в чужую душу. Но откуда она знает, чем надо бить незваного гостя? Неужто тоже смотрит в глубь подсознания, выискивая погребенные страхи? А потом бьет точно и безжалостно. Этак и помереть можно... не старушке, конечно, а Игнату Шомняку.

Шел трамвай четвертый номер, На площадке кто-то помер, Не доехал до конца. Ламца-дрица гоп ца-ца!

В Петрограде в годы нэпа, когда еще и Лидии Андреевны на свете не было, существовало всего четыре трамвайных маршрута. Самый длинный был четвертый. Четверка ходила от острова Голодай до речки Волковки, или, как утверждали остряки: «...по Голодаю, поголодаю и на Волково кладбище!» Об этом маршруте и сложена песенка, пережившая четыре поколения пассажиров.

Интересно, какие огни были у четвертого номера?

Добрейшей Рины Иосифовны, проводившей ночь на сестринском посту, сегодня нет, в отделении дежурит Леночка, а значит, и она, и сестры спят, каждая в своем закутке. На помощь можно и не звать.

Отлежавшись, Игнат с трудом поднялся, отключил приборы и, держась за стенку, поплелся на пост за глюкозой. Сами себе в вену колют только наркоманы, так что сестер все равно придется будить. Никто не ждет, что его вторую ночь кряду вышибет из чужого подсознания в три часа ночи.

За дверью его встретил неожиданно яркий свет и милиционер, сидящий рядом с дежурной сестрой. Совершенно нелепая пара: менту явно хотелось полюбезничать с миленькой сестричкой, тем более, что среди мужиков ходят слюнооточивые рассказы о сексуальной доступности ночных сиделок. Бедняга не знал, что Людочка относится к той разновидности сексапильных девочек, которые смысл жизни видят в том, чтобы поломать кайф распаленному самцу. Они с большой охотой занимаются рискованным флиртом, но умудряются ускользнуть от жадных объятий в ту секунду, когда, казалось бы, постели не миновать. Так что и Людочка была не прочь поиграть в турусы на колесах, но оба сейчас находились при исполнении, причем по разные стороны баррикады.

— Людочка, — сказал Игнат. — Мне бы глюкозы. Инъекцию делать пора.

Последнее он добавил специально для бдительного стража, мол, никакого ЧП не произошло, во всех делах привычная рутина. Однако обмануть милицейского сержанта не удалось.

— Нуте-ка, что у вас там?.. — потребовал он, увидав, что на свет появились ампулы и одноразовый шприц.

— Глюкоза, — простодушно объяснила Людочка, демонстрируя коробку.

— Ага, можно подумать, я не знаю, какую именно наркоту глюкозой зовут! Давайте-ка к начальству. И вы тоже, — повернулся он к Игнату.

В кабинете дежурного врача сидели еще двое милиционеров и непремный в таких случаях человек в штатском. Милиция расположилась на диване, штатский за письменным столом, а Леночка — Елена Михайловна — на стуле посреди комнаты.

— Вот, — доложил конвоир, — задержал. Что-то она ему колоть собиралась.

— Елена Михайловна, — взмолился Игнат, нарочито не обращая внимания на посторонних, — глюкоза нужна, ноги не держат...

Леночка резко поднялась, усадила Игната на свое место, закатала рукав, не глядя, словно с полки, забрала лекарство из рук милиционера, сама сделала инъекцию.

— Люда, идите на пост.

— А вы останьтесь, — сказал штатский, глядя на Шомняка. Коробочку с ампулами он внимательно осмотрел и оставил лежать на столе.

— Тогда эти пусть встанут, — потребовал Игнат. — Мне прилечь надо.

Подчиняясь кивку штатского, милиционеры встали и заняли позицию у дверей.

— И кто вы здесь, пациент или сотрудник? — поинтересовался следователь.

— Санитар, — ответил Игнат, прикрыв глаза и откинувшись на кожаный валик.

— Любопытные у вас санитары, которым среди ночи требуются инъекции глюкозы, — очевидно, это было сказано дежурному врачу.

— А вы к нам пойдете работать? — задала контрвопрос Леночка. — Давайте, мы с удовольствием примем санитарями вас и всех ваших сотрудников. А пока вы еще не согласились, у нас будет работать Игнат Кузьмич, даже если по ночам ему придется колоть глюкозу.

— И где же вы, Игнат Кузьмич, прятались?

— Я не прятался, я спал. В лаборатории возле сестринского поста топчан есть, ну, я и прикемарил малость, пока тихо.

— Так прикемарил, что глюкоза понадобилась... Замечательно. Давайте посмотрим, что в вашей лаборатории творится.

— Туда без сотрудников нельзя, — быстро сказала Леночка. — Туда даже врачи не заходят.

— А он там спит. Замечательно!

— Я там лаборант на полставки, — пояснил Игнат, — поэтому у меня ключ есть. И потом, я ничего не трогаю, просто сплю.

— Мы тоже ничего трогать не будем. А опечатать вашу лабораторию нужно, чтобы там, не дай бог, еще кто-нибудь спать не улегся. Вы как, идти сможете или без вас опечатывать?

— Смогу.

Все пятеро прошли через отделение и остановились у дверей лаборатории. Дверь была не заперта и открылась, едва следователь потянул за ручку. Игнат включил свет.

Милиционеры в помещение не вошли, остановились в дверях, уважительно оглядывая забитое приборами помещение.

— Впечатляет, — признал следователь. — И чем вы тут занимаетесь?

— Будто сами не знаете, — буркнул Игнат. — Психокоррекцией.

— А вам известно, что несанкционированное проникновение в чужую психику запрещено?

— Так то несанкционированное. У нас все по закону.

— И как вы эту психокоррекцию осуществляете?

— Я откуда знаю? Мое дело — электроды налеплять.

— Красиво врешь, — заметил один из милиционеров. — Одного не учел, пострадавшие твой фоторобот нарисовали и на очной ставке тебя признают, можешь не сомневаться.

— Где это они меня могли видеть? — возмутился Игнат. — Во сне, что ли? Так ментальные образы со снами практически не коррелируют.

— Во как заговорил лаборант, — заметил следователь. — Профессору так говорить в пору. А пострадавшие тебя именно во сне видели.

Игнат добавил в голос злоумышленно-уголовных интонаций и хрипло произнес:

— На пушку берешь, начальник. Каждый лох знает, что, проникнув в подсознание, врач может принять там любой облик, хоть родной мамы, хоть огнедышащего дракона. И вообще, во сне меня видели, во сне и ловите.

— Поймаем, не беспокойтесь.

— А как же несанкционированное проникновение?

— А мы с санкции прокурора.

— Прокурор не может дать такого разрешения. А то вы влезете в чужую душу в милицейских сапогах и такого там наворотите, что после вас только под тяжелую психиатрию.

— А после тебя?

— Я в чужую душу не лезу. Мое дело — электроды налеплять.

— Это я уже слышал. И про изменение облика я знаю, хотя и не лох. А еще я знаю, что ваш брат старается пользоваться собственным обликом, но малость подкорректированным, покрасивше да посуперменистей. Опять же физические недостатки исчезают. Поэтому на психокоррекцию идут в основном люди убогие, которым не чужие недостатки исправлять, а со своими бы разобраться. В чужом сознании этот специалист прыгает, как кузнечик, а наяву без глюкозы ног не волочит. Я понятно излагаю?

— Ничего удивительного, — заметил Игнат, — подобное было всегда и, думаю, впредь будет так же. Классический пример — Сабина Шпильрейн: из пациенток доктора Юнга она прямоком попала в светила психоанализа.

— Понятно. Кто сам ничего не может, тот идет учить и лечить других. Возможно, так было всегда, но впредь так не будет. Закон как раз и охраняет нормальных людей от лечения такими, как вы.

— Послушайте, — сказал Игнат. — Вы меня, кажется, еще не арестовали и даже не предъявили никакого обвинения. Поэтому давайте

всю вашу ругань отложим на потом. А пока объясните, на каком основании вы сюда вторглись.

— Объясняться я буду с вашим начальством, а вам, как вы верно заметили, буду предъявлять обвинения.

— Прямо сейчас, в четвертом часу утра?

— Почему бы и нет? Вы не дома, а на работе. Простите за каламбур, у вас сейчас рабочая ночь. Опять же взяты с поличным, в лаборатории...

— Я здесь спал. Так что инкриминировать мне можно только нарушение правил внутреннего распорядка.

— Это вы на суде объяснять будете.

— Тогда отметьте в протоколе, — зло сказал Шомняк, — что в лаборатории меня никто не видал, поскольку ваш сотрудник не за коридором следил, а, пользуясь служебным положением, вел фривольные разговоры с дежурной медсестрой. И не забудьте отметить, что вся аппаратура в лаборатории выключена.

— Не вся, — следователь вытащил приборчик, более всего похожий на обычный наладонник, и указал на светящийся зеленый огонек. — Видите, индикатор говорит, что здесь и сейчас что-то включено. И я, кажется, знаю, что именно.

— Можете выбросить ваш индикатор на помойку. Я лично все здесь обесточил еще с вечера.

— С вашего позволения, я пока подожду это делать. А вы, в свою очередь, подумайте, не желаете ли вы в чем-либо признаться? Чистосердечное признание... в общем, не мне вам объяснять.

— Чистосердечно признаюсь, — с невинной улыбочкой ответил Игнат, — что, проснувшись, я не успел сходить в туалет, и если я не сделаю этого сейчас, то могу описаться.

В памяти невольно возникла алюминиевая миска с макаронами и струйка мочи... Путешествие в чужое подсознание долго не отпускает исследователя, так что неподготовленный человек порой не может отличить, где его собственные мысли, а где наведенные образы. Не только врач действует на пациента, но и пациент действует на врача; в психологии и психиатрии это особенно заметно.

— Сейчас сходите. И все же, повторяю, не хотите ли в чем-либо признаться?

— Кто повторяет, — произнес Игнат поговорку времен детства Лидии Андреевны, — тот в уборную ныряет.

Опять фиксация на анальной стадии. Психологи, особенно молодые и энергичные, любят твердить, как далеко продвинулся психоанализ со времен Фрейда, но все же истины, открытые патриархом,

то и дело напоминают о себе. Недаром любимая прибаутка Игната Шомняка: «Дедушка Фрейд был бы доволен».

— Замечательно... — дребезжащим голосом произнес следователь. — Сейчас сдадите вашу технику, подпишете протокол и можете отправляться нырять, куда захотите.

— Техника не моя, а казенная. Угодно — опечатайте помещение, а утром беседуйте с руководством больницы. А меня оставьте в покое.

— Нет, господин лаборант, технику вы все-таки сдадите, — следователь шагнул вперед и резко дернул Игната за борт пиджака. — Это у вас что за портупья? Ну-ка быстро снимайте пиджачок... Я-то вздыхаю, ах, бедняжка, ходит горбатый, потому, наверное, и в психокорректоры подался, а у него на спине целый арсенал...

— Какой арсенал? Это усилитель биотоков...

— Вот его-то нам и надо. А говорил, все обесточено. Смирнов, сними молодого человека крупным планом. Потом оформим изъятие, и, боюсь, что в туалет вам придется нырять уже под конвоем.

Только теперь Игнат обратил внимание, что один из милиционеров держит в руках видеокамеру.

— Это мой личный прибор, к психокоррекции он не имеет никакого отношения.

— Вы это суду доказывать будете. А пока попрошу сдать всю электронику.

— От жук, — проговорил любвеобильный страж порядка, прежде карауливший медсестру. — Знаем мы, как он тут спал.

Спорить, ругаться, доказывать не имело смысла. Игнат присел на край топчана, распустил ремни портупее, потом начал расстегивать штаны. Следователь с усмешкой следил за представлением. Милиционер продолжал видеосъемку до той самой секунды, когда Игнат окончательно избавился от ремней, и обе ноги, больше ничем не закрепленные, с грохотом упали на пол.

— А... это чего?.. — растерянно пробормотал следователь, глядя на огрызок человека, сидящий на топчане.

— Это протезы, — любезно объяснил Игнат. — Как видите, у меня нет ног. Вы потребовали, чтобы я сдал всю технику. Вот, пожалуйста, можете вносить в опись.

— Протезы я не требовал... — следователь чувствовал себя крайне неловко. — Только прибор.

— Без усилителя протезы работать не будут, так что забирайте всё. Я теперь могу идти или вы все же собираетесь взять меня под стражу?

Не дожидаясь ответа, Игнат скатился на пол, подтянулся на руках и, ухватившись за край двери, выволок себя в коридор. Сейчас ему очень не хватало тележки на подшипниках и обшитых кожей чурбачков, что заменяли ноги нищему, сохранившемуся в воспоминаниях Лидии Андреевны. Крайне удачно добрая старушка продемонстрировала незваному гостю, что его ждет.

— Игнат Кузьмич! — всполошилась медсестра. — Я сейчас коляску...

— Спасибо, Людочка, — сказал Игнат.

Игната устроили на койке в коридоре. Елена Михайловна хотела поместить его в одну из палат, но Игнат воспротивился. В конце концов он не больной, а лежа в коридоре, он мог хоть как-то быть в курсе событий.

Милиция опечатала помещение лаборатории и отбыла. К Игнату следователь не подошел, никаких документов не предъявил, ничего подписывать не заставил, так что у Игната пропала прекрасная заготовка: «подписка о невыползе». Оно, впрочем, и к лучшему, — нечего дразнить красным словом власть имущих.

Зато днем Игнат несколько раз видел Лидию Андреевну. Рина Иосифовна, выполняя обещание, таскала старушку ко всем специалистам подряд. Окулист и иридодиагност, хирург и травматолог, психолог и психиатр, геронтолог и... разве что педиатру Лидию Андреевну не показывали. Были сделаны кардиограмма и энцефалограмма, томограмма и... один главврач знает, что еще. На массаж Лидия Андреевна согласилась, только узнав, что массажист женщина, зато на физиотерапию (ей назначили электрофорез коленных суставов) пошла с готовностью.

Сейчас в любой из поликлиник Лучи лечебные Франклина, Озокерит и Д'Арсонваль — Опять загадочный словарь...

Как и подавляющее большинство пожилых женщин, Лидия Андреевна страсть любила лечиться, а пуще того — обследоваться, так что сейчас она была более чем довольна и на время оставила свою подозрительность. Однако долго держать ее в больнице нельзя, еще одну ночь, максимум две. А лаборатория опечатана, и начальство, вместо того чтобы заниматься делом, бегают по служебным кабинетам, выбирая справки о непринадлежности к семейству верблюдовых.

Значит, оставалось действовать на свой страх и риск, причем безо всякого технического обеспечения. А это значит, что, проникнув в чужое подсознание, Игнат будет не вооружен, да и поинтереснее ему не быть и посуперменистой. Хотя, если вдуматься, то ни арбалет с серебряными иглами, ни сверхреакция в прошлые походы ему не помогли.

Зато будет полезно посмотреть, что попытается сделать с ним Лидия Андреевна, увидав, что незванный гость уже без ног. Все беды и опасности, таящиеся в подсознании, заключены в комплексах. Безногого не напугаешь видом нищего калеки. Значит, Лидии Андреевне придется демонстрировать еще что-то из своего арсенала.

Смешно: он рассуждает так, словно старушка — исчадие ада и нарочно мучает жителей окрестных домов, проецируя на них свои ночные страхи, и с явившимся психологом сражается не на жизнь, а на смерть. На самом деле она даже не понимает, что происходит, чувствует лишь, что кто-то оказывает на нее давление, и готова обвинять в этом весь мир. Прежде такие бабушки верили в сглаз и порчу, потом в козни инопланетян, сегодня благодаря болтливости журналистов модным стало обвинять психотехников. Послушаешь разговоры в городском транспорте, непременно услышишь расхожую фразу: «Он меня зомбирует». Или напротив: «Он комплексы на меня проецирует». Проецируют такие, как Лидия Андреевна. Зомбирует Игнат. А закон, как всегда, коряв. Запрещается вторгаться в чужое подсознание — и все тут. Так Лидия Андреевна и не вторгается, она его издала грязью забрасывает, причем не только без злого умысла, но и вовсе неосознанно. А Игнат — с умыслом. Значит, его надо хватать, не пущать, а если упорствовать станет, то и в кутузку волочить.

Живо представилось, как двое ментов, ухватив Игната под руки, волочат его по асфальту в направлении пресловутой кутузки.

Разнузданная фантазия — общая беда всех психокорректоров. Ничего не поделаешь: сапожник без сапог, или, говоря по-научному, профдеформация.

Проторенной дорожкой в чужую голову лазать не сложно. Лидия Андреевна, размякая от массажа и электрофореза, уснула сладко и быстро, так что вскоре Игнат уже находился в отправной точке подсознания.

А ведь хороший человек Лидия Андреевна. Очень немногие могут похвалиться, что в душе у них уютно и солнечно. Ей бы не страхи проецировать на окружающих, а эту доброту. Наверняка есть и такие люди. Любая мама даже во сне защищает своего ребенка, так что никакой дьявол не смеет тронуть того, кто держится за мамину руку. Значит, обязаны быть и те, кто дарит мир и спокойствие не только родным, но и всем окружающим, иначе род людской очень быстро изведет сам себя. Проще всего было бы сказать, что у таких людей нет комплексов или они сумели их изжить. Саентологи именно на этом и паразитируют. Врут, конечно, не бывает живого человека без шра-

мов на душе. А люди, дарящие добро, бывают. И очень жаль, что Лидия Андреевна не из таких.

На этот раз комната показалась очень высокой, потолок с лепным штукатурным бордюриком царил на непредставимой высоте, и лишь через пару секунд Игнат сообразил: это кажется ему, оттого что он смотрит почти от самого пола. Игнат сидел на квадратной тележке, а рядом стояли два подшитые кожей чурбачка с деревянными ручками, точь-в-точь такие, какие видел он у безногого нищего и о каких вспомнилось, когда он под растерянными взглядами милиции выползал в больничный коридор. Что ж, ты этого хотел, Жорж Данден, вот и получи замену ног, соответствующую времени и месту.

Ухватил калабахи, взвесил на руке. Вроде и не оружие, а все поспокойней, не с пустыми руками. Такой по лбу огреешь — глаза в разные стороны выскочат. Жаль, что серьезному противнику он сейчас до лба не дотянется.

Ну, поехали... к деду по репу...

А милиция небось следит, не встал ли Игнат Шомняк со своего одра, не прокрался ли в лабораторию. Эх, пинкертоны, вам меня еще ловить и ловить. Игнат Шомняк лежит на койке и не шелохнется. Будить и не пытайтесь, все равно не добудитесь. Все тело, даже отсутствующие ноги, свело, как при катаlepsии. Утром опять глюкоза понадобится. Любопытно, какой наркотик на жаргоне называется глюкозой?.. Надо было у сержанта спросить, жаль, не догадался.

В коридоре темновато, доски пола крашены коричневой краской, у стен совсем новенькой, а в центре уже подвытопанной. Надо же какие вещи замечаются, когда едешь в инвалидской тележке, отгалкиваясь кожаными подбойками калабах от крашеного пола.

Дверь наружу. Поторкал — заперто. А как же он в прошлые-то разы выходил? Хотя тогда попробовали бы его не выпустить — он бы эту дверь с полтолчка высадил. Замочная скважина под большой ключ с одной бородкой. Массивная вещь — спасает от честного человека и пьяного дебошира. Домушник такой замок в полминуты откроет с помощью куска гнутой проволоки. А вот и ключ висит на гвоздике. Был такой обычай в коммунальных квартирах: вешать общий ключ около двери. А то позвонит кто в дверь, так что, рыться в карманах пальто, выискивая связку ключей? За это время гость всю квартиру звонками взбудоражит.

Ключ висит метрах в двух от пола, чтобы шаловливые детские ручонки не достали. К сожалению, сейчас его руки тоже на такую высоту не дотягиваются.

Прикатил обратно в комнату. Так и есть, сабля валяется на старом месте. По-пиратски зажал деревянный клинок в зубах, вернулся ко входной двери. Приподнялся на культяпках, зацепил кончиком сабли ключ. С третьей попытки ключ упал на пол. То-то, знай наших!

А Лидочка с ним играет, препятствия всякие готовит, а потом подглядывает, как он с трудностями справляться будет. То есть не сама Лидочка, а ее подсознание, та пятилетняя девчонка, что сидит в непомерно подозрительной пенсионерке. Эх, Лида, что же с тобой приключилось в пять лет, во времена солнечного детства, что до сих пор из светлой комнаты растекается окрест непроглядный ужас, которого с лихвой хватает на несколько тысяч человек?

Проще всего было бы собрать воедино все фаллические символы, которых тут предостаточно, вспомнить, что замуж Лидия Андреевна так и не вышла, отбывши жизнь в одиночестве, и сделать вывод, что в пять лет Лида, как теперь принято говорить, стала жертвой сексуальной агрессии... Скорей всего, сволочью был тот самый Шурка... жаль, не удалось узнать, кто это такой. В этом случае надо вызывать детского психолога, но что этот специалист будет делать со старухой?

К тому же в гладких стандартных построениях видна некая неправда. Сейчас у Игната в руках тот самый фаллический символ, что торчал промеж ног у Шурки, а Лида на это никак не реагирует, демонстрируя обычное переключивание вины. Мама не велела ключ трогать и дверь открывать, так это и не я вовсе, а страшный безногий дядька на тележке приехал, ключ взял и дверь открывает. Нет, милая, тут все двери твои, не позволишь, черта с два я эту дверь открою без применения агрессивных методик.

Вставил ключ в замочную скважину, повернул... Тьфу черт, дедушка Фрейд, отвернись хоть на минуту! Должны же быть на свете обычные действия безо всякого сексуального подтекста... Хотя, когда бродишь по подсознанию старой девы, будь готов к тому, что там все с подтекстом.

Отворил дверь.

Лестница. Темная. Один пролет уводит вниз, второй — наверх. Ступени из серого пудожского известняка. Таких уже семьдесят лет не делают, с тех пор как пудожские каменоломни были полностью выработаны во время строительства Волховской ГЭС. А в старых домах такие лестницы и сейчас стоят, стоптанные тысячами ног.

Ловушка. Наверх не подняться, вниз спускаться — тоже невелико удовольствие, задницу о каменные ступени отбивать. Значит, сегодня

бродим по квартире. И ищем хоть что-нибудь, способное пролить свет на причины происходящего. Должно же среди этой идиллии быть нечто, доводящее окружающих до сумасшествия и петли. Как было бы хорошо встретиться с овеществленным комплексом, принявшим облик отвратительного чудовища, этакой ехидны. Вступить с ним в бой и победить, принеся освобождение в первую очередь тому человеку, чье подсознание породило монстра. Дешево и сердито, не надо даже быть психологом, нужно просто уметь отличить монстра от сформированных в подсознании концептов, которые тоже порой принимают причудливые и угрожающие формы. Чужая душа не полигон, стрелять во все, что движется, нельзя.

Впрочем, те люди, чей сонный разум порождает чудовищ, обычно соглашаются на сотрудничество. Им невыносимо жить, таская в душе ад, созданный собственными фантазиями. У Лидии Андреевны ничего подобного нет; неудивительно, что она столь решительно отказалась от психокоррекции. И милицию наверняка вызвала она сама.

Моя милиция бережет мой душевный покой от посягательств безногого Шомняка.

Игнат запер входную дверь и даже умудрился повесить на место ключ. Поехал по коридору, внимательно вглядываясь в двери. Было в дверях нечто неуловимо ненастоящее, они словно ускользали от взгляда. Если пол и противоположная стена с обшарпанными обоями были грубо вещественны, то на дверях взгляд сфокусировать не удавалось. Дело знакомое: квартира коммунальная, и потому наличествует ряд дверей. Но соседи и тем более их жилплощадь не оставили в памяти неизгладимого следа, и дверей как бы и нет. Значит, и ждать откуда нечего и некого.

Подъехал к туалету. Уже издали было заметно, что там горит свет. Узкая полоска под дверью и крошечная искра у края филенки. Очень удобно проковырять, сидя на горшке можно рассматривать коридор, а можно и наоборот, подкравшись к двери, кинуть нескромный взгляд на то, что происходит в туалете. И главное, взрослые дырочку не заметят, разве что встанут на четвереньки.

Иногда все-таки полезно переменить точку зрения и глянуть на мир снизу вверх.

Игнат подъехал, осторожно потянул дверь.

Заперто.

— Шурка! — раздался из-за тонкой двери детский голосок. — Не смей подглядывать без разрешения!

Вот и нашлась добрая старушка Лидия Андреевна. Чудовище, правда, покуда не объявилось, но это уже полдела. Но до чего хорошо

Лидочка сформулировала фразу: «Не смей подглядывать без разрешения!» А с разрешения, значит, подглядывать можно. Тут уже был бы доволен не только дедушка Фрейд, но и все школы, занимающиеся детской сексуальностью.

И еще, можно сразу отбрасывать гипотезу о сексуальной агрессии в отношении Лиды. Случись такое в ее детстве, реакция была бы совершенно иная. А что касается Шуркиной сабли и его же привычки мочиться в самых неподходящих местах, то здесь все понятно. Шурке лет семь, Лиде — чуть меньше. В этом возрасте в детях бушует неизбывное любопытство к собственным половым органам, но еще более — к противоположному полу. В детских садах среди воспитанников старших групп непременно существует особый ритуал взаимной демонстрации своих тел. Возмущенные воспитательницы, застав детишек за этим интересным занятием, гневно восклицали: «Что еще за глупости?» — но преуспели только в одном: ритуал, да и сами половые органы стали называться «глупостями». Мамы и бабушки такие вещи называют письками, но дети знают, что на самом деле это — глупости. И, бывало, детсадовский ябеда кричал: «Вера Степановна, а Сережка глупости показывает!»

Так что ничего страшного он не обнаружил, удивительно только, как Лидия Андреевна умудрилась застрять в наивном пятилетнем возрасте. И что делать дальше? Без разрешения в туалет не сунешься, а если и сунешься, то, скорей всего, там никого не окажется. Дело самоочевидное, можно и к Юнгу не ходить. Значит, будем обследовать кухню. Хорошо бы найти варенье или сгущенное молоко, тогда Лида точно вылезет. Наверняка варенье брать не разрешается, но если кто-то другой первым начал, то Лидиной вины тут нет.

Сам Игнат рос в те времена, когда варенье уже не считалось чем-то удивительным. Початая банка всегда стояла в буфете. Однажды мама услышала подозрительную возню на кухне и, не отрываясь от телевизора, крикнула:

— Игнат, не трогай варенье!

— Я его не трогаю, — ответил четырехлетний Игнат басом. — Я его ем.

Вот и сейчас бы найти перевязанную бечевкой баночку клубничного варенья и подманить на клубничку пятилетнюю Лиду. Тьфу черт, при чем тут клубничка? Вишневое варенье или черничное!

Варенья на кухне не нашлось. То ли вовсе не было, то ли спрятали его слишком высоко. Вот недотепы, спички надо прятать в недоступных для детей местах, спички, а не варенье!

А так, кухня как кухня. Шесть маленьких столиков, по числу се-

мей. На каждом примус и бутылка с голубоватым денатуратом. Канистрочки с керосином стоят в дальнем углу, там же, где лежит десяток поленьев и стоит общее мусорное ведро. Дровяная плита, которую топят только перед календарными праздниками, в остальное время она застелена старой клеенкой и используется как стол равно всеми жильцами. Напротив плиты — раковина с медным краном. Никаких смесителей нет, горячую воду покуда не провели. Посреди кухни — еще один общий стол, за которым в праздничные дни собираются гости. В комнате гостей не примешь, туда, если семья большая, и хозяева с трудом втискиваются, поэтому все дни рождения празднуются на кухне, и соседи первые среди приглашенных. И уж конечно, нет никаких холодильников или тем паче микроволновок. Фанерный ящик, приделанный к стене за окном, и авоська с продуктами, вывешенная в форточку, вот и вся бытовая техника.

Игнат окинул взглядом отдельные столики, потом подъехал к общему большому столу и заглянул под свисающую клеенку.

— Это нечестно, — сказала Лида. — Я тут в домике.

— Ну и сиди в своем домике, раз ты такая трусиха. Трусы-трусы-трусики — продаем задаром по штукам и парам!

— Ничего я не трусиха! — Лида показала на свет и замерла, уставившись на Игната.

Игнат ждал, боясь все испортить одним неправильным словом.

— Это что с тобой?.. — произнесла Лида чуть слышным шепотом.

Игнат пожал плечами, словно признаваясь в застарелой вине.

— Это тебя трамваем так?

Игнат кивнул.

— А мама сказала, что тебя трамваем совсем задавило! — вдруг закричала Лида пронзительным, дрожащим голосом. — Насмерть задавило! А я знала, что не насмерть! Ну, может, ноги отрезало. Так подумаешь — ноги! У дяди Феди, который на улице сидит, тоже ног нету, немцы ему ноги оторвали — и ничего! Ты не бойся, я тебя все равно не брошу... — Лида замерла, пытаясь сообразить, откуда выплыли эти слова, но ничего не вспомнив, быстро, взхлеб договорила: — Ты только больше никуда не пропадай, а то я тебя ишу-ишу, а тебя нету.

— Не буду пропадать, — сказал Игнат.

— Я тебя возить везде буду на тележке. Вот и получится, будто ноги у тебя немножечко есть. А если мальчишки начнут дразниться, я буду им мстить. Ты знаешь, какая я вредная!

— Да уж, знаю.

— Шура, а ты взаправду на меня не сердисься?

— Нет, конечно. Чего мне сердиться?

— Честное слово?

— Честное-пречестное!

— Тогда повторяй за мной: «Честное слово, красная звезда, Сталина и Ленина обманывать нельзя!»

— Кто повторяет, — отчеканил Игнат, — тот в уборную ныряет!

— Нырнула бы я, — радостно отпарировала Лида, — да очередь твоя!

Это было как пароль, кодовая фраза, по которой осуществляется взаимное узнавание: «Ты свой?» — «Да, я свой!»

Они переглянулись и расхохотались так, что, будь квартира и впрямь коммунальной, все соседи сбежались бы, желая выяснить, что случилось.

* * *

В эту ночь никуда Игната не вышвыривало, так что обошлось без глюкозы. Распростившись с Лидой, Игнат повозился немного, привыкая к настоящему телу, и крепко заснул, отложив осмысление похода на завтра. Знал только: он все сделал правильно, хотя что именно сделал, еще предстояло понять. А заснуть удалось легко и спокойно, потому как к настоящему телу и привыкать особо не пришлось. Вот и ответ, почему психокорректоры предпочитают свой облик любому дракону и супермену. Дракон, конечно, крут, но потом нужно возвращаться, втискиваясь в собственное тело, а это после такой-то туши бывает очень нелегко.

Утром, еще до завтрака и обхода, к Игнату подседа санитарка Клавдия Ивановна, сотрудник незаменимый в смысле сыска. Была у нее замечательная способность — знать все и обо всех. За глаза Клавдию Ивановну звали Первый Отдел и к ее помощи прибегали, когда кто-то из психокорректоров не мог сразу разобраться с тем, что встретилось ему в работе. Тогда обращались в Клавдии Ивановне, и та в скором времени приносила наивернейшие сведения о самых интимных сторонах жизни пациента. Занималась она этим из любви к искусству, а деньги получала за то, что меняла на постелях белье, относилась с поста в лабораторию корзинку с анализами, а заодно и полы мыла, поскольку уборщицы в отделении не было.

— Ну что, узнала я про твоего Шурку, — жарким шепотом начала она доклад. — Район старый, есть у кого спросить. Эта самая Лидия, она еще молодая, сорок восьмого года. Тоже стыдоба, здоровые бабы, им бы работать и работать, а они инвалидность оформляют! Я вот блокадница, а работаю... А Шурка, про которого ты спрашивал, это ей-ный брат. На год, что ли, старше самой Лиды. Да ты знаешь, после войны народ, соскучившись, плодиться начал, что зайцы по весне,

вот и шли дети погодками. Только Шурке не повезло в жизни, помер он еще мальцом, трамваем его зарезало. Место поганое на Максима Горького, там железная ограда вдоль самых путей, и случись что, в сторону не отпрыгнешь...

— Знаю это место, — подтвердил Игнат. — Там еще шестой трамвай ходит.

— Во-во! А Шурку, — Клавдия наклонилась к самому уху, — говорят, родная сестра убила. Разбаловались на переходе, начали толкаться, и она брата прямо под колеса и пихнула. А мать не уследила. Во как бывает!

— Понятно, — проговорил Игнат, ожидавший чего-то подобного. — То есть мальчика прямо на Лидиных глазах убило.

— А как же! Сама она и угробила мальчика, а теперь с другими счеты сводит.

— Спасибо, Клавдия Ивановна! Вы мне очень помогли. Теперь я понимаю, что происходит, и знаю, как надо действовать.

— Лечить небось начнешь...

— Непременно.

— А будь моя воля, я бы ее не в больницу, а в тюрьму!

— Что вы, Клавдия Ивановна, ей же пять лет было! Маленьких не судят.

— Было пять, а теперь уже шестьдесят!

— А срок давности?

— Это у вас, добреньких, срок давности. Перед Богом срока давности нет. Убила — пожалте к ответу.

— Вот она и отвечает. Думаете, с чего она к нам попала?

— А я бы такую в тюрьму! — Клавдия Ивановна поднялась, протерла шваброй пол под Игнатовой кроватью и добавила уже иным тоном: — А, что обо мне говорить!.. Бодлива корова без рогов ходит.

Еще одна загадка души человеческой. На словах Клавдия Ивановна всех бы поубивала, а на деле — мухи не обидит. Вот бы посмотреть, что у нее в подсознании скопилось за семь десятков лет? Одно можно сказать наверняка: солнечной комнаты там нет, детство Клавдии Ивановны пришлось на войну и блокаду.

Игнат полусидел, полулежал, приподняв изголовье на максимально возможную высоту. Читал книгу, которую принесла Рина Иосифовна. А что еще делать, если лишился ног и без посторонней помощи не можешь даже пересесть с кровати на каталку? Больной — тот же заключенный, подписку о невыползе с него можно не брать, он и так под арестом.

Несколько раз Игнат видел Лидию Андреевну, которая бегала

между палатой и ординаторской, получая нужные справки и собираясь домой. А ведь энергичная пенсионерка по сути заперта еще надежнее, чем безногий доктор. Пожизненное заключение в одиночной камере — наказание страшней, чем смертная казнь. Внешним взором видим стервозную старуху, а внутри неприкаянно бродит пятилетняя девочка, кружит по солнечной комнате, по коридору, где на стене висят лыжи и велосипед, по кухне, где все спички от детей спрятаны, по двору с дровяными сараями, по пустой шумной улице... Заглядывает в самые недозволенные маленьким девочкам закоулки, ищет, но находит только пустоту. Всюду следы Шурки: вот его сабля, вот его дудка, вот раздавленный сандаликом песочный кулич... но самого Шурки нет. Напрасно подглядывать в потайную дырочку — что там делается в туалете? — бесполезно часами сидеть, затаившись под столом. Никого нет в туалете, лишь журчит только что спущенная вода; никто, забывшись, не зайдет на кухню, хотя варенье опять съедено.

Потому и не сложилась собственная жизнь Лидии Андреевны. Какая может быть личная жизнь, если всякая мысль о мужском начале заглушена оглушающим трамвайным звонком.

Нет, нет, нет!.. Глупости все это!

Ну что, дедушка Фрейд, ты доволен?

Пятилетняя Лида не верит в непоправимость случившегося пятьдесят пять лет назад. Уже одиннадцать пожизненных сроков она отбыла в светлой «одиночке», но все еще не верит. Лишь по ночам, когда разум засыпает, на одно мгновение приходит... не мысль, не воспоминание, а отчетливое ощущение, как железные колеса кромсают ее общее с Шуркой тело. Тогда Лида бежит и прячется под стол, а люди, живущие по соседству с брэнной Лидиной оболочкой, корчатся от распolzающей жути, впадают в депрессии, режут вены, неосознанно умножая зло.

Показать бы все это строгой Клавдии Ивановне — какие еще тюремные сроки назначит она давней «преступнице»?

Игнат отложил книгу, подтянул к кровати кресло-каталку. Надо бы как-то пересесть и съездить в туалет.

Пересесть не удавалось, коляска норовила отъехать в сторону, а то и вовсе перевернуться.

— Вам помочь?

Поднял взгляд. Так и есть, рядом стоит Лидия Андреевна.

— Если не трудно, придержите немного коляску, чтобы она не отъезжала.

Ухватился руками за поручни — оп! — перекинул тело на коляску. Теперь развернуться — и все в полном порядке.

— Зачем вы так! Я бы позвала кого-нибудь, перенесли бы вас.

— Ничего, силушка в руках покуда есть!

Мне мама в детстве выколола глазки, Чтоб я в шкафу варенье не нашел. Я не смотрю кино, я не читаю сказки, Зато я нюхаю и слышу хорошо!

Бисмарк сказал, что из каждого свинства можно извлечь ломтик ветчины. Даже из отсутствия ног.

— Вас куда отвезти?

— Собственно говоря, никуда. Просто в постели лежать — сил больше нет. Надоело, хуже горькой редьки.

— Это вас в Афганистане покалечило?

— Нет, — честно ответил Игнат. — Авария. Но все равно больно.

Ноги Игнат потерял в экспедиции. Это надо было суметь — заехать в края, где, кроме их «Урала», на сто километров ни единой машины, и попасть под собственный «Урал»! Они только приехали и разбивали лагерь, на ощупь, почти в полной темноте. Водитель решил передвинуть машину, чтобы фарами подсвечивать работающим и, не заметив, наехал на Игната. Наехал на скорости три километра в час. Запомнился толчок и неспешно наваливающаяся на ноги тяжесть. Боли не было, боль появилась потом, когда Игната все на том же «Урале» везли в больницу. Боялся остаться на всю жизнь хромым, а оказался вовсе без ног. До сих пор его бросает в дрожь, когда он слышит безнадежный диагноз: «синдром раздавливания».

— Знаете, — сказала Лидия Андреевна, — вы очень напоминаете моего брата. У меня брат был, старший, он умер уже давно, так вы на него похожи.

Игнат молча кивал, вздыхал сочувственно. В таких случаях слова не нужны.

— Вы тут тоже обследуетесь?

— Вообще-то, я здесь работал еще вчера. В центре психокоррекции. Но теперь нас закрывают, помещение вон опечатали, даже протезы не позволили взять. Вот и лежу без ног, не то пациент, не то сотрудник, не то подследственный.

— Да что ж они, звери? Протезы-то за что отняли?

— Работа такая. А протезы вернут, зачем они им?

— И куда вы теперь?

— Не знаю. Пристроюсь где-нибудь через общество инвалидов.

Они еще долго говорили о всяких незначущих вещах, потом Лидии Андреевне принесли выписку, и она уехала, оставив Игнату на прощание большое яблоко.

Вечером приехал следователь, а вместе с ним руководитель цент-

ра профессор Гушин. Опечатанное помещение открыли, Игнат на своей коляске въехал туда сразу за Гушиным. Хмурый следователь вручил ему протезы, которые так и лежали на топчане, где оставил их хозяин.

— Вам извиниться передо мной не хочется? — спросил Игнат.

— Если честно, то совершенно не хочется. Не знаю, как вы добились, что единственный неоспоримый свидетель... да какой свидетель — пострадавший! — забрал назад свое заявление и теперь отказывается от собственных показаний. Но вы-то знаете, что преступление имело место! И будьте уверены, рано или поздно я вас поймаю!

— Понятно. Пэрэат мундус, фиат юстиция.

— Что?

— Это по-латыни. Я думал латыни учат не только медиков, но и юристов. Фраза по вашей части: «Погибни мир, но свершись правосудие». Так вот, я не юрист, я врач. На юстицию мне плевать, а миру погибнуть я не дам. Работа у меня такая — людей спасать.

Они расстались недовольные друг другом.

Гушин нервно ходил по лаборатории, бесцельно шелкая тумблерами обесточенных приборов.

— Вот какие дела, Игнат Кузьмич. Пронесло нас, можно сказать, по самой кромочке. Придется хотя бы на некоторое время несанкционированные корректировки оставить. Я все понимаю; и что такие люди всего опаснее для окружающих, и случаи их самые интересные, но видите, что творится. Пересажаят нас всех, кому от этого хорошо будет?

— А вы знаете что сделайте? — предложил Игнат. — Издайте приказ, запрещающий сотрудникам нарушать закон о неприкосновенности личной жизни. И если что, и вы, и весь центр окажетесь ни при чем.

— Вы думаете, у меня такого приказа не издано? Я его еще год назад подписал. У меня за вас душа болит. Посадят в тюрьму, что тогда?

— А тогда ничего, — Игнат придвинул протезы и начал прилаживать их к культяпкам ног. — Я и без того всю жизнь в тюрьме, в одиночной камере. Санкционированные исследования, как прогулка по тюремному двору, а там — настоящее. Ну, вроде как сбежал я из своей «одиночки». А что закон нарушен, так побег из тюрьмы — всегда противозаконен. Так что не переживайте за меня.

— Легко сказать... меня же совесть заест, самому после такого психокорректировка потребуется. Впрочем, об этом мы потом побеседуем, а сейчас идите домой, отдохайте после нервотрепки...

— Погодите! — возмутился Игнат. — У меня вчера был выходной,

вот я и провалялся весь день на койке, на неделю вперед выпался. А сегодня у меня дежурство.

Он мог бы сказать, что ему нечего делать в замусоренной холостяцкой берлоге, которая называется его квартирой, куда не заглядывает солнце и где никогда не пахнет картофельным супом, но Гуцин все понял и без объяснений.

— Хорошо, — сказал он, — оставайтесь. Но случай вам сегодня достанется простой и совершенно легальный. Можно сказать, прогуляйтесь по тюремному дворику.

* * *

Подвал или катакомбы, серая мгла, под ногами хрустящая пыль, с низкого потолка свисают лохмотья паутины. Очень много паутины, по всему видать, пациент страдает арахнофобией. Случай простой, достаточно показать пациенту, что жуткий паук уязвим, с ним можно бороться и в конце концов расправиться, и кошмары больше не вернуться. Хотя паук может — и даже должен! — быть ядовит. Так что чепчиками его не закидаешь, и шапки в воздух бросать рано.

— Меня подожди!

Игнат обернулся и увидел Лиду. Девочка подбежала и остановилась рядом с Игнатом, запыхавшись и часто шмыгая носом. В руке была знакомая деревянная сабля.

— Думал, я тебя не найду, да?

— Зачем ты здесь? Тут опасно. Я сейчас на работе, а потом приду к тебе.

— Я с тобой, — твердо заявила Лида. Она оглядела темный подвал и добавила: — Ничего себе работа! Тут знаешь, сколько мыть нужно, пока чисто станет? Вот погоди, я ведро принесу и половую тряпку. Думаешь, я пол мыть не умею? А паутину веником обмету.

— Тихо! — шикнул Игнат, вскинув самострел.

Прямо перед ними стена взбурилась воспаленным фурункулом, и оттуда полез огромный, Игнату по плечо, паук. Тварь замерла, выбирая добычу, и, как обычно, мгновение безудержного страха растянулось, заливая душу липким холодом. Немногие бойцы способны противостоять первобытному ужасу. И если хоть тень сомнения окажется в душе, победа будет за монстром.

Игнат навел самострел, но прежде чем серебряная игла сорвалась в полет, между охотником и зверем возникла Лида.

— Не тронь Шурку! — крикнула она и ткнула деревянной саблей, распоров пауچه брюхо.

В Л А Д И М И Р М И Х А Й Л О В

БАЛЛАДА О СЫНЕ

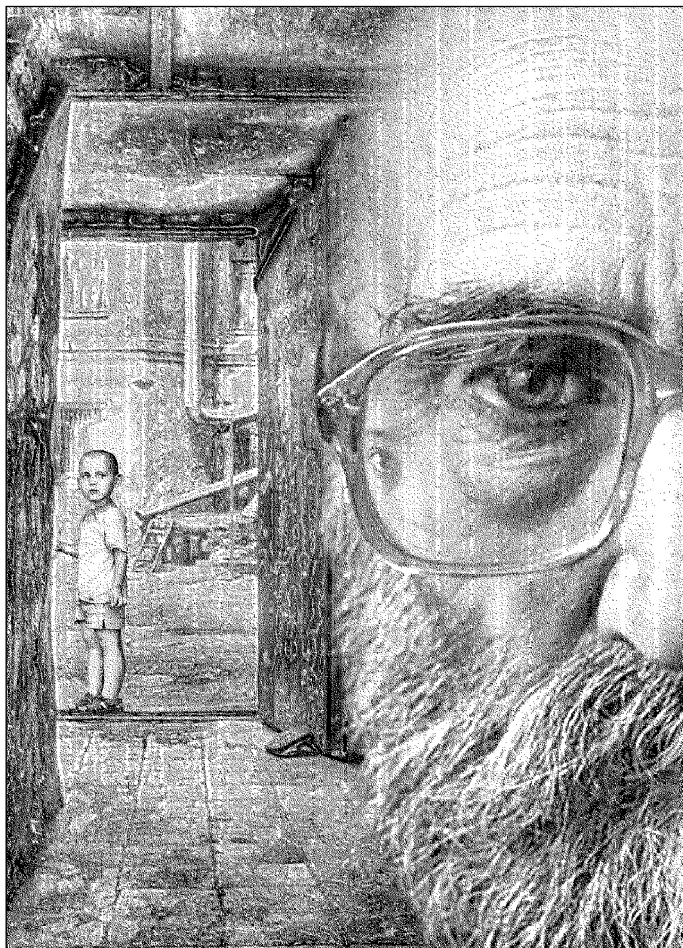

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ИЗ СНОВИДЕНИЙ

Как и раньше, они пришли ночью, когда я спал. Двое. Почему-то. Я ведь никогда не сопротивлялся. И начинал ждать их задолго до срока.

Машина, как обычно, поджидала внизу. Один из двоих сел за руль, и фигура его сразу же стала казаться какой-то расплывчатой. Город потек мимо.

Проспект. Кольцо. С детства знакомые места, хотя и успевшие немало преобразиться. Повернули на запад. Второй сидит рядом с водителем, сзади я один. Никто не боится, что я вдруг захочу сбежать. Да это и не нужно. В любой миг достаточно мне сказать «нет!», и машина остановится. Если попросить: «Отвезите меня назад, домой» — отвезут. Без слов. Но я ничего не скажу, не попрошу. Потому что знаю: больше они не приедут никогда. И я больше никогда не...

Город за окном меняется, ненавязчиво и неумолимо. По километру мы еще в Москве, но она все больше вытесняется. И ночь, что по часам — в самом разгаре, превращается в серый, полупрозрачный туман. Сквозь него силуэт улицы кажется зыбким, колеблющимся, меняющимся. Мне никогда еще не удавалось определить ту грань, за которой начинается это преобразование миров. Скорее всего, такого четкого рубежа вообще не существует, преобразования начинаются иногда чуть ли не у самого моего дома, зато порой — уже где-нибудь за Кольцевой, за Красногорском. Почему-то мы всегда едем не по самому краткому пути, а обязательно через центральные районы. Почему — не знаю. Никогда не пытался спрашивать. Заранее знаю, что ответа не будет. Но это и не важно. Скорее всего, даже ответ они, я все равно не понял бы.

Здания незнакомых очертаний, мимо которых лежит теперь наш путь, продолжают казаться, как бы это сказать, неуверенными в себе, непрочно стоящими, словно бы они только что возникли из ниоткуда, и стоит нам проехать — туда же и вернуться. Когда меня везли впервые, эта зыбкость окружающего пугала, вызывала настоящий страх: наша привычная жизнь основана на чувстве опоры, на ощущении устойчивости окружающего мира. Это свойственно всему живому, и только небесные тела обходятся без такой потребности. Но постепенно я привык, как привыкаешь к виртуальности телекартинок. Внушил себе: опора, конечно же, есть, только она — не здесь. Ну, значит, так и должно быть.

А снаружи ничто больше не напоминает того привычного города, в котором я родился и живу сейчас. Силуэты кварталов, то зубцы, то дуги, даже не стараются быть похожими на что-то знакомое. Здесь все — само по себе. Кроме людей. Их тут просто нет. Хотя правильнее было бы сказать: не видно. Ни единого прохожего или проезжего.

Мертвый город? Но теперь я уже знаю: тут все есть и все возникнет, станет видимым и даже осязаемым. Еще не сию минуту, но...

Но уже скоро. Я понимаю это, ощутив, как плавно замедляется ровный, размеренный бег машины и она одновременно смещается вправо, ближе к тротуару. Интересно: движение в этом мире тоже правостороннее. Во всяком случае, в этой его части. Значит, уже сейчас предстоит остановка. Этого места я не помню, в прошлый раз поездка закончилась в каком-то другом. Впрочем, как и все предыдущие: у каждой был свой маршрут, свой конец. Да и начинались они не обязательно у моего дома.

Но это все — пустяки, не имеющие значения.

Последние метры машина почти проползает. И наконец — стоп.

Дверца распаивается, и я выхожу, не дожидаясь предложения. Двое даже не смотрят на меня. Машина трогается. Провожая ее взглядом — просто из любопытства, потому что это уже вовсе не та «ауди», в которую я садился в Москве. Что-то совсем уже другое. В нашем мире таких не делают. Я смотрю вслед лишь по одной причине: еще ни разу не случилось, чтобы дважды я выходил из одной и той же машины. Всегда они оказывались разными. Как и здешние улицы. Как и все здесь.

В том числе и...

Пока я смотрел, он успел подойти откуда-то сзади. И не в уши, а в сердце мне ударило:

— Здравствуй, па!

На этот раз ему было, похоже, лет четырнадцать. По календарю — под сорок. Но здесь не бывает календарей. Четырнадцать. Опасный возраст.

— Здравствуй, сын! — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Мужчина не должен быть слабым. Формальность. Он-то видит меня насквозь. А иначе меня здесь и не было бы.

После приветствий наступило неизбежное молчание, наполненное активными действиями. Нет, мы не обнимались, не целовались, не хлопали друг друга по плечам или спине, даже рук не протянули, чтобы пожать. Мы просто смотрели один на другого. Взгляд ведь тоже действие, нередко требующее немалой энергии и вызывающее серьезные результаты. Более осязаемые, чем, скажем, удар кулаком или, наоборот, крепчайшее объятие. Взгляд, как и звук, способен убивать и воскрешать. В зависимости от чувства, какое он (являясь, так сказать, несущей частотой) сообщает партнеру, а потом и принимает в ответ. Я каждый раз с немалой тревогой ожидал этого первого обмена взглядами, опасаясь многого. С тревогой? С трепетом, это будет точнее.

И облегченно вздохнул. Потому что в его глазах прочитал то же самое, что послал на пределе своих сил ему: любовь. Нет, конечно, улавливались там и неизбежные, так сказать, обертоны. Но не они определяли главное.

Только после этого я заметил, как вдруг изменилось окружающее. Оно ожило, как если бы из карандашного наброска превратилось сразу в осуществленный проект. Дома перестали казаться зыбкими, налились тяжеловесностью камня, бетона — или из чего там они были построены. Улица заполнилась машинами — сразу, как если бы до этого мгновения их сдерживала где-то могучая плотина — и вот открыли шлюзы. Правда, если взглядеться, то возникшее все же не было совершенно надежным. Высоченное, башенного типа здание по ту сторону улицы все еще примеряло свою крышу — шпиль сменялся куполом, потом плоскостью, затем ступенчатой пирамидой, — словно женщина в магазине примеряла перед зеркалом шляпку. Скользящие мимо машины — некоторые из них — тоже преображались на ходу, не уменьшая скорости. Но большинство уже утвердилось в своем облике. И людей тоже сразу появилось много — разных, едущих, идущих, бегущих или просто стоявших, словно в ожидании чего-то. Это тоже повторялось каждый раз — и тем не менее всегда воспринималось мною как бы впервые. Потому, может быть, что очень нечасто удавалось мне побывать здесь. Куда реже, чем хотелось бы. Ведь зависело это не от меня.

А от него. От сына.

Которого никогда не было.

То есть, если быть точным...

Он прервал мои мысли:

— Ну что, па, пошли?

— Конечно, — поспешил согласиться я.

И двинулся, стараясь держаться плечо к плечу с ним. Это было несложно, потому что ростом он никак не уступал мне. То есть, кажется, по замыслу он был намного выше, но при мне старался скрывать это. Как, наверное, и многое другое. Но с этим ничего нельзя было поделать.

Собственно, из этого и состояли наши редкие встречи: мы бродили по городу, который каждый раз был иным, и разговаривали. Иногда, когда я уставал (он — никогда), присаживались где-нибудь, где были скамейки. Темы для разговоров всегда находились: слишком уж не похожими друг на друга были миры, в которых мы обитали. Не просто непохожими: несовместимыми. Здешние обитатели никогда не появлялись у нас — во всяком случае, в нынешнем своем каче-

стве. А таких, как я, кому время от времени позволялся доступ сюда, среди шести миллиардов земных жителей были, по-моему, единицы, от силы — десятки. Во всяком случае, мне ни разу не доводилось встретить здесь кого-то, вроде меня: гостя из нашего мира. Что, в общем-то, и неудивительно. Если знать...

— Как тебе кажется, па — сильно у меня тут изменилось?

Об этом я просто еще не успел подумать. И откровенно сказал:

— погоди, сын, не так сразу. Я еще и на тебя не нагляделся как следует. Ты ведь давненько уже не приглашал меня. Я уж подумал было, что ты...

— Что больше не хочу тебя видеть?

Именно так я и думал — но теперь мне стало стыдно, и я ответил:

— Нет, что ты, сын: такого я даже не могу представить...

Он кивнул:

— Правильно. С отцами такого не бывает. Что же ты подумал?

— Ну, об этом... как это тут у вас называется? Что снова пришел твой черед отправиться в жизнь. И что тут тебя больше нет.

Сын покачал головой. Вздохнул и тут же улыбнулся.

— Наверное, — сказал он, — до этого еще далеко. Нам тут никогда прямо не говорят, но как бы дают понять, что каждый из нас был рассчитан надолго, и призвут любого еще не скоро. Знаешь, узнав об этом, тут у нас почти все очень тяжело переживают.

— Почему? Здесь так плохо?

— Потому что очень мало таких, кого навещают так, как вот ты меня. У меня есть ты, и это совсем другое дело. А у многих-многих других — никого. И они своих отцов никогда даже и не видели. Так что мне намного легче.

Я посмотрел на него, стараясь глазами выразить всю благодарность, какую испытывал к нему за эти слова. Но вслух сказал другое — задал вопрос, на какой раньше не отваживался:

— Ты все время говоришь об отцах. Разве матери никогда...

И не закончил: так изменилось вдруг выражение его лица. И взгляд стал холодным, жестоким. Он поднял руку, как бы запрещая мне говорить. И огляделся.

— Хорошо, что никто не услышал. А то...

— Что же я такого сказал?

— Это слово. Тут оно — самое страшное проклятие. Как и другое — «врачи». Мы как бы считаем, что одни нас убивают, а другие этого хотят, то есть они — главные убийцы. Разве не так? Так. И они сами это знают. Поэтому отцы, пусть и редко, сюда приходят, откликаются на наш зов. А матери — никогда. Во всяком случае, никто из нас не слышал о таких случаях. Ты сам разве не так думаешь?

Ответить на это было нелегко. Не говоря уже о том, что и отцы по

большей части не возражали. А если говорить честно — они-то и решали. Но как объяснишь все это тому, кто совершенно ничего о жизни не знает, кроме самого общего: что она существует и что люди живут ею. А что значит «живут» — об этом сын, как и все они здесь, мог только фантазировать. С фантазией у них, судя по всему окружающему, был полный порядок.

— Понимаешь, сын... М-да. Слушай, а нельзя тут найти такое местечко, чтобы можно было не только посидеть, но и, скажем, выпить чашку кофе или чего-нибудь подобного, лимонаду хотя бы, какой-нибудь колы?

Пить мне действительно хотелось, но, в первую очередь, моя просьба должна была сбить его с опасной темы. Хотя бы до тех пор, пока у меня не найдутся нужные слова.

И действительно, он оказался в затруднении. Двумя пальцами, большим и указательным, взялся за подбородок. Это движение я замечал у него и раньше, оно, вероятно, было неосознанным. Совсем как если бы он был осуществленным человеком.

— Прости, па, я не понял. Выпить... это как? Что ты имеешь в виду?

Да вот так. Мне в это мгновение почему-то пришел на память древний анекдот. Встречаются двое глухих, у одного на плече удочки. Второй спрашивает: «Вы идете рыбу удить?» — «Нет, я иду рыбу удить». — «А-а, а я думал, что вы идете рыбу удить». К сиюминутной ситуации анекдот никак не подходил, но подсознание, похоже, решило иначе.

— Прости, я упустил из виду, что вы тут не едите и не пьете, живете без проблем...

— Разве мы живем?!

— Да, не то слово. Существуете, скажем так. Но без всяких забот. А в жизни надо есть и пить, надо одеваться и согреваться — есть и пить каждый день, и желательнее не по одному разу, а хотя бы трижды в день...

— Это, наверное, трудно?

Сдержав улыбку удалось с трудом.

— Я бы не сказал. Есть не трудно. Трудно для большинства другое: заработать на эту самую еду... на все, что необходимо для жизни. Для многих это — главная проблема. Решать ее порой удается с большим трудом. И мало того, что есть-пить надо самим: когда приходит новый человек, совсем еще маленький, его надо кормить, одевать, учить и все прочее достаточно долго. Но представь себе, что тот человек, у которого ты возник — хочешь не хочешь, но приходится назвать его матерью, будущей матерью, возможной матерью, в этом роде. Представь, что она просто не в состоянии будет тебя содержать, тебе придется голодать или мало ли что еще переживать. Вот она и решает

— или они вместе решают с отцом: а не лучше ли тебе не входить в тот мир? Здесь ведь тебе не приходится испытывать нужду в чем-то. Ты понял?

— Нет, — сказал он откровенно. — Так что ты хотел, чтобы я сделал? Я попробую, если ты представишь это как можно точнее, может быть, мне удастся воспринять.

— Попытаюсь, — сказал я, сомневаясь. Но пить и в самом деле хотелось; и я, невольно закрыв глаза, представил себе чашку горячего, крепкого, головокружительно ароматного кофе на столике где-нибудь в кафе. Рот наполнился слюной, я невольно сглотнул. Кофе! Его вкус, его запах, и горячий, я чуть не обжегся. Открыл глаза. Рядом и в самом деле стояло нечто на трех ножках, а на нем — чашка, от содержимого ее шел пар. Я невольно протянул руку...

— Эй, па! Ты что? Забыл?

Я убрал руку, вздохнул. Нет, не забыл, конечно, но уж очень убедительной оказалась иллюзия. Сын сказал:

— У вас там много интересного. И ты хорошо представляешь, я легко воспринимаю. Будь у нас побольше времени, ты бы мог мне многое передать.

— А я и не очень спешу...

Сын вздохнул:

— Меня ненадолго хватает. Это все, — он повел рукой вокруг, — требует много... ну, того, чем мы тут сейчас являемся. Энергии, наверное? Или это как-то иначе называется?

Это и в самом деле было так. Потому что все, что нас окружало, было создано и поддерживалось только им — дома, машины, деревья... И люди тоже? Хотя, конечно, называть их людьми можно было лишь условно.

— И люди тоже твои? — не удержавшись, спросил я.

— Ну... нет, вообще-то они существуют каждый сам по себе, как и я. Но в таком облике их приходится поддерживать. Иначе ты бы никого из нас не увидел. И ты никогда не увидел бы меня.

— Я ведь вижу тебя, когда ты приходишь в мой сон, — сказал я. — Иначе как бы мог я оказаться тут?

— Скажи, па... а ты думаешь обо мне, когда не спишь? Когда просто живешь?

— Да, — ответил я без колебаний. — Да ты и сам это понимаешь: иначе как бы ты нашел меня среди шести миллиардов человек?

— А что думаешь? И что вы думали обо мне тогда? Вот например: имя для меня вы уже придумали? Мне очень интересно — как бы я назывался. Нас всех такие вещи почему-то очень интересуют. Знаешь, имя — это ведь уже немалая определенность. А то сам не знаешь, как себя называть, чтобы отличаться от других. Вы придумали тогда?

Это было уже сверх моих сил. Потому что никакого имени тогда придумано не было, вопрос «быть или не быть» тогда сразу и молчаливо решился не в его пользу. И я взмолился:

— Не надо об этом, сын. Ну пожалуйста!

— Ну, хоть что-нибудь! — не отставал он. — Столько-то ты можешь сказать?

Ложь во спасение?

— Тебя звали бы Онтиком, — сказал я, презирая самого себя.

— Онтик... — повторил он медленно, как бы пробуя имя на язык.

— Знаешь, а мне нравится. Такого никто из нас тут не придумывал — хотя вообще мы часто играем в такие отгадки. А что оно значит, это имя?

— Это, как говорится, уменьшительное. А полное было бы «Леонтий». Старинное имя. У тебя целых два прадеда были Леонтиями. С обеих сторон. В их честь.

— Вот здорово! — совсем по-детски обрадовался он. — Знаешь, я совсем по-другому вдруг себя почувствовал. Как будто я и в самом деле был.

— Ты еще будешь! — сказал я с такой уверенностью, на какую только был способен. — И у тебя непременно будет большая и полная жизнь. Только... звать тебя будут наверняка иначе.

Но он уже запустил свою фантазию.

— Слушай, а может, я смогу им как-нибудь внушить? Насчет имени.

— Может быть, конечно, — сказал я. — Только тогда твои деды и прадеды будут уже другими.

— Слушай, па, — сказал он тихо, — а ты не можешь сделать так... чтобы это снова был ты? Чтобы я появился у тебя — то есть от тебя, конечно. Вот было бы здорово!

Он не сказал «клево»: в его времена — в наши с ним времена — жаргон был другим.

— Мало надежды, сын, — признался я откровенно. — Ты знаешь, сколько мне лет — там, в жизни? Да и для этого, как ты знаешь, нужны двое, а я — один.

— Но хоть попробуй, а?

— Попробую, — согласился я, хотя знал, что ничего подобного делать не стану — в его же интересах. Но если такое обещание поможет ему существовать здесь — пусть. Сейчас-то он все еще мой сын — хотя и не в жизни.

— Ух ты! — Это прозвучало восторженно. — Слушай, почему ты раньше не придумал этого?

— Раньше мы с тобой ведь не встречались здесь. Поэтому и мыслей таких не возникало.

— Но ты сам сказал, что думал обо мне. А что думал? Как?

— Я жалел, — сказал я откровенно. — И никогда себе этого не просал.

— Без меня тебе одиноко?

— Наверное, мне тебя не хватает. Хотя я не один на свете, у меня есть прекрасная дочка — умная, добрая, красивая. Кстати, о матерях. Когда эта девочка возникла — ну, вот так же, как ты тогда, — с ней могло случиться то же, что с тобой, только не потому, что кто-нибудь этого захотел, это ведь, бывает, случается и от болезни, или же возникший сам сомневается, стоит ли ему продолжаться. И вот это ей грозило, потому пришлось обратиться к врачам, и врач сказал, что все исправит в два счета — вычистит, это так называется. На что ее мать сказала: «Попробуй только — убью тебя тут же на месте!» — так сказала, что он поверил. Она не вставала с постели все время, сколько нужно было, чтобы дочка нормально вошла в наш мир. Поверь мне, сын, таких матерей куда больше, чем других, которых вы тут поминаете.

— Но мы-то знаем лишь тех, из-за кого тут оказались. Слушай, па, а как ты думаешь — я не могу навестить эту мать во сне? Ну, как тебя. Она не испугается?

Я покачал головой:

— Не можешь, сын. В том, нашем мире ее больше нет. Как и той, что не родила тебя.

— Я понял, — кивнул он. — Она — в высшем мире, да? Мы тут о нем знаем очень мало. Хотя многие из них попадают сюда, к нам — но они ничего не рассказывают, потому что перестают что-то помнить, они, как и мы, уходят в вашу жизнь, — они называют его местом испытаний, такие ощущения у них остаются от предыдущего опыта, но только ощущения, ничего конкретного. Так что о предстоящем они знают еще меньше нас, кто еще ни разу там не был.

— Ты так уверен, что не был?

Он снова взялся двумя пальцами за подбородок; похоже, это движение было у него изначальным, корневым, мы сказали бы «врожденным» — если бы дали сыну родиться.

— Ну... никакой памяти. — Он покачал головой совсем по-человечески. — Даже в ощущениях. Хотя, может быть, так и нужно? Это ведь не нам решать.

— И не нам, конечно. Все мы — в витках великой спирали. Прежде — сейчас — потом. И снова: прежде...

— А у нас получается: прежде — и опять прежде. Когда мы об этом думаем, то обида — или как это назвать — становится еще сильнее: нам ведь помешали подняться еще на виток. Осадили. Без нашей вины.

— Сын, — сказал я, чтобы как-то разбавить горечь его мыслей, — но ведь это не конец. Ты и сам знаешь, что конца не бывает, есть лишь вечное преображение. И я надеюсь, что в следующий раз, когда тебя пошлют, все получится прекрасно и твое «сейчас» окажется счастливым — хотя бы чтобы возместить тебе то, что случилось в прошлый раз.

— Я понимаю, — ответил сын. — Особенно, если у тебя получится. Знаешь, в следующий раз, когда ты меня наведишь, ты уже сможешь рассказать мне, что тебе удалось сделать для нашего замысла. Ладно? Ты ведь сможешь, если захочешь.

— В жизни возможно все. Как и за ее пределами, — ответил я уклончиво.

— Здорово! — еще раз обрадовался он. И тут же вздохнул: — Па, тебе пора. Мои силы кончаются. Сейчас все вокруг начнет таять, и... тебе не надо этого видеть. Вот машина — они тебя отвезут, как всегда. Я тебя люблю, па. И всегда буду...

— И я тебя всегда буду любить, сын.

— Скажи: «Онтик»!

— Всегда, Онтик!

— Жди — я позову тебя скоро!

Но он больше не позвал меня. И ни разу не пришел ко мне во сне. Хотя прошло уже почти три года после этого свидания.

Причина, думал я, может быть лишь одной: его призвали — и где-то, у кого-то он уже родился. Я всей душой верил, что родился: слишком уж неоправданной жестокостью было бы — еще раз отлучать его от жизни.

Тем более, что и выходя из дому, и в особенности прогуливаясь в парке, я видел много их — в колясках, на руках, на собственных, еще очень неуверенных ножках. Я не знал статистику, но это внушало надежды.

Я внимательно глядел на них, а иные из них порой разглядывали меня с определенным интересом. Как и все остальное, возникавшее в их жизни: игрушки, собак, деревья, цветы. На мне их взгляды не задерживались. И правильно: зрелище не самое интересное.

И лишь один — на мой взгляд, двухлетка, — проходя за ручку с мамой мимо меня, уже отдаляясь, оглянулся и посмотрел еще раз.

И двумя пальчиками, большим и указательным, ухватился за свой маленький подбородок. Словно задумавшись. Даже приостановился.

Но мать — статная, хорошо упакованная молодлица — крепко держала его за другую ручонку, и они пошли по аллее дальше, своей дорогой.

М Э Р И Р О З Е Н Б Л Ю М

ПОИСКОВАЯ

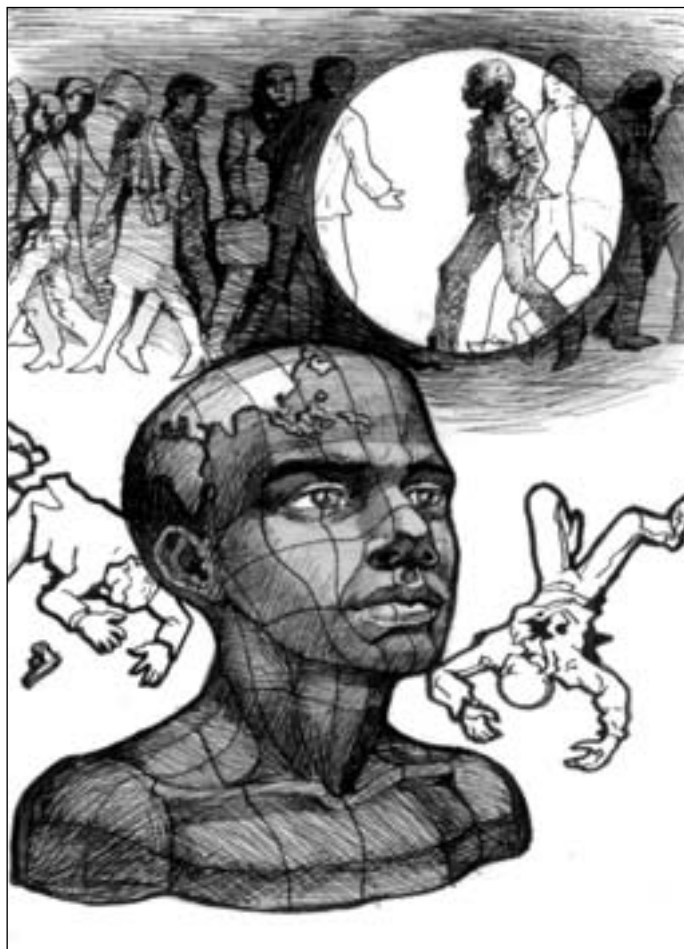

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

МАШИНА

Веки Амана дрогнули, когда голосистема офиса спроецировала ему на радужку новую иконку: череп со скрещенными костями. М-да. Сморгнув, чтобы картинка исчезла, он нахмурился на дверь офиса. Федералы.

— Держи ухо остро, — сказал он новенькому, развалившемуся на стуле возле голостола.

— Что-то стряслось?

Парнишка подался вперед. Но дверь уже открывалась, раздвигалась с мягким шепотком, говорившим, что вы пришли в наилучшее заведение и деньги потратите с умом. Впечатление подкрепляла сама обстановка офиса: дорогой шерстяной ковер, мебель из натурального дерева. Вы обратились не к задрипанным виртуальным ищейкам, нет, тут сидят настоящие профессионалы.

Но гостю было не до впечатлений. Сняв черные очки, он убрал их в карман безупречного делового костюма и серыми глазами-льдинками вперился в лицо Амана. Если увиденное ему не понравилось, выучка не позволила этого выказать.

— Мистер Бутрос.

«Пиджак» не подал руки, а сразу сел по ту сторону стола, бросив многозначительный взгляд на новенького... Джайми. Аман наконец-то вспомнил, как его зовут. Опять Рауль навязал ему свою очередную пассию, мол, присматривай и, может, даже натаскивай.

— Мой ассистент, — твердо пояснил Аман.

Мальчишка останется и точка. Аман намеренно давал понять, кто тут «альфа», выжидая, пока «пиджак» оценит ситуацию и свои варианты. Аман чуть склонил голову на едва заметный кивок «пиджака». Этот раунд за ним. Выигрывать надо, где только сумеешь.

— Чем могу быть полезен?

Из внутреннего кармана «пиджак» достал маленький кожаный футляр, из него — тоненькую флэшку. Аман молча протянул ему кабель порта. Клиенты редко хранят свои файлы в сети. Во всяком случае, те, кому по карману расценки «Поисковой машины Inc.». Флэшка с щелчком встала на место, и рабочий стол Амана включился. В голографическом поле возникли, медленно вращаясь, мужские голова и плечи. Кожа темная, но не черная, возраст — около двадцати, смешанные евроафриканские и латиноамериканские гены. Приблизительно тот же фенотип, что и у новенького (Джайми, напомнил себе Аман): обретшая плоть история войн, грабежей и насилия. На голом черепе беглеца поблескивал имплантированным световолокном слоган. Пробежав его глазами, Аман вздохнул, вспоминая ссору с Эйви из-за слоганов и пиктограмм. Валяй, вытатуируй свою неполиткорректность на теле, сынок, пусть копы за версту видят. На тот случай, если сами не догадаются. Ду-

рацкая идея, Эйви. Это была не последняя ссора, но близко к тому. По нижнему краю голополя поплыли иконки файлов с данными. Предпочтения в еде, одежде, сексе, услугах. Аман кивнул: федералы знают, что ему нужно, и всю возможную информацию уже собрали.

— Срочность? — спросил он.

— Высший приоритет. — «Пиджак» не спускал глаз с расчерченного светом профиля беглеца.

Аман кивнул, чувствуя, как напрягся Джайми. Тут даже оглядываться не требовалось: от мальчишки прямо-таки исходили волны тревоги. Аман тронул одну, другую иконку, открывая различные файлы, надеясь, что Джайми удержится и смолчит. Хмурясь (ведь нельзя, чтобы клиент решил, будто работенка плевая), он заглянул в предварительный анализ покупок беглеца. Ну да, тратит он сообразно своим взглядам. С этим парнем проблем не возникнет. Он обожает привлекать внимание.

— Четыре дня. — Начинать с верхней планки и торгуйся. — Плюс-минус десять процентов.

— Двадцать четыре часа. — Губы гостя едва шевельнулись.

Любопытно. Откуда такая спешность? Аман тряхнул головой. Никаких извращений в сексе, никаких наркотиков, значит, придется опираться на еду и одежду. Так, посмотрим, что о нем знают госпрограммы...

— Три с половиной, — наконец сказал он. — Плюс невозмещение ущерба в случае неудачи.

Сошлись на сорока восьми часах без невозмещения.

— Десять процентов премии, если успеете раньше срока.

Визитер встал. С мгновение он сверлил взглядом Джайми: фотографирует и заносит изображение в биоимплантант? Если лет через сто он столкнется с Джайми на улице, то обязательно его вспомнит. И хорошо, коли Джайми к тому времени ничего серьезного не натворит.

— Этот тип им чертовски нужен. — Джайми подождал, когда над дверью зажжется зеленая лампочка, свидетельствующая, что гость не оставил «жучков». — У беглеца пиктограмма геян.

Само собой. Все их пиктограммы и слоганы Аман знал наизусть.

— Что он такого сделал? — спросил новичок.

— Мне откуда знать? Не мое дело.

Вспомнилась их с Эйви ссора. Тронув одну иконку, Аман закрыл глаза, давая собственным биопрограммам загрузить информацию и спроецировать ее на радужку.

— Ага, делаем, что сказано. Усек. — Развалясь поудобнее, Джайми закинул ботинок на угол голостола. — Есть сэр, нет проблем, сэр. Так? И плевать на причину, лишь бы денежки текли.

— Он из правительства.

Не обращая внимания на ботинок Джайми, Аман моргнул, гася изображение. И почему, скажите на милость, Рауль нанял этого юнца? Да нет, и так понятно почему. Аман глянул на своего худошавого, андрогинного «ассистента» и подавил вздох, в который раз спросив себя, догадался ли тот, что к чему, сообразил ли, почему его взяли на службу.

— А в твоей работе с данными все легально? — Вид у парнишки стал задумчивым, он явно переваривал услышанное. — Думаешь, мы настолько крутые, да? Думаешь, у нас облав не бывает? Платить приходится всегда, малыш, особенно за успех.

Джайми снял ногу со стола:

— Все эти нападки на геян — чушь собачья. Хлеба и зрелищ, лишь бы отвлечь от проблем Северо-Американского Альянса...

Аман предостерегающе поднял руку.

— Только на голове у себя световолокном такого не пиши, — мягко предупредил он. — И с Раулем о политике не разговаривай.

Джайми залился краской.

— Ну и почему вы позволили, чтобы вас загнали в угол? Вдвое урезали срок. Ан Ксуен уже подтвердил результаты Ферроджерса.

— Обойдемся без Ксуена. — Аман кивнул на иконки. — Наш беглец помешан на всем органическом. Вегетарианец. И одежда, и личные вещи только из природных волокон. Даже ты часа за четыре его нашел бы.

— А что если он покупает продукты с ферм и вещи ручной работы? — Джайми нахмурился. — В них всеобщие ярлыки не зашиты.

Аман пообещал себе, что поговорит с Раулем, хотя это, скорее всего, ничего не изменит. Во всяком случае, пока парнишка Раулю не надоест.

— Очнись, ты в каком мире живешь?

Встав, Аман направился к маленькому, ничем не примечательному голостолу у задней стены, спрятанному за дорогой ширмой в стиле шоджи. Здесь было его настоящее рабочее место. Все остальное — декорации для клиентов.

— Попробуй продать что-нибудь без в-ярлыка и в миг лишишься лицензии или число e-sol в твоей продукции окажется слишком высоким, а твоя прядильная мастерская — прикрытием для сбыта наркотиков. — Он рассмеялся. — Во всем есть в-ярлык.

Это было не совсем так, но у Джайми пока не хватало аргументов, чтобы возразить.

— Ладно, — новичок пожал плечами. — Так ты говоришь, четыре часа. Ну-ну... Начнем с секса?

— Он за секс не платит. Я сам этим займусь.

— С чего бы? — ошетинился Джайми. — Разве для тебя это не лишком просто? Если даже я справлюсь?

Аман помедлил, что-то его смущало.

— Мне решать.

Он сел за свой рабочий стол, а Джайми разобиженный вышел.

Включив защищенное голополе, Аман перенес файлы туда. Секс беглец получает даром или вообще без него обходится, а значит, нет смысла искать здесь. Следующей в списке потребностей обычно идет еда. Открыв личную поисковую программу, Аман ввел данные с последнего оттиска идентификационного чипа беглеца. От самого чипа беглец уже избавился, иначе агент бы к нему не пришел. Идентификационный чип вживляется при рождении, но никто пока не придумал, как сделать это раз и навсегда. Хотя правительство не устает пытаться. ИскИн Амана запустил бесчисленные тысячи пальцев в датасферу и начал копать во всех банках данных по розничной торговле. Противозаконно, конечно, и информация о розничных покупках защищена, как деньги в банке, но если готов заплатить, то можно купить ее у ребят покруче тех, кто создавал системы защиты. «Поисковая машина Inc.» готова платить.

И верно, у *forsale.data* оказалось искомое досье. У них ведь самая крупная сеть. К ним стекается информация от большинства розничных торговцев. Аман вытащил сведения о предметах потребления парнишки. У *forsale* были сводки, но его ИскИн сгенерировал собственные графики по специфическим параметрам. Аман выждал полминуты, пока ИскИн переваривал сырую информацию: товары, цену на каждый предмет, который беглец купил с тех пор, как впервые воспользовался кредитной карточкой, до того дня, когда подпольный умелец удалил ему в закоулке чип. Каждый апельсин, каждая упаковка жвачки, каждая бутылка пива имеет свою ДНК-подпись, и информация о каждой покупке отсылалась в файл, открытый в тот день, когда родился беглец и ему был вживлен чип.

Высветилась иконка завершения операции. Беглец одних лет с его сыном. Двадцать с небольшим. Выглядит моложе. Довод в пользу вегетарианства и органических продуктов? Аман кисло улыбнулся. Эйви бы оценил. Это был один из основных предметов их ссор. Аман просмотрел перечень пищевых продуктов. Когда он только занялся розыском пропавших и беглых, его изумляло, насколько еда отражает жизнь и взгляды человека. В детстве у беглеца была типичная североамериканская диета, плюс короткий список личных предпочтений, которые Аман пропустил. В девятнадцать он стал геянином. Разрыв ясно виден на графиках: внезапный и резкий переход с животных бел-

ков на рыбу, затем исключительно на растительные белки. Траты на алкоголь упали до нуля, а на продукты марихуаны утроились и на дикорастущие галлюциногенные грибы тоже. Как и следовало ожидать, история покупок запрещенных наркотиков мало что дала. Их случайный характер указывал, что беглец покупает наркотики для одного человека или группы лиц, но не для постоянного личного потребления. Случайность опровергает долговременную зависимость.

А вот краткий период постоянной покупки психотропов в сочетании с увеличением объема пищевых продуктов говорил о совместной жизни с возлюбленной или другом. Внезапный спад предполагал разрыв. Или смерть партнера. Аман велел ИскИну сопоставить спад приобретения наркотиков с новостной базой данных Северо-Востока Альянса — региона, где производились покупки. В точку! Через восемнадцать часов после последней покупки умерла женщина лет двадцати. Подруга? Смерть от передоза? Аман прищурился. Причиной смерти названа остановка сердца, но ИскИн этот факт пометил.

— Продолжать.

Аман переждал секунды размышлений ИскИна.

— *Недостаточно данных*, — прошептал андрогинный голос ИскИна. — *Продолжать?*

Аман помедлил: подобные поиски стоят денег, и связь, если таковая вообще существует, довольно шаткая.

— Продолжать. — Реальных причин нет, но он привык доверять интуиции.

* * *

Как всегда, контору он покинул последним. Когда он миновал шикарную приемную, секретарша пожелала ему доброй ночи, улыбка у нее была столь же свежей, как и рано утром. Стоило ему запереть за собой дверь, секретарша отключилась. Настоящая мебель и ковры означают деньги и положение, но реальные люди — риск утечки информации. Ночной охранник, еще одна голографическая личность, пожелал ему доброй ночи, когда он пересекал маленький вестибюль. В голографическом прудике, окруженном цветущими орхидеями, плавал красный карп. На столиках у стены стояли огромные вазы с цветами (сегодня лилии). Вместе с голограммами компания-поставщик обычно присылала запахи. Запах лилий последовал за Аманом на улицу. Домой он поехал на такси-рикше, радуясь, что невысокая жилистая женщина в седле не пристает с разговорами, а только налегает на педали, прокладывая путь через вечерние заторы на улицах.

Из головы у него никак не шел сегодняшней «пиджак». Джайми прав. Геяне безвредны, они обычные луддиты, ратующие за возвраще-

ние к земле. Беглец нужен федералам не из-за политических взглядов, хотя этим они прикроются перед СМИ. Аман рассеянно смотрел в мускулистую спину женщины, которая везла его мимо уличных торговцев, голосисто рекламировавших еду, игрушки и разрешенные наркотики, — островки в реке гуляющих, жующих, покупающих пешеходов. Он давно уже перестал спрашивать почему. Пот катился по темной, как нефть, спине. Может, потому что беглец одних лет с Эйви и тоже геянин. Аман потянулся к колокольчику, и, не успело замереть серебряное звяканье, рикша свернула к обочине. Она сверкнула седаку улыбкой, когда он прижал большой палец к дисплею, а после поспешила в поток такси и скутеров, запрудивших улицу.

Аман зашел в маленький универсам своего квартала, наслаждаясь видом пустых в столь поздний час отделов. Взяв из стопки у двери пластмассовую корзину, он двинулся по первому проходу. «Сегодня вы открыли последний пакет апельсинового сока», — по-матерински бубнил менеджер магазина, пока Аман шел вдоль холодильников. Верно. Когда он входил, менеджер просканировал его идентификационный чип, связался с smartshopper.net — компанией инвентаризационного контроля, на услуги которой подписан Аман. Тамшний ИскИн открыл его личный реестр, дабы проверить, нужен ли ему апельсиновый сок, потом сообщил в магазин, и менеджер ему напомнил. Аман бросил в корзину пакет с замороженным соком. На ручке корзины высветилась цена, и общая сумма постепенно выросла, когда он добавил пару замороженных обедов и салат в вакууме. «Сегодня распродажа Пино-гри с виноградника Уильяметта, — менеджер винного отдела говорил густым басом. — Скидка три доллара». Его любимое белое вино. Аман взял бутылку и направился к кассам, чтобы отпечатком большого пальца авторизовать общую сумму покупки.

— Легкую жизнь мы себе устроили, верно?

Подняв взгляд, Аман увидел, что к стене за кассами прислонился Джайми.

— Следишь за мной? — Аман сложил покупки в пластиковый пакет. — Или это случайность?

— Я живу в квартале от вас. — Джайми пожал плечами. — И всегда хожу сюда за покупками. — Он поднял собственный пластиковый мешок. — Может, выпьем? Угощая.

— Конечно, — отозвался Аман во искупление промаха, что не заинтересовался, где живет «ассистент».

Они сели в открытом кафе на тротуаре.

— *Обычное?* — вежливо спросил столик.

Оба согласились. Аман было задумался, а что у Джайми «обычное»,

как вдруг сообразил, что парень уже пьян. Глаза у мальчишки подозрительно слезились, и лицо блестело от пота.

Необычное для него состояние. Он сам проверял интоксикационные профили, когда они с Раулем рассматривали заявления о приеме на работу. Аман откинулся на спинку стула, миниатюрная женщина поставила бокал стаута перед ним и «Маргариту» перед Джайми. Аман сделал глоток горького пива, глядя как Джайми одним махом опрокидывает треть коктейля.

— Тебя что-то беспокоит?

— Вы все время составляете досье? — Джайми со стуком опустил бокал. Жидкость плеснула через край, по выгнутому боку бокала заскользили кристаллы соли. — Вас никогда это не достает?

— Что меня должно доставать?

— Этот «пиджак» имеет вас с потрохами. — Джайми смотрел на коллегу в упор. — Так ведь вы мне сказали?

Аман и глазом не повел, только отпил еще пива, стараясь, чтобы на лице у него ничего не отразилось.

— Пусть федералы так думают. Считай это обменом.

— Они ведь того парня распнут, верно? Или прикончат по-тихому.

— Правительство не совершает покушений, — мягко напомнил Аман.

— Ну да, как же. Публично — ни одного.

А ведь все свидетельства есть в его деле. Джайми давно читает левачки журнальчики, состоял в паре радикальных групп, занесенных в правительственный «желтый» список... еще не красная зона, но близко. Однако лучшие поисковики как раз и получают из таких отчаянных мальчишек. Когда то и дело ждешь предательства, очень точно учишься оценивать людей.

— Наверное, я просто думал, что работаю на хороших парней, понимаете? Мы ищем мошенников, пушеров, может, гадов, которые бросают детей на произвол судьбы. Но такое... — Осушив бокал, он со стуком поставил его на стол. — Еще.

— *Вы превысили уровень, установленный для вождения машины, — с материнской заботой сообщил столик. — Я могу вызвать такси. Только дайте знать.*

Мгновение спустя официантка поставила перед Джайми новую «Маргариту» и унесла пустой бокал.

— Вот вам и частная жизнь! — Джайми уставился в бокал, слова у него вышли чуть невнятно. — Готов поспорить, в какой-нибудь базе данных есть отчеты о моем пищеварении.

— И о том, сколько раз ты спускаешь воду в туалете.

— Ха-ха. — Джайми вперил в собеседника затуманенный взор. Алко-

голь окончательно ударил ему в голову. — Когда вы перестали спрашивать «почему»? А? Да и вообще спрашивали когда-нибудь?

— Пошли, — Аман встал. — Я отведу тебя домой. Ты же сейчас со стола упадешь.

— Я не пьян, — заявил Джайми, но встал. Аман подхватил его, когда он покачнулся. — Пожалуй, все-таки пьян. — Джайми хохотнул так громко, что на него обернулись прохожие. — Наверное, надо привыкать? Как вы.

— Двигай. — Аман не слишком мягко потянул парня за собой. — Скажи, куда нам идти.

— Нам?

— Просто адрес мне дай, черт побери.

С ребячливой угрюмостью Джайми пробормотал нужные цифры и, спотыкаясь, неуверенно двинулся по улице. Аману пришлось его подержать. Жил новичок в одной из дешевых и модных башен, которые выросли как грибы, когда район стал популярным. Квартира была лишь на шестом этаже, недостаточно высоко для разрекламированного вида из окон. На его доходы не пошikuешь. Когда квартира просканировала чип Джайми, дверь открылась и зажегся свет. Включилась музыка, какой-то ностальгический ретро-панк, Аман узнал группу. На мягких лапах подошел и уставился зелеными глазами кот, золотистая шерсть у него была лишь чуть встrepана. «Он же настоящий!» — удивился Аман. Джайми выложил солидную сумму, чтобы ему разрешили держать в квартире животное из плоти и крови.

— Меня тошнит, — пробормотал, расширив глаза, Джайми.

Они едва успели добраться до крохотной ванной. После Аман уложил парня в единственной комнате на раздвижной диван, служивший также кроватью. Джайми отключился, едва его голова коснулась подушки. Аман подставил ему корзину для мусора и водрузил большой стакан воды с парой таблеток старомодного аспирина на низком столике возле дивана. И все это время за ним, не сводя укоризненного зеленого взора, ходил рыжий кот. Аман порывлся в шкафах крошечной кухоньки, нашел пакет с кошачьим кормом и высыпал содержимое на тарелку. Поставил тарелку на пол. Победно задрал хвост, кот решительно направился к еде.

Наверняка кот есть в базе данных... И сегодняшняя выходка будет добавлена в интоксикационное досье Джайми, заказ коктейлей аккуратно пометят, поскольку такое поведение мальчишке не свойственно. Если его работоспособность пойдет на спад, Рауль первым делом заглянет в этот файл. И обнаружит сегодняшнюю эскападу.

— Эй!

У двери Аман помедлил, оглянулся. Джайми, приподнявшись на локте, смотрел перед собой невидящим взглядом.

— Спасибо... ч... что его покормили. Я не... не пьяница. Вы ведь в курсе, да?

— Ага, — кивнул Аман.

— Я его знал. Того парня. Дарена. Мы дружили. Росли вместе, понимаете? Вы сами были ребенком? «Пиджак» его убьет. А вы его выдадите. — Из уголков глаз Джайми скользнули две слезы. — Но почему? Вы даже не поинтересовались. Даже меня не спросили, знаю ли я его.

Вот черт. Ему и в голову не пришло поискать тут взаимосвязь.

— Извини, Джайми, — мягко сказал Аман.

Но Джайми уже снова отключился, голова его свесилась с края дивана. Вздохнув, Аман вернулся и снова уложил парнишку на подушки. Он смотрел на простертое худое тело. *Почему?* Какая разница? «Пиджак» все равно бы не сказал правду. Но Джайми прав. Следовало бы спросить. Он вспомнил досье на беглеца, тот момент, когда в нем решительно изменилось все: рацион, гардероб, траты. Этот разрыв был очевиден. Что за ним стояло... об этом можно только гадать.

Как выглядело бы досье Эйви?

Этого не узнаешь. Его точкой разрыва стало подпольное удаление чипа.

Закрыв дверь, Аман услышал щелчок запирающего устройства квартиры.

Он отнес свои пакеты за пару кварталов к собственному скромному многоквартирному. Никакая музыка не включилась вместе с лампочками. Никакого кота, только датская мебель и старинный афганский ковер, сотканный тонкими пальчиками давно умерших женщин. Он убрал покупки, сунул обед в микроволновку и подумал, не налить ли еще пива. Но выпитый с Джайми стаут еще гудел у него в крови. Криво улыбнувшись, он вспомнил своего деда, правоверного мусульманина, и его тирады о демоне крови по имени алкоголь. Сегодня алкоголь и впрямь казался демоновой кровью. Звякнула микроволновка. Аман поставил дымящийся поднос остывать, сел, скрестив по-турецки ноги, на поблекший алый с голубым шерстяной ковер и, моргнув, открыл биопрограмму.

Все это время его ИскИн работал над досье и сейчас предложил пять поставщиков. Аман взялся сперва проверить досье на беглеца. Тут важны не только данные. Важна интуиция, способность заглянуть за цифры, увидеть за ними человека. Аман просмотрел покупки: шоколадные батончики; фильмы, чтобы скоротать одиночество; туманные намеки на существование девушки, овеществленные в клонированных розах, бельгийском шоколаде и парных билетах. Подобные симптомы появлялись и исчезали, по меньшей мере, трижды. Некоторое время беглец заботился о своем весе или, во всяком случае,

мышцах, потому что тратился на занятия в спортзале и специальную диету.

Кто-то умер. Аман пометил счета за цветы, крематорий, всплеск покупок алкоголя на протяжении трех месяцев. А потом... потом разрыв. Из любопытства Аман открыл еще один файл из тех, которые сгрузил ему «пиджак», прочел биографию. Дарен — дитя по контракту, современный способ заводить ребенка. Мать делала карьеру на орбитальной станции. Няня, частная школа. Цветы предназначались отцу, который умер в пятьдесят четыре года от аневризмы аорты.

Он пошел в геяне после смерти отца.

В отличие от Эйви, который не стал дожидаться.

Аман снова взглянул на список поставщиков. Все торговали органическими продуктами, дикорастущими овощами и хлебом с естественной клетчаткой. Трое еще на месте, один перебрался в Монреаль, другой — в Конфедерацию Южной Америки, в штат Бразилия. Аман прокрутил данные на них... В точку! Он выбрал одного из местных. Покупки сосредоточены на северо-востоке города, в районе, бывшем когда-то модным пригородом, а теперь превратившемся в убогое поселение поденных рабочих. Беглец ходит пешком, без чипа не может воспользоваться общественным транспортом, а доступа к собственному у него, по всей видимости, нет. Наивный. Аман медленно выдохнул. Напуганный. Мальчишка, который прикрывает голову диванной подушкой и думает, что его не видно. Интересно, сможет ли он найти Эйви? Задача потруднее. Сын знает, как он работает. Понимает, как прятаться по-настоящему.

Аман никогда его не искал.

Ни с того ни сего он вернулся к флажку ИскИна на предыдущем поиске. ИскИн тогда пометил смерть девушки — вероятно, подруги или возлюбленной. На сей раз ИскИн выдал ему всплеск смертей от передозировки за последние пять месяцев. В качестве «тега» возник знак вопроса, красный, — иными словами, продолжение поиска может завести в защищенную или неавторизованную область, куда у него нет допуска.

— *Продолжать?*

Аман едва не ответил «нет».

— Ладно, Джайми. — Он тронул кровавого цвета значок. — Продолжать.

Значок пропал. Просмотр защищенных правительственных файлов обойдется в круглую сумму. Остается надеяться, что он сумеет объясниться с Раулем, если тот его поймает.

Когда ноги затекли, Аман наконец моргнул, закрывая биопрограмму, и с трудом поднялся. ИскИн еще не закончил поиск файлов Агент-

ства по борьбе с наркотиками. Еда успела остыть, и было уже за полночь. Убрав поднос в крошечный холодильник, он рухнул на низкий диван. Как Джайми, но абсолютно трезвый.

* * *

Утром он послал Раулю SMS, мол, плохо себя чувствую и придать ли мне сегодня. Как и ожидалось, Рауль ответил: ни в коем случае, лучше проверься, прежде чем отправляться на работу. На Рауля с его паранойей по части биотерроризма всегда можно положиться.

Совершенной ложью его сообщение назвать было нельзя. Аман действительно неважно себя чувствовал. Впрочем, это понятие растяжимое. По сгруппированным смертям от передоза ИскИн ничего не выдал, и сей факт смущал. Система защиты у АБН не настолько мощная, чтобы остановить Амана. Он отправил Джайми электронное письмо, велел ему самостоятельно работать над «Саузой» и присоединив пару-тройку незащищенных файлов, чтобы занять мальчишку чем-то несложным с похмелья. Нужную одежду он нашел на дне шкафа: поношенную рубашу и запачканные машинным маслом джинсы. Еще он надел стоптанные ботинки, которые подобрал несколько лет назад в городском центре вторсырья, потом нанял рикшу до монорельсовой дороги и выбрал маршрут на северо-восток. Настороженному рикше он заплатил наличными, на них же купил билет в один конец. Наличие едва ли скроет его передвижения. Мрачно улыбаясь, он нашел в вагоне свободное место. Поездки на рикше и монорельсовой, разумеется, попадут в citizen.net — информационную службу, которой пользуются все транспортные системы. Просто желающим узнать его сегодняшний маршрут потребуется на несколько минут больше.

Город внезапно оборвался Поясом, полосой ничейной земли из заброшенных складов и остовов домов, населенных сквотерами — бесчиповыми отбросами общества. Участки чахлой растительности наводили на мысль о порядке среди убогого хаоса. Поезд неся над проседающими крышами и неопрятными кустами, и вдруг, как на стоп-кадре, перед Аманом возникла круглолицая девочка, которая выглянула из-под каскада розовых ветвей, омытых распускающимися цветками. Ее рубаша, на удивление яркая и чистая, в точности соответствовала розовому цвету лепестков, и она помахала, когда поезд унес Амана прочь. Он выгнул шею, чтобы посмотреть на девочку, но она уже скрылась за поворотом.

На нужной остановке он вышел с горсткой женщин, среди которых затесалась пара мужчин, все они возвращались после ночи уборки или ручной работы в каком-то фешенебельном ателье. Топая по цементу

платформы, ни один на него не взглянул, но по спине у него все равно побежали мурашки, он не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают.

Зачем кому-то за ним следить? Но Аман помешкал, изучая куски дыни и ранние яблоки, которыми торговали скучающие мальчишки у конца платформы. Он немного поторговался, потом развернулся и быстро пошел прочь, чем заслужил очередь изобретательных выражений. Ни следа «хвоста». Пожав плечами, Аман решил, что у него просто сдали нервы. Отсутствие данных от ИскИна с каждой минутой все больше тревожило. Восходящее солнце уже начало припекать и обожгло ему шею, когда он спускался с платформы на улицу.

Дома здесь были старые, крыши просели или были наспех перекрыты крашенным под дерево дешевым сайдингом. Люди как будто жили лучше, чем в ничейном поясе вокруг городского центра, но не намного. В крохотных двориках росли овощи, водостоки подпитывали подвесные цистерны, и с полулегальных лотков торговали овощами, домашними фруктовыми напитками и бутербродами или же предлагали различные услуги — совсем как уличные торговцы в его квартале, только здесь клиенты приходили к торговцам, а не наоборот.

Он остановился возле чистенького с виду киоска у края бывшей автостоянки и купил стакан овощного сока, приготовленного у него на глазах в дряхлом блендере. Перед тем как нарезать овощи, женщина помыла их в ведре мутной воды. Аман уловил запах хлорки. Ладно, более или менее безопасно. Прививки он недавно сделал, поэтому без заминки взял стакан и попробовал пряную, приправленную базиликом жидкость. Он не слишком любил базилик, но все же улыбнулся торговке.

— Дарен сегодня заходил? — Он рискнул назвать настоящее имя беглеца на тот маловероятный случай, если мальчишка слишком наивен и не придумал себе подпольное. — Мы договорились тут встретиться. Готов поспорить, он проспал.

Лицо женщины немного разгладилось, улыбка стала более искренней.

— Конечно. — Она пожала плечами. — С ним ведь всегда так. Мимо меня он обычно позже проходит. Около полудня. — И она рассмеялась — расслабленно и спокойно, как с другом.

Он пользуется настоящим именем... Аман отпил еще сока и удержался от того, чтобы покачать головой. Маленький мальчик, накрывший голову спасительной подушкой. Из низенького квадратного дома, почти скрытого гигантским пологом веток киви и плетей кудзу, вышел молодой человек и бодро направился к ним. Сотканная вручную, окрашенная ягодами рубаха бросалась в глаза, как яркий дири-

жабль. Свободные штаны из желтоватой рогожки и нитка резных бус на шею — словно неоновая вывеска.

— А вот и он, — сказал Аман, и улыбка торговки подтвердила его догадку.

Аман подождал, пока взгляд беглеца не остановится на нем, и быстро шагнул навстречу.

— Дарен, сколько зим! — Он обнял его, как потерянного брата, мимолетно тронул губами щеку и прошипел потрясенному парнишке на ухо: — Делай вид, что мы старые друзья, и, возможно, федералы тебя не сцапают.

Парнишка напрягся, паника сковала его мышцы, в ноздри Амону ударил кислый запах пота. Несколько секунд Дарен раздумывал. Потом все его мышцы расслабились разом, и руки Амана инстинктивно напряглись, чтобы его удержать. Парнишку била дрожь.

— Ну же, соберись! Давай пройдемся, — сказал Аман. — Я здесь не для того, чтобы тебя сдать.

— Дай мне соку попить...

— Нет.

Большой палец Амана вдавился в нервный узел на плече парнишки, и тот охнул.

— Пошли.

Развернув парня, Аман подтолкнул его прочь от киоска с соками, всем своим видом давая понять, что тут гуляют два старых друга: его рука приятельски лежала на плече беглеца, собственным телом он скрывал напряжение Дарена, а большим пальцем надавливал ровно настолько, чтобы напомнить — надо слушаться.

— Ты оставляешь за собой след, по которому даже слепой младенец пройдет, — начал он и почувствовал, как парнишка дернулся.

— У меня чипа нет, — с гневной бравадой буркнул Дарен.

— А при чем тут чип? Его отсутствие лишь на несколько часов замедлит поиск. От подпольного врача ты направился прямо сюда, пешком прошел Пояс, поскольку не смог попасть на монорельс, каждый день покупаешь сок в этом киоске, штаны приобрел в двух кварталах отсюда у одной старушки. Хочешь расскажу, что ты вчера вечером ел на обед?

— О Гея... — охнул беглец.

— Спокойнее. — Аман вздохнул. — Почему тебя ищут? Ты что-то взорвал? Запустил вирус?

— Только не мы. Не геяне. — Он с неожиданной силой вывернулся из рук Амана, кулаки его сжались. — Это все ложь! Я не знаю, почему меня ищут. На нас пытаются повесить биотерроризм, но я ничего не делал. Там, где, по их словам, случилось заражение, не было никаких

вирусов. Это все их домыслы! — Голос у него стал пронзительным. — У них должны быть доказательства, а их нет. Потому что ничего такого не было.

Он так походил на Эйви, что Аман невольно отвел взгляд.

— Так они все выдумали? — Он намеренно говорил резко, словно ни слову не верил.

— Д... да, конечно. — Парнишка опустил глаза, нижняя губа у него дрогнула. — Безумие какое-то. Но почему?! Почему я?! Я даже на демонстрации не хожу. Я просто... просто пытаюсь спасти то, что еще осталось.

— Расскажи про свою девушку.

— Про кого? — Он моргнул, на глазах его выступили слезы.

— Про ту, которая умерла.

— А... Рейна. — Он потупился, и лицо его тут же стало печальным. — Она, честное слово, хотела соскочить с наркотиков. Я пытался ей помочь. Она... у нее было так много страха внутри. Наверное... наверное, только от наркотиков страх унимался...

— Так она покончила с собой?

— Нет, нет. — Дарен поднял на него потрясенный взгляд. — Умирать она никак не собиралась. Просто хотела перестать бояться. Тем утром она приняла обычную дозу. Тот... тип, у которого она покупала, он звал себя Поплавок, наверное, плохо разбавил дрянью. У нее был передоз... я... стал искать того парня. — Дарен покраснел. — Говорил себе, что изобью его до полусмерти. Наверное, мне даже убить его хотелось. Ведь ей становилось лучше. Ведь она бы выкарабкалась. — Он судорожно вздохнул. — Но Поплавок просто исчез. Сукин сын. Я столько дней его искал... а он как сквозь землю провалился. Может, у него тоже случился передоз, — горько добавил он. — Очень на это надеюсь.

И внезапно все встало на место, сложилась картинка.

Почему.

Они вышли к пустырю. Кто-то разбил здесь небольшой виноградник, и Аман наклонился, чтобы разглядеть лозу. Его привлекло мелькание теней. Слишком поздно! Его так увлекла догадка, что он перестал следить за окружающим. Из-за лозы выступил некто, держа наготовку пистолет.

— Вы были правы. — Глаза Джайми блеснули. — Вы думали, у меня мозгов не хватит за вами проследить, да? Да, я не гений, но и не круглый дурак.

— Я, скорее, думал, тебе похмелье помешает. — Аман осторожно развел руки. — Приятель, ведь мы с тобой заодно. И еще: нам сейчас же надо мотать отсюда.

— Заткнись. — Джайми сделал шаг вперед, в его голосе слышалась ледяная угроза. — Просто заткни пасть.

— Джайми? — Дарен растерянно двинулся ему навстречу. — Богиня, я же тебя тысячу лет не видел... Что ты тут делаешь?

— Он тебя вычислил, — сквозь стиснутые зубы выдавил Джайми. — По заказу федералов. Ты не слишком хорошо прятался, Дарен, идиот несчастный. Во всем, что бы ты ни покупал, были ярлыки. Он вытащил списки твоих покупок, ни больше ни меньше, и по ним тебя выследил. И еще посмеялся, как все просто. Слишком просто, чтобы отдать заказ новичку вроде меня. — Глаза Джайми впились в Дарена. — Ты должен...

Аман едва заметно шевельнул левой рукой — лишь бы привлечь взгляд Джайми. Джайми повернулся влево: глаза рыщут, дуло следует за взглядом. Правой рукой Аман схватил пистолет, вывернул, услышал хруст. Вскрикнув, Джайми отпустил оружие, и Аман подхватил его в воздухе в тот самый момент, когда Дарен сделал выпад в надежде дотянуться до ствола. Воздух разорвал свист выстрела из пневматического пистолета. И еще один, и еще. Аман напрягся, теперь все происходило словно в замедленной съемке. Боли нет. Почему нет боли? Жаркая жижа забрызгала ему лицо, и Джайми распластался по виноградным шпалерам, ноги у него подергивались. Аман перекатился, точно тряпичную куклу сбросив Дарена, будто парень ничего не весил; увидел, как с трех метров в мальчишку целится агент.

И выстрелил. Это был безумный выстрел, выстрел в никуда, выстрел наугад.

«Пиджак» упал.

Аман попытался подняться на ноги, но что-то не складывалось. Некоторое время спустя Дарен оттащил его подальше в шпалеры. Под глазами у него залегли тени, казалось, он вот-вот упадет в обморок.

— Он мертв. Джайми мертв. И тот тип тоже. — Беглец льнул к Амону, словно Аман поддерживал его, а не наоборот. — Богиня, у вас кровь идет!

— Хватит с меня богини!

Аман смотрел, как с кончиков пальцев у него катятся красные капли. Левая рука онемела, но это ненадолго.

— Почему? Какого... Что, черт побери, тут происходит? — Пальцы Дарена впились в руку Амана.

— Спасибо. — Насчет черта он в точку угодил. — Нам нужно выбираться отсюда. Местность знаешь?

— Да. Вроде. Туда. — Поддерживая Амана за плечи, Дарен зашагал меж рядами шпалер. — Я... я должен кое с кем встретиться. Меня дальше повезут. Сегодня под вечер. Повезут в... — Он искоса глянул на Амана. — В другое место.

— Надо тебе кое-чему научиться... — Аману пришлось перевести дух. — Или «пиджаки» опять на тебя выйдут.

Он замолчал. Онемение спадало. Когда-то, много лет назад, он работал частным охранником, и у него имелась лицензия на применение оружия; таким образом он оплачивал учебу в колледже. Однажды ночью его подстрелил взломщик.

Сейчас больно было больше, чем тогда: словно с каждым шагом в плечо и в бок ему впивались раскаленные белые копыя. Некоторое время спустя он абстрагировался от тела, бросив его самостоятельно справляться с болью. Интересно, что станет с котом Джайми? Кто станет за ним ухаживать? И Рауль будет вне себя, словно во сне думал он. Не из-за Джайми. Рауль без проблем находил таких Джайми. Но Аман много лучше Рауля. Даже лучше, чем Ан Ксуен, хотя Ан Ксуен считает иначе. Рауль будет вне себя.

Он моргнул и очутился в мире жаркого полудня, но сам сидел в полумраке, прислонившись спиной к чему-то твердому.

— Слушай, ты на ходу отключился. — Рядом на корточках сидел парнишка, залитый потом, испачканный засыхающей кровью с примесью серой пыли, и лицо у него осунулось от усталости и страха. Дарен, а не Джайми. Джайми мертв.

— У меня нет аптечки, но, похоже, кровь уже не так сильно идет. Хочешь воды? — Он протянул Аману пластиковую бутылку. — Все в порядке. Она из чистого источника.

Аману было глубоко безразлично, он и из лужи бы выпил. Вокруг — развалины старого дома. Передняя часть рухнула или ее снесли, но внутренность затенял плотный занавес кудзу. На гниющем деревянном полу темнели черные пятна старых кострищ. Пояс, сообразил он.

— Что там случилось? — Голос Дарена дрогнул. — Почему тот тип застрелил Джайми? Кто это был? Ты сам-то кто?

От воды стало лучше.

— Что заставило тебя удалить чип? — спросил Аман.

— Мою квартиру обыскали. — Парнишка отвел взгляд. — И у себя в машине я нашел жучок. Я... я хорошо умею их находить. Я рассказал кое-каким друзьям, а они сказали: скройся, растворяйся... и не имеет значения, сделал ты что-то или нет. Они были правы. — Его голос снова дрогнул. — Я не делал того, что обо мне говорят.

— Федералы знают, что не делал. — Закрыв глаза, Аман прислонился к продавленному гипскартону. Боль в плече ухала с каждым ударом сердца. — Вся проблема в типе, который убил твою девушку.

— Почему? Я ничего дурного ему не сделал. Даже не нашел его.

— Ты его искал, — пробормотал Аман. — Это их напугало.

Недоуменное молчание в ответ заставило его открыть глаза.

— Насколько я понимаю, местное правительство проворачивает тут небольшую операцию по уничтожению наркотиков, то есть по уничтожению рынка сбыта, — устало объяснил он. — Они заключили сделку с пушерами и, вероятно, подбросили им партию подправленной дряни... чтобы эта дрянь попала на улицы. Результат — внезапное и массовое снижение числа наркоманов.

— Их отравили? — прошептал Дарен. — Намеренно?

— Жутко, да? Скоро выборы. Цифры идут в счет, прости за неудачный каламбур. Кто станет расследовать смерть от передоза, если погибший — зарегистрированный наркоман? — Перед глазами Амана маячило... как по-детски свернулся на диване Джайми, как терпеливо смотрел на него кот. И видения никак не хотели уходить. — Может, они считали, что у тебя есть доказательство. Может, решили, что ты догадаешься и расскажешь друзьям. А те пойдут в СМИ.

Он начал пожимать плечами... и резко втянул воздух. Большая ошибка... подождал, пока мир перед глазами перестанет качаться.

— Мне бы раньше догадаться... «пиджак» не мог не знать про Джайми. Они пустили за ним хвост. — Вот откуда долгий взгляд в офисе. Мнемонический снимок, чтобы агент смог опознать его в толпе. — А я слишком поздно понял. — Виноват он, Аман, а погиб Джайми. — Как скоро тебя заберут?

— Скоро. Кажется. — Парнишка сидел потупясь, но теперь вдруг поднял глаза. — А почему ты за мной пришел? Арестовать?

— Послушай. — Аман с трудом сел прямее, стиснул зубы, выжидая, когда немного утихнет боль. — Я уже говорил, твой след только слепой не найдет, он у тебя как неоновая вывеска. Теперь слушай внимательно. Ты должен делать покупки с умом... Будь то еда, одежда, зубная паста, усек? — Он смотрел в изумленное лицо мальчишки, усилием воли стараясь заставить его понять. — Во всем есть ярлыки, даже если правительство говорит, что нет. Поверь.

Парнишка закрыл рот, кивнул.

— Не покупай прямо противоположного, по этому следу мы тоже можем пойти, лучше покупай хаотично. То вегетарианские продукты, то штаны из кожзама в магазине крупной сети. Такое, на что никогда наличность не тратил. Даже до того как стал геянином, понимаешь? Теперь тебе надо всерьез задумываться, что ты хочешь купить. Еду. Одежду. Сладкое, игрушки, услуги. И нужное ты будешь покупать каждый пятый раз, потом каждый четвертый, потом каждый седьмой. Понял? Непредсказуемость. Покупая ненужное, покупая вразброс, ты без чипа ясного следа не оставишь. В сводках по базам данных ты окажешься ниже радара, и ни один поисковик не примет тебя всерьез.

— Я в Поясе покупал, — запротестовал мальчишка.

— Не имеет значения. — Он уже объяснял Джайми почему. Сейчас нет сил повторяться. Просто нет сил. Веки опустились.

— Эй! — Голос парнишки доносился откуда-то издалека. — Мне нужно знать. Зачем ты за мной пришел? Чтобы объяснить, как от тебя спрятаться? Ты правда хочешь, чтобы я в это поверил?

— Плевать мне, согласишься ты или нет. — Аман с усилием открыл глаза, уставился в размыто-зеленый свет, проникающий сквозь завесу кудзу. — Я... Не знаю точно, почему приехал.

Может, оттого что не спрашивал почему, а Джайми спросил. Может, оттого что Эйви был прав и работа в конечном счете его изменила.

— Но почему? Ты тайный геянин?

Аману хотелось расхохотаться, но он этого не сделал. Слишком больно будет.

* * *

Сквозь зубастые кошмары просачивались голоса. Кто-то разговаривал. Зеленый свет исчез, наверное, уже сумерки. Или он умирает. Трудно сказать. Шаркающие шаги, перед глазами поплыло лицо парнишки, сперва Джайми, потом перетекло в другое... Дарен. Он попытался произнести имя, но во рту у него было слишком сухо.

— Мы тебя в больницу отвезем. — Дарен наклонился совсем близко, глаза у него встревоженные. — Но... ну, я подумал, может... Хочешь поехать с нами? Ведь обнаружится, что ты убил федерала, так? Ты в тюрьму попадешь.

Да, узнают. Но ему известно, как работает система. Федералы придерживают улики, не дадут ход делу. Слишком большой риск: какой-нибудь репортеришка растрезвонит о сделке с наркотиками, которую покрывают агенты. Скорее всего, они выдвинут требования, и он на них пойдет, а смерть Джайми превратится в очередной неприятный, но незначительный инцидент в Поясе. Он сможет взять себе кота Джайми. Никому никакого вреда. Все шито-крыто.

— Поеду с вами, — прохрипел он. — У меня есть доступ к доказательствам, которые вам нужны... по сделке с наркотиками. Забавные получатся выборы.

Не умолять. Не умолять, а меняться.

— С чипом ему нельзя. — Через плечо Дарена заглянула женщина... латиноамериканка... холодная, как лед... явно она тут главная. — А ехать надо сейчас.

— Знаю.

Хотя бы чип у него в здоровом плече.

Она и сделала операцию: крошечным лазерным скальпелем вырезала чип с ловкостью и уверенностью, которые свидетельствовали о навыках медсестры или даже образовании врача. Было больно, но пустяки в сравнении с раскаленными углями в левой руке. А потом его погрузили в кузов, и на улице было совершенно темно.

Он невидим. Раз! — и его не стало. Он исчез из электронной реальности города. Если он доберется домой, квартира его не впустит. Магазинчик на углу не примет его кредитку, даже наличность не возьмет. Он чувствовал себя голым. Нет, он чувствовал себя так, словно перестал существовать. Даже смерть не стерла бы его успешнее. Интересно, так ли чувствовал себя поначалу Эйви? «Я, наверное, мог бы его разыскать, — думал он. — Если бы у меня хватило духу попытаться».

— Хорошо, что ты с нами едешь. — Когда грузовик, или что там у них было, затрясся по разбитому асфальту к ближайшей расчищенной улице, Дарен сел рядом. — Леа говорит, ты, скорее всего, не умрешь.

— Сейчас запрыгаю от радости.

— Может, удастся использовать историю с наркотиками, чтобы повлиять на выборы, избрать кого-то честного.

Он не лучше Джайми, думал Аман. Но... почему, собственно, нельзя надеяться?

— Руководитель нашего отряда тебе понравится, — задумчиво продолжал Дарен. — Он ненамного старше меня, но голова! Большой умница и заботится обо всех до последнего в команде... Богиня действительно для него важна... я про Землю, про Гею говорю. Эйви тебя с распростертыми объятиями примет.

Эйви.

Аман закрыл глаза.

— Эй, ты в порядке? — Дарен схватил его за плечи. — Не умирай, только сейчас не умирай. — В его голосе звенела паника.

— Не умру, — прошептал Аман.

Ему удался крошечный смешок, который обошелся без особой боли.

Может, это все-таки не последний бой.

Так и в богиню Эйви поверить можно. Почти.

— Ваш начальник ни черта прятаться не умеет, — прошептал он. И потерял сознание.

Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ

Р О Б Е Р Т Р И Д

ЕВА РАЗ,

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ЕВА ДВА...

1.

Родители Калы были людьми экономными и в то же время непрактичными. Деньги они тратили очень неохотно, особенно на все, что имело привкус удовольствия или излишества, и одновременно имели склонность мечтать с размахом и поразительную неспособность ставить перед собой достижимые цели.

Как-то весенним вечером отец заявил:

— Этим летом нам следует оправиться в дальнее путешествие.

— Куда? — настороженно уточнила мать.

— В горы. О чем мы уже тысячу раз говорили.

— Разве нам такое по карману?

— Вполне, если мы подсчитаем наши сбережения и если фонд пожертвований будет хорошо пополняться. Почему бы и нет? — Празднование Первого дня уже закончилось, а их церковь, которая гордилась своими реальными целями, завершила год вполне успешно. — Прикоснуться к дикой природе! — воскликнул он, сидя за обеденным столом. — Как здорово это звучит!

В любой другой семье эти слова послужили бы прологом замечательных каникул. Но Кала не торопилась радоваться. Проблемы начались, стоило им приступить к составлению маршрута. Брат Сандор потребовал день или два на осмотр каньона, который всегда назывался Большим. Отец высказал неожиданный интерес к спящим и покрытым ледовой шапкой вулканам возле океана. Кала, когда из нее вытянули ответ, призналась, что охотно прогулялась бы по берегу соленого Мормонского моря. А мать, хотя красоты природы не очень-то ее привлекали, — что она не преминула отметить тоном откровенного превосходства, — упомянула пятерых своих сестер, расселившихся по всему Западу. Поэтому совершенно необходимо нанести визит вежливости каждой из них.

Как-то неожиданно все эти пожелания превратились в длинный список на листе бумаги, и тут даже одиннадцатилетняя девочка смогла понять очевидное: одни только переезды начисто угробят все каникулы. А что еще хуже, мать объявила:

— И вовсе незачем платить всяческим незнакомцам, чтобы они готовили нам еду. Мы повезем свою.

Это означало, что придется таскать за собой на прицепе объемистый ледник, питаться только подмокшими бутербродами, а каждый день будет начинаться с поисков льда и дешевых продуктов взамен тех припасов, которые неизбежно испортятся.

Не желая показаться менее экономным, чем жена, отец добавил:

— И еще мы, разумеется, будем жить в лагере.

Но как они разобьют лагерь? У них же нет ни палаток, ни снаряжения.

— У нас есть спальные мешки, — напомнил он сомневающейся дочери. — А все остальное я возьму займы у наших друзей в церкви. Так что не волнуйся: все будет замечательно! И все в наших руках: едем столько, сколько захотим, а вечером останавливаемся на ночлег. До тех пор, пока поставить палатку можно будет бесплатно.

Для Калы вся эта затея казалась невозможным и заранее обреченным предприятием. Впереди слишком много миль, слишком много противоречивых желаний, и даже если все пройдет идеально, счастливым домой не вернется никто.

— Ну почему вы никогда не учитесь на своих ошибках? — проворчала Кала.

— Что ты сказала, дорогая?

— Ничего, отец, — ответила она, слегка поклонившись. — Ничего.

* * *

И все же удача иногда улыбается даже самым невезучим. До гор оставалось еще две сотни миль, когда лопнул шланг радиатора. Жаркий июльский воздух внезапно наполнился шипящим паром и сладковатым запахом антифриза. Прежде чем свернуть на обочину, отец потратил несколько секунд на проклятия всевышнему и Первому Отцу.

— Оставайтесь в машине, — приказал он, выбрался из кабины и поднял длинный, громко заскрежетавший капот. Набрав в грудь побольше воздуха, он нырнул в бурлящее облако пара.

Сандор хотел помочь отцу, и он буквально умолял об этом мать. Но родительница пригвоздила его взглядом и отрезала:

— Нет, дорогой. Ты останешься со мной. Там опасно!

— Ну, мам... — заканючил брат Калы.

Однако секунду спустя, словно в подтверждение правоты матери, послышался крик отца. Завопил он дважды. Бедняге обожгло кипятком правую руку. А затем, словно для симметрии, он обжегся вновь, когда протянул вслепую левую руку и коснулся раскаленного двигателя.

— Как ты там? — окликнула его мать.

Отец уронил капот и уставился на них сквозь ветровое стекло — бледный, как черепашьё яйцо, и сморщенный от боли.

- Приоткрой капот, — посоветовал Сандор. — Хотя бы чуть-чуть!
- Зачем? — спросил страдалец.
- Чтобы воздух проходил и остужал мотор, — пояснил мальчик.

Будучи всего на два года старше Калы, он, в отличие от любого из родителей, был отмечен прагматичной гениальностью относительно разной машинерии и прочих необходимых в жизни вещей. Наклонившись к младшей сестре, он добавил: — Хорошо, если нам понадобятся всего лишь новый шланг и антифриз.

Но Кала упорно продолжала считать их семейство невезучим.

Из дома они выехали в пятничный шабат, а это означало, что почти во всем мире наступил выходной. И все же, несмотря на дурные предчувствия Калы, день оказался исключительным: отец смог подогнать их раненую машину к предыдущему перекрестку, где им вновь необычайно повезло: там обнаружилась небольшая открытая заправка, она же автомастерская. Дородный пожилой владелец поприветствовал их кукурузным хлебом и обещанием быстрого ремонта. Затем он дал отцу мазь от ожогов и показал женщинам новую дамскую комнату в задней части дома, невидимой с шоссе. Но прятаться у них причин не было. Мать родила детей уже немолодой, к тому же за последние несколько лет позволила себе располнеть. А Кала все еще пребывала в теле девочки — скоро она превратится в красотку, но пока это угловатый подросток.

Посетив дамское заведение, мать и дочь доели хлеб, пока мужчины стояли в гараже, разглядывая горячий и влажный двигатель.

Несмотря на шабат, движение на шоссе оказалось плотным — от тяжелых грузовиков до легковушек. Путешествующие мужчины и многие женщины останавливались заправиться и купить сладкие напитки. Женщины всегда быстро расплачивались и старались поскорее уехать; почти все они были примерно того же возраста, что и мать, но зачем рисковать? Мужчины обычно задерживались, и владелец мастерской, похоже, получал удовольствие от их общества и разговоров на всевозможные темы. Главной из них была погода, а также спортивные соревнования и местные новости. Угрюмый водитель грузовичка доказывал, что мир, по его мнению, уже слишком переполнен и тесен, и пожилой владелец с ним полностью соглашался. А когда следующим клиентом стал счастливый торговый агент, владелец в разговоре с ним не мог нахвалиться на их мудрое правительство и быстрый рост населения.

Кала обратила внимание матери на это противоречие. Та пожала плечами и объяснила:

— Он ведь деловой человек, дорогая. И подстраивает свое мнение под каждого клиента.

Худое лицо Калы приобрело скептическое выражение. Она всегда слыла самой толковой ученицей в Женской академии. Но еще она была девочкой серьезной, почти лишенной чувства юмора и, возможно по этой причине, слишком самоуверенной. Она считала, что в любой ситуации есть только один правильный ответ, только одна мысль, достойная высказывания, и что хороший человек выстоит против всех врагов.

— Я никогда не поступлюсь своим мнением, — поклялась она. — Ни в одну сторону, ни в другую.

— И почему меня это не удивляет? — ответила мать, найдя повод рассмеяться.

Кала решила промолчать хотя бы сейчас. Она слушала церковные гимны, доносящиеся из динамика, и негромко подпевала, когда звучали ее любимые. И листала свой любимый полевой справочник по местной флоре и фауне, готовясь к встрече с дикой природой. Пока что местные ландшафты были от нее весьма далеки — плоская и открытая степь, зеленые кукурузные поля до горизонта и редкие кусты можжевельника, посаженные по обочинам шоссе, чтобы гасить ветер. Время от времени Кала вставала со стула и бродила по комнатке. Денежный ящик магазинчика был заперт и привинчен в верхней части длинного пластикового шкафа. В пыльном углу расположилась стопка старых бланков и оплаченных счетов. Металлическая дверь вела в дамскую комнату — сейчас она была приоткрыта, но там можно в любой момент спрятаться и запереться изнутри с помощью блестящего стального стержня. Рядом с этой дверью висела большая доска для объявлений, увешанная фотографиями молодых женщин. Несколько десятков лиц улыбались в камеры. Снова усевшись на стул, Кала вслух отметила количество девушек.

Мать просто кивнула, промолчав.

Обойдя комнату в очередной раз, Кала спросила:

— Всех этих девушек похитили?

— Вряд ли, — мгновенно отозвалась мать, словно ждала этого вопроса. — Вероятно, многие из них просто беглянки. Плохо обращались дома, попались не те друзья, и теперь они живут где-нибудь на улице. Всего-навсего пропали без вести.

Кала задумалась. Всего лишь пропали без вести? Но это, пожалуй, еще хуже, чем быть увезенной из этого мира. Жить на улице, без дома и семьи... ужасная судьба.

Угадав мысли дочери, мать добавила:

— В любом случае, ты так жить никогда не будешь.

Конечно, не будет. Кала в этом не сомневалась.

Неожиданно вошел Сандор, за ним отец. Они сообщили очень скверные новости. Их старой машине необходим серьезный ремонт. Вышло из строя какое-то уплотнение, к тому же что-то сильно разладилось в трансмиссии. На ремонт уйдет много времени и почти все их деньги, а это серьезная проблема. А может, и нет. Отец уже обдумал сложившуюся ситуацию. Ближайшие горы всего в трех часах пути. Вынужденный мыслить рационально, он предложил разбить лагерь в одном месте. Так сказать, базовый лагерь. В этом году они не смогут посетить Большой каньон или Мормонское море и уж тем более насладиться обществом далеких сестер матери. Но взамен они без лишней суеты проведут десять дней в горах, а потом вернуться домой, все еще позвякивая кое-какими деньгами в кармане.

Мать поклонилась мужу:

— Это твое решение, дорогой.

— Значит, так и сделаем, — сказал он, придвигая лежащую на прилавке карту. — Я отыщу подходящее место для бивуака. Хорошо?

Преисполненные решимости мужчины снова ушли. Мать, однако, все еще нервничала, сидя на стуле — полная седеющая женщина в мешковатом платье. Ее пухлые пальцы шевелились, а лицо напряженно застыло.

Кале хотелось спросить, о чем она думает. Разочарована тем, что не увидится с сестрами? Или ощущает какую-то вину? Если только, разумеется, не гадает, что еще может случиться с машиной, которую они купили почти за бесценок и совсем за ней не ухаживали.

Тишину нарушило внезапное низкое шипение тормозов. Какой-то путешественник съехал с шоссе и остановился у самой дальней заправочной колонки. Кала увидела длинный небесно-голубой кузов и сразу подумала о школьном автобусе. Но название школы было стерто наждаком, передние окна забраны железными прутьями, а задние — наглухо забиты листами фанеры. Теперь она совершенно точно знала, что это за автобус. Сзади, скорее всего, сложены припасы. И еще много всякого снаряжения привязано к крыше — в туго набитых мешках, уложенных по всей ее длине, прихваченных веревками и резиновыми лентами и защищенных от дождя пожелтевшими кусками толстого пластика.

Из автобуса под спящее полуденное солнце вышел мужчина — не молодой, не старый. Изумрудно-зеленая рубашка и черный ворот-

ничок указывали на его принадлежность к «Церкви Эдема». На поясе висели два пистолета. Симпатичный и сильный, он вел себя так, что Кала как-то сразу поняла: он прекрасно разбирается во всем, что важно. Бросив взгляд по обе стороны шоссе, мужчина заглянул в распахнутый гараж. Затем достал цепочку с ключами и запер дверь автобуса, после чего плотно вставил заправочный пистолет в огромный топливный бак, исключив потерю даже случайной капли.

Владелец мастерской снова оторвался от ремонта их машины. Однако, в отличие от прежних перерывов в работе, зашагал к бензоколонке с длинным гаечным ключом в руке. С его лица исчезла приветливость; ее сменила не то что враждебность, но скорее настороженность с примесью неодобрения.

— Сэр, — предупредил мужчина. — Я зайду и заплачу.

— Но заходить совсем не...

— Я зайду. А теперь не подходите ближе.

Владелец остановился, секунду подумал, развернулся и отошел.

Мужчина шлепнул ладонью по двери автобуса и крикнул:

— Две минуты!

К этому времени все собрались в общей комнате. Отец взглянул на дверь дамской комнаты, но решил, что не пришло время. Он встал позади стула жены, держа перед собой обмотанные марлей обожженные руки. Сандор пристроился рядом с Калой. Владелец стоял за прилавком.

— Не волнуйтесь, — успокоил он женщин, открывая дверку шкафа и доставая что-то тяжелое.

— Это было ружье, — сказал потом Сандор сестре. — Я успел разглядеть. Маленький дробовик. Могу поспорить, что заряженный и взведенный.

— Но почему? — удивилась Кала.

— Потому что тот, в зеленой рубашке, нас покидал, — напомнил брат. — А там, куда он направлялся, нет ремонтных мастерских. Ни инструментов, ни законов. А что если бы он попытался украсть коробку гаечных ключей?

Возможно. Но вид у мужчины был такой, словно это он боялся быть ограбленным. Осторожно войдя в помещение, он заявил:

— Мой брат остался в автобусе.

— Вот и хорошо, — отозвался владелец.

— Сколько я вам должен?

— Двадцать три.

— Сдачу оставьте себе, — сказал мужчина, протягивая две банк-

ноты. Он попробовал улыбнуться, но улыбка вышла кривоватой и вымученной. — Скажите, старина, сегодня обо мне кто-нибудь спрашивал?

— Кто, например?

— Или кто-нибудь упоминал автобус вроде моего? Может, кто-то заходил поинтересоваться, видели ли вы нас?..

Владелец, все еще хмурый, покачал головой:

— Нет, сэр. Никто не спрашивал ни про вас, ни про ваш автобус.

— Вот и хорошо. — Мужчина в зеленой рубашке отделил от пачки еще несколько банкнот и положил их на пластиковый прилавок. — Есть тут один парень, блондин. Если он заедет и спросит... окажете мне услугу? Не говорите ему ничего, но пусть он решит, что вы что-то знаете.

Владелец кивнул.

— Он предложит вам деньги за информацию. Возьмите у него, сколько сможете. А потом скажите, что я поехал на север. По Красному шоссе к Парадизу. Мол, вы слышали, как я это сказал. «На север, к Парадизу».

— А поедете вы, полагаю, в другое место.

— Так, немного в сторону, — рассмеявшись, будущий Первый Отец развернулся и направился к автобусу.

И тут Сандор спросил:

— А он у вас действительно есть?

— Молчи, — шикнул отец.

Но мужчина в зеленой рубашке все еще улыбался. Повернувшись, он взглянул на тринадцатилетнего мальчишку и спросил:

— А что? Тебя эти штучки тоже интересуют?

— Само собой.

— Я и не сомневался, — вновь рассмеялся мужчина.

Для своего возраста Сандор был невысок, но отважен и неплохо разбирался во многих вещах, поэтому в обстоятельствах, когда иные испытывают страх, он становился настоящим храбрецом.

— Маленький, класса «Д». Правильно?

Мужчина взглянул на него внимательно:

— Ты так думаешь?

— Полностью заряженный и готовый, — предположил Сандор. Потом назвал три возможные фирмы-изготовителя и добавил: — Готов поспорить, вы поставили его в проходе. В самой середке автобуса.

— По-твоему, я должен поставить его там?

— Какой у него радиус зоны пробоя? Футов тридцать или тридцать пять? Не так уж и много.

— Вполне достаточно.

Тут кто-то в автобусе принялся давить на клаксон. Наверное, тот самый невидимый брат. Кто бы то ни был, сигнал звучал громко и настойчиво.

— Вы не берете с собой скот, — заметил брат Калы.

На этот раз уже мать велела Сандору заткнуться и даже подняла руку, словно намереваясь дать сыну подзатыльник.

— У меня кролики, — сообщил мужчина. — И пурпурные куры.

— Молчи! — рявкнули на сей раз оба родителя.

Снова взревел клаксон. Но мужчина в зеленой рубашке все же спросил:

— А как бы ты это проделал, маленький мужчина? Если бы оказался на моем месте?

— Взял бы пробойник класса «Б», не меньше, — заявил Сандор. — И еще животных получше. Молочных животных. А если бы у меня был выбор, не стал бы тащить с собой брата.

— Судя по всему, брата у тебя нет.

— А сколько их там у вас? — поинтересовался Сандор. По его тону было ясно, о ком он спрашивает. — Шесть? Восемь? Или десять?

— Да замолчи же! — взмолилась мать. Мужчина промолчал.

— Мне просто любопытно, — продолжил мальчик, неумолимо придерживаясь начатой темы. — Следует поддерживать разнообразие генофонда. Так все говорят. А в книжках пишут, что это гарантия успеха.

Мужчина пригрозил Сандору пальцем:

— Так что, маленький мужчина? По-твоему, мне надо прихватить еще кого-нибудь? Просто для подстраховки?

В помещении мгновенно стало душно и тесно.

Мужчина уставился на обеих женщин. Потом негромко, но яростно процедил:

— Вам повезло, дамочки. У меня больше нет свободных мест.

Он развернулся, быстро подошел к автобусу, отпер дверь и скрылся внутри, в ту же секунду кто-то резко тронул автобус с места.

Несколько долгих мгновений все с наслаждением переводили дух. Потом владелец сказал:

— Этого идиота ждет печальное будущее.

— Да, так уезжать нельзя, — согласился отец. — Вы только представьте, какая ему суждена жизнь с такой жалкой кучкой снаряжения.

— Да забудьте вы про него, — потребовала мать. — Поговорите о чем-нибудь другом.

А Кала вернулась к доске с фотографиями пропавших женщин. И ей пришло в голову, что одна-две из них вполне могли оказаться в этом автобусе, и не обязательно по собственной воле. Но она также поняла, что никто здесь не собирается звонить в полицию. Мужчины примутся осыпать оскорблениями будущего Отца, а мама попросит сменить тему. Но никто даже не вспомнит о несчастных женах этого идиота. И даже когда Кала касалась самых красивых лиц и читала их коротенькие биографии, ей и в голову не пришло, что чей-то сильный и отважный голос должен найти слова в их защиту.

2.

Не было в истории фигуры даже наполовину столь же важной, как Первый Отец. Именно он стал причиной, по которой люди пришли в этот прекрасный мир, и каждая церковь обязана ему своим существованием. И все же этот человек оставался таинственным и неуловимым — непостижимым героем, глубоко укоренившимся во времени и воображении. Достаточно сказать, что ни у одной из церквей портреты их основателя не совпадали. Его традиционная биография была общей во всех школьных учебниках, но то, что предлагали учителя, весьма отличалось от фактов, которые умная девочка могла отыскать на полках любой крупной библиотеки. Истина сводилась к одному: этот человек был загадкой, и когда дело касалось истории его жизни, практически любая версия становилась возможной. Совпадало лишь то, что родился он на Старой Земле в последние дни двадцатого столетия и что утром одной весенней пятницы, когда ему было чуть больше двадцати девяти лет, Первый Отец обессмертил свое имя.

К тому времени люди только начали сооружать первые пробойники. То были еще грубые и капризные исследовательские приборы, с помощью которых физики пробивали временные дыры в локальной реальности. Большая часть этих дыр вела в фантастически холодный, жесткий вакуум — пустота, как известно, является стандартным состоянием большей части мультивселенной. Но квантовые эффекты и топологические гармоники подсказали и другой путь: если пробойник делал дыру вдоль одного из невидимых измерений, то по другую сторону его ждал островок стабильности. Этот островок отделяли от настоящего два миллиарда лет (в прошлое), и в этом прошлом находилось бесконечное количество «сестер» Земли, с той же массой и орбитой вокруг Солнца.

И как-то внезапно все науки проявили интерес к этим исследованиям. И крупные университеты, и малые страны начали обзаводиться собственными пробойниками. Биологи брали образцы воздуха и почвы, и в любом из них находили бактерии и споры. Каждый вид был новым, но все они имели общие с земной жизнью ингредиенты — ДНК кодировала те же несколько аминокислот, из которых строились семейства белков, почти не отличающиеся от обнаруженных у человека или травы.

Творение оказалось делом неутомимым и безграничным. Постепенно люди осознали и этот факт. А также и то, что при наличии подходящего прибора, выдающего краткий, но титанической мощности всплеск энергии, возможно достичь этих беспредельных пространств, изучить крошечную частицу бесконечности.

Но пробойники обладали и вторым, пока еще теоретическим потенциалом. Если ту же огромную энергию сфокусировать несколько иным образом, то дыра изменит и форму, и природу. Это временное искажение пространства распространится по трем обычным измерениям, обволакивая и машину, и ближайшую к ней местность плазменным пузырем, который поведет себя, как корабль, перенося груз через границу, слишком тонкую для измерения и слишком упрямую, чтобы пропустить сквозь себя любую обычную материю.

Кем бы ни был Первый Отец, именно он понял, на что способны пробойники. Большинство церкви считает его выдающимся ученым, хотя типичный историк счел бы его слишком молодым для такой роли и описал бы его как многообещающего студента-старшекурсника. И во все времена звучали голоса сомневающихся, которые утверждали, что он был всего лишь лаборантом или кем-то в этом роде: ничтожный малообразованный человечешко, получивший доступ к работающему пробойнику.

Первый Отец скрылся с комплектом сверхпроводящих батарей и за несколько недель или месяцев тайком зарядил их таким количеством энергии, которого хватило бы на освещение целого города. Он также купил или украл огромное количество припасов, включая семена и лекарства, различные инструменты и консервированные продукты, которых хватило бы для сотни человек на несколько месяцев. Работая в одиночку, он набил добром два старых грузовика и одной ясной апрельской ночью подогнал транспорт к тщательно выбранному месту под знаком «Стоянка запрещена», поставил их на тормоза и спустил шины. Третий грузовик вскоре оказался на погрузочной платформе возле физической лаборатории. Далее с помощью ключей

или паролей молодой человек получил доступ к одному из наиболее мощных пробойников на планете — набору электроники для «консервированного» нуля-пространства, упакованному в корпус чуть крупнее гроба.

Молодой человек загрузил добычу в кузов, быстрыми, хорошо отрепетированными движениями подключил к аппаратуре полностью заряженные батареи и установил последние версии программного управления. Затем, никем не обнаруженный, завел грузовик и скрылся в темноте.

Великие люди определяются по их великим и смелым поступкам — эту бесспорную истину признает любая вера.

Большая часть историй сходится в том, что тот вечер был исключительно теплым, влажным от росы и обещал чудесный день. В четыре утра Первый Отец переехал высокий бордюр и очень медленно пересек газон, проскользнув между дубом и пушистой елью, а затем остановился вплотную к намеченной цели — длинному белому зданию, украшенному колоннами и черными буквами, составляющими надпись на мертвом языке. Выключив мотор, он несколько секунд просидел неподвижно. Но сомнения не прокрались в его отважную голову. Все так же один, он выбрался из кабины, открыл заднюю дверь и включил украденный пробойник, а затем, нажав несколько кнопок, позволил конденсаторам проглотить энергию, необходимую для питания серии наносекундных импульсов.

О той ночи сохранилось много рассказов, но никто не знает, какой из них правдивый — если таковой вообще существует. Когда Кале было одиннадцать, ей больше всего нравился рассказ о молодой студентке, которая все еще не спала в столь поздний час, готовясь к экзамену. Девушке показалось странным услышать в такое время рычание дизельного мотора, а затем лязг металлической двери. Но ее комната находилась в задней части женского общежития, из окна она могла видеть лишь автостоянку и засаженный деревьями переулок. Окончательно привлек ее внимание характерный вой пробойника — очень высокий звук, почти неслышимый для человеческого уха, перемежаемый серией негромких взрывов. В мультивселенной уже были пробиты отверстия, открывавшие доступ в соседние миры. Пробойник взял небольшие пробы воздуха, проанализировал каждый и сравнил с набором заданных параметров. Услышав взрывы, девушка встала и подошла к окну. В этот миг пробойник сделал паузу на несколько секунд, выполняя сотни триллионов вычислений перед окончательным выбросом энергии. Следующий импульс громыхнул

как гром. Все огни погасли, кампус исчез, и сфера из грунта, травы, воздуха и деревьев была выдрана из одного мира. Она включила в себя весь дом вместе с газоном, оба грузовика с припасами, улицу перед домом, автостоянку и кусок переулка за ней. И тут же из ничего возник новый мир — второй подарок Господа нашего.

Девушка оказалась единственным свидетелем исторического события, поэтому ее рассказ и стал таким привлекательным для юной Калы.

Но Первый Отец ничего этого не видел. В поворотный момент своей жизни он склонился над украденным пробойником, считывая данные и получая подсказки от встроенного в прибор искусственно-го интеллекта.

Девушка побежала. Судя по большинству рассказов, она была невысокой, не красавицей, но бесстрашной и бесстыдной. Полуодетая, она с криком промчалась по темному дому, поднимая остальных, и выбежала на улицу по ступенькам главного входа. Кале нравился тот факт, что в этот момент первый человек сделал глубокий вдох на другой планете. Воздух оказался плотным и душным. Из окружающей темноты доносились крики и писк, издаваемые странными существами, в бледном лунном свете покачивались ветви деревьев. Девушка взглянула на небо и была вознаграждена зрелищем стольких звезд, сколько ей никогда не доводилось видеть. (Каждый новый мир является почти близнецом другого, везде есть желтое солнце и изрытая метеоритами луна. Но движение всей Солнечной системы — дело весьма хаотичное, и никогда нельзя сказать заранее, в каком месте Млечного Пути вы можете оказаться.) Стоя на тротуаре, девушка пристально всматривалась в это удивительное зрелище. Затем услышала удары, повернулась и увидела возле кустов можжевельника длинный грузовик. Пройдя босиком по траве, она забралась в кузов сзади и перешагнула через стопку холодных черных батарей. Первый Отец был слишком занят и не заметил ее. С одной работой он справился, но все его внимание поглощала другая важнейшая задача. Привезя сотню молодых женщин в безлюдный и едва пригодный для обитания мир, мужчина твердо решил, что теперь не позволит ни одной из них отсюда сбежать. Поэтому он и стоял, сгорбившись, над еще горячим пробойником, обнажив его сложную начинку и разбивая ломиком самые уязвимые системы. Он был настолько поглощен работой, что не заметил одну из своих будущих жен, которая стояла рядом в одних трусиках и бюстгалтере, разглядывая его с легким недоумением.

3.

Более недели семья Калы жила в одолженной палатке, и, несомненно, лучших каникул у девочки никогда еще не было. Местом для лагеря послужил неровный участок общественной земли высоко на склоне горы. Солнечная лужайка поросла редкими кустами можжевельника, а прилегающий к ней каньон таил в себе густой сосновый лесок. По дну каньона протекал ручей — идеальное место для купания. Небольшое стадо полудиких косуль паслось, где хотело. Жаворонки и скворцы приветствовали каждое утро песнями и пронзительными трелями. Палатка им досталась в жалком состоянии — нескольких веревок не хватало, а на крыше виднелись заплата. Но теплая погода устранила всякую опасность дождя, и даже после самых жарких дней ночи были приятно прохладными и освещенными полной луной, только-только начавшей худеть.

Кала была в идеальном возрасте для подобных приключений: достаточно юной, чтобы все запоминать, и достаточно взрослой, чтобы делать самостоятельные вылазки на природу. Местечко, где они поставили палатку, не отличалось особой популярностью среди отпускников, и поэтому девочке казалось, что окрестные леса принадлежат только ей. И, что самое приятное, чуть выше в горах располагался обширный заповедник.

Брат Калы любил технику и машины, а сама она обожала всяческую живность.

По закону заповедник стоял на страже сохранности первозданной местной природы. За его высокой оградой не было места любым видам, попавшим в этот мир извне. Но, конечно же, скворцы летали там, где им вздумается, споры золотнянки разносились самым легким ветерком, и даже лучшие намерения посетителей не могли помешать семенам цепляться за одежду, а жалости — проникать в их сердца.

Однажды утром они поехали высоко в горы — то было рискованное приключение, потому что мотор их машины все еще перегревался, а антифриз вытекал. Шоссе было узким и извилистым. Густой черный лес из местных деревьев сменился облаками, сырими и холодными. Отец сбрасывал скорость, пока машины за ним не принялись сигналить, и тогда он снова прибавил газу и выехал к усыянному камнями склону, где вдоль кромки прошлогоднего снега пробивалась лохматая черная поросль. Столь неожиданное зрелище заставило их остановиться и с восхищением разглядывать совершенно чужой мир. Кала с братом кидались снежками и картинно пози-

ровали на перевале, считавшемся границей между континентами. Затем отец развернул машину и еще медленнее повез их вниз, сквозь облака и черный лес. Как-то так получилось, что все одновременно воскликнули: «Есть хочу!» А поскольку поездка была волшебной, перед ними мгновенно появилась поляна с широким ручьем, стекавшим с ледника, и красным гранитным столом, сооруженным специально для них.

Они перекусили бутербродами с черепаховым мясом и кисловатыми вишнями. Облака сгустились, вдалеке рокотал гром. Но дождь если и прошел, то где-то в другом месте. Кала сидела за столом, втягивая ноздрями свежесть ручья и слегка пряный запах странных деревьев. Она прочла множество книг и просмотрела немало документальных фильмов, но все равно оказалась не готова к встрече с этим божественным местом. Оно стало для нее бесконечным откровением, и ее потрясла сама идея, что вокруг нее жизнь, которая правила в этом мире до появления людей. Если бы местный климат оказался чуть теплее, а почва немного плодороднее, этот заповедник не выжил бы. Ее осенило благословение, и девочка испытала какое-то новое, доселе не изведенное счастье. Вглядываясь в лесные тени, она представляла, как там прячутся местные животные — горные бараны, томтомы и неуклюжие долгоноги. В обычной жизни ее окружали только животные, попавшие сюда вместе с Первым Отцом — косули, скворцы и им подобные. Все их продовольственные растения и сотни две видов диких оказались здесь в виде семян и спор, которые люди взяли с собой намеренно. Но в этих древних великих горах царил иной порядок, иная нормальность. Косматый черный лес резко отличался от соснового, и росли в нем красивые, но бесполезные для людей деревья — с древесиной слишком мягкой для строительства и чересчур влажной, чтобы сгодиться на дрова.

Внезапно из тени в тень прошмыгнул какой-то зверек с длинным тельцем.

Кто бы это мог быть?

Кала медленно поднялась. Брат с головой ушел в толстый приключенческий роман. Родители взглянули на нее, улыбнулись и вернулись к обсуждению важной проблемы: чем бы им заняться днем и вечером? Крадущейся походкой Кала двинулась к лесу, вошла, вдохнула прохладный и восхитительно пряный воздух и остановилась, даже не моргая, наклонив голову и прислушиваясь к басовитым раскатам грома, стекающим по склонам гор.

Бедрá Калы коснулось что-то сухое.

Вздвогнув, она посмотрела вниз.

Муха взлетела с ее ноги, покружилась вокруг и уселась на обнаженную руку девочки. Кале никогда не нравилось убивать, но насекомому здесь было не место. Мухи были одними из тех существ, которых люди всегда прихватывали с собой — раньше случайно, но теперь их ценили, потому что их личинки могли быть полезны для переработки мусора. Кала сумела прихлопнуть муху правой ладонью, затем опустилась на колени, пошарила в траве, отыскивая тельце, и кончиками двух пальцев расплющила насекомое.

Неподалеку, разглядывая Калу, сидел дикий кот. Она заметила его, когда снова встала — это оказался большой полосатый котяра, гладкий и самодовольный, угодивший в проволочную клетку-ловушку. Знаки в форме кота стояли по всему заповеднику, предупреждая посетителей о хищниках. Эти животные стали экологическим кошмаром. За свою жизнь одна такая машина для убийства могла прикончить тысячи здешних мелких зверушек. К тому же коты были хуже кошек, потому что каждый мог стать отцом десятков котят.

Кала подошла, опустилась на колени возле клетки и заглянула в ярко-зеленые глаза. Если не считать взлохмаченной шерсти, ничто в животном не выглядело особенно диким. Когда она протянула к нему руку, кот ткнулся в ее пальцы холодным кончиком носа. Таких экологических для этой местности животных всегда убивали. Без исключений. Но, может быть, ей удастся его поймать и привезти домой. Если она постарается и как следует поканючит, то как смогут родители ей отказать? Кала осмотрела механизм капкана, отыскала крепкую палку, сунула ее в щель запора и, резко нажав, распахнула стальную дверцу.

Кот всегда был диким и знал, что делать. Как только дверца открылась, Кала потянулась к его шее, но добыча оказалась проворнее. Выскочив, зверь моментально скрылся в лесных тенях, оставив девочку наедине с тяжелыми мыслями, но в основном с чувством вины, смешанным с неожиданным облегчением.

— Нашла что-нибудь? — спросил отец, когда девочка вернулась.

— Ничего, — солгала она.

— В следующий раз возьми камеру, — посоветовал он.

— Мы еще не видели томтомов, — добавила мать. — А мне до отъезда хотелось бы посмотреть на них вблизи.

Кала уселась рядом с братом, и тот на несколько секунд оторвался от книги, глядя, как она молча жует бутерброд.

* * *

Позднее в тот же день они посетили крошечный музей, построенный на широком черном лугу. Подобно студентам в полевой экспедиции, они бродили от экспоната к экспонату, впитывая частички знаний о том, как возникли эти горы и почему ледники наступали и снова отступали. Витрины были забиты ископаемыми, а в подвале выставлялись артефакты, отмечающие те последние столетия, когда люди начали играть свою роль на этой планете. Но больше всего в тот день им запомнилась невысокая и какая-то неброская женщина, работавшая в заповеднике — с сильным хриповатым голосом, в тускло-коричневой с объемистыми накладными карманами униформе, дополненной широкополой шляпой. Экскурсовод обладала воистину энциклопедическими познаниями по любой мыслимой теме.

Ее работой было водить туристов по маршруту, охватывающему территорию музея. Хорошо поставленным голосом она описывала как этот мир, так и все известные соседние миры. За период от Первого Отца до Последнего были заселены семнадцать примеров Творения, а еще пятьдесят проверены, но сочтены неподходящими. Старая Земля и ее планеты-сестры принадлежали к одному бесконечному семейству, и каждый из этих миров в целом походил на другой: в любом имелись Евразия и Африка, Австралия и обе Америки. Северный полюс покрывала вода, а на Южном располагалось или скопление островов, или материк. Если не считать переменчивых эффектов эрозии, континенты оставались неизменными. Разделяющий планеты интервал в два миллиарда лет оказался недостаточным, чтобы любая из земель «забыла», к какому семейству принадлежит.

Но там, где камни и тектоника были предсказуемыми, прочие особенности менялись. Незначительные факторы могли изменить климат или состав атмосферы. Некоторые миры были влажными и теплыми. Например, мир Калы. У большинства имелись близкие по составу атмосферы, но не нашлось двух одинаковых. Некоторые оказались категорически непригодными для людей. Кислородный и метановый циклы подтверждали свой знаменитый темперамент. Иногда жизнь на планете вырабатывала так много «тепличного газа», что суша превращалась в выжженную пустыню, а испарившиеся океаны становились непроницаемым облачным покровом, в котором развивалась новая биосфера. Другие оказались временно стерилизованными после ударов комет или прохождения вблизи сверхновой звезды. Но все эти ловушки работающий пробойник мог легко распознать — небольшие пробы воздуха предупреждали Отцов о наибо-

лее опасных местах. Но подробнее всего — и с поразительной осведомленностью — женщина-лектор рассказывала о мирах, которые лишь казались гостеприимными. Примеры таких миров были всем известны из учебников истории. Через год-другой или, как на планете под названием Дом Мэтти, через целых десять лет страданий и нищеты правящий Отец осознавал, что надеяться больше не на что и, собрав своих пионеров, использовал оставшуюся в пробойнике энергию для прорыва в другой, более благоприятный мир.

— Мы живем в чудесном доме, — объявила женщина, прислоняясь к одному из местных деревьев. — Долгий ледниковый период завершился совсем недавно и освободил эти земли, оставив нам благоприятный климат. А еще раньше наступающие ледники бульдозером вытеснили почву с севера на теплый юг, создав черноземные равнины, которые мы всегда называем Айова, Огайо и Украина.

Похвала родному миру заслужила благодарные кивки туристов.

— И мы были благословенны тем, что опирались на богатый опыт, — продолжила она. — Наши предки уже давно поняли, что надо брать с собой и как приспособливаться. Наша культура создана для быстрого роста во всех направлениях. Десять столетий — срок недолгий, ни для планеты, ни даже для молодого вида наподобие нашего, но его хватило, чтобы построить здесь дом для пяти миллиардов людей.

Слушатели вновь закивали, улыбаясь.

— Но сейчас я скажу, в чем мы оказались наиболее удачливы. — Она помолчала, переводя взгляд пожилых мудрых глаз с одного слушателя на другого. — Нам невероятно повезло, потому что этот мир чрезвычайно слаб. Как по известным причинам, так и по тем, о которых мы можем лишь гадать, естественный отбор здесь действовал неторопливо. Окружающие нас местные формы жизни примерно соответствуют очень древнему пермскому периоду Первой Земли. Самые умные, томтомы, на самом деле весьма тупы. А как известно любому Первому Отцу, прибыв в новый мир, нужно первым делом оценить уровень разумности его обитателей.

Кала заметила одобрение взрослых. Только что прозвучала главная мысль лекции — женщина говорила для находящихся среди слушателей юношей и давала им совет на тот случай, если они когда-либо захотят стать Первыми Отцами.

Поднялась рука.

— Да, сэр. У вас вопрос?

— Пожалуй, я мог бы задать вопрос. — Руку поднял пожилой

мужчина со светло-карими глазами Первого Отца и с густой гривой седых волос. — Но мне больше хочется поделиться своими наблюдениями. Сегодня утром я спускался по тропе к озеру...

— Долгая прогулка, — вставила женщина, наверное, желая сделать комплимент его выносливости.

— И меня кусали москиты, — сообщил мужчина. — Наверное, это уже далеко не новость. А на одной из ваших якобы сосен я заметил гнездо ручейников.

Эти птицы происходили из мира Второго Отца.

— А в подлеске я совершенно точно увидел мышей — наших мышей. Причем подлесок поразительно напоминал одичавшую коноплю.

Конопля попала сюда из мира Первого Отца и была спутником человека вот уже двадцать тысяч лет.

Женщина невозмутимо кивнула и поправила широкополую шляпу:

— Да, у нас в заповеднике есть кое-какие первоначальные виды, — согласилась она. — Несмотря на все наши правила и ограничения...

— Разве это справедливо? — прервал ее седой мужчина.

— Извините?

— Справедливо, — повторил он. — Правильно. Ответственно. То, что мы здесь делаем... оправдывает ли это ущерб, причиненный беспомощной планете?

Слушателей его отношение или озадачило, или оставило совершенно равнодушным. Многие туристы отвернулись, изобразив внезапный интерес к редким окрестным валунам или необычно мягкой коре деревьев.

Женщина-лектор медленно втянула горный воздух через стиснутые зубы.

— Есть определенные расчеты, — начала она. — Уверена, что эти цифры видели все. Первый Отец был пионером, но наверняка он не остался единственным, кто возглавил людей, покинувших Старую Землю. Но если даже считать только одного мужчину и его жен и взять для расчета весьма скромное количество Отцов из того, самого первого мира... и далее предположить, что половина этих Отцов сумела укорениться на новых планетах и наполнить свои дома молодыми людьми, которым тоже не сидится на месте... то в результате мы приходим к выводу, что тот первый пример создал миллионы колоний в других мирах. И каждая колония из этих миллионов могла породить свои бесчисленные миры...

— Экспоненциальный рост, — вставил мужчина.

— В пределах бесконечного Творения, как мы это понимаем. — Она заговорила с мрачноватым восхищением: — Нет предела мирам, нет конца разнообразию. Так почему бы человечеству не заявить свои права на ту часть бесконечности, которую оно в состоянии освоить?

— В таком случае, полагаю, все это должно быть оправданным, — добавил седой мужчина с приятной, но ехидной улыбкой. — Я вот что хочу сказать, мадам... вы и ваши коллеги со временем окажетесь безработными. Потому что наступит день, и наступит уже скоро, когда эти прелестные места станут выглядеть так же, как и любая иная часть нашего мира — с теми же сорняками и навязчивыми существами, которые нам известны лучше всего... то есть будут такими же, как и двадцать триллионов других планет, где живут люди.

— Да, — подтвердила женщина с откровенным удовлетворением. — Таково будущее.

Женщина не смотрела на Калу, но девочке казалось, будто каждое слово лекторши предназначено ей. Впервые в жизни она увидела неизбежное будущее. Ей нравился этот девственный и чужой лес, но долго он не простоят. Все вокруг нее было обречено, и ей хотелось расплакаться. Даже брат заметил ее состояние и, настороженно улыбнувшись, спросил:

— Да что с тобой, черт побери?

А она не смогла ответить. Потому что не умела выразить словами безумное смятение своих мыслей. Однако потом, возвращаясь на стоянку, она снова подумала о диком коте и с откровенной яростью пожалела о том, что не оставила его в клетке. А еще лучше было бы забить его насмерть той самой палкой, которой она открыла клетку.

4.

Самые преданные жены оставили после себя письменные рассказы о своих приключениях в новом мире — семь главных книг «Завета Первого Отца». Несколько других церквей включили в него и два дневника Сары, а самые прогрессивные вероучения, наподобие того, к которому принадлежала семья Калы, нашли в нем место и для «Шести разгневанных жен». Кроме того, путаницу с каноническими текстами лишь увеличивали десятки (если не сотни) текстов и фрагментов рукописей, созданных менее известными личностями, а также печально известные документы, общепринято считавшиеся в лучшем случае беллетристикой и вымыслом, а в худшем — чистой ересью.

Когда Кале было двенадцать лет, девочка постарше сунула ей потрепанную книжечку, многие уголки страниц в которой загнули прежние читательницы.

— Я тебе ее не давала, — предупредила девочка. — Прочти и дай кому-нибудь... или сожги. Обещаешь?

— Обещаю.

Прежние Отцы этот «Завет...» строжайше запретили, но кто-нибудь всегда ухитрялся тайком провезти хотя бы один экземпляр в следующую мир. «Рассказ Первой Матери» считался записанной от третьего лица историей Клэр, пятидесятилетней вдовы, чьей работой было присматривать за общежитием и драгоценными девушками. Клэр была женщиной здравомыслящей и прагматичной — как раз этих качеств и не хватает ее матери, с грустью поняла Кала. В самый важный для человечества день заведующая проснулась от криков и рыданий. Накинув халат и сунув ноги в шлепанцы, она вышла из своей комнатки на первом этаже. В нее тут же вцепились перепуганные девушки и потащили куда-то по темному коридору. Множество дрожащих от ужаса голосов бормотали что-то о страшном несчастье. Клэр заметила, что электричество отключено, хотя никаких признаков стихийных бедствий не наблюдалось. Стены здания целы. Пожара или наводнения тоже нет. Если что и произошло, то настолько незначительное, что даже обрамленные фотографии в коридоре остались аккуратно висеть на своих гвоздиках.

Затем Клэр вышла за порог и остановилась. На пустой улице стояли два длинных грузовика. Но где же кампус? За грузовиками, точно на том месте, где должно было находиться здание музея изобразительных искусств, оказался вал из серого грунта, камней и разломанных древесных стволов. А за валом виднелся лес из странных деревьев, напоминающих ивы. Легкий ветерок гнал из леса густой серый туман и незнакомые запахи. А стая каких-то кожистых существ, освещенных луной и множеством звезд, расселась на ветвях ближайших деревьев, уставясь на пришельцев сотнями черных глаз.

Первый Отец сидел на ступенях перед главным входом с охотничьим ружьем на коленях и коробкой патронов между ног. Руки его дрожали, а светло-карие глаза были устремлены вдаль, к занимавшемуся рассвету.

Из всех дверей и со всех пожарных лестниц все еще появлялись женщины. Поодиночке или маленькими группами они подходили к границе их старого мира, а самые смелые поднимались на вал, обводили взглядом странный ландшафт, потом возвращались и собира-

лись на сырой от росы лужайке, поглядывая на единственного в этом мире мужчину.

Клэр плотно запахнула халат и спустилась на лужайку, пройдя мимо Первого Отца.

Ничто в прежней жизни не могло подготовить ее к событиям этого дня, и все же она нашла в себе достаточно решимости, чтобы приветливо улыбаться, произносить ободряющие слова и раскрывать свои объятия. Она сказала девушкам, что все будет хорошо. Пообещала, что они вернутся домой еще до начала занятий. Затем обратила внимание на третий грузовик. Он стоял возле дома с открытой задней дверью и опущенной на траву погрузочной рампой. Клэр поднялась по ней и увидела странную разбитую аппаратуру. Девушка, слышавшая звук работающего пробойника (единственный свидетель их прыжка через невидимые измерения), снова и снова повторяла свою историю. Клэр прислушалась к ее словам. Потом собрала несколько старшекурсниц с физического факультета и спросила, настоящий ли в грузовике пробойник. Оказалось, настоящий. А может ли он проделывать эти ужасные вещи? Несомненно. Клэр глубоко вдохнула, обняла себя за плечи и спросила, можно ли исправить все эти страшные на вид повреждения имеющимися под руками инструментами, воспользовавшись всеми их знаниями.

Нет, нельзя. И даже если бы это оказалось возможным, никто из присутствующих уже никогда не увидит родного дома.

— Почему? — вопреки Клэр, отказываясь сдаваться. — Может, не с помощью этой машины. Но почему бы не собрать новый пробойник, взяв какие-то детали от старого?..

Одна из девушек была старшекурсницей физико-математического факультета. Ее звали Кала — и это совпадение заставило биться чаще сердце девочки, читавшей это повествование. И та древняя Кала дала им самый обоснованный и обескураживающий ответ. Никакие запчасти тут не помогут, сообщила она. Ей много раз доводилось видеть, как включают пробойник, и она даже несколько раз помогала управлять аппаратом. Поэтому лучше всех понимает его возможности и ограничения. Навигация через мультивселенную попросту невозможна. И первая Кала объяснила Клэр и нескольким оказавшимся рядом сестрам по несчастью, почему Творение бесконечно и как каждый кубический нанометр их мира содержит в себе триллионы потенциальных мест назначения.

— Чужих миров? — спросила Клэр.

— Альтернативных земель, — предпочла другое определение Ка-

ла. — Более двух миллиардов лет назад мир вокруг нас откололся от нашей Земли.

— Почему?

— Квантовые законы, — ответила Кала, ничего не объясняя. — Каждый мир постоянно делится на множество новых вероятностных версий. Тут участвуют какие-то тонкие гармонические колебания, и я мало что в этом понимаю. Но именно поэтому пробойники могут находить планеты наподобие нашей. Родной дом от этой планеты отделяют два миллиарда лет и примерно половина нанометра.

Заведующей общежитием осознать такое было нелегко, но Клэр очень старалась разобраться. А Кала тем временем безжалостно продолжала:

— Даже если мы сможем починить машину — прямо сейчас, отверткой и за две минуты, — нашу Землю мы все равно потеряли. Отыскать ее будет не легче, чем найти одну пылинку в целом мире, сделанном из пыли. Вот как это трудно. Практически невозможно. Мы останемся здесь навсегда, и Оуэн это знал. Готова поспорить, что это часть его плана.

— Оуэн? — спросила Первая Мать. — Его так зовут?

Кала кивнула и взглянула на вооруженного мужчину.

— Выходит, ты его знаешь? — спросила Клэр.

Кала закатила глаза, как это делают женщины, когда им неприятно находиться рядом с неким мужчиной.

— Он физик-старшекурсник, — пояснила она. — Я с ним не очень-то хорошо знакома. Кажется, у него есть трастовый фонд на обучение, и он уже несколько лет пишет дипломную работу. — Вздохнув, она призналась: — У нас с ним было свидание. В прошлом году. Одно или два. Потом я с ним рассталась.

Это стало для юной Калы потрясающим откровением: у женщины, которая принесла ее имя в новый мир, были романтические отношения в Первым Отцом. А потом она его отвергла. Наверное, Оуэн все еще любил ее, размышляла Кала. Любил и хотел обладать ею. И что если этот поступок — основа бесчисленных жизней и историй любви — стал всего лишь мстью отвергнутого любовника?

Но мотивы всегда значили меньше, чем результат.

Какими бы соображениями не руководствовался Оуэн, одни женщины рыдали, а другие сидели на лужайке, уткнувшись лицом в колени и отказываясь поверить в то, что они видели. Клэр стояла и слушала, что говорили ей Кала и другие девушки. Тем временем взошло солнце, точно такое же, как в их родном мире, и воздух сразу потеп-

лел. Крылатые местные существа летали совсем низко, разглядывая пришельцев черными пустыми глазами. Гигантское животное, очень похожее на черепаху, только размером с комнатку в общежитии, спокойно перебралось через земляной вал и принялось щипать траву на лужайке. А тем временем мухи и термиты, парашютики одуванчиков и слепые земляные черви начали миграцию в новые леса. Шмели и скворцы вылетели на поиски пищи, а муравьи-древоточцы радостно принялись грызть местные деревья. В каком из рассказов о Первом Отце содержалось больше правды — неизвестно, однако один факт очевиден: ему необыкновенно повезло. Первый новый мир оказался ленивым местом, полным укромных уголков, которые пришлись по вкусу земным обитателям. Среди счастливых колонистов оказались и две бездомные кошки. Одна из них в то утро лежала в сарае, кормя новорожденных котят, а вторая всего несколько дней как забеременела. И еще в эту генетическую смесь добавились три котенка, тайком пронесенные в общежитие молодой женщиной, чье имя, а возможно, и гены, уже давно позабылись или исчезли.

В то светлое утро два мира сыграли свадьбу.

Каждый «Завет...» описывал тот день по-своему, и каждый из этих рассказов был достоверен, но лишь на уровне «возможно, так оно и было». Но именно еретическая история Клэр понравилась Кале больше всего, и она даже смогла поверить в печальный рассказ о женщинах, ставших жертвами ужасных обстоятельств, но сделавших для выживания все, что было в их силах.

— Привет, Оуэн, — сказала Клэр.

Молодой мужчина моргнул и взглянул на стоящую перед ним женщину средних лет. Клэр все еще была в халате, ночной рубашке и шлепанцах. С точки зрения Оуэна, она не представляла никакого интереса. Он кивнул и промолчал, глядя куда-то вдаль. Его глаза все еще возбужденно бегали по сторонам, но во взгляде уже пробивалась сонливость.

— Ты чем занимаешься, Оуэн?

— Охраняю, — с гордостью ответил он.

— А от кого ты нас охраняешь? — поинтересовалась она, поставившись придать голосу максимум рассудительности.

Молодой человек не ответил.

— Оуэн, — позвала она. Потом еще раз. И еще дважды.

— Прости, — пробормотал он, разглядывая парящего в небе кожистокрыла. — В пробойнике есть индикатор, и он показывает, что в здешнем воздухе кислорода лишь 80 процентов от нормы. Будем

дышать примерно как в горах. Так что приношу свои извинения. Я задал слишком широкий диапазон параметров. И теперь, хотя бы в первое время, нам придется двигаться медленнее, пока наш организм не приспособится.

Клэр вздохнула. И в последний раз спросила:

— От кого ты нас охраняешь, Оуэн?

— Да откуда мне знать?

— Ты даже не знаешь, кто здесь обитает?

— Нет. — Он пожал плечами, стискивая обеими руками ствол ружья. — Я видел, как вы с Калой разговаривали. Разве она вам не сказала? Невозможно узнать много о новом мире. Пробойник может проанализировать воздух, и если он находит свободный кислород, воду и маркерные молекулы, означающие, что мы очень близко от поверхности, то...

— Ты похитил нас, Оуэн, — произнесла она жестко, с едва сдерживаемым гневом. — Не спросив нашего разрешения, ты притащил нас сюда и обрек остаться здесь навсегда.

— Но я и себя притащил, — парировал он.

— Нам от этого ничуть не легче.

Оуэн наконец-то присмотрелся к женщине. И, наверное, впервые начал оценивать это неожиданное для него приобретение.

— А меня ваши чувства не волнуют, — заявил он для нее и всех, кто мог его слышать. — Теперь это наш мир. Нам здесь жить или умереть. И мы можем или приспособиться к нему, или исчезнуть.

Он не был слабым человеком и к этому невероятному дню подготовился лучше, чем сумели бы многие на его месте. К тому моменту Клэр это уже отчасти поняла. Но для нее важнее всего было заставить его признать правду. И поэтому она поднялась по ступеням, вынудив его взглянуть ей в лицо.

— Ты хороший стрелок, Оуэн? Служил в армии? И хотя бы раз ходил на охоту?

— Ни на один из этих вопросов я не могу ответить «да».

— А я могу, — сообщила Клэр. — Я служила в армии. Мой покойный муж частенько брал меня на перепелиную охоту. А когда я была примерно в твоём возрасте, то даже завалила пятилетнего оленя.

Оуэн явно не знал, как на это реагировать.

— Что ж, поздравляю...

Клэр не сводила с него взгляда.

— Ты взял еще оружие, кроме этого?

— А что?

— А то, что ты не можешь смотреть во все стороны одновременно, — напомнила она. — Я могу попросить двух девушек залезть на крышу, просто чтобы поглядывать по сторонам. А может быть, нам следует отобрать тех, кто умеет стрелять — на тот случай, если нам действительно придется защищать дом.

Оуэн глубоко вдохнул, явно встревоженный:

— Надеюсь, не придется.

— Короче: еще оружие есть?

— Да.

— Где?

Он скосил глаза направо.

— В том грузовике? — Клэр обернулась. — Девушки, открывайте.

— Ты запер двери, — через некоторое время сообщила она.

— Да.

— Чтобы мы оставались беспомощными? Да?

Он пошевелился и пожаловался:

— Я почти ничего не вижу, когда ты стоишь передо мной.

— Само собой, — ответила Клэр. Потом подалась вперед и спросила: — Ты ведь знаешь комбинации навесных замков?

— Конечно.

— Ты собираешься их открыть?

Молчание.

— Ладно, — проговорила она. — Полагаю, сейчас это лишь частная проблема.

Оуэн кивнул, делая вид, что полностью владеет ситуацией, положил ружье рядом, взглянул на нее и согласился:

— Пожалуй, так.

— А важен ты сам. Ты незаменим.

— Еще бы.

— И на это есть причины поважнее нескольких замков.

Парень ухмыльнулся.

— Что в грузовиках?

Он быстро перечислил богатства, привезенные из старого мира, и радостно добавил:

— Это отличное начало для нашей колонии.

— Звучит замечательно, — с сарказмом подтвердила Клэр.

Оуэн улыбнулся, услышав лишь слова, но не уловив интонации.

— А не мог бы ты сказать, когда намерен осчастливить нас пищей и водой? У твоей щедрости есть расписание?

— Есть.

— Так сообщи его.

Оуэн самодовольно подмигнул, откинулся спиной на жесткие ступени и поднял руку, показав ей три пальца.

— И что это означает?

— Три девушки, — пояснил он. И добавил, опустив руку: — Сама знаешь, что я имел в виду.

Для Калы то было еще одно откровение: каждый официальный «Завет...» гласил: Первый Отец в считанные минуты открыл все двери и ящики. Он был внимателен и заботлив ко всем без исключения, и девушки буквально дрались за шанс остаться наедине с ним.

— Ты хочешь получить трех моих девушек?..

— Да.

От гнева у Клэр перехватило дыхание.

— Да, — повторил Оуэн.

— Ты намерен выбрать их сам? — поинтересовалась Клэр.

Все взгляды сейчас были устремлены на Оуэна, и он откровенно наслаждался вниманием. Наверное, он месяцами мечтал именно об этом моменте, воображая себя обладателем абсолютной власти, которую никто не посмеет отрицать... и, чувствуя эту власть, он сейчас может пожать плечами и небрежно признать:

— Мне все равно кто. Если три девушки вызовутся добровольно, меня это устроит.

— Ты хочешь их прямо сейчас?

— Или через неделю. Если нужно, смогу и подождать.

— Не нужно.

— Вот и хорошо. — Его улыбка стала шире.

— И получишь ты только одну женщину, — предупредила Клэр, затягивая узел на пояске халата. — Меня.

— Нет.

— Да. — Клэр прикоснулась к его колену. — Других сделок не будет, Оуэн. Мы с тобой пойдем в дом. Прямо сейчас. В мою комнату, в мою постель, а потом ты откроешь грузовики и раздашь все оружие, которое у тебя есть. Все понял?

Лицо парня покраснело от злости:

— Вы сейчас не в том положении, чтобы...

— Оуэн, — прервала она его тираду и ехидно добавила: — Дорогой. — И, приподняв его голову за подбородок, посмотрела в светлокариые глаза, которым со временем предстояло рассеяться по бесчисленным мирам. — Возможно, для тебя это станет новостью. Но большинству мужчин твоего возраста, у которых хватает средств и ума,

не приходится идти на такие ухищрения, чтобы потешить свое мужское достоинство.

Оуэн дернулся, поморщился, но смолчал.

— Ты паршиво разбираешься в женщинах. Так ведь, Оуэн?

— Достаточно прилично.

— Чушь.

Он моргнул и прикусил нижнюю губу.

— Ты нас совсем не знаешь, — прошептала она. — Поэтому хочу тебя уведомить, каковы женщины на самом деле, Оуэн. Каждая из нас очень скоро поймет, что ты всего-навсего невежественный болван. Нет, уже поняла. А если ты полагаешь, что получил над нами хоть какую-то власть... что ж, тогда будем считать, что ты сам во власти нелепых и странных иллюзий, от которых лучше поскорее избавиться...

— Заткнись, — прошептал он.

— Через несколько недель, от силы месяца через два, ты будешь обречен, — неумолимо продолжала она.

— О чем это ты?

— Когда многие девушки забеременеют, ты нам станешь не нужен.

Он все так тщательно спланировал, но упустил из виду столь очевидную возможность. Об этом красноречиво говорили его окаменевшее лицо и отпрянувшее назад испуганное тело.

— Ты можешь владеть всем оружием в мире — черт, оно у тебя уже есть, — но кончишь ты паршиво: тебя прирежут в постели. Да, такое может случиться, Оуэн. Затем пройдет еще несколько лет, твои сыновья подрастут, а девушкам будет еще меньше сорока... и они будут еще достаточно молоды, да позволено здесь это слово, чтобы употребить этих мальчишек по назначению...

— Нет... — пробормотал он.

— Да, — поставила она безжалостную точку и сжала его колено. — Или же мы можем отыскать компромисс. Отдай оружие, открой все замки, а затем постарайся сделать все возможное, чтобы превратить этот бардак в более или менее сносное существование для всех нас.

— И что я получу взамен?

— Доживешь до старости. И если с этого дня ты станешь исключительно хорошим человеком, то твои внуки, возможно, простят тебе содеянное. А если тебе повезет больше, чем ты того заслуживаешь, то они, может быть, тебя даже полюбят.

5.

Когда Кале исполнилось четырнадцать, ее церковь накопила достаточно средств, чтобы благословить и послать в новый мир сотню молодоженов. «Объединенные производители» изготовили специально для них пробойник класса «Б». В оплату машины пошли церковная десятина и правительственные гранты, а запасы важнейшего снаряжения пополнялись за счет как прямых пожертвований, так и нескольких состоятельных благотворителей. На изолированном поле возвели стандартное полусферическое здание размерами чуть меньше, чем зона охвата пробойника. Округлые стены изготовили из железных и медных листов, внутренние ребра — из никеля и олова, а на крыше даже поместили несколько украшений из чистого золота. Грунт под зданием выкопали и заменили на слой концентрированного удобрения, а под блестящим стальным полом разместили герметичную цистерну с топливом. Ни одна пядь обширного помещения не пропала зря: молодые пары брали с собой продукты и питьевую воду, клетки с животными, запасы всевозможных семян, электрогенераторы и землеройные машины, запас лекарств, которого хватило бы на целый город, а также интеллектуальные ресурсы, необходимые, чтобы построить цивилизацию заново.

В день свадьбы прихожане получили последнюю возможность увидеть, что было приобретено на их пожертвования. Несколько тысяч человек выстроились в длинные терпеливые очереди, все в стерильных перчатках и фильтрующих масках, на ногах пластиковые бахилы. Зачем рисковать — вдруг животные подхватят какую-нибудь болезнь или споры грибковой ржавчины попадут на стальной пол? Молодые пионеры стояли в пересекающихся коридорах — невесты в белых платьях, женихи в аккуратных черных костюмах, все в масках и перчатках. Одним из преимуществ, достигнутых после семнадцати предыдущих миграций, стало то, что большинство инфекционных заболеваний осталось в прежних мирах. Лишь простуды и небольшие инфекции, вызванные мутирующими стафилококками и стрептококками, все еще были проблемой. Но оставалась надежда, что именно эта миграция станет золотым моментом и человечество наконец-то избавится от этих недомоганий.

Самые юные невесты были лишь на несколько лет старше Калы, и она была знакома с ними достаточно близко, чтобы немного поговорить, прежде чем произнести стандартную прощальную фразу: «Будь благословенна в новом мире».

Маски всех девушек намокли от слез. У каждой имелась своя причина плакать, но их истинных чувств Кала угадать не могла. Некоторые, возможно, упивались своей временной славой, в то время как другие рыдали просто от волнения, оказавшись в центре внимания. Наверняка лишь считанные невесты искренне любили своих будущих мужей, большинство же расценивало этот акт как священную миссию. Находились и те, кто испытывал откровенный ужас: немногие — и самые умные, — наверное, проснулись сегодня утром и поняли, что они обречены, потому что их завлекли в огромное и опасное предприятие, к которому они не готовы.

Неподалеку от величавого пробойника — то есть на почетном месте — стояла девушка по имени Тина.

— Желаю и тебе вскоре обрести новый мир, — напутствовала она Калу сквозь мокрую маску.

— А ты будь благословенна в своем.

К эмиграции Кала не проявляла никакого интереса. Но что еще она могла ответить? Тине вскоре предстояло исчезнуть, а она всегда была приветлива с Калой. Названная в честь Первой Жены, родившей сына Первому Отцу, Тина была невысокой, полноватой и далеко не красавицей. Зато ее отец был священником, и что еще важнее, ее бабушка предложила внушительное приданое семье, которая приняла ее внучку. Знала ли невеста об этих политических сделках? Если и знала, то какое это имело значение? Сейчас Тина выглядела искренне воодушевленной происходящим — хихикая, она привлекла Калу и как лучшая подружка спросила:

— Правда, сегодня замечательный день?

— Да, — солгала Кала.

— А завтрашний будет еще лучше. Согласна?

Массовую свадьбу проведут сегодня вечером, а на рассвете большой пробойник споет прощальную песнь.

— Завтра все будет иным, — согласилась Кала, внезапно устав от этой игры.

Позади Тины, обернутая в толстый пластик, покоилась библиотека будущей колонии. Десять тысяч классических работ, вытравленных на листах закаленного стекла толщиной в волос, что гарантировало им десять тысяч лет сохранности в любых погодных условиях и при частом пользовании. Среди них имелись писания каждого Отца и «Заветы пятнадцати Жен», а также копии древних учебников еще со Старой Земли, оказавшихся среди вещей будущих жен Первого Отца. Поскольку язык за это время успел измениться, тексты при-

шлось перевести. Кала успела просмотреть немало из них, в том числе введения в экологию и философию, толстые истории нескольких ужасных войн и удивительную небылицу под названием «Прохиндей Финн».

Тина заметила, что ее юная подруга разглядывает библиотеку.

— Я не любительница читать, — призналась простушка. — В отличие от тебя, Кала. Но я тоже везу с собой книги. — Над маской были видны только карие глаза невесты, а темные брови прибавляли им загадочности. — Спроси, что я взяла.

— И что ты взяла, Тина?

Девушка перечислила несколько ничем не примечательных названий. А затем после драматической паузы добавила: — И еще я взяла «Долг Евы».

Калу передернуло.

— Только никому не говори, — попросила девушка.

— Да зачем мне говорить? В сундучке невесты ты можешь везти все, что захочешь.

«Долг...» был популярен среди консервативных верующих. Историки утверждали, что он был написан безымянной женой во втором новом мире — святой, умершей во время родов пятого сына, но оставившей после себя послание от одного из добрых Божьих ангелов: страдание облагораживает, жертвенность очищает, и если твои дети пройдут там, где прежде не ходил никто, то никакие муки в твоей жизни не были напрасными.

— О, Кала, мне всегда хотелось узнать тебя получше, — продолжала Тина. — Ты ведь такая красивая девушка... и умная. Ты же и сама это знаешь, правда?

Кала не нашлась с ответом.

Тина сжала руку Калы:

— У меня две книжки «Долга...». Если хочешь, одну я подарю тебе.

— Нет.

— Но ты подумай.

— Нет. Мне не нужна эта проклятая книга, — процедила Кала, вырвала руку и торопливо ушла.

Тина уставилась ей вслед, и недоумение в ее глазах стало уступать более тонким эмоциям.

Кала ощущала взгляд, жгущий шею, и ей было немного стыдно за то, что она испортила последние минуты расставания с подругой. Но боль оказалась недолгой. В конце концов, она вела себя вежливо. А все испортила эта дуря.

В «Долге...» утверждалось, что мечта каждой женщины — уступить одному великому мужчине. Кала прочла несколько отрывков, и этого ей вполне хватило. Неуклюжая и безжалостная суть дурацкой старой книги заключалась в том, что одна идиотка нашла-таки своего великого мужчину и делала все возможное, чтобы спать с ним, даже если это означало, что его тело предстояло делить с тысячами других жен. Лучшие историки пришли к единогласному выводу: эта книга никакое не Божье откровение, она даже не надиктована каким-нибудь захудалым ангелом. Это фантазии сексуально озабоченного мужика, записанные давно и уже неизвестно когда, но в которые все еще верят дураки.

Кала шла быстро, что-то бормоча себе под нос.

Сандор стоял возле пробойника, по-приятельски болтая с недавно выбранным Следующим Отцом. Ее брат стал сильным юношей, упрямым, решительным и статным, а также довольно умным для своих шестнадцати лет. Он мечтал о прыжке в другой мир, но только если его изберут Следующим Отцом. В их церкви поступали именно так: каждой невесте — по жениху, а наиболее достойной по результатам голосования паре вручалась власть в новой колонии.

— Сегодня хороший день, — окликнул ее Сандор. — Попробуй улыбнуться.

Кала кивнула и вышла под угасающие лучи вечернего солнца.

Сандор последовал за ней. Он ее старший брат, и это наделяло его инстинктом защитника и способностью чувствовать настроение сестры. Он потребовал рассказать, что случилось. Кала поведала.

— Эта девчонка настолько же тупа, насколько наивна. Но тебе-то какое до нее дело? — отрезал Сандор.

Никакого. Разумеется, никакого.

— Без нее наш мир станет лучше, — пообещал он.

Но, как следствие, в другом мире станет хуже: факт, о котором Кала не сможет забыть, и уж тем более смириться с ним.

* * *

Свадебную церемонию провели на закате, на широком лугу скошенной весенней овсяницы. Окружной епископ — любезный и мудрый пожилой человек — вознес Господу и его ангелам молитву с просьбой присмотреть за этими добрыми и отважными душами. Затем радостно и едва ли не игриво напомнил полусотне новых пар, что в мире, который им предстоит строить, должна царить любовь.

— Храните моногамию, — призвал он. — Стройте вместе хорошие семьи и заполняйте сказочную страну, куда призвала вас судьба.

Праздничное угощение развернули на том же лугу в свете временных фонарей. Настроение волнами колебалось от радостного до горестного. Все выпили больше положенного. Наконец молодые разошлись по пятидесяти домикам, окружающим куполообразное здание. Женихи сняли с невест белые платья, и новоиспеченные жены сложили их и спрятали в водонепроницаемые деревянные сундучки — приобщив к остальным предметам и мелочам из мира, который они вскоре покинут.

Кала представила, что произойдет в этих домиках потом.

Несколько глотков вина согрели ее и даже немного развеселили. Она болтала с друзьями и взрослыми и даже потратила несколько минут, чтобы послушать отца. Тот был пьян и нес всякие глупости, расписывая, как он гордится дочерью. Мол, она и гораздо умнее его, и даже красивее своей матери. «Разве я такое говорил? Не придумывай, Кала», — вдруг спохватывался он и тут же продолжал свои словоизлияния, утверждая, что любые жизненные планы дочери его устроят... до тех пор, пока она будет настолько счастлива, чтобы улыбаться так, как сейчас...

Кала любила отца, но не поверила его словам. Протрезвев, он обязательно найдет способ напомнить ей, что его любимым ребенком всегда был Сандор. Сияя своей лучшей улыбкой, он начнет расписывать золотые качества ее брата, а затем страстно заговорит о том, как его внуки обнимут собственный мир.

В конце концов Кала извинилась и оставила отца под благовидным предложением.

Уйдя с луга и одиноко шагая в темноте, она задумалась над пьяным обещанием родителя позволить ей жить собственной жизнью. Но чем была «ее жизнь»? Ответить на вопрос не могли ни родители, ни друзья. Хуже всего было невежество Калы по поводу собственного будущего. Такая умная девочка, говорили все про нее. Но когда она задумывалась о выборе жизненного пути, то ни одной дельной мысли в голове не появлялось.

Шагая через дубовую рощу, она услышала, что следом за ней кто-то идет. Но испугалась, только когда остановилась, а миг спустя шаги сзади тоже смолкли.

Кала обернулась, желая разглядеть преследователя.

Внезапно ей на голову накинута прохладный черный мешок,

и непреодолимая сила повалила ее на землю. Затем мужской голос — смутно знакомый — прошептал сквозь ткань:

— Будешь рыпаться — убью. А если вякнешь, то прикончу и твоих родителей.

Похититель связал девочку, обмотал рот веревкой поверх мешка и поволол в другом направлении, задержавшись, видимо, у служебного входа в задней части металлического купола. Она услышала, как скрипят дверные петли, а потом земля под ее длинными ногами сменилась сталью — ее втащили под купол.

Оцепенение тут же исчезло, сменившись безумным ужасом.

Кала вслепую дернула связанными ногами и зацепила похитителя. Тот рассмеялся, присел на корточки и шепнул, как любовник:

— Мы с тобой потанцуем завтра. Сегодня ночью очередь Тины. А жаль, жаль...

Она осталась привязанной к ящику, наполненному опилками. Судя по запаху, в нем лежали сотни черепашьих яиц.

Когда служебная дверь закрылась, Кала попробовала узлы на прочность. Сколько времени у нее осталось? Несколько часов? Паника наполнила ее силой, но все рывки лишь затягивали узлы, и через несколько минут она выдохлась и заревела, всхлипывая сквозь веревочный кляп.

Никто ее здесь не найдет.

А когда они окажутся в новом мире, муж Тины — крупный и сильный тип со связями и хорошей репутацией — сделает вид, что обнаружил Калу, освободит ее и наверняка скажет остальным:

— Смотрите, кто захотел отправиться с нами! Лучшая подруга моей жены! — И не успеет она вставить слово, как он добавит: — Я стану кормить ее из нашей доли запасов. Да, теперь ответственность за нее беру на себя.

Кала собралась с силами и вновь занялась веревками.

Но тут дверь открылась все с тем же характерным скрипом, и кто-то медленно прошел мимо нее до конца прохода и обратно. Остановился рядом. Через секунду запястий девочки коснулся нож, а еще через несколько секунд перерезанная веревка упала.

За ней последовали кляп и черный мешок.

В свободной руке Сандор держал фонарик. Он нежно погладил сестру по щеке, затем по шее.

— Ты в порядке?

Она кивнула.

— Хорошо, что я наткнулся на этого гада. — Брат пытался выгля-

деть спокойным, но глаза и голос выдавали едва скрываемое бешенство. — Я его спросил, почему он не со своей невестой. А он промолчал. Тут я и заподозрил неладное. — Брат мрачно добавил: — Я же видел, как он на тебя пялился, Кала.

— Разве?

— А ты что, не заметила? — Сандор дважды глубоко вдохнул, успокаиваясь. — Тогда я его спросил, не видел ли он, куда ты пошла. А он мне: — Катись отсюда, мальчишка!

Сандор начал освобождать ей ноги. При свете фонарика она увидела его любимый карманный нож. Большое, широкое лезвие стало красным и липким — совсем недавно его обильно залила кровь.

— Ты его убил? — пробормотала Кала.

— Вряд ли, — угрюмым шепотом отозвался Сандор.

— Тогда что?

— Спас тебя.

— Но что ты сделал с тем мужиком?

— Мужиком? — Сандор негромко и хищно рассмеялся. — Ну, не знаю, Кала. Это ты у нас в семье биолог. Но вряд ли теперь ты сможешь назвать его самцом... если ты меня поняла...

6.

У Калы появился личный ритуал: каждую весну она доставала из тайника «Рассказ Первой Матери» и перечитывала его от корки до корки. Ей нравились описанные в книге приключения, а трагизм судьбы Клэр наводил на нее искреннюю печаль, и даже помня наизусть целые главы, она переживала так, словно читала книгу впервые. Эта сильная и решительная женщина делала все возможное, чтобы помочь своим девушкам и одновременно заставить Оуэна вести себя достойно. Она добилась того, чтобы каждый взрослый имел право голоса во время важных решений — и голосование, естественно, шло под ее председательством. Клэр всегда произносила прощальные речи на похоронах и следила за соблюдением порядка на скромных празднествах в честь очередной годовщины их появления в этом мире.

На третью зиму наступил жестокий голод. Местных черепах перебили почти начисто, а земные растения здесь плохо прижились. Именно Клэр ввела порционную систему на всю оставшуюся еду, а когда шестерых жен застали за взломом последней кладовой с консервами, Клэр взяла на себя роль судьбы на том скорбном процессе. Каждая женщина утверждала, что поступила так ради своих голодных детей. Но к тому времени детей были уже десятки, и разве у всех не

подводило живот? Присяжными стали двенадцать других девушек — как жен, так и свободных. Соблюдая ритуал, древний, как само человечество, они выслушали аргументы «за» и «против», удалились на совещание и вернулись с решением. Все шестеро были признаны виновными по всем пунктам.

У Клэр не оказалось иного выбора — приговором стало изгнание.

Первая Тина была одной из преступниц. Рассыпая проклятья и угрозы, она и еще пять женщин взяли своих младенцев и отправились на юг, надеясь добраться до нетронутых пастбищ и доступной еды.

Несомненно, Шесть Разгневанных Жен существовали. Но не было двух одинаковых толкований их преступлений, и ни в одном из «Заветов...» Клэр не упоминалась в роли судьи. Точно известно лишь, что шесть женщин ушли в неизвестность, а когда они вернулись десять лет спустя, то принесли с собой пурпурных кур и свежие черепаши яйца, а также четверых выживших детей, включая симпатичного кареглазого мальчика, почти взрослого и сгорающего от желания увидеть своего отца.

Правда заключалась в том, что ни одна из влиятельных церквей не признавала существования Клэр, а это было равносильно тому, что ее вообще никогда не было. Даже самые причудливые побочные религии отказывали ей в какой-либо важной исторической роли. По версии «Рассказа Первой Матери» она прожила еще семь лет и мирно скончалась во сне. Оуэн попросил у одной из жен Библию, чтобы прочесть молитвы над ее могилой. С облегчением человека, избавившегося от тяжелой ноши, он поблагодарил душу женщины за хорошую работу и мудрое руководство. Завершалась книга несколькими словами надежды от лица ее автора — Калы.

Разумеется, ничто на этом не заканчивалось, а если учесть дальнейшие события, то история только-только начиналась.

По выводам большинства исследователей, пионерам понадобилось целое столетие, чтобы уверенно зашагать вперед. Оуэн дожил до восьмидесяти лет, оставшись мужчиной до старости, и, пользуясь своим божественным статусом, продолжал спать со множеством восторженных подросших правнучек. Могила Клэр вскоре затерялась во времени, а возможно, эта женщина никогда не существовала. Зато могила Оуэна стала первым монументом в этом мире. Из карьера притащили блоки известняка, сложили высокий постамент, а на него водрузили величественную статую и оригинальный, все еще бесполезный пробойник. Паломники шли сюда днями и неделями,

лишь бы опуститься на колени у подножия статуи великого человека, и иногда после этого какая-нибудь старая рана казалась им исцеленной или же их внезапно покидало некое застарелое отчаяние, что вновь доказывало могущество Первого Отца.

Четыре столетия спустя мир наполняло достаточно тел и разумов, чтобы горстка из них могла стать учеными.

За тысячу лет человечество распространилось по всей теплой, но бедноватой кислородом планете, придерживаясь низин и уничтожая те местные виды, которые не приносили ему пользы. Мастерские стали заводами, школы — университетами, и очень медленно, но в мир все-таки вернулись знания и уникальные технологии, необходимые для создания новых пробойников.

В 1003 году некий богатый молодой человек купил рекламное время в каждой телесети. *Чем больше пробойник, тем лучше семя*, — завещал он миру. И сказав это, он явил ему гигантский пробойник класса «А», а также просторное здание, в котором он и тысяча его жен перенесутся в новый мир, а также достаточное количество замороженной спермы тщательно отобранных мужчин, чтобы обеспечить разнообразное и энергичное общество.

Пожелавших отправиться с ним молодых и восторженных женщин оказалось более чем достаточно.

Какой оказалась реальная судьба колонии и ее обитателей, никто сказать не может. Включение пробойника равносильно исчезновению из мира — во всех смыслах. Но за последующие столетия были построены сотни пробойников. Миллионы пионеров покинули первый новый мир, молясь о более насыщенном воздухе и более вкусной пище. А после шести столетий эмиграции потомки Калы собрались вокруг небольшого пробойника класса «Б», прочли отрывки из Библии и «Заветов Жен», а затем вместе сделали короткий, но великий шаг в неизвестность.

7.

В девятнадцать лет Кала подала заявление в «Комитет по паркам» и благодаря везению и собственной настойчивости получила назначение в тот самый заповедник, где побывала в детстве. Ей выдали тяжелые ботинки, широкополую шляпу и мешковатую коричневую униформу с пришпиленной к груди табличкой «Новичок». Первую неделю лета она провела, водя на экскурсии туристов, которых интересовали местная флора и фауна. Но это назначение не стало рывком в ее карьере, поэтому Калу вскоре перевели на уничтожение «экзоти-

ки» — что, как выяснилось, означало своего рода повышение. Она получила полную свободу и могла ездить по грунтовым дорогам на служебном грузовичке, останавливаясь в заданных местах и глубоко забредая в чужой лес. Каждые несколько дней приходилось осматривать сотни ловушек. Местных животных она освобождала, а первоначальных следовало убивать из пневматического пистолета, заряженного иглами, или отработанным ударом по голове. В конце дня она возвращалась на базу, надевала пластиковые перчатки и бросала в кремационную печь трупки — в основном жирных скворцов и еще более жирных домовых мышей. Если они умирали еще в ловушке, то тушки начинали пованивать. Но она быстро привыкла к своим кровавым обязанностям. Кала считала, что делает важную, но малопривлекательную работу, и часто представляла себя одиноким солдатом на передовой, воюющим за правое дело, причем почти даром: за скромные деньги, редкое поощрение и, разумеется, за возможность каждое утро возвращаться в первозданную природу и еще один долгий день наслаждаться ее обреченной и угасающей странностью.

Как-то июльским днем, когда она возилась у печи, к ней подошел другой новичок. У них были приятельские отношения, но в тот день юноша непонятно почему выглядел смущенным. Едва он увидел Калу, как лицо его напряглось, шаг замедлился, а затем — наверное, когда он заметил ее удивление — снова ускорился.

— Привет, — едва слышно буркнул он.

Кала бросила в печь дохлого кота и улыбнулась:

— Слышал новость? Нашли новое стадо долгоногов. Над ледником святой Марии.

Юноша помялся, затем торопливо выпалил:

— У меня есть поручение. До встречи.

Кала уже давно поняла, что не очень-то чувствительна к эмоциям других. И раз сейчас она заметила что-то неладное, то весьма велика вероятность, что это небесполезно. Почему парень так нервничал? У нее опять неприятности? И если да, то в чем она ошиблась на этот раз?

Когда Кала водила экскурсии, произошел дурацкий инцидент. Среди туристов затесался хвастливый придурок из «Культа прадеда». Его личной миссией было сорвать ее лекцию. Кала описывала ложные сосны и объясняла, почему томтомы полностью зависят от этих растений. И внезапно этот кретин ее перебил, идиотским голосом заявив, что местные деревья столь же бесполезны, сколь уродливы, все туземные животные тупее бревен и что их работа в этом мире не за-

вершится, пока каждый жалкий и мерзкий уголок вроде этого не превратится в дубовые рощи и бетон.

Работа Калы требовала сдержанности. Экскурсоводам не полагалось высказывать собственное мнение, если оно не совпадало с официальной политикой заповедника. Обычно ей удавалось обузывать свои чувства. И она сдержалась, когда ее еще трижды громко прервали. Но когда провокатор упомянул пятнадцать своих сыновей и двенадцать красавиц-дочерей, похваляясь, что каждый его отпрыск попадет в новый мир, терпение Калы лопнуло. Она была вдвое моложе и вдвое меньше мерзавца, но все же подошла к нему, ткнула пальцем в живот и процедила:

— Будь я вашим ребенком, тоже захотела бы покинуть этот мир!

Почти все слушатели улыбнулись, а многие даже рассмеялись.

Придурак развернулся и зашагал к конторе, и к концу дня Кала получила новую работу — убивать диких котов и прочих вредителей.

Последние тушки уже отправились в печь, когда со станции пришел начальник Калы — пожилой мужчина, всю жизнь прослуживший государственным чиновником и наверняка мечтавший без тревог доработать до пенсии, а затем мирно упокоиться. Приблизившись к темпераментной девушке, начальник вымученно улыбнулся, дважды назвал новенькую по имени и лишь потом осторожно произнес:

— Мне надо с тобой поговорить.

На земле валялся последний безголовый скворец. Кала пинком отправила тушку в печь и захлопнула тяжелую железную дверцу.

— Сперва выслушайте меня, — дерзко проговорила она.

Начальник запнулся.

— Я сказала то, что думала, — продолжила она. — Не знаю, что вы слышали. Я даже не знаю, когда я могла сделать что-то не так. Но у меня были очень веские причины...

— Кала...

— ...и вы сперва должны выслушать мое объяснение.

Бедняга склонил голову, грустно покачал ею и сказал:

— Кала, деточка. Мне очень жаль. Я лишь хочу сказать... рассказать... что сегодня утром звонил твой брат. Сразу после того, как ты уехала. — Мужчина перевел дух и сообщил: — Вчера ночью умер твой отец, и я очень, очень сожалею.

* * *

Экономный и непрактичный, в смерти отец оказался таким же, как и в жизни.

То было жестокое определение, но верное. Отец оставил после себя длинный список пожеланий, и мать выполнила все, как он хотел, включая простой можжевеловый гроб и отказ от официальной похоронной процессии. Надгробие сделали таким же скромным, а поскольку место на кладбище дорого, он распорядился похоронить себя на частном участочке, который купил с первыми признаками болезни — причем свою хворь он сохранил в тайне от всех, включая жену, с которой прожил тридцать один год. Но и у такого участка оказались недостатки, в том числе отсутствие какой-либо дороги в радиусе нескольких сотен метров. Родители Калы никогда не были активистами церкви, а это означало, что на их рассеянную по стране семью полностью ложится организация похорон, включая требования выкопать могилу предписанной законом глубины, найти помощников для переноски гроба, а затем, после тягостного отпевания, закопать могилу.

— Хорошее здесь место, — уже не в первый раз заметил Сандор и бросил на гроб лопату сухой серой земли. Та рассыпалась по крышке из плотно пригнанных красных досок — крупные комки упали с глухим стуком, а мелкие разбежались с мышинным шорохом, катаясь и превращаясь в пыль.

— Красивое, — отозвалась мать, сидя на одном из сорока складных стульев.

Все уже разошлись. На похороны прибыли чуть более трех десятков друзей и родственников, и, наверное, лишь половина из них действительно знала покойного. Кала поняла, что если бы отец умер десять лет назад, то на вершине этого низкого холма стояли бы и сидели две сотни человек, а церковь прислала бы, как минимум, двух священников: один читал бы Писание, а второй сидел со скорбящей семьей, утешая ее. Но утешители покинули их вскоре после той ужасной свадебной ночи. Когда Сандор искалечил одного из женихов, парня стали избегать. А поскольку Кала и ее родители не подчинились стадному чувству, то прихожане воспользовались более тонкими и презренными методами, чтобы изгнать их из своего сообщества.

Несколько месяцев Кала встречалась со старыми друзьями тайно. Сперва ей говорили, что она ни в чем не виновата. Но потом начали спрашивать, как она может жить рядом с тем, кто совершил столь ужасное деяние. Ведь Сандор превратил в евнуха одного из уважаемых граждан их общины, совершив акт откровенного насилия, слишком серьезного и злобного, чтобы не привлечь к нему внимание полиции. Не имело значения, что он защищал свою единственную сестру. Не имел значения тот факт, что порядочные мужчины всегда

оберегают своих женщин, что если четырнадцатилетнюю девушку похищают, то кто-то из членов семьи обязан предостеречь похотливых негодяев: только попробуйте причинить ей вред, и вы забудете о собственном потомстве!

Для ее друзей эти древние законы не имели значения. И как только Кала призналась, что благодарна брату за его поступок, эти же друзья перестали изобретать уловки, чтобы встретиться с ней тайком.

Разумеется, винить следовало не только брата. Как говорится, родители всегда отвечают за грехи своих детей. Разве отец и мать Сандора не передали ему свои гены и часть своих устремлений? В момент совершения преступления юридически он все еще был ребенком и должен был держать ответ сперва перед Богом, а затем уже перед родителями. Разве не так?

Похищение — прискорбное деяние, говорили другие. Новоиспеченный муж не должен был так поступать и уж тем более похищать девушку из своей общины. Но даже для людей, исповедующих моногамию, поступок жениха был понятен. Двадцать тысяч лет истории укрепили эту общую точку зрения. Некий священник — молодой мужчина, лишенный как обаяния, так и здравого смысла — пришел к ним в дом после пятничной службы. Беседуя в гостиной с отцом Калы, священник спросил:

— В чем разница? Один молодой мужчина берет двух жен в новый мир, а другой живет с первой женой двадцать лет, затем спокойно разводится с ней и заводит новую семью с молодой женщиной?

— Разница огромная, — ответил отец, повысив голос. Кала сидела в своей спальне на втором этаже, слушая, что говорит ее второй великий защитник. — Во-первых, моя дочь еще совсем молода. Во-вторых, ей не предоставили выбора. Никакого. Ее связали, как курицу, и обращались с ней, как с неодушевленным предметом, насильно создав для нее ситуацию, когда она уже никогда больше не увидела бы ни семьи, ни родного мира. Это честно? Или справедливо? Или хотя бы порядочно? Нет, нет и еще раз нет.

— Но нанести жениху такие раны...

— Насколько я слышал, рана была совсем небольшая.

Что же стало для нее главным сюрпризом: что отец прервал собеседника или что он иронично отозвался о размерах пениса другого мужчины?

Священник простонал, затем сказал:

— Это злобное животное... ваш любимый Сандор... заслуживает нескольких лет тюрьмы.

— Пусть решает суд.

— И вы, конечно, понимаете... — Гость на секунду задумался, прежде чем закончить мысль. — Понимаете, что ни одна достойная группа пионеров не примет его в свои ряды. Не сейчас. И не с его склонностью к насилию.

— Полагаю, что так.

— А это позор, потому что ваш сын всегда хотел быть Отцом.

Наступило молчание, и Кала представила выражение стыда на лице отца.

Но затем тупой священник решил высказать еще одно, последнее мнение. И мрачно проговорил:

— У меня была причина, чтобы прийти к вам. Полагаю, вам следует задуматься над тем, что говорят другие.

— Кто же эти другие?

— И женщины, и мужчины.

— Что они говорят?

— Что девушка выглядит старше своих четырнадцати лет. Тело у нее взрослое, а голос такой же, как у женщины. Любой здоровый мужчина мог бы ею заинтересоваться. Но проблема в словах, которые произносит Кала... и в ее резком тоне...

— Куда вы клоните?

— Многие из нас... ваших лучших друзей... мы считаем, что кому-то следует немного сбить с вашей дочери спесь. И подарить ей несколько детишек, чтобы она с ними игралась.

Стул под отцом резко скрипнул.

— Уходите, — услышала Кала. — Вон из моего дома.

— С радостью, — отозвался священник. — Но прошу вас учесть: у вашей дочери в ту ночь был шанс. И если бы у нее и ее брата хватило ума, то она сейчас жила бы в лучшем мире. Но в нынешней ситуации я не могу представить, что найдется достойная уважения группа людей, которая примет столь проблемную девушку. И единственный для нее выход — сентиментальное похищение мужчиной-одиночкой, который попросту не знает, кто она такая.

Наступило молчание, заполненное тяжелым дыханием и яростью. А затем Кала единственный раз за всю жизнь услышала, как отец произносит:

— Пошел ты...

И этот момент, и весь тот кошмар — все это вернулось к ней возле могилы. Прошедшие с тех пор годы куда-то исчезли, и ее долговязое тело содрогнулось от воспоминаний и страданий. Сандор и мать

это заметили. Увидев, как она лопату за лопатой кидает в могилу землю, но расценив все неправильно, мать предупредила:

— Здесь не соревнования на скорость, милая.

Кале показалось, что ее поймали за руку. Ее охватил безотчетный стыд. Выронив лопату, она опустилась на колени возле могилы, уставясь на два все еще видимых уголка отцовского гроба.

Сандор пристроился рядом.

И тут Калу прорвало, и она на одном дыхании выпалила все свои сокровенные мысли: как одна ночь перечеркнула их жизни и она чувствует себя виноватой, хотя винить ее не в чем. Что во всех несчастьях, преследовавших с тех пор их семью, каким-то образом виновна тоже она. Из-за нее они потеряли церковь и друзей. Отец умер молодым, и теперь мать навсегда останется вдовой. А брат ее стал преступником, лишенным того, чего желал больше всего в жизни — возможности быть уважаемым Отцом в каком-нибудь великом новом мире.

После трудной паузы ей ответила мать:

— Мне совершенно не хотелось бы потерять тебя, даже не получив возможности попрощаться.

Кала надеялась на большее.

«Ты была глупышкой, милая», — прозвучало бы лучше.

«Тебя не в чем винить», — стало бы идеальным ответом.

— Последние годы были трудными, — заметила вместо этого пожилая женщина. — Да. Но не вини себя в смерти отца.

Сандор вонзил лопату в кучу земли возле Калы. Потом с тяжелым вздохом сказал:

— И не волнуйся за меня. У меня все хорошо.

Вряд ли. Ведь из-за пребывания в тюрьме брат пропустил последние школьные годы. И теперь прежний мальчик исчез, уступив место крепкому юноше с самодельными татуировками на могучих мускулистых руках.

Сандор столкнул в могилу пару комков земли и посмотрел вниз. Лицо его стало суровым, глаза огромными, а голос сухим, когда он медленно произнес:

— А в другой мир ведет не один путь.

8.

В мире Калы главенствовала конфедерация малых и средних церквей. Два миллиона прихожан объединили ресурсы и купили мощный пробойник класса «А» — монстра, способного вынести в другой мир несколько городских кварталов. Каждая конгрегация

выбрала своих лучших пионеров, а затем на ответственный пост выбрали Последнего Отца, которому предстояло заботиться о благополучии тысячи отважных душ (плюс три «зайца» и пятнадцать молодых женщин, похищенных накануне отправления). Местом для размещения пробойника избрали поле возле фермы в Азии, в регионе, когда-то известном под именем Хунан. Там, где недавно росла пшеница, возвели гигантский многоэтажный купол. Каждый пионер заткнул уши пластиком и воском. Огромный пробойник сотряс все здание, начав поиск на просторах Творения, а затем в последнем рывке машина и люди перенеслись вдоль скрытых измерений, покрыв при этом ничтожно малое расстояние.

Пробойники не имели верхнего предела мощности, однако существовали практические ограничения. Вход в новый мир означал смещение местного воздуха и почвы. В момент прибытия пробойник класса «А» расшвыривал тысячи тонн земли и камней, создавая кольцевой холм из мусора, мгновенно нагреваемого ударом. Древесина и торф вспыхивали, а глубоко под землей скальные породы спекались.

Последний Отец приказал всем оставаться внутри купола целый день. Люди дышали воздухом из баллонов и наблюдали, как пожар распространяется и гаснет под начавшейся к вечеру грозой. Затем были высланы команды разведчиков, они быстро пересекли участки выжженной земли и обнаружили луга, заросшие похожей на осоку черной травой, в которой они поймали местных мышей и псевдонасекомых, а также существ с длинными конечностями. Кому-то они напомнили иллюстрации из старинных учебников, изображавшие обезьян.

Опыт обещал: если в новом мире развился разум, то велика вероятность, что разумные существа будут обитать в Азии. На больших пространствах суши конкуренция самая жесткая. Так это было на первоначальной Земле. Австралия некогда была домом для опоссумов и кенгуру, и пересекающие измерения пионеры могли поддаться искушению и обосноваться там, не подозревая, что за горизонтом находятся континенты, полные умных и агрессивных плацентарных существ, включая некую агрессивную обезьяну средних размеров с кое-какими далекоидущими планами.

Но у доставленных разведчиками грызунов оказались простенькие мозги без извилин, а интеллект обезьяноподобных существ не превышал ума уважающего себя кота. Последний Отец встретился со своими советниками, затем с любимой женой и после должного пе-

риода размышлений и молитв объявил, что Господь пожелал, чтобы именно здесь они остались до конца своих дней.

Новая колония расширялась быстро, как численно, так и в пространстве.

Последний Отец умер, окруженный почетом, и шестеро из девяти его детей перенесли тело в гранитный собор, построенный на месте прибытия.

К тому времени поселки и городки рассеялись на тысячи миль. В течение десяти поколений составлялись карты береговых линий на всех побережьях Великого океана, а небольшие группы путешественников уходили все дальше в глубь континента, двигаясь по окраине Тибетского плато к землям, когда-то называвшимся Персия, Турция, Ливан и Франция.

Первоначальные церкви росли и делились — или же съеживались и умирали.

Их место всегда занимали новые.

Первоначальный пробойник класса «А» стал алтарем в соборе Последнего Отца. Команда инженеров поддерживала его в рабочем состоянии, а сам собор охраняла тысяча элитных бойцов. Символы были ясными и твердыми: в первую очередь и всегда этот мир послужит исходной точкой для стартов в бесчисленные новые владения человечества. Люди обязаны строить как можно больше пробойников — и это обещание удалось наконец-то сдержать несколько столетий назад. Ко времени рождения Калы тысяча пионеров стала пятью миллиардами граждан. Налоговые законы и общественные соглашения гарантировали, что пробойники будут строить всегда. По оценкам экспертов, на теплых просторах этой планеты сможет жить пятнадцать миллиардов человек, и при удаче и Божьем благословении настанет день, когда из огромного количества фабрик выкатится достаточно пробойников, чтобы каждый «избыточный ребенок» получил свой шанс, каждый мальчик сможет при желании найти свой благословенный мир, а каждая девочка станет счастливой женой благочестивого мужа.

9.

Сандору очень не нравилось, что его сестра путешествует одна. Очередной поездке Калы предшествовал тяжелый разговор — по телефону или с глазу на глаз. Он считал своей обязанностью напомнить ей, что дороги — исключительно опасное место. У Сандора всегда имелся наготове рассказ о какой-нибудь невезучей молодой женщи-

не, которая все делала правильно: ездила только днем, как можно меньше разговаривала с незнакомцами и ночевала в безопасных отелях, где таких путешественниц оберегали. Но даже умные девушки и женщины порою бесследно исчезали где-то в пути.

— Ты взгляни на реальные цифры, — любила возражать Кала. — Вероятность, что меня в течение жизни похитят дважды...

— ...ничтожно мала. Знаю.

— А вероятность погибнуть в аварии на дороге в десять раз выше, — добавляла сестра.

Но проходило время, Сандор подвергал анализу ту же статистику и загонял ее в угол гораздо более печальными выводами.

— Вероятность погибнуть в аварии в три раза выше, — сообщал он Кале. — Но это для всех женщин. Старых и молодых. Зато для твоей подгруппы — женщин от двадцати до тридцати, с привлекательной внешностью и путешествующих в одиночку — вероятность исчезновения в пять раз выше, чем гибель в простой и бесхитростной дорожной аварии.

— Но я должна ездить по стране, — парировала Кала. Ее докторская диссертация требовала изучения сообществ местных животных, рассеянных по десяткам горных вершин во всей стране. Поездки были обязательны, а поскольку финансирования и так не хватало, у нее не водилось лишних денег, чтобы нанять охранников. — Я знаю, ты считаешь мою работу ничтожной...

— Я никогда этого не говорил, Кала.

— Потому что ты поразительно вежливый парень. — И, рассмеявшись собственной шутке, Кала напонила: — Я всегда ношу с собой зарегистрированное оружие.

— Это хорошо.

— И еще один незарегистрированный ствол.

— И очень правильно делаешь.

— Плюс еще тысячи мелочей, которые я делаю, или пара миллионов вещей, которые я избегаю делать. — У нее всегда имелся наготове трюк-другой, просто чтобы доказать себе: она всегда опережает невидимых противников. — И если у тебя имеются другие предложения, пожалуйста, поделись ими со своей беспомощной сестричкой...

— Не искушай их, — предупредил он. — Ты не понимаешь, чего мужчины хотят от женщин. Потому что если бы понимала, то и носа из дома не высунула.

Кала жила в крошечной квартирке на женском, десятом, этаже — слишком высоко, чтобы быть похищенной, разве что самым круп-

ным пробойником. На этот раз Сандор зашел к ней в гости, по его словам, на пару минут, однако уходить не торопился. Насколько она могла судить, главной задачей Сандора было как следует напугать младшую сестру. Как и всегда, он пришел с новыми вырезками из газет и распечатками сайтов. Ему хотелось, чтобы она четко осознала тот факт, что в ее любимых горах толпами бродят похотливые мужики, один опаснее другого, и все эти сволочи бьются за свой шанс стать отцом-основателем нового мира. Как раз на прошлой неделе большая партия пробойников класса «В» была похищена после налета на вооруженный конвой, и теперь «Дети вечности» провозгласили «время изобилия». И всего лишь вчера неподалеку от Нью-Этернала какой-то идиот снес тяжелым грузовиком две пары железных ворот и остановился возле учебного крыла женской академии. Через несколько секунд в грузовике сработал большой пробойник класса «Б», оставив после себя полусферическую яму, искалеченное здание и около тысячи перепуганных девушек-подростков — их спасло только то, что как раз в это время школьный врач собрал их в аудитории на лекцию по гигиене.

Услышав эту новость, Кала лишь пожала плечами:

— Кретины — это универсальная постоянная. Ничто не изменилось, а у меня все будет хорошо.

Но если честно, она никогда не чувствовала себя спокойно во время дальних поездок, и свежие новости не утешали. Где-то на континенте спрятана почти сотня краденых пробойников, а это сильно повышало вероятность того, что неприятности ее все же не минуют. Кала позволила себе поддаться страху, а затем, всплыв, выкрикнула:

— Тогда поезжай со мной!

Ошеломленный Сандор на секунду замер.

— Если уж ты настолько волнуешься за меня, то поезжай со мной и помоги мне в работе. Конечно, если тебе предлагали место получше...

— Ладно, — ответил он. — Мне идея нравится.

— Долгие семейные каникулы, — поддакнула она, улыбнувшись.

— Совсем как в молодости, — завершил он ее мысль.

* * *

Прошло более десяти лет со времени их последних совместных каникул, и путешествие длиной в лето предоставляло брату и сестре множество возможностей наверстать упущенное. Но за все дни, проведенные в дороге, не говоря уже о неделях работы на горных тропах, они на удивление мало делились воспоминаниями. Кала почти ниче-

го не услышала о жизни в тюрьме, и очень мало о том, как Сандор зарабатывал на жизнь после освобождения. Да и она почему-то не испытывала желания говорить о своих прошлых парнях и будущих мужчинах — о тех романтических подробностях, которыми она обычно делилась с подругами. Какое-то время это затянувшееся молчание ее тяготило. Но потом она решила, что братья и сестры не всегда находят общий язык. Генетика и семья уже само по себе дело настолько глубокое и сильное, что никто не считал себя обязанным доказывать родственную близость обычными средствами. Сандор раскрывался лишь короткими вспышками — парой слов или просто жестом, — да и Кала наверняка казалась ему такой же замкнутой и неразговорчивой. Но, разумеется, взаимные секреты не имели для них значения. Этот мужчина всегда останется ее братом, что было намного важнее, чем любые иные отношения, которые могли у них возникнуть во время поездки через континент.

Своей миссией защитника Сандор буквально упивался. На каждой остановке он был настороже и слегка агрессивен, лицо любого незнакомца заслуживало быстрого, но пристального изучения, а некоторым требовался и жесткий предупреждающий взгляд. Кала ценила исходящее от брата ощущение угрозы, которое он, казалось, мог включать и выключать. Она и не представляла, что ей понравится наблюдать, как Сандор подходит к прилавку, заставляя безобидного клерка вздрагивать. Татуированные мускулы напрягались, лицо становилось каменным, и она наслаждалась грубоватой хрипотцой его голоса, произносящего: «Спасибо». Или как он рывкает на какого-нибудь незнакомца: «Прочь с дороги. Пожалуйста. Сэр».

Исследования Калы включали малоизвестные виды псевдонасекомых. Она старалась отыскать и каталогизировать неизвестные виды, пока они не исчезли, собирая данные об их среде обитания и образцы, которые она замораживала, высушивала и раскладывала по длинным пробиркам. Как-то июльским вечером на склоне огромного вулкана она услышала странные звуки, доносящиеся из-за сосновой рощицы. Что-то вроде гиканья и улюлюканья.

— Интересно, что это было? — поинтересовалась она. Сандор мгновенно двинулся от костра, обошел периметр дважды, а затем вернулся с длинным фонариком в одной руке и еще более длинным пистолетом с ночным прицелом в другой.

— Так что это было? — переспросила она.

— Мальчишки, — сообщил он. — Собирались разбить лагерь рядом с нами.

— Собирались?

— Ага, — подтвердил он, снова усаживаясь возле костра. — Но они почему-то решили свернуть палатку и уехать. А почему — понятия не имею.

Подобные моменты доставляли Кале истинное удовольствие.

Но удовольствие нередко сменялось негодованием: какое право он имеет посягать на ее независимость!

Два дня спустя, когда они ехали на север, Сандор сказал, что ему ни разу не подворачивалась возможность посмотреть на Большой каньон.

— В тот отпуск мы не смогли туда попасть, — напомнил он. — А сам я с тех пор не смог выкроить время.

И Кала решила потратить на это целый день.

Точное местонахождение и внешний вид каньона в разных мирах отличались. Но всегда была река, собирающая влагу в этой части континента, а суша неизменно поднималась в ответ на предсказуемую тектонику. Поскольку их планета оказалась более влажной, чем большинство остальных, здешняя река стала большой и сердитой, она миллиард лет прогрызала себе русло до самого дна каньона. Кала заплатила за спуск на фуникулере к реке. Перекусив сваренными вкрутую куриными яйцами и ягодами шелковицы, они отправились на прогулку. Когда путешественники шагали по каменистому берегу, Кала показала брату гниющую тушу еленофорели. Первый Отец не прихватил с собой рыбу, но позднее Отцы поняли, что разведение рыбы означает дешевый белок. Еленофорель происходила из пятого нового мира — то были неразборчивые пожиратели, прекрасно себя чувствовавшие как в открытом океане, так и в пресных водах, к тому же при любых температурах, от точки замерзания до почти горячей воды. Эти хищники заселили практически все крупные водоемы планеты.

— Они умирают, когда наступает беременность, — пояснила Кала. — А личинки питаются телом матери по мере его разложения и успевают подрасти и окрепнуть, прежде чем уплывут.

Сандор вроде бы слушал. Но не забывал бдительно осматривать окрестности. Сейчас он коротко кивнул и после долгого молчания проговорил:

— Мне вот что интересно, Кала... Чего ты хочешь добиться? В смысле, своей работой?

Поначалу Кала подумала, что он попросту не вникал в ее объяснения. Потом стала гадать, уж не пытается ли он ее сломить, доказав,

что она тратит жизнь на всякую ерунду. Но после нескольких недель такого словесного танца она начала понимать, что происходит. Дабы побороть скуку, она была вынуждена всякий раз отвечать иначе. И в каньоне, глядя на мертвую рыбину, она не стала произносить банальности о своем долге спасти нескольких безымянных насекомых. Она также обошла тему новых лекарств, которые, говоря по правде, никогда не станут итогом ее работы. Вместо этого, глядя на сильно разбухшую тушку, она предложила брату новый ответ:

— Наш мир умирает, Сандор.

Это утверждение вызвало жесткий взгляд и непонятную ухмылку.

— Это почему же? — спросил он, перекрывая рев воды.

— На здоровой планете живет от десяти до двадцати миллионов видов. В зависимости от того, как их подсчитывать. Последний Отец взял с собой столько, сколько смог. Выжить здесь смогла почти тысяча видов многоклеточных организмов. А этого слишком мало для получения устойчивой и жизнеспособной экосистемы.

Сандор пожал плечами и показал на далекое небо.

— А по-моему, все выглядит неплохо, — заметил он. — Что ты имела в виду под умиранием?

— На такую возможность указывают компьютерные модели. Малое разнообразие означает хрупкие экосистемы. И проблема не только в небольшом количестве видов. Она в самой их природе. Куда бы мы ни отправились, мы прихватываем с собой виды-сорняки. По сути, биологических бандитов. И не только с исходной земли, но и с тех семнадцати других эволюционных историй. Семнадцать линий, которые почти чужие друг другу. Подобное снижает число важных взаимодействий. Это еще один фактор, который со временем вызовет крах.

— Допустим. И когда?

Она пожала плечами.

— В следующем году?

— Через несколько тысяч лет. Но существует точка коллапса, и как только она будет пройдена, основы местной биосферы быстро рухнут. Например, фитопланктон. Местные виды уже испытывают проблемы, выдерживая давление новых пищевых цепочек, и если они в конце концов исчезнут, то некому будет возобновлять атмосферный кислород.

— Но разве деревья не выделяют кислород?

— Выделяют, — согласилась она. — Но их древесина или сгорает, или гнивает. А гниение, с точки зрения химии, такая же реакция, как и горение.

Сандор уставился на серую рыбину.

— Ты ведь знаешь, что происходит, когда включают пробойник? — спросила Кала. — И как машина упорно ищет планету с подходящей для людей атмосферой?

Брат кивнул, и его светло-карие глаза устремились вдаль, словно предвкушая эту картину.

— А ты никогда не задумывался, почему на стольких планетах нет пригодного для нас воздуха? Не думал? — Кала хлопнула брата по плечу. — А что если через мультивселенную перемещается много разных пионеров? Людей... и не только людей. А вдруг большинство этих отважных пионеров со временем вышибает свои миры из экологического равновесия и тем самым убивает их?

— Да... — протянул он и после долгого задумчивого молчания хмыкнул.

После этого разговора Сандор никогда больше не высказывал сомнений в важности работы Калы.

10.

Сердцем каждого пробойника был чашеобразный приемник, сплетенный из алмазных нитей, приправленных определенными редкоземельными элементами, и напитанный энергией в достаточном количестве, чтобы пронзить границу между измерениями. Хотя создать такой приемник нелегко, это покажется совсем пустяковой задачей по сравнению в разработкой машин для поддержки и управления его работой. Жестким дискам компьютеров и конденсаторам приходится работать на грани теоретических пределов. Тепловые и квантовые флуктуации необходимо свести к минимуму. В лучших пробойниках использовался коктейль из необычных изотопов, что удваивало их надежность и утраивало цену, а стоимость мер безопасности добавляла к окончательной сумме еще сорок процентов.

В то лето Кала и ее брат дважды видели конвои, перевозившие готовые пробойники. Бронированные грузовики были выкрашены в ярко-зеленый цвет, каждый сопровождали две-три более скоростные машины, ошетилившиеся оружием в руках крепких молодых мужчин. Предполагалось, что маршруты конвоев держатся в секрете. Поскольку даже маленький пробойник стоил целое состояние, корпорации делали все возможное для защиты своих инвестиций. А это заставило Калу задуматься: как «Дети вечности» узнали, где пройдет один из конвоев и какое надобно оружие для захвата пробойников?

Сандор сидел за рулем, когда они наткнулись на такой конвой. Быстрая демонстрация ружей и злые лица внезапно обозначили их как потенциального врага. «С дороги! — вопило каждое лицо. — Сво-рачивайте к обочине!»

Они находились возле Мормонского моря, на шоссе, знаменитом как окружающими видами, так и узкими, почти отсутствующими обочинами. Но Сандор подчинился, остановил машину на узкой полоске асфальта, выключил двигатель, поставил машину на ручной тормоз и обернулся, наблюдая за поворотом. Глаза у него были широко распахнуты, а нижнюю губу он прикусил.

Несколько секунд Кала разглядывала воды внутреннего моря, наслаждаясь протянувшейся до самого горизонта сверкающей полосой. Затем послышался рев мощных двигателей, и мимо прокатились два тяжелых грузовика, сопровождаемые машинами охраны, затем еще два.

— Класс «В», — решил Сандор. — Около сотни, изготовлены на заводе в Хайборне.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Кала, потому что никакой маркировки на грузовиках не имелось.

— Мало охраны. За класс «В» много не выручить. Зато классы «А» и «Б» могут принести бандитам целое состояние. А компанию я определил так: на боку каждого грузовика есть код, надо лишь знать, как его расшифровать.

Конвой скрылся из виду, но они так и остались на обочине узкой дороги.

— Когда мы поедem дальше? — спросила сестра.

— Не торопись, — остерег он.

Она поерзала на сиденье и несколько раз вздохнула. Тогда Сандор пояснил:

— Не следует ехать за ними слишком близко. Кто-нибудь может это неправильно понять. Соображаешь, о чем я?

И ее храбрый, почти бесстрашный брат так и остался на обочине, стискивая руль.

— А что, тебя уже не раз неправильно понимали? — спросила вдруг Кала.

— О чем ты?

— Сандор... сколько конвоев ты преследовал за свою жизнь?

Выражение его лица не изменилось. Потом легкая улыбка неожиданно тронула уголки губ, и он тихо, почти как заговорщик, признался:

— Пятьдесят... может, шестьдесят.

Она не удивилась, но не ожидала, что его слова настолько ее огорчат.

— Выходит, ты так сильно этого хочешь? Стать Отцом?.. Ты готов украть пробойник, лишь бы получить шанс?

Он едва не кивнул, но затем снова взглянул на сестру и напомнил:

— Я все еще здесь. Так что, пожалуй, я не настолько одержим этой идеей.

— А что случилось? Работа оказалась слишком опасной для тебя?

Теперь исказилось его лицо. Выпрямившись, он завел машину и тронулся, разгоняясь долгую минуту. Выдержав паузу, он наконец сказал:

— Знаешь, в том конвое было тридцать два охранника. Ну, на который напали «Дети вечности». И еще дюжина водителей и три представителя корпорации. Их всех убили.

— Знаю...

— Почти всех бедняг уложили в придорожную канаву и прикончили выстрелом в голову. Чтобы те, кто станет проезжать мимо, не заметили тел. — Сандор стиснул руль с такой силой, что тот скрипнул, и медленно произнес: — Вот тогда я и отказался от своего желания. Стать Отцом даже в лучшем из миров — недостаточный повод, чтобы убить хотя бы одного несчастного парня, который хотел лишь заработать и прокормить свою семью.

* * *

Два горных хребта уходили островами далеко в Мормонское море, и брат с сестрой потратили несколько дней на прогулки по самым высоким пикам. Затем снова отправились к гейзерам, наслаждаясь долгой поездкой через горы к северу от этой вулканической местности. Потом август стал подходить к концу, и они направились обратно к дому Калы. Впереди была еще одна остановка, приберегаемая до поры до времени по сентиментальным причинам.

— Наш лучший отпуск, — негромко сказала она.

Молчание Сандора выражало согласие.

В заповеднике они остановились в палаточном лагере, предназначенном для сотрудников, и Кала представила Сандора нескольким знакомым рейнджерам. В целом настроение у всех было прекрасное. Бывшие коллеги проявляли интерес к ее исследованиям, задавали компетентные вопросы и даже кое-что советовали.

Один из пожилых сотрудников — он никогда ей особо не симпа-

тизировал — кивнул, услышав, чем она занимается, а потом сказал участливо, почти по-отечески:

— Кала, я знаю место, где обитает нужный тебе жук. Как этот вид называется, сказать не могу, но вряд ли ты такое встречала раньше.

— Правда? И где это?

Он принес карту и показал на ней узкую долину на другой стороне континентального водораздела.

— На вид она слишком невысоко над уровнем моря. И там сейчас много можжевельника. Но если подняться по этой извилистой дороге...

— Спасибо, — поблагодарила Кала.

— Помог, чем умел, — отозвался пожилой рейнджер. Затем ска-тал карту и предложил: — Я сам могу тебя туда отвезти. Твой брат, ес-ли захочет, может остаться здесь и отдохнуть.

— Спасибо, нет, — сказал Сандор.

Он постарался произнести это подчеркнуто вежливо. Какое-то время никто из них не мог догадаться, что происходит.

11.

Как и обещал рейнджер, среди местных деревьев стояли и мож-жевеловые. Скворцы и ручейники поедали ягоды можжевельника где-то за пределами заповедника. Поскольку их едкий желудочный сок был жизненно необходим для прорастания этих ягод, то везде, где птички оставляли свои жемчужные метки, появлялся новый лес уродливых серо-зеленых деревьев, колючих и безжалостных. Боль-шинство биологов утверждало, что это взаимовыгодные отношения между видами. Но у Калы имелась другая интерпретация: птицы чет-ко знают, что делают. И всякий раз, когда скворец вываливал помет, он сообщал миру: я сажаю здесь лес. И я принесу вам смерть, глупые старые деревья.

Сандор присел на корточки, поковырял крепкими пальцами в опавшей хвое и выудил толстого розового червя. Наблюдая за дея-тельностью Калы целое лето, он теперь стал экспертом по конкрет-ному виду псевдонасекомых.

— Тут нам ничего не светит, — объявил он.

Земляные черви были еще одним главным захватчиком из их прежнего мира. И они обычно не уживались с теми насекомыми, ко-торых изучала Кала.

— Может, стоит подняться чуть выше? — предложил он.

Но пожилой рейнджер утверждал, что здесь то самое место, и это предполагало: синие жуки здесь выжили, несмотря на соседство чер-

вей и деревьев — героический образ, в который Кала хотела верить еще какое-то время.

— Сходи посмотри, — ответила она. — Если ничего не найду, то поднимусь к тебе.

Сандор подмигнул и шагнул под сень черных теней.

Двадцать минут спустя Кала бросила поиски. Выйдя на полянку, она уселась на каменную скамью, вытащила из рюкзака бутерброд и успела разок от него откусить, когда на тропу позади нее вышел незнакомец.

— Извините?

Вздвигнув, Кала быстро обернулась, свободная рука скользнула за пояс, к пистолету. Но перед ней стояла девушка, причем невысокая, большеглазая и хрупкая — на вид лет на десять моложе Калы. Выглядела она усталой и встревоженной. Юбка порвана, а на левой руке длинная царапина с уже подсохшей кровью.

— Вы можете мне помочь, мэм? Пожалуйста...

Кала осторожно поднялась, засовывая бутерброд обратно в рюкзачок и тем же движением проверяя, что второй пистолет находится там, где должен находиться. Затем настороженно спросила:

— Ты потерялась?

— И потерялась тоже, — ответила девушка, оглядываясь и отходя от края леса. — Я уже несколько дней в лесу. По меньшей мере.

Кала поразмыслила и быстро спросила:

— А где ты была?

— Сзади.

— Сзади чего?

— Автобуса, — огрызнулась девушка, словно Кале полагалось это знать. — Он сунул меня в автобус, и других тоже, в темноту...

— Других девушек?

— Да, да. — Хрупкое создание приблизилось, держа руки под мышками. — Он такой злой...

— Из какой секты?

— Что?

— Он член какой-нибудь секты?

— «Дети вечности», — призналась странная девушка. — Вы о них знаете?

Правой рукой Кала вытащила из-за пояса пистолет, а левой придерживала на плече лямки рюкзака. Среди деревьев никакого движения. Вполне могло показаться, что кроме нее и девушки в мире ничего нет.

— Он собирает жен, — поведала девушка. — Он мне сказал, что хочет набрать десять.

— Подойди, — велела Кала и спросила: — А сколько у него сейчас девушек?

Девчушка сглотнула:

— Три.

— И он один?

— Да. Один. — Девушка распахнула глаза. — Три других и я. И еще он.

— Где?

— В той стороне. Возле автостоянки, автобус спрятан между больших старых деревьев.

К машине Кале надо было идти в том же направлении. Но Сандор ушел в противоположном.

— Ладно. Я постараюсь тебе помочь, — прошептала она незнакомке.

— Спасибо, мэм!

— Тише!

— Извините, — пробормотала девушка.

— А теперь пошли.

Девушка зашагала рядом, потирая на ходу окровавленную руку. Дышала она тяжело и часто. Еще несколько раз сказала «спасибо». Но оглядывалась гораздо реже, чем Кала, и как раз это настораживало.

Через несколько минут быстрой ходьбы Кала поинтересовалась:

— А как тебе удалось сбежать?

Девушка оглянулась, кивнула и ответила:

— Выбралась через люк в крыше. И порезала руку о металлический край.

Рана была воспалена, но кровь давно свернулась. Кала согласно кивнула, хотя полного доверия рассказ девушки не вызывал.

— Если он меня найдет, то избьет.

— Я ему не позволю, — пообещала Кала.

— В автобусе еще три девушки, — повторила незнакомка. Потом снова сунула руки под мышки, обнимая себя, и сказала: — Мы должны их спасти, если сможем. Подкрасться к автобусу, пока он ищет меня, и освободить их.

Но Кала хотела отыскать Сандора. Она едва не упомянула о нем девушке, но передумала: брат был ее тылом. Вместо этого она сказала незнакомке:

- Потом. Сначала я должна убедиться, что ты в безопасности. Девушка взглянула на свою защитницу, но промолчала.
- Поторопись, — велела Кала.
- Я хочу подстраховаться.
- Именно это я и делаю...
- Нет.

И тут девушка вытянула руки из-под мышек. Одна была пуста, а во второй оказалась коробочка с торчащими из нее металлическими вилками. Они выскочили из коробочки, впились Кале в кожу, и внезапно ее тело пронзила раскаленная голубая молния.

* * *

Девушка разоружила Калу, захватила ее рюкзак, а саму пленницу связала пластиковыми ремешками. Потом ушла по тропе и скрылась из виду. Боль стихла до такой степени, что Кала смогла усесться лицом к склону холма, представляя, как по нему спускается брат. Но ушел он в другую сторону и так и не появился к тому времени, когда обманщица возвратилась вместе с Отцом. Из его наплечной кобуры торчала рукоятка автоматического пистолета. На вид ему было лет сорок или сорок пять — высокий, сильный и некрасивый мужчина с грубыми руками и несвежим дыханием.

— А она чертовски мила, — оценил он, взглянув на свое новое приобретение. И добавил, подмигнув: — Он пообещал, что ты мне понравишься. И не соврал.

Выходит, ее подставил старый рейнджер.

— Что-то я не вижу никакого брата, — встревожилась девушка.

— Это было бы слишком легко, — заметил мужчина. Он вручил свое оружие помощнице, поднял Калу и перебросил ее через плечо. — Вряд ли он представляет для нас угрозу. Но все равно пойдем, дорогуша. Как можно быстрее.

Они вышли на опушку, пересекли парковку, где все еще стояла машина Калы, и стали подниматься по другому склону, густо заросшему высокими местными деревьями. В полумраке этого леса вскоре отыскался длинный автобус, да еще два тяжелых грузовика в придачу. Кала увидела, что невест гораздо больше трех. При первом подсчете их оказалось двенадцать, при повторном — четырнадцать. Все были моложе двадцати. Смотрелись они школьницами на пикнике — хихикали и дразнили новую жену:

- Такая старая, что сама ходить не может.
- Ага, свежая кровь в генофонде...

За появлением Калы молча наблюдали трое молодых мужчин. Судя по внешности, сыновья. Не старше двадцати пяти.

— Красотка, — прокомментировал один из них.

Двое других кивнули и заухмылялись.

Проявив заботу о драгоценном грузе, старший мужчина усадил Калу под деревом, прислонив к черному стволу, и заново связал ей руки и ноги — для страховки. Кала быстро переводила взгляд с лица на лицо, надеясь увидеть хоть какие-то признаки сочувствия. Бесполезно. А девушка, посланная в роли приманки, простояла возле Калы несколько минут, и выражение ее лица оказалось самым жестким.

— Он за мной придет, — пообещала Кала.

— Да, твой брат наверняка придет, — согласился Новый Отец. — Но я за вами наблюдал. У него с собой нет ничего серьезнее того длинного пистолета, а у нас здесь такая артиллерия, против которой он полезть не осмелится.

Словно подтверждая его слова, сыновья достали из автобуса автоматическое оружие.

— И что дальше? — спросил один из них.

— Оставайтесь здесь, — велел отец.

Но старшему сыну такая тактика не понравилась:

— Мы можем зайти ему в тыл и шлепнуть, когда он покажется.

— Нет.

— Но...

— Я сказал!

Молодой мужчина помрачнел.

— Господь привел нас на это место, — продолжил более мудрый отец. — И он же послал нам этот жаркий сухой день. Молитесь о грозе. Вот вам мой совет. Тогда мы сможем пробить дыру в облаках и добыть энергию, чтобы наконец-то уйти...

Он говорил о молнии. Кала слышала о таком приеме: если запустить в небо ракету с достаточно длинным проводом, то можно во время грозы направить молнию в нужную точку. Канал ионизированного воздуха станет проводником между грозовым облаком и заземлением в грунте. Молния ударит в заранее установленный громоотвод... а вот и он, на дереве у дальней стороны лагеря. Она заметила высокий черный стержень и толстые провода, ведущие к пробойнику в центре автобуса — аппарату класса «В», голодному и ждущему своей пищи.

Теперь Кала сообразила, почему эти люди приехали в горы. Их

привлекли безлюдность и дешевая энергия, да и полиция искала убийц охранников конвоя где угодно, но только не здесь.

Сандор где-то неподалеку, твердила она себе.

Наблюдает за ней.

Она почти расслабилась, представив, как брат затаился в тени большого старого дерева и ждет, когда похитители допустят роковую ошибку. Дождается своего шанса. Она даже вообразила его появление: вечером пойдет дождь, крупные капли образуют ручей, и пока благочестивые парни и девушки будут высматривать Господа в разгневанном небе, брат тихонько подкрадется и освободит ее.

Скорее всего, так оно и будет.

Кале этот план так понравился, что она удивилась не меньше остальных, когда из теней на опушке выскользнула фигура — не очень высокий мужчина, бегущий босиком, чтобы не производить лишнего шума. Двигался он быстро, но что-то в его движениях создавало впечатление неторопливости. И безмятежности. Он выглядел примерно как бегун, потерявший тропу, но теперь обнаруживший тех, кто может подсказать ему направление. Возможно, именно такое впечатление Сандор и хотел произвести. Но лицо его было угрюмым и сосредоточенным, ни одно движение не пропало зря. Все — женихи, невесты и даже их пленница — на мгновение замерли, разглядывая незнакомца, внезапно оказавшегося среди них. И тут пришелец сунул руку под рубашку и выхватил длинный пистолет. Первая пуля с мягким кончиком разнесла затылок отца, вторая уложила наповал маленькую девушку. Затем Сандор опять побежал, лавируя между невестами, один из сыновей наконец-то поднял автомат и начал палить, пока три девушки не упали, а его брат не уткнул ствол в землю, завопив:

— Хватит, да хватит же!..

Сандор в это время уже держал третьего брата за шею, прижав его к толстому дереву. Взглянув на ошеломленную компанию, он приставил ствол пистолета к заднице парня и зловеще процедил:

— Положите свои пушки. Немедленно. Или я нарисую на дереве картину... кисточкой из его лобковых волос.

12.

Серые одеяния дамы среднего возраста уже давно висели в шкафу, сменившись яркими нарядами, какие любят пожилые женщины. Сейчас мать носила платье из блестящей темно-красной материи, красную шляпку, широкий золотой пояс и такие же туфли. Диета

и упражнения избавили ее от лишнего веса и сделали фигуру крепкой, но стройной. Она прекрасно соответствовала нынешнему положению удалившейся на покой вдовы. Увидев в дверях детей, мать улыбнулась — искренне и радостно, но улыбка быстро исчезла, когда она заметила тревогу на их лицах.

— Что случилось? Детки мои, что произошло?

Кала взглянула на брата, затем выглянула на улицу.

Там стоял обычный торговый фургон. Ничем не примечательный, кроме одного — его задние рессоры просели под неумолимой тяжестью пробойника класса «В» и небольшой, но мощной лебедки.

Фургон стал их четвертой машиной за три дня, и Сандор завтра его заменит, если почувствует в этом необходимость.

— Я как раз собиралась уходить, — сообщила мать и, не дождав-шись ответа, пояснила: — Обычно я так не одеваюсь...

— Не уходи, — попросил сын.

— Ты шла на встречу с друзьями? — уточнила Кала. — Если не придешь, то кто-нибудь это заметит?

Мать покачала головой:

— По пятницам я просто хожу в чайный домик. У меня там знакомые, но сомневаюсь, что меня ждут.

— Можно поставить фургон в гараж? — спросил Сандор.

Мать кивнула:

— Только сперва надо выкатить мою машину...

— Ключи.

Мать порылась в украшенной бисером сумочке, нашла ключи, и Сандор направился к гаражу.

Кала с удовольствием вошла в дом. За все эти годы меблировка гостиной не изменилась, хотя и слегка обветшала. Оказавшись в этой поразительно знакомой обстановке, она неожиданно расслабилась. Кала ничего не могла с собой поделывать. Как-то вдруг стало невозможно стоять, а едва она уселась, ее начала одолевать сонливость.

— Так что случилось? — повторила мать.

— Мы все объясним, мама.

— Ты ужасно выглядишь, дочка. И Сандор тоже. — Пожилая женщина села на кушетку рядом с Калой, погладила ей колена. — Ну я рада видеть вас вместе.

Кала заплакала.

— Расскажи мне все, дорогая.

И дочь торопливо заговорила. На нее посягнули второй раз в жизни, но теперь Сандор убил двоих похитителей, освобождая ее.

Вторая невеста погибла в перестрелке, и еще две оказались тяжело ранены.

— Нам пришлось их оставить, — призналась Кала. — Когда мы разоружили братьев и невест, мы оставили им аптечки и два исправных грузовика... только Сандор прострелил им шины, прежде чем мы уехали на их автобусе, просто чтобы получить хорошую фору...

Мать сидела неподвижно, молча слушая.

— Это был большой длинный автобус с пробойником внутри. Сандор провел его через горы. Быстро. Не понимаю, как мы не разбились. Потом остановились в ремонтной мастерской, он кое-кому позвонил, и через сто миль нас встретили двое его друзей... думаю, он с ними познакомился в тюрьме...

— Когда это случилось?

— В среду. А сегодня пятница... Дружки помогли Сандору вытащить пробойник из автобуса. Они дали нам новый грузовик, а за это взяли конденсаторы и остальное оборудование. Потом мы проехали еще мили две-три, и тогда Сандор угнал второй грузовик. Потому что не доверял своим дружкам. А вдруг они решат прихватить и пробойник? — Она вытерла слезы с щек. — Затем мы преодолели больше тысячи миль, но все время петляли. К тому времени мы уже решили, что станем делать дальше, и он украл фургон, прежде чем отправиться сюда.

Мать внимательно слушала, сжимая колено дочери. Потом очень тихо спросила:

— Это один из краденых пробойников? Из того конвоя?

— Маркировка совпадает, — кивнула Кала.

— А вы не думали о том, чтобы вернуть его законным владельцам?

— Да, мы это обсуждали.

Но тут мать поняла то, что постепенно стало очевидным и для Калы:

— Что бы вы ни рассказали владельцам, они решат, будто твой брат имеет отношение к ограблению и убийствам. И кому от этого станет лучше?

— Никому.

Тут мать сжала руки Калы и решительно произнесла:

— Господь дал тебе дар, милая.

Кала не думала об этом в таких терминах. Но слова матери согрели ее.

— Великий, редкий и чудесный дар. И знаешь, если кто воистину заслуживает владения новым миром, то это...

— Мой брат?

— Нет, — с искренним удивлением воскликнула мать. Распахнулась дверь, вошел Сандор, и она радостно проговорила: — Это ты, радость моя. Ты заслуживаешь лучшего мира. Конечно, конечно, конечно!..

* * *

С этого момента начались отчаянные дни. «Дети вечности» могли узнать их имена от старого рейнджера или по номеру брошенной машины Калы. А те, кто убил три десятка человек, чтобы украсть пробойник, несомненно, пойдут на что угодно, лишь бы вернуть свое и отомстить. Понятно, лучшим выходом будет исчезнуть снова, прихватив на этот раз и мать. От старой привычной жизни следует отказаться, но даже во время бегства им необходимо выкраивать время и силы для составления планов на будущее.

Сандор знал лучшие места, где найти оборудование, продукты и другие важнейшие припасы. А Кала знала, где найти людей — правильных людей, — которые сделают эту затею оправданной. Мать же постоянно выступала в роли миротворца, гася бури, когда ее упрямые дети начинали спорить из-за мелочей.

Как-то внезапно наступила зима — худшее время для переселения в другой мир. Но она же подарила им несколько месяцев, чтобы подготовиться идеально. Или почти идеально.

Много лет назад владелец ремонтной мастерской, когда-то починивший их машину, удалился на покой, а следующий хозяин и вовсе закрыл этот бизнес. Все оборудование бывшей мастерской выкупили у банка почти за бесценок и заново подключили к электросети. Друзья Калы помогли перестроить здание. В бывшей дамской комнате сложили запас лекарств. Гараж набили консервированными и сухими продуктами, там же поместились огромная цистерна с водой и остальные важнейшие припасы, включая полностью заряженный пробойник класса «В», которому надлежало перебросить маленькое здание в новый мир.

В один из холодных унылых мартовских дней — за несколько недель до запланированного отбытия — на заправке возле мастерской появился незнакомец. Он остановился возле давно опустевших бензоколонок и несколько раз нажал на клаксон. Потом вылез из маленькой непрезентабельной машины и, не обращая внимания на таблички ЗАКРЫТО, прибитые к оконным ставням, пересек дворик и принялся колотить кулаком в дверь, а затем и в ворота гаража.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — крикнул он, прежде чем окончательно сдаться.

— Откуда он? — спросила Кала брата, когда мужчина вернулся к своей машине. — Из «Детей вечности» или какой-нибудь полицейский в штатском?

— А какая разница? — отозвался Сандор.

Кала сунула пистолет обратно в кобуру.

— По-моему, время пришло, — сказала мать.

Весна еще не закончилась, и момент был далеко не идеальный. Но разве у них имелся выбор? Кала сняла трубку телефона, позвонила в ближайший городок и произнесла условную фразу. И в течение часа к ним приехали все. Те, кто оставался, быстро и со слезами на глазах прощались, осыпая благословенных пионеров поцелуями и словами любви. Но вскоре первопроходцы не выдержали такого накала страстей и смущенно попросили:

— Хватит, хватит. Прощайте!

* * *

Кала прошла слишком долгий путь и заплатила слишком дорого, чтобы теперь не увидеть, как все произойдет. Она распахнула все ставни в самой большой комнате, впустив в нее тусклый серый рассвет, а затем уселась между двумя шестилетками. Один из мальчиков спросил:

— Долго еще ждать?

— Уже скоро, — пообещала она. — Минута или две, не больше.

Сандор и несколько других мужчин, разбиравшихся в оборудовании, находились в гараже, наблюдая за тем, как пробойник входит в рабочий режим. В комнате вместе с Калой сидели несколько взрослых мужчин, десяток женщин и почти сорок детишек, самым старшим из которых был упрямый двенадцатилетний мальчик — единственный сын коллег Калы, решивших остаться.

Здесь же сидела и мать Калы, оказавшаяся далеко не старшей из женщин.

— Мы не станем повторять ошибки остальных, — объяснила ей когда-то Кала. — Мы возьмем с собой бабушек, дедушек и малышей, но совсем немного молодых людей. Мне не нужны безрассудный темперамент и тупость. Я хочу взять с собой мудрость и молодость.

— А какие семена ты возьмешь? — спросила мать.

— Никаких.

— Я тебя правильно поняла?..

— Ни семян, ни животных. Даже ни одного черепашьего яйца.

И еще до отправления я приму все меры, чтобы в доме не осталось ни

единой живой мыши, мухи и блохи, а если под домом ползает хотя бы один земляной червь, то я сама его убью, когда он вылезет в новом мире.

Этот мир покидали только люди.

И они брали с собой минимум. У них имелись инструменты и несколько книг по науке и механике. Но каждый из них поклялся не брать Библию или любой из множества «Заветов...» и, насколько это возможно, прочие книги, что таили в себе предвзятость, религиозные идеи и предрассудки. Все это следовало оставить в их обреченном мире.

Дети же приехали из семей единомышленников Калы.

Ее поразило и воодушевило, как много людей высказывают мнение, сходное с ее собственным. И иногда, когда ее охватывали сомнения, она ловила себя на мысли, что и ее родной мир, возможно, имеет реальный шанс уцелеть в следующие десять тысяч лет.

Многие родители видели приближение беды — экологическую, политическую или религиозную катастрофу, — поэтому они столь охотно и доверили ей сына или дочь.

Все они теперь находились здесь: стояли неподалеку возле шоссе и наверняка слышали, как пробойник начал мощными ударами раздвигать реальность.

— Цель захвачена! — крикнул Сандор из холодного гаража.

«Сработает ли этот безумный план?» — в последний раз спросила себя Кала. Сможет ли всего один вид, обремененный детьми и стариками, прибыть на чужую планету и найти там достаточно пищи, чтобы выжить? А затем существовать еще десять тысяч лет, не уничтожив всего, чем этот новый мир был и чем мог стать?

А потом задавать вопросы стало поздно.

Облака исчезли, внезапно сменившись яркой синевой чистого неба; поросшее голубовато-зеленой травой поле распростерлось до горизонта... а в комнате зазвенели восторженные детские голоса:

— Здорово! Красотища какая!

А сидящий справа мальчик подергал ее за рукав и предложил:

— Мне так понравилось, мисс Кала. Давайте сделаем это снова!

**Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ**

Р И Ч А Р Д Л О В Е Т Т

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

«МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»

Вся жизнь — лишь обратный отсчет до смерти. Терпимой такую жизнь делает одно: большинство людей не знает, когда именно часы доберутся до этого мгновения, и потому предпочитает думать, что подобного с ними не произойдет. Но сегодня часы контролировал Вайнстен Джонс. Когда стрелка приблизится к нулю, он произнесет что-нибудь глубокомысленное, или ироничное, или просто банальное, нажмет кнопку, и, прежде чем инженеры наконец поймут смысл сказанного, чего, как он надеялся, не случится, Вайнстену Джонсу настанет конец.

В его жизни уже была ситуация, когда он контролировал отсчет, но тогда на него не смотрел весь мир. Тогда он упирался взглядом в дуло собственного пистолета и пытался заставить себя нажать на спусковой крючок. Но его католическое воспитание победило. Он никогда по-настоящему не верил в загробную жизнь, но, если она все-таки осуществится, сама идея о том, чтобы обречь себя на нечто худшее, чем настоящее, была достаточно пугающей, чтобы заставить его с неохотой продолжить свое существование. Продлить для того, чтобы все-таки найти способ, с которым не смог бы поспорить даже его преподаватель богословия.

И он нашел такой способ, став добровольцем этой миссии. Это была, наверное, единственная работа во всей Солнечной системе, для которой суицидальные наклонности являлись преимуществом. Вместо того чтобы застрелиться спяну, он станет героем, который сражается во благо человечества. Ура Вайнстену, отважному первопроходцу!

Кто-то должен был делать подобную работу, потому что теоретически эксперимент действительно мог завершиться успехом, и тогда человечество действительно могло обрести очередное благо. Ну, а если человечество не обретет его сегодня, что ж, техники, наверное, извлекут какую-нибудь пользу из очередной неудачи. Хотя и ходил мерзкий слушок насчет того, что они уже сдались и просто вносят в систему произвольные изменения.

В любом случае, стать N+1 неудачей — вполне приемлемый способ для того, чтобы уйти из надоевшего мира. Чем (кроме того, что Вайнстен был рад этому) такая смерть отличается от смерти солдата, подорвавшегося на mine?

Вайнстен должен был умереть через долю секунды после того, как нажмет кнопку. Все так думали, поэтому никто не торопил его. Неважно, сколько времени он потратит на предполетную проверку, поскольку корабль мог стартовать в любой удобный для Вайнстена момент. Важно было только одно — не погибнуть глупо, проморгав показания какого-нибудь прибора.

Поджаренные пилоты стоили дешево. А корабли — нет.

Теперь, когда он был по-настоящему и публично обречен на смерть, он мог подождать. Пусть корабль убьет его своим собственным мистическим способом, как это произошло с предыдущими пилотами. По крайней мере, все считали их мертвыми.

С технической точки зрения, пилоты просто пропадали. Сначала пропал весь корабль. Первый созданный человечеством корабль, способный перемещаться быстрее скорости света, был запущен куда-то в сторону Сатурна... и не вернулся из гиперпространства.

Тот корабль назывался «Стремление». Когда то же самое произошло с его преемником, Космическое Правительство приказало заменить пилота на компьютер. Что ж, компьютер успешно доставил клетку с мышами до Сатурна и затем вернул их обратно. Живыми и ничего не помнящими о своем эпохальном путешествии. Саламандры, золотые рыбки, попугаи — все возвращались успешно. С собаками и кошками результат предсказать было нельзя. А люди всегда исчезали. Когда человеку доверяли управление кораблем, дорогостоящие аппараты исчезали вместе с ними: «Смелость», «Гончая», «Санта Мария», «Победа», «Магеллан».

Нынешнему звездолету никогда не давали официального имени, но техники называли его «Седьмой». Как бы «Мария Целеста-7». Вполне подходящее название, поскольку этот корабль, как и его тезка, имел обыкновение возвращаться без экипажа. Однажды на борт посадили двух людей, просто чтобы проверить — вдруг это поможет? Не помогло.

Нынешний корабль не прозвали «Мария Целеста-7» только потому, что Космическое Правительство устало терять звездолеты. Теперь «пилотами» именовали всего-навсего почетных пассажиров. Вся работа Вайнстена, кроме привлечения к себе внимания толпы, собиравшейся уж, скорее, по традиции, заключалась в том, чтобы нажать кнопку запуска. Последующие действия выполнялись автоматически. Если дела пойдут по отработанной схеме, аппарат действительно вернется из гиперпространства — без Вайнстена. Корабль обладал программой автоматического возвращения, которую можно было активировать с большого расстояния. Может, прыжок до Сатурна действительно кратчайший из всех возможных для квантового двигателя, но, для того чтобы вернуть корабль обратно на Землю, все равно потребуются много времени.

Так что эта программа была худшим вариантом шутки про плохую и хорошую новость. Хорошая новость: путешествия быстрее света возможны. Плохая: только для мышей или трутней. Не очень похоже на золотой век первооткрывателей.

* * *

Теоретически Вайнстен мог повернуть назад в любой момент, вплоть до последнего. Однако психологи были уверены: не повернет. После первой полудюжины исчезновений статью пилотами хотели только самоубийцы или искатели славы, и отбор производился чрезвычайно тщательно, чтобы никто не дрогнул на старте. Единственное, чего боялся Вайнстен, это боль, но он решил для себя, что если она и возникнет, то не продлится долго. Его непосредственный предшественник опасался того же самого и потому прихватил с собой на корабль ингалятор, заполненный снотворным. За секунду до того, как парень нажал кнопку запуска, огромная доза псевдокодона устремилась к его мозгу. Странно, но этот человек стал единственным, кому удалось перенести полет. Впрочем, ненадолго. Он едва сумел дотянуться до кнопки запуска, затем наступила кома, и к тому моменту, когда автомат вернул его обратно, пилот был уже давно мертв.

Вайнстену было интересно, какой опыт извлекли инженеры из этого случая. Он знал, о чем думали в Центре управления полетом: перед тем как пустить на корабль, его подвергли проверке настолько дотошной, что она сделала бы честь любой тюрьме строгого режима. Черт возьми, наверное, именно тюремных специалистов здесь и использовали.

А гиперпространство отнеслось к умирающему пилоту так же, как и к хомяку. Это должно было что-то значить.

Обратный отсчет подошел к концу. Все системы запущены, и корабль готов к старту — если только это понятие можно применить к беззвучному мгновенному исчезновению с лунной орбиты.

Настало время для ироничного или банального комментария. «Один огромный шаг», и все такое. Только он был N+1 пилотом, и никто не слушал его, кроме Центра управления полетом, где все это уже слышали много раз.

Поэтому Вайнстен не собирался говорить много. Психологи уже заставили его проиграть в мозгу эту сцену бесконечное число раз, журналистов гораздо больше интересовало, как пишется его имя, и сейчас, когда момент наконец настал, все остальное казалось немного глупым.

— Пока, — бросил он и нажал кнопку.

Какое-то мгновение ничего не происходило. А потом гипердвигатель начал вращаться в невидимом измерении.

Еще миг казалось, что ничего по-прежнему не меняется. Затем звезды моргнули.

Вселенная внутри корабля разделилась. Внезапно возникло множество Вайнстенов.

— Как странно, — сказали они друг другу.

Затем время вновь сместилось, и они влились в мета-сознание, большинство частей которого никогда не слышало о «Марии Целесте».

* * *

— Не будь таким сопляком. Это совершенно безопасно.

Вайнстену Первому было шесть лет, он сидел на причале, бросал в воду плоские камешки и наблюдал, как волны расходятся в разные стороны. Стояла жара, и озеро Озаркс было таким же сонным и апатичным, как Вайнстен — темное зеркало, отражающее все и ничто; вода, непроницаемая, как и тот кофе, который готовила мать Вайнстена.

— Давай, — сказал еще раз его кузен Олсен. Он застыл на краю причала, согнув колени, готовый к прыжку. — Ты же умеешь плавать.

Вайнстен уронил в воду камень и наблюдал за тем, как кругляшок исчезает в глубине.

— Неохота, — ответил он, хотя это было не совсем так. Солнце стояло почти в зените, и какой бы мутной ни выглядела вода, она все же сулила некую надежду на облегчение. Где-то вдалеке взывала моторная лодка, увлекая водных лыжников к неизвестной цели. В бассейне города Топика Вайнстен плавал, словно рыба. Но кто знает, какие ужасы подстерегают его здесь?

Чтобы отвлечься, он подумал о волнах. Если бы озеро было достаточно большим, они могли бы распространяться бесконечно, изменяя все на своем пути, даже если бы никто, кроме самих волн, не заметил этого. В данный момент его мать, наверное, все еще болтала по-китайски через свой имплантированный спутниковый телефон, а отец находился на полпути в какое-нибудь место, о котором Вайнстен ни разу не слышал, обещав вернуться к выходным, хотя все знали, что он этого не сделает. Они называли такие встречи семейным воссоединением, но единственной семьей, которую знал Вайнстен, были его тетушки, дядюшки и кузены, и в данный момент один из них, тот, который действительно нравился Вайнстену, считал его сопляком.

Вайнстен наблюдал за прыжком Олсена. Двоюродный брат прыгнул высоко и далеко, как пушечное ядро, которое врезалось в поверхность озера и разбило его с громким плеском, куда эффективнее, чем любой из камешков Вайнстена.

Олсен исчез, а затем вынырнул, ухмыляясь:

— Раз плюнуть! Давай!

Вайнстен покачал головой. Он мог быть упрямым, когда хотел.

— О черт, — сказал Олсен. — Это все из-за тех идиотских историй, которые рассказывал нам дядюшка Билли прошлой ночью, не так ли? — Олсен покачал головой очень по-взрослому: — Говорю тебе, он был пьян. А даже если нет, он все равно идиот. Не бывает никаких озерных акул. А также, — продолжил он с превосходством третьеклассника, — каймановые черепахи не вырастают настолько большими. — Он криво ухмыльнулся: — Они могут укусить тебя за палец, но абсолютно не способны утащить тебя под воду.

Он отплыл от причала, подняв кучу брызг.

— Давай!

Вайнстен потряс головой.

— Неохота! — повторил он, хоть и знал, что у Олсена шило в одном месте. Под этой обманчивой зеркальной поверхностью мог скрываться любой сюрприз. В том-то и дело: невозможно увидеть, что находится под тобой.

Выражение лица Олсена изменилось.

— Слабак! — процедил третьеклассник. — Если черепаха доберется до причала и утащит тебя под воду, так тебе и надо!

Вайнстен в панике отодвинулся от края, в то время как Олсен победоносно перевернулся на месте и нырнул головой вниз.

Секунду спустя кузен появился на поверхности.

— И-и-йя! — завопил он и замолотил руками по воде. — Что-то схватило меня! — и он снова ушел под воду, стал невидимым, если не считать взмутьившейся воды и целого взрыва пузырьков.

Затем вода успокоилась.

Вайнстен обернулся, оглядел пустые доски, и его ноги отказывались двигаться. Он попытался закричать, но ничего не получилось. Все равно помощь слишком далеко. Если его мама все еще болтает по имплантанту, она не обратит на эти крики ни малейшего внимания. Вайнстен вновь посмотрел на воду, заклиная, чтобы Олсен наконец появился, но вокруг стояла тишина, не было даже волны, которая показала бы путь акулы, утаскивающей свою добычу на глубину.

Вайнстен еще не знал этого, но то был один из моментов, сформировавших его жизнь. Точки принятия решения переместились. Волны расходились. Существовало много разветвлений, но основных путей наметилось два.

Вайнстен Первый остался на причале, отодвинувшись как можно дальше от опасной воды, хныча и дрожа.

Вайнстен '36.07.12:1314 поспешил на помощь. Не то чтобы он знал, как найти своего кузена или что делать, если найдет его, но ринулся вперед.

Всплеск поглотил мальчишку и повел на глубину. Вайнстен думал, что его могут съесть в любой момент.

Его окружала темнота. Затем он понял, что ничего не видит. Вайнстен открыл глаза, и стало светлее, только все было коричневым. Он по-прежнему ничего не мог разглядеть, так что принялся наугад молотить руками, надеясь наткнуться на что-нибудь похожее на Олсена. Но Олсена там не было, и потребность в воздухе повлекла его обратно на поверхность. Вайнстен вынырнул, кашляя и выплевывая воду, судорожно протирая глаза, наполняя легкие для второго погружения.

— Эй, трусишка, — сказал кто-то сзади. Вайнстен вздрогнул и обернулся.

Олсен качался на спине под причалом, держась за сваи.

— Неплохо я тебя наколол, а?

Голос вернулся к Вайнстену, и он заорал так, как может орать только шестилетний ребенок, он захлопал руками по воде, направляя брызги в издевательскую усмешку Олсена.

Затем все было прощено, и место под причалом стало их любимым укрытием от солнца до конца недели.

* * *

В свои шестнадцать Вайнстен Первый был самым что ни на есть чокнутым «ботаником». Если бы он захотел, то мог бы даже стать тем школьником, который производит прощальную речь на выпускном, но год назад он специально получил тройку по биологии, так что эта честь не пополнила список его презираемых сверстниками достижений. Такие вещи ценились при поступлении в университет, но для общественной жизни были равносильны самоубийству.

Особенно Вайнстен ненавидел уроки физкультуры, которые Комитет по вопросам образования штата Канзас в своей бесконечной мудрости сделал обязательными для всех учащихся средних школ.

В его школе главное внимание уделялось американскому футболу. На первых же уроках физкультуры Вайнстен понял, что ты ничего не стоишь, если не можешь тягаться со здоровяками. А если даже не пытаешься этого делать, то ты самая последняя размазня. Чтобы избежать ненавистной физкультуры, надо бы серьезно заняться каким-либо видом спорта.

Вайнстен умел хорошо делать только одно. Он умел бегать. Наверное, это было связано с той же наследственной одаренностью, благодаря которой он стал пловцом в шесть лет, хотя с тех пор никогда не заходил в воду.

Свое умение бегать Вайнстен использовал, чтобы избежать уро-

ков физкультуры, и сейчас тренер уверял его, что у него есть достаточный потенциал для участия в чемпионате штата. Была только одна проблема — бег отнимал учебное время. Все члены семьи Вайнстена считали тренировки делом бессмысленным. Его дедушка был одним из основателей «зеленой химии»*. Его отец проводил полжизни на Луне, разрабатывая свои нанопленки. Ближе всех к спорту в его семье оказалась мать — несколько лет назад она помогала производителю лыж создать самонастраивающуюся под погоду смазку для олимпийских игр, проходивших в городе Джуно, штат Аляска.

Участие в соревнованиях штата гарантировало стипендию для обучения в любой спортивной школе. Отличные оценки на протяжении последних классов позволяли получить диплом химика в Калифорнийском или Массачусетском технологическом институте. Его родители считали, что тут и выбирать нечего: любой разумный человек предпочтет науку. Если Вайнстену все еще нравится бегать, сказала мать, он всегда может начать работать на обувную компанию. Там много вакантных мест для специалистов по нанотехнологиям. А потеют пускай всякие безмозглые качки.

— Неужели ты действительно хочешь быть похожим на всех этих... футболистов? — спросила она.

Вайнстен Первый ушел из спортивной команды. Химия его не интересовала — история или музыка казались куда более занимательными — но он подчинился и никогда не ходил на гуманитарные курсы больше положенного. И не смотрел следующие олимпийские игры. Нет смысла терзать себя тем, что никогда не сбудется.

Вайнстен '46.11.19:0241 сказал: «Как бы не так!» Он может назвать дюжину спортивных звезд, получивших блестящее техническое или медицинское образование. Что плохого в атлетике? Это не значит, что при этом ты обязан стать тупым. Он продолжал свою борьбу с учебой и еще раз специально получил тройку по химии. И пятерку с плюсом по истории.

* * *

Вайнстен Первый не пошел ни в Калифорнийский, ни в Массачусетский технологический институт, потому что, пока он выбирал, куда пойти, одному профессору в Канзасском университете дали Нобелевскую премию по химии. К тому же обучение там стоило дешевле, и это учебное заведение оказалось гораздо ближе к дому.

** Область химии, занимающаяся разработкой наиболее безопасных для окружающей среды и ресурсосберегающих процессов производства. Возникла в США и Великобритании в 1990-х годах. (Прим. перев.)*

Поначалу, правда, наличие Нобелевского лауреата среди преподавателей не очень-то чувствовалось. Даже по профильным предметам на первом и втором курсах у него шли одни электронные лекции да занятия с искусственным интеллектом. Так продолжалось до тех пор, пока он не стал старшекурсником (выдающимся старшекурсником!) и получил возможность встретиться с великим профессором и произвести на него должное впечатление.

Наверное, эти самые электронные лекции и уроки с компьютерами вместо людей и убедили Вайнстена Первого гнать прочь мысль, что это нормально, если человеку, собирающемуся стать химиком, не нравится химия. Оставалось только отгонять мысль о том, что предметы с настоящими, живыми дискуссиями, такие, как общеобразовательные курсы английской литературы и социальных наук, были бы куда более интересными.

Вайнстен '49.10.23:0937 решил иначе. Сначала он выбрал своим профильным предметом литературу. Затем подался в антропологию. Наконец, просто потому, что расписание оказалось удобным, стал посещать курс геологии. И тут же увлекся. Геологические экспедиции. Это не так хорошо, как бег, но это была чертовски близкая замена.

* * *

Вайнстен Первый любовался темноволосым чудом, покрытым потом. Впрочем, нет, не так стоило думать об этом. Потееют лошади. Мужчины покрываются испариной. А женщины блестят.

В таком случае эта женщина сияла, как звезда.

Она была идеальным представителем своего биологического вида. Вайнстен уже видел ее раньше, на закрытом стадионе. Он бегал там каждый день, надеясь, что упражнения придадут ему сил для создания диссертации по синтетической нанохимии. Женщина появлялась здесь на протяжении всей зимы, и с самого первого дня Вайнстен подпал под власть ее чар.

Она бегала одна и, кажется, была одного с ним возраста. Это означало, что она не принадлежала ни к одной спортивной команде. Но бегала она неплохо. Может быть, она занималась триатлоном. Она была слишком крупной для бегуны — не толстая, а именно мускулистая. Она носила короткие топики, открывавшие ее сильный пресс, а плечи и ноги у нее были четко оформленными, но округлыми там, где это нужно. Однажды он замерил время, за которое она преодолевала двухсотметровку — тридцать четыре секунды, снова, и снова, и снова. Звезда университетского, но не олимпийского уровня. Когда-то он мог пробегать двести метров за тридцать одну секунду. Но не сейчас. Сейчас он просто умел быстро бегать трусцой.

Он должен был обдумывать свою диссертацию, но женщина отвлекала его. Впрочем, ему это нравилось. Сначала Вайнстен видел ее только по вторникам, но потом стал приходить в другие дни, и его труды были вознаграждены: выяснилось, что она бегает также по средам и понедельникам.

Наблюдать за ней было все равно что впервые танцевать на школьном балу в четырнадцать лет. Она двигалась грациозно, словно газель, едва касаясь земли. Ночью она парила в его снах. Но он ни разу не заговорил с ней и отводил глаза каждый раз, когда она смотрела в его сторону. Вайнстен чувствовал себя стеснительным мальчишкой.

Все, что привлекало его в ней, в то же время и отпугивало. Может быть, рост. Она была высокой — примерно 175 сантиметров при его 170. И она была изумительной, энергичной, живой. А он скучным «ботаником». Что у них может быть общего?

Декабрь и январь прошли, а Вайнстен так и не обмолвился с незнакомкой ни единым словом. Затем минули февраль и значительная часть марта. Крокусы пробивались сквозь зеленеющую траву после позднего снегопада. В любой день она могла перенести свои занятия на свежий воздух, и тогда он больше никогда не увидит ее.

Он уже испытывал сожаление. Не оттого что не был с ней, а оттого что даже не попытался. Он уже поступал так раньше. Он и теперь так поступит. Так жила безвольные амебы. Эта женщина обречена выпасть за пределы его досягаемости.

А потом он срезал угол чуть ближе, чем обычно, в то время как она пробегала по внутренней дорожке. Или она слишком далеко замахнулась. Как бы то ни было, они ударились локтями.

— Простите, — бросила она через плечо, великодушно принимая вину на себя. Он слышал ее голос впервые. Голос резонировал в ее груди так, будто звенели колокольчики.

Сто метров спустя он натолкнулся на нее, когда она закончила свою круговую пробежку и остановилась.

— Извините, — сказал Вайнстен, боясь даже посмотреть в ее сторону.

Он пробежал еще пару шагов.

Сейчас или никогда.

Квантово-механические игральные кубики перевернулись.

Вайнстен Первый продолжал трусить по дорожке. Вайнстен '56.03.21:1648 выбрал удачный путь. Его сердце усиленно забилося. Он обернулся.

— Привет, — сказал он. — Ты классная. Меня зовут Вайнстен...

* * *

Вайнстен Первый отлично себя чувствовал. Он высоко поднял ногу и легонько ткнул носком ботинка кнопку двадцать четвертого этажа.

Еще до того, как он восстановил равновесие, он понял, что совершил ошибку. Девушку, с которой он встречался, звали Грэйс, и она была помешана на этикетке.

— Тебе *обязательно* нужно было это сделать? — спросила она тоном, означавшим, что ему лучше дать правильный ответ.

Он был в превосходном настроении. Энергия била через край. Сегодня его последний эксперимент наконец-то удался, и теперь от докторской степени его отделяло только нудное документирование результатов своего труда. Если не произойдет никаких катастроф, он вскоре станет доктором Вайнстеном Джонсом.

В глубине души он знал, что Грэйс не понравится его веселый поединок с кнопкой лифта, особенно в ее доме, где соседей могут не порадовать его навыки карате. Даже несмотря на то, что он попал по нужной кнопке с первой попытки.

— Нормальные люди так не поступают, — сказала она, повышая голос.

Он встретился с Грэйс прошлой весной. Второго мая, с радостью ответила бы она, если бы вы ее об этом спросили. Она ехала в лабораторию, а он имел смутное подозрение, что автобус находится как раз за углом. Не то чтобы Вайнстен верил в экстрасенсов. Зато он верил в закон Мерфи. Если вы торопитесь, автобус, как правило, находится в нескольких милях от вас. Если нет, он приезжает, вы садитесь в него и сожалеете о том, что не пошли пешком. Какое бы решение вы ни приняли, оно, как правило, оказывается неверным.

В тот день на улице стояла духота, и Вайнстен '56.05.02:0739 не захотел появляться в лаборатории потным, поэтому он пошел не торопясь. Конечно же, это значило, что автобус тут же подъехал, но к тому времени, как он увидел его, было уже слишком поздно.

Вайнстен Первый не думал, что это что-нибудь изменит, но все-таки побежал. К его удивлению, автобус появился, и он как раз успел вскочить на подножку. В автобусе имелось только одно свободное место, и спустя две остановки Вайнстен уступил его Грэйс.

Прошло всего несколько недель с тех пор, как он упустил свой последний шанс заговорить с бегуней. Привлекательные женщины все еще пугали его, но Грэйс была невысокой шатенкой с абсолютно неатлетической фигурой. Она, как выяснилось, тоже работала над своей докторской диссертацией — по физике кварков. Ей никогда не

удавалось объяснить хоть что-нибудь из этой области на таком уровне, чтобы ее поняли до конца.

О том, что родители любили ее, и говорить нечего. Существовал какой-то каламбур про ее имя и кварки, но Вайнстен не понимал его. Зато он прекрасно знал, что она ненавидит каламбуры.

— Самый низкопробный сорт плоского юмора, — произнесла она, когда учила его не каламбурить в ее присутствии.

Конечно, к поединку с кнопками лифта она относилась так же.

Вайнстен смутно осознавал, что перед ним стоит выбор: адаптироваться под Грэйс или вполне осознанно не делать этого, потому что подстраиваться ему никогда толком не удавалось.

Вайнстен ‘57.01.13:2243 сказал, что она его заколебала. И для верности еще раз ткнул ногой в кнопку.

Вайнстен Первый подчинился.

— Прости, — сказал он. — Я не подумал.

А потом, в странной попытке примирения, сболтнул то, о чем размышлял в последние недели.

— Ты выйдешь за меня замуж?

* * *

Их брак длился семь лет, и это было на пять лет дольше, чем нужно. В конце концов Грэйс бросила его примерно в тот момент, когда стало ясно, что его скоро выгонят с работы.

Развод причиняет боль, даже если женитьба была ошибкой. Так же, как и потеря работы: вне зависимости от того, нравится ли она вам. Даже если вы мечтаете только о научном триумфе, как «нормальные» ученые.

Вайнстен мог бы остаться стареющим лаборантом до конца своих дней, но он не выносил сочувствия. Единственное, чего он хотел, это спрятаться и залезть в раны. Так что он механически оставил отпечаток своего голоса на всех документах, которые прислал ему адвокат Грэйс, расплатился со всеми долгами и направился на другой конец земного шара.

В конце концов он оказался в Диего-Гарсия. Это была не полная, но почти полная противоположность Топика. Без претензий, с тропическим климатом и в самом центре Индийского океана. Там же находилась одна из станций слежения Космического Правительства.

Несколько Вайнстенов между ‘65.03 и ‘65.04 приспособились к местному образу жизни — по крайней мере, настолько, насколько это возможно на списанной базе ВМС, которую теперь восстановило Космическое Правительство.

Другие Вайнстены, с '65.10 по '65.11, решили, что больше шести месяцев такой жизни они не вынесут. В свои тридцать пять они чувствовали себя уже слишком старыми, чтобы возвращаться в университет, но можно ведь заняться и чем-нибудь, не имеющим никакого отношения к химии. В поисках таких занятий они направились в Австралию.

Вайнстен Первый шатался по Диего-Гарсия, пока не закончились деньги. К тому времени он сошелся на почве выпивки с несколькими техниками, работавшими на Космическое Правительство. Слово за слово, и в итоге, когда он доказал, что может протрезветь в случае необходимости, правительственные специалисты провели исследование его психологического профиля. В нем еще не было самоуничтожения — оно появилось только годы спустя. К тому же его чувство долга было настолько сильно, что вылезало за пределы графика. Вскоре ему предложили работу — отлов ледяных глыб, прибывающих в Солнечную систему из внешнего космоса.

Это было не столь увлекательное занятие, как казалось на первый взгляд. Всю интересную работу делали специалисты, которые перехватывали кометы и разрубали их на мелкие кусочки. Затем эти кусочки сплавлялись в большие айсберги, достаточно прочные для того, чтобы выдержать определенную нагрузку. Айсберги, в свою очередь, покрывали отражающей пленкой, чтобы они оставались холодными и сохраняли товарный вид. Вайнстен мог бы, наверное, пойти и на эту работу, потому что в основном все эти заморозки и покрытия пленками были связаны с нанохимией, а он, вне зависимости от своей судьбы, был все же хорошим химиком. Впрочем, если бы ему действительно нравилась химия, у него бы появился и опыт.

Отлов айсбергов больше подходил для отшельников. Летишь примерно в сторону орбиты Юпитера, стыкуешься с доком, который только что покинул другой такой же одиночка, присоединяешь пустую цистерну (также созданную во внешнем космосе) и по плавной дуге летишь к точке назначения: обычно это бывает L-5, а иногда лунная орбита, где айсберги стали удобными заправочными станциями для запуска кораблей в далекий космос.

Буксировать куски льда мог любой. Работа в основном выполнялась компьютерами, а человек нужен лишь на тот случай, если что-то пойдет не так.

Человек отвечал только за одно — точность траектории. В случае ее искажения возникнет угроза Земле или космическим станциям. Если такое все же происходило, или хотя бы выглядело так, как будто вы собираетесь это сделать, какой-нибудь крейсер оказывался ря-

дом достаточно скоро, чтобы вовремя устранить угрозу. Впрочем, если вы, конечно, не настоящий террорист, суперкомпьютеры буксиров легко выправляли ситуацию, а сама работа, с точки зрения пилота, мало чем отличалась от миллиона-и-одной компьютерной игры. Кроме того, по сравнению со скоростью кометы, скорость буксира была безумно мала, и все происходило в весьма замедленном темпе.

Слово «скука» и в малой степени не отразит характера этой работы, и именно поэтому на пилотов всегда имелся спрос. Хуже всего было то, что подобный труд давал слишком много времени на размышления. Пока его корабль слегка подталкивал зеркальные глыбы льда в безразличную пустоту, Вайнстен пребывал в мире «что-если», где упущенные возможности терзали его обвиняющими уколами бриллиантовых звезд.

И сейчас, когда гипердвигатель тащил его в направлении Сатурна, неожиданный побочный эффект показал ему ответы на все «что-если», над которыми он когда-либо размышлял — и на мириады таких, о которых он никогда не думал.

* * *

«Мария Целеста» приближалась к точке назначения. За эту безвременную интерлюдия, которая не была и не могла быть временем, Вайнстен почувствовал многое.

Он побывал отважным ребенком, нырнувшим навстречу озерным акулам.

Он изучал музыку, историю и английскую литературу.

Он участвовал в чемпионате штата по бегу.

Он стал плавать еще лучше и привел свою команду к медали на олимпийских играх.

Он нашел настоящую любовь с искрящейся бегуньей.

Он написал докторскую диссертацию о бурных недрах Камчатки и получил опыт работы в геологии.

Он пропустил автобус — и Грэйс.

Он отправился в Австралию и все-таки остался лаборантом до конца своих дней... в бескрайней сверкающей пустыне Австралийской Антарктики, где человек мог размышлять и где эти размышления шли на пользу, потому что они сделали его поэтом.

Он был невообразимо богат и слонялся по побережью Индийского океана.

Он жил в постапокалиптическом монастыре и среди самых удивительных технологий, которые только можно себе представить.

Был даже Вайнстен, которого решили отправить в Крабовидную

туманность, несмотря на то, что корабли, перемешавшиеся быстрее света, возвращались без пилотов.

Ирония заключалась в том, что именно те пути, которые Вайнстен Первый считал желанными, были единственно невозможными из всех. Невозможной была та ветка, в которой он слишком сильно хотел успеть на автобус и встал перед ним, или упал с обрыва, или спустил курок.

* * *

В мире за пределами гиперпространства путешествие до Сатурна заняло один удар сердца. А в самой короткой из бесконечных интерлюдий Вайнстен понял, что может выбирать любую из жизней, которую он хотел бы прожить. Он не мог начать сначала, но он мог позвонить в любой колокол, который до этого не звенел, и отменить звон любого из тех, что звенели.

В том мире за ударом сердца было достаточно времени, чтобы подумать о мышах и золотых рыбках, об отравленных пилотах и исчезающих кораблях. Грэйс когда-то рассказывала ему про кошку Шрёдингера, которая не была живой, но не была и мертвой, а пребывала в одном из этих состояний до тех пор, пока квантовая механика не определит, в каком именно. А сейчас двигатель «Марии Целесты» временно приоткрыл все квантовые возможности, и не требовалось быть гением, чтобы понять, что произошло с предыдущими пилотами.

Они нашли что-то получше и оставили свои корабли, так что звездолеты продолжили полет без них.

Вайнстену хотелось выбрать бегунью. Или Олимпийскую медаль. На той линии тоже было много женщин. Но по мере того, как безвременная интерлюдия гиперпространства растягивалась перед ним (хотя она и не растягивалась), он начинал бояться, что ни один из этих вариантов на самом деле не спасет его. По крайней мере, до тех пор, пока не изменится он сам.

Лучшие личности Вайнстена были смелыми, они сопротивлялись давлению, они не были «нормальными». Если бы он вошел в один из тех миров, которые они создали — стал бы он ими или просто получил бы другую жизнь, чтобы точно так же испортить ее? В любом случае, ему нужно было управлять будущим, а не прошлым.

Он был N+1 пилотом. Это означало, что все эти N до него поддались соблазну и не оправдали ожиданий человечества. А чувство долга у Вайнстена все еще зашкаливало норматив. Впервые он мог исполнить свой долг и быть при этом не таким, как все.

В последние моменты бесконечной интерлюдии, которая не была временем и могла оказаться чем угодно, Вайнстен увидел ледяное,

очищающее сияние Антарктики, ощутил горячее дыхание женщины, почувствовал любовь, которая не могла состояться.

А затем постепенно все исчезло.

* * *

Корабль обрел плоть точно по расписанию, и Вайнстен обнаружил себя смотрящим снизу на кольца Сатурна, роскошно освещенные лучами солнца. Он удивился, осознав, что все еще жив, но, что еще более удивительно, он не был этим разочарован. Он не помнил большей части того, что произошло в гиперпространстве, только то, что он что-то выбирал и самым важным оказался именно выбор.

Несмотря на то, что он находился в корабле, способном перемещаться быстрее света, здесь все равно использовалась старомодная радиосвязь. Он мог нажать кнопку и вернуться гораздо быстрее любого сообщения, но если в мире и существовал момент для глубокомысленного или просто банального комментария, то этот момент настал именно сейчас. Компьютеры уже обнаружили пассажира и готовы были отослать данные по жизнеобеспечению, то есть ошеломляющую новость о том, что он стал первым гиперпространственным пилотом Солнечной системы.

Вайнстен не репетировал речь, но после того, как он попросился, вариант оставался только один.

— Привет, — сказал он.

А затем откинулся в кресле и стал ждать ответа. Они, наверное, захотят его немедленного возвращения, чтобы провести целую кучу тестов. Но он не был уверен, что им это поможет, потому что считал гиперпространственных пилотов очень редким видом.

Тем временем он ощутил зарождение чего-то такого, чего не ощущал уже очень долгое время. Настолько необычное, что даже не сразу разобрался в своих ощущениях.

То, что он чувствовал, было намеком на спокойствие.

Возможно, причиной тому стал ландшафт, куда более захватывающий, чем отражения в ледяной глыбе. От этих колец захватывало дух, они напоминали об Антарктике, и это было странно, ведь он никогда там не бывал.

А затем пришла еще одна странная мысль.

В следующий раз я хочу отправиться в Крабовидную туманность.

Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ

© Richard Lovett. The Unrung Bells of the Marie Celeste. 2007. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале Asimov's Science Fiction в 2007 году.

Отечественный кинематограф продолжает радовать любителей фантастики крупномасштабными (по российским меркам) фантастическими проектами. Об очередном из них рассуждает писательница из Киева Анна Китаева (известная под псевдонимом Анна Ли).

Приказано не выжить

«Параграф 78» — это вовсе не фильм, как может показаться на первый взгляд. И даже не два фильма, как может почудиться на второй. Это одна из составляющих гипертекстового проекта, куда помимо фильма, снятого режиссером Михаилом Хлебородовым по рассказу Ивана Охлобыстина, входят и книга-новеллизация Андрея Лазарчука, и компьютерная игра. Чем же отличается гипертекст, так сказать, в быту, а не в теории? В первую очередь — масштабностью, во вторую — степенью вовлеченности зрителя-читателя-потребителя.

«Параграф 78» не оставляет равнодушным, это уж точно. Хотя вводная способна вызвать у искушенного любителя кинофантастики скорее светлую ностальгию, чем азарт новизны.

В недалеком будущем на секретной российской базе, где работали над созданием боевого вируса, произошла катастрофа. Обмен репликами: «Вирус — это такая форма жизни?» — «Нет. Это такая

форма смерти...», еще во время начальных титров настраивает зрителя на то, что выживших будет мало. Чтобы разобраться с последствиями, на базу отправляют группу ну очень крутых ребят, а с ними — Доктора, который в курсе проводившихся исследований. Подземные коридоры, пустые помещения, мыло со следами человеческих зубов и прочие наводящие жуть подробности... Старый добрый саспенс, отлично знакомый нам по «Чужим» и прочему Doom'у, хотя мурашками пробирает все равно.

Это что же выходит, нам предложили всего лишь голливудскую сказку на российский лад? Так, да не так. «Параграф 78» в очередной раз не то, чем кажется.

Попробуем разобраться. Ну, для начала — это безусловно экшен. Поединки вершатся красиво и жестоко, технически безупречно и психологически... Стоп. Какая еще в экшене психология? Пришел, увидел, дал в морду. А мотивация? Полноте, зачем в экшене мо-

тивация, хватает распознавательного кода «свой — чужой»...

Герои «Параграфа» подобной бинарности не знают. Спецназовцы связаны друг с другом давними отношениями, где переплелись дружба и вражда, соперничество, уважение, зависть... А главный треугольник: Гудвин (Гоша Куценко) — Лиса (Анастасия Сланевская) — Скиф (Владимир Вдовиченков), даже любовным не назовешь, потому что ненависти, дружбы и еще всякого-разного там намешано с лихвой. Восемь человек, из них каждый каждому и свой, и чужой одновременно, играют в смертельную игру под девизом «Приказано не выжить»... Что это — драма?

Продюсер фильма Юсуп Бахшиев говорит, что решение выпускать фильм в двух частях принималось в последний момент и ряд сцен снимали уже после этого. Однако зрителю, по большому счету, нет дела до процесса создания, ему важен результат. А результат мне композиционно напомнил советский фильм «Экипаж». Там первая часть, «производственная», показывала обычную жизнь людей, входящих в состав команды самолета. Вторая серия, «катастрофа», демонстрировала их поведение в экстремальной ситуации.

Первая часть «Параграфа 78» — предыстория команды спецназа, вторая — собственно события на зачумленной базе. А то, что «производственно-бытовая» часть тоже воспринимается как боевик... ну, работа у людей такая.

Хочется выразить отдельную признательность создателям «Параграфа» за натурально грязные рожи героев — это вам не голливудский аккуратный грим «под грязь», это взаправду. Диалоги в фильме замечательно хороши, черный юмор здесь уместен, а хлесткие реплики могут стать цитатами. Правда, временами акцентированность фраз переходит в наигранность — но тут вспоминаешь, что герои и в самом деле рисуются друг перед другом и перед собой, стараясь выглядеть еще круче, чем они есть на самом деле. Потому что им страшно.

Объективно страшно. Они оказались в ситуации предельного испытания на прочность. И в тот момент, когда перед лицом смерти любые действия обретают мощь символа, экшен оборачивается философской притчей. Гудвин, который смотрит в лицо огню, это совсем не тот человек, какого мы видели в первой сцене фильма. И концовку никак нельзя считать однозначной.

Фильм, конечно, не безупречен, в нем хватает, к примеру, сценарных натяжек, порождающих закономерные вопросы о респираторах, разнокалиберном оружии и скверных аналитических способностях героев. Но тем не менее посмотреть его стоит. Хотя бы затем, чтобы попытаться определить, к какому жанру его все-таки отнести.

Я — не берусь.

Впрочем, одно можно сказать наверняка: это — фантастика.

Анна КИТАЕВА

Кровь на золотых хризантемах

Надо думать, вы достаточно подкованы в китайской истории, чтобы не путать эпоху Тан (трехсотлетие подъема и расцвета) с эпохой Поздней, или Южной Тан — тринадцатилетним эпизодом в череде распрей и междоусобиц, известном под названием «Пяти династий и десяти царств».

Впрочем, новый фильм Чжан Имоу «Проклятие Золотого цветка» можно смотреть и не держа в голове точной даты, хотя она указана в начальных титрах («928 год н.э.»). Конечно, имей мы дело с другим фильмом и с другим режиссером, историческая датировка многое бы объясняла и ко многому обязывала. Но Чжан Имоу не работает в жанре исторической хроники. Два его предыдущих фильма («Герой», «Дом Летающих кинжалов») лично я бы причислил к тому особому направлению экранного постмодерна, которое, с известными оговорками, можно именовать «историко-приключенческой фэнтези». Или, еще точнее — «поэтической историко-приключенческой фэнтези». «Проклятие Золотого цветка» примыкает к двум названным выше фильмам, образуя с ними своеобразную триаду (не путать с трилогией).

Сюжет и герои, которые, как нам предложено считать, извлечены из хроник древнего Китая, сделают честь классической трагедии. Император Пин (суперзвезда азиатского и голливудского кино Чоу Юньфат), получивший свой трон с помощью коварства и лести, испытывает недоверие к императрице (не менее звездная Гун Ли), которую травит медленно действующим ядом. Сама императрица, исполненная женственности и печали, тоже отнюдь не праведница: она, как расиновская Федра, находится в порочной связи со своим пасынком, принцем Ванем, которого хочет посадить на трон после свержения императора. Принц Вань, принимая ласки мачехи, влюблен в дочь императорского лекаря и намерен бежать с ней из столицы, оставив на произвол судьбы и трон, и императрицу. Принц

Чжай по тайному замыслу императора должен потеснить Ваня и стать наследником, но на деле он принимает сторону матери и начинает мятеж против отца. Принц Юй, совсем еще подросток, знает о клубке грехов и интриг, а посему испытывает глубокую неприязнь и к родителям, и к братьям. В критический момент он поднимает меч на брата — и гибнет от руки отца...

Воистину, сюжет с шекспировскими страстями. Кабы лет 20—30 назад его взялся экранизировать западный режиссер, вроде Верхувена или Бертолуччи, мы бы имели кровавое действо с мрачными интерьерами, сарказмом в диалогах и полной «обнаженной» в сценах инцеста. Но Чжан Имоу — режиссер другой ментальности, снимающий фильм другого жанра в другую эпоху. Трагедию, или точнее, трагическую хронику он снимает как фэнтези — для взрослых.

Самое буквальное и очевидное подтверждение этому — сцены рукопашных схваток и кульминационный эпизод штурма императорского дворца. Действие здесь намеренно расходится с нормами истории, физики и бытового реализма. Таинственные убийцы в черном (императорский спецназ) спускаются в пристанище своих жертв откуда-то из поднебесья — по упругим тросам, которые с помощью крюков-якорей невероятным обра-

зом цепляются за черепичную крышу. Пешие, они без труда догоняют всадников, а их кривые мечи всегда попадают точно между лопаток преследуемых. Впрочем, и противники демонстрируют сказочную живучесть: даже с двумя клинками в спине императорский лекарь преграждает путь отряду ниндзя, давая возможность спастись своей дочери. Не менее виртуозен в боевых искусствах и сам император. Фехтуа на мечах с принцем Чжаем, он позволяет себе стоять спиной к противнику. Когда же в другой сцене доведенный до исступления принц Юй нападает на отца с мечом, тот отражает его удары широкими руками халата, а потом закалывает сына... шпилькой из собственной прически.

Апофеоз фэнтезийных противоборств — штурм императорского дворца, отчаянная попытка принца Чжая привести к власти императрицу. Шеренги воинов в золотых доспехах потоком обрушиваются на стену из стальных щитов, за которыми укрываются отряды, верные императору. Столкновение «золотой» и «стальной» армий на дворцовой площади, покрытой желтыми хризантемами*, выглядит весьма эффектно, однако однообразно-механические действия массовки (созданной в основном с помощью компьютера) и театральное фехтование алебардой Чжая заставляют

* Учитывая, что хризантемы ставятся на площадь в маленьких горшочках, то бежать по ним в атаку крайне затруднительно, проצע горю — невозможно. (Прим. авт.)

вспомнить скорее голливудского «Царя скорпионов», нежели фильмы, подобные «Императору и убийце» Чэнь Кайгэ.

Но поединки и баталии — это лишь то, что лежит на поверхности. Главное, пространством фэнтези ограничены сами герои. Труднее всего приходится героине Гун Ли с ее претензиями на Федру. Гамма переживаний на эротично-прекрасном лице не может изменить ее статуса сказочной царицы, которая по законам жанра лишена права на плотские проявления страсти. Несколько проще Чоу Юньфату с императором, редко снимающим маску деспотичного и коварного властителя, не говоря уже о второстепенных персонажах (лекарь, его жена, их дочь Чань), типичных аборигенах фэнтези.

Отдавая дань историческому «тюнингу», которому подверглась китайская театральная драма 30-х годов XX века «Гроза» (а именно на ее основе написан сценарий), я все же буду настаивать, что вся визуальная фактура и атрибутика фильма остались фэнтезийно условными. Речь идет не только о воинах в золотых доспехах или декорированных «а-ля маркиза Помпадур» китаянках X века. Фэнтезийная условность, причем с оттенком гламура, пронизывает всю стилистику в целом. Все эти дворцовые ритуалы с блистающими золотой парчой костюмами, с кордебалетом миловидных служанок, с «аутентичной» древнекитайской мебелью и посудой вызывают ана-

логии с праздничными ревью или рекламой антикварного салона. Особую роль здесь играет подчеркнута яркое освещение и акриловая цветовая гамма. Свою лепту в гламурную атмосферу вносит и саундтрек, где преобладают патетичные и сладковато-печальные хоровые партии. Своеобразным и, на первый взгляд, не очень уместным элементом этого гламура становится кровь — проливаемая на парчу, на лепестки желтых хризантем, на золотую пластину, символ императорской власти (которую она вытравливает, подобно кислоте).

Значит ли это, что Чжан Имоу решил потратить вкусам массовой публики, да и к тому же еще взял фальшивую ноту? Определенно, нет. Уверен, что замешанный на крови гламур — это не столько потакание массовому вкусу и эстетская эскапада, сколько способ зашифровать горький подтекст. Фильм Чжана Имоу — мастера такого подтекста — не стал исключением по части социально-острых метафор. Дворцовая площадь, устланная ковром из желтых хризантем, лепестки которых смешиваются с кровью (и которые потом быстро сметают метлами, вновь готовясь к празднику), отнюдь не случайный образ. Так что мое громоздкое и, наверное, не всеми разделяемое жанровое определение — «поэтическая историко-приключенческая фэнтези» — придется дополнить еще и словами «с социальным подтекстом».

Дмитрий КАРАБАЕВ

ИДИОКРАТИЯ

(IDIOCRACY)

Производство кинокомпании 20th Century Fox, 2006.

Режиссер Майк Джадж.

В ролях: Люк Уилсон, Майя Рудольф, Дэкс Шепард, Энтони Кампос, Дэвид Херман, Сонни Кастильо и др. 1 ч. 24 мин.

Печально, когда интересную идею закапывают в зловонно-пошлый сюжетец. А ведь могла бы получиться едкая сатира, вторая «Планета обезьян». Мог возникнуть отменный фильм-предупреждение, который по-настоящему заставил бы испугаться и призадуматься.

Итак, к началу XXI века современное общество потребления достигло своего пика, за которым неизбежен крах цивилизации: IQ задрожавшего человечества стремительно падает, всеобщий дебилизм распространяется по планете, подобно чуме. А в это время военные проводят эксперименты по гибернизации, не спасения человечества ради, а сохранения ведущих военных умов для... Испытывать «морозильник» предложили двум зауряднейшим представителям американского общества: туповатому лоботрясу-архивисту с военной базы и уличной проститутке. Однако по ряду причин просыпаются они только через 500 лет.

За это время мир разительно изменился. Цивилизация разрушена, города завалены гигантскими горами мусора, IQ упал ниже плинтуса, даже «элита» общается языком уличной гопоты, а в президентах Америки — диковатый чернокожий рэпер. У человечества будущего только два интереса — переспать да пожрать. При этом, правда, одичавшее общество вполне себе пользуется различными технологическими новшествами, которые непонятно кто производит... Ну, а далее начинаются комические (по замыслу режиссера) приключения «интеллектуальных» гостей из прошлого в мире дебилов. С традиционным юмором ниже пояса. Эдакое чавкающее бу-га-га по-американски. Режиссер даже не иронизирует, а откровенно умиляется над кретинами-соотечественниками. Они такие милашки! Да чего бить в колокол — всегда найдется простой американский парень, который спасет эту чертову цивилизацию. Даже не сомневайтесь!

В общем, сатирическая по замыслу «Идиократия» оказалась типичной попкорн-комедией для увеселения той самой жующей толпы, которую Джадж и Ко вроде как собирались высмеять.

Юрий КОРОТКОВ

300 СПАРТАНЦЕВ

(300)

Производство компании Warner Bros. Pictures, 2007.

Режиссер Зак Снайдер.

В ролях: Джерард Батлер, Винсент Риган, Лина Хэди, Дэвид Уэнэм. 2 ч.

Если мечом пронзают сердце, хлещет кровь. Если топором бьют по голове, слышен хруст черепа. Если воин падает в грязь, она пятнает его доспехи. После нашумевшей трилогии Питера Джексона кинофэнтези почему-то повернула в противоположную сторону — бескровных поединков, злключений смазливых персонажей и общей атмосферы детского праздника. Но «300 спартанцев» — иное кино, жестокое и грубое.

480 год до нашей эры. На Грецию движется персидская армада под предводительством царя Ксеркса. На пути многотысячного войска становится Спарта, чей царь Леонид давно рвется в драку, да только собственные жрецы мешают, ссылаясь на праздник. Не рискнув им перечить, Леонид собирает триста лучших воинов, якобы в качестве охраны, и отправляется на прогулку к узкому ущелью Фермопилы, где размер армии не имеет значения...

Сразу стоит оговориться: новая экранизация графического романа Фрэнка Миллера не является римейком одноименного фильма 1962 года и на какую-либо историческую достоверность не претендует. Автор «Города грехов» и прочих мрачных комиксов изначально хотел сделать спартанцев не столько достоверными, сколько крутыми. Этого же он требовал и от съемочной группы. Судя по результату, последняя аккуратно следовала пожеланиям мастера.

Несмотря на реальное место битвы и мелькающих то тут, то там известных исторических личностей, перед нами фэнтези. Причем фэнтези высшей пробы. С brutальными героями, мерзкими чудовищами, зрелищными схватками и... зрелищными схватками. Режиссер «Рассвета мертвецов» Зак Снайдер знает толк в настоящей сече. Однако его натурализм не вызывает отвращения...

«300 спартанцев» — отличная демонстрация того, как нужно экранизировать комиксы. Здесь нет размаха «Властелина Колец», но есть крепкий сюжет, яркие герои и хороший визуальный ряд, от которого поклонники «Города грехов» и «V — значит вендетта» непременно придут в восторг.

Степан КАЙМАНОВ

ОСОБЕННЫЙ

Производство компании Animagicstudio (Россия), 2006.

Режиссер Кирилл Злотник.

Роли озвучивали: Сергей Юрский, Дмитрий Филимонов,

Александр Ревенко, Ольга Шорохова и др. 1 ч. 15 мин.

Кое-кто из критиков уже успел назвать эту ленту «прорывом в деле российской анимации». Ради справедливости стоит отметить, что состоялось сие велеречивое обращение к народу до выхода картины на экран, и оратор, судя по всему, этот «первый отечественный 3D-фильм» не видел даже одним глазом.

Вообще-то, это зрелище не для слабонервных. Конечно, специалист по проблемам опорно-двигательного аппарата найдет в картине богатый материал для диссертации — тут спору нет. Однако простым смертным наблюдать за перемещениями 3D-калек нелегко, особенно тем, кому остеохондроз и так регулярно напоминает о себе...

Впрочем, подобный образчик «графического искусства» не одинок. В современном кинематографе его, правда, не отыскать (да и начальные зарубежные ленты, выполненные в этой технике, стартовали все же с более высокой площадки), однако в компьютерных квестах такого рода болезнь все еще неизлечима. На этом скорбном фоне создатели ленты все-таки добились кое-какого успеха: персонажи так же гримасничают и мучительно дергаются, но уже в нужном направлении.

Задача героев — освободить родной городок от нечисти. Только, пожалуйста, не подумайте, что злодеи они сказочные, в замшелых стереотипах отечественного детского кино. Все очень злободневно: мафиозная структура с криминальным прошлым рвется во власть и решает этот вопрос незатейливым способом — зомбируя жителей городка с помощью «высоких технологий», то есть посредством компьютера. Начинается эксперимент, естественно, с детей. Но находится один неподдающийся, он же Сашка, он же Особенный, который в этой актуально-публицистической схватке указывает несправедливо нажитому капиталу его место под луной.

Не обошли создатели ленты и основной закон современной кинематографии: чем слабее фильм, тем больше в нем цитат. И здесь «отсылки» на любой вкус, причем не только к собратьям по цеху, но и к злободневным газетным статьям. «Социалка», однако.

Хотели, видимо, сделать сказку. А все равно получился пулемет.

Валентин ШАХОВ

СКАЗАНИЯ ЗЕМНОМОРЬЯ

(GEDO SENKI/TALES FROM EARTHSEA)

Производство компаний Dentsu Inc. и Studio Ghibli (Япония), 2006.

Режиссер Горо Миядзаки.

Роли озвучивали: Юничи Окада, Аой Тешима и др. 1 ч. 55 мин.

Некоторые фильмы буквально обречены на повышенное внимание публики. К примеру, можно ли пройти мимо новой экранизации знаменитого фэнтезийного сериала Урсулы Ле Гуин о Земноморье? А мимо свежего мультика от японской студии «Ghibli», режиссер которого носит фамилию Миядзаки? Да ни в коем случае! Если же учесть, что речь сейчас идет об одном и том же фильме, «вектора ожиданий» наложатся друг на друга с кумулятивным эффектом. И то малозаметное обстоятельство, что режиссером выступил не Хаяо Миядзаки, а его сын Горо, причем для последнего это вообще дебют в режиссуре, наверняка будет проигнорировано зрительскими массами. Что ж, тем сильнее окажется их разочарование.

К сожалению, Горо Миядзаки снял довольно красивую, но очень уж нескладную ленту. Подвела его та свобода без берегов, которой обычно наслаждаются постановщики экранизаций, заключившие правильный контракт с автором (это когда автор вообще не может как-то влиять на процесс съемок). Положив в основу сценария роман «На последнем берегу», женских персонажей Горо решил импортировать из «Техану». В принципе, можно догадаться, зачем он это сделал. В одной книге у Ле Гуин действует юный принц Аррен, а в другой — не менее юная Ферру, дочь дракона. Их надо было свести вместе, чтобы не отступать от сюжетного канона, заданного Миядзаки-старшим и условно называемого «мальчик с девочкой дружил». Но скрепить романы без заметных швов не удалось. Скомпилированный сюжет не может похвастаться логикой. Зачем дрались драконы в начале фильма? Кто убил папу Аррена — сам принц или его «тень» (по Ле Гуин, средоточие всего темного в человеке)? И куда эта «тень» в итоге делась?

В общем, первый блин у Горо Миядзаки получился так себе. Не нужно, конечно, ставить на молодом режиссере крест и причитать о том, что на делях гениев природа отдыхает. Но и доверять ему работу над таким превосходным литературным материалом, наверное, пока не стоит. Впрочем, после письма Урсулы Ле Гуин, публично отрекшейся от новой экранизации, подобное развитие событий представляется маловероятным.

Александр РОЙФЕ

ЧЕРЕПАШКИ-НИНДЗЯ

(TEENAGE MUTANT NINJA TURTLES)

Производство компании Warner Bros. Pictures, 2007.

Режиссер Кевин Манро.

Роли озвучивали: Сара Мишель Геллар, Крис Эванс, Патрик Стюарт, Кевин Смит и др. 1 ч. 30 мин.

Монстры наводнили Нью-Йорк, по улицам носятся злые каменные статуи, да еще и клан «Ноги» поднял голову. И только четверо бравых зеленых черепах-мутантов могут вернуть городу спокойствие...

Как и многие супергерои, черепахи, владеющие боевыми искусствами, впервые появились на страницах комикса. А именно — в 1983 году. В то время всевозможные ниндзя были очень популярны в Америке, и художники Кевин Истмен и Питер Лэрд не могли не пройти мимо этого факта. Однако отцы черепах-мутантов, их бессменного учителя Сплинтера и вечного врага Шреддера, наверное, даже в мечтах не представляли себе такого огушительного успеха. Толпы фанатов, бесчисленное количество комиксов и мультфильмов, а также три полнометражных фильма — настоящий культ индустрии развлечений.

Итак, спустя тринадцать лет те самые культовые персонажи снова вернулись на широкий экран. Слухи о полнометражном мультфильме ходили еще в 1997 году, но осмотнительные продюсеры не желали вкладывать деньги в этот проект. И, между прочим, правильно делали. Мода на ниндзя прошла, а экранизировать комиксы в те времена было еще рискованно. С тех пор мода на ниндзя не вернулась, зато количество кинокомиксов превысило все разумные пределы. Видимо, последний довод и сыграл в пользу создания сиквела, который вряд ли возродит угасший интерес к четырем черепахам.

У творения Кевина Манро нет абсолютно ничего, чтобы выделиться среди сонма компьютерных мультфильмов-однодневок. Сюжет незатейлив, развивается вяло и предсказуемо, анимация качеством не радует, а экшен в мрачных декорациях дождливого Нью-Йорка порой скучен до зевоты. Полфильма черепахи пытаются воссоздать былую команду, полфильма убегают от злых каменных генералов. Неплохая завязка о том, каким образом в стародавние времена рыцарь обрел бессмертие, так и осталась единственным ярким моментом. И, в конце концов, что за кино про черепашек-ниндзя без Шреддера?

Степан КАЙМАНОВ

НОМЕР 23

(THE NUMBER 23)

Производство компаний New Line Cinema, Contrafilm, Fingerling Films и Firm Films, 2006.

Режиссер Джоэл Шумахер.

В ролях: Джим Керри, Виржиния Мэдсен, Денни Хастон, Логан Лерман и др. 1 ч. 35 мин.

На день рождения Уолтеру Спэрроу супруга дарит самиздатовскую книгу «Номер 23» — жизнеописание частного детектива. Сюжет книги почти в точности повторяет судьбу Уолтера, причем самые разные события вертятся вокруг числа 23 — от даты рождения до номера социального страхования. Пытаясь успокоить Уолтера, жена и сын начинают отговаривать его от увлечения нумерологией, но затем зловещая «игра» затягивает и их.

Несмотря на параноидальный сюжет, все актеры играют превосходно — и Виржиния Мэдсен и юный Лерман (известный по роли в «Эффекте бабочки»). И, конечно же, Джим Керри. «Человек на Луне», «Шоу Трумэна», «Вечное сияние страсти», теперь «Номер 23»: гуттаперчевый киноклоун не устает перевоплощаться в кого угодно, лишь бы снять с себя «маску» — имидж легкомысленного актера. И, что удивительно, в каждом третьем фильме ему это удается.

Привычных для актера придури, кривляний и ужимок нет и в помине. Напротив, это уверенная, серьезная драматическая работа, демонстрирующая постепенное превращение нормального человека в патологического неврастеника. И всё из-за двух цифр.

Одержимость числами... При желании найти между ними связь можно где угодно. Существует так называемая «Загадка 23» — о том, что все факты и события в окружающем мире объединены числом 23. Именно об этом фильм. Об очень популярной теме в американской нумерологии — магии числа 23. Например, у человека 23 хромосомы, у тамплиеров 23 магистра, в 23 года Македонский разрубил гордиев узел, сумма цифр дат казни Саддама Хусейна и гибели «Титаника» — 23, шумерские и египетские календари начинались в июле, 23-го... Убедительно? По-моему, не очень. Но героя все это просто добивает.

Кстати, это 23-й фильм Шумахера, цифры в почтовом адресе Джима Керри в сумме дают 23, да и премьера фильма состоялась 23-го числа...

Вячеслав ЯШИН

Георгий ГРЕЧКО: «В ФАНТАСТИКЕ ВСЁ НА ПРЕДЕЛЕ»

Телезрители старшего поколения прекрасно помнят передачу «Этот фантастический мир». Она выходила с 1979 по 1989 год (всего — 15 выпусков), и каждый включал в себя от одной до трех экранизаций знаменитых НФ-произведений. Изначально передача начиналась как викторина, позже переросла во всенародно ожидаемую телеантологию фантастики. Ведущим был дважды Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко. Своими воспоминаниями, как о телепередаче, так и о роли фантастики в своей жизни, знаменитый космонавт поделился с нашим корреспондентом. Беседа происходила в самолете рейса Осака — Токио.

— Расскажите, с чего началась передача «Этот фантастический мир»?

— На телевидении часто бывает так, что один истинный ценитель способен сделать целую регулярную передачу. В свое время в Детской редакции Центрального телевидения такой человек нашелся (к сожалению, не помню фамилии этой женщины). Меня же привлекли в качестве ведущего. Передача делалась на чистом энтузиазме — денег на нее практически не давали, камеру и студию предоставляли, только когда они никому не были нужны. Тем не менее нам удавалось привлекать превосходных актеров — у нас были и Смок-

туновский, и Богатырев, и Каюров, и Яковлев, и Марцевич... Платили им немного, но за счет того, что мы отбирали для экранизации очень хорошие рассказы, они соглашались... Им это просто нравилось.

Конечно, не все наши экранизации удавались. Но некоторые оказались просто замечательными. Вот, например, многие помнят рассказ «Алло, Парнас» Валентина Берестова. Там у астронавтов другой цивилизации имена, как у греческих богов — намек, что греческие боги были пришельцами. Сам текст очень остроумный, особенно история об огне, оставленном людям Прометеем. Но как это было снято? В Южном порту нашли гору строи-

тельного песка, на вершину поставили храмик высотой двадцать сантиметров. И у этой кучи сняли очень неплохую телеверсию рассказа. Древняя Греция получилась, как настоящая, и причем без всяких многомиллионных компьютерных спецэффектов!

— **А кто отбирал рассказы для экранизации? Ведь там были тексты Жюль Верна, Уэллса, Беляева, Грина, Ефремова, Стругацких, Булычёва, Брэдбери, Шекли, Лема, Порджеса...**

— Мы сами и отбирали. На свой вкус. Основательница передачи, я, плюс еще иногда нам помогали люди, которые хорошо знали и любили фантастику. А однажды к нам пришло известие, что передача удостоена награды Европейской ассоциации фантастов. Мы получили не деньги, а некий сертификат. Но мы очень радовались, потому что это было признание! Хорошая литературная основа и замечательная актерская игра — вот рецепт этого успеха.

— **Известные актеры очень любят сниматься в детском кино. И даже зачастую сами рвутся туда. В вашем случае актеры приравнивали фантастику к детскому кино и выстраивались в очередь?**

— Не скажу, что рвались, но почти всегда соглашались с охотой.

— **Кроме актеров в передачах принимали участие и известные**

фантасты. Аркадий Стругацкий, Кир Булычёв, другие...

— Да, мы их приглашали в качестве «вторых ведущих». Кстати, если говорить о Стругацких, то тогда существовал фактический запрет на их выступления по телевидению. Когда я вернулся из космоса и меня пригласил подмосковный клуб фантастов, я сказал, что, если не будет Стругацкого, не поеду. Тогда космонавтов было не так много и относились к ним с пиететом. Да хозяева и сами хотели видеть Аркадия. Там работало телевидение, и мне таким образом удалось организовать прорыв Стругацких на экран. Мы с Аркадием подружались, да и с Борисом встречались — в те времена он был более открыт, принимал участие в семинарах. Я заглядывал на его семинары под Ленинградом — это были объединенные мероприятия фантастического и приключенческого жанров.

— **Изначально «Этот фантастический мир» был викториной — то есть интерактивным действием. Ведь любители фантастики в своих письмах не только отвечали на вопросы викторины, они наверняка еще и делились рассуждениями. Большую почту собирала передача?**

— Огромную. Но гораздо интереснее в этом смысле для меня была другая телепередача. Называлась она «Спор-клуб». Она

затрагивала разные вопросы, но один из выпусков посвятили фантастике. Меня пригласили ведущим этого выпуска. Причем в ЭФМ моя роль как ведущего была незначительна, потому что готовилось все заранее, по сценарию, а если я и привносил что-то от себя, то совсем немного. А для «Спор-клуба» никто не писал никакого сценария. И первое, что поразило меня во время передачи, — глаза этих ребят. Я всегда стараюсь смотреть в глаза, когда захожу в какую-нибудь аудиторию. Сейчас надо буквально выискивать в аудитории такие радостные, ищущие, открытые глаза. А то была аудитория живая, жаждущая, рвущаяся. Я заранее продумал, как буду вести эту передачу — я стал их запутывать. Мне было интересно, распутаются или нет? Я их спросил: а за что вы, собственно, любите фантастику? Если вы жаждете приключений, то откройте приключенческую прозу. Если предпочитаете философский аспект, это даст вам философская литература. Если хотите заглянуть в будущее — к вашим услугам футурология. И так далее. Мне было интересно, что они скажут. И они довольно быстро вышли на идею, что фантастика как бы заостряет все эти проблемы — и философия там на пределе, и приключения. А самое главное — это герои. Герои, которые ищут. Так же, как я

когда-то искал. Ведь космонавтом я стал только потому, что читал «Аргонавтов Вселенной» Владко, «Красную планету» Богданова, позже — Стругацких, Ларионова...

— А какая была ваша первая фантастическая книга?

— «Изгнание владыки» Адамова, книжки Беляева, Казанцева...

— Какие книги вы брали с собой на орбиту?

— Самые любимые. «Трудно быть богом» — мне очень нравилась эта неочевидная идея, что, несмотря на все могущество развитой цивилизации, она не может ускорить прогресс другой, отсталой. Эту идею Стругацкие также и в «Попытке к бегству» выдвигали. Вторая книжка — сборник Ольги Ларионовой, где были ее замечательные рассказы и повесть «Леопард с вершины Килиманджаро». И еще одну книжку взял — автора, которого очень люблю, перечитал все его вещи — Грэма Грина. Эту книжку, «Наш человек в Гаване», побывавшую в космосе, я потом, когда мне посчастливилось встретиться с Грином, ему подарил.

— С кем-то из западных фантастов были знакомы?

— наших знал многих, даже ездил на конференции — в частности, на «Аэлиту», а из иностранцев хорошо знаком только со Станиславом Лемом.

Беседовал Дмитрий БАЙКАЛОВ

Европейская премьера фильма «Последняя зима» (The Last Winter)* состоялась зимой этого года на Роттердамском кинофестивале. От названия веяло благостной семейной мелодрамой, однако интуиция подсказывала, что здесь все не так банально. Во-первых, Роттердамский фестиваль не очень жалует благостные мелодрамы. Во-вторых, режиссером картины был Ларри Фессенден, человек, склонный к экстремальным сюжетам и уже сказавший свое слово в кинофантастике.

КУЗНЕЦЫ СВОЕГО НЕСЧАСТЬЯ

Из двоечников — в пророки

Ларри Фессенден родился в 1963 году в Нью-Йорке. Его фото в интернете чем-то напоминает николсоновского Джека Торренса из фильма «Сияние» Стэнли Кубрика: такая же всклокоченная шевелюра и широкий лоб с залысинами, только вот в глазах не зловещий маниакальный блеск, а отсвет ироничной улыбки. Сходство с Николсоном и его героем не случайно: параллели с «Сиянием» можно найти сразу в нескольких картинах Фессендена. Кроме того, Фессенден хорошо известен как актер, не раз игравший роли наркоманов и безумцев в «независимых» проектах и трэш-хоррорах, вроде «Малбери-стрит» (2006) Джима Микки, где люди мутируют в мерзких крысоподобных тварей. Но, вообще-то, как и многие деятели независимого кино, Фессенден являет собой пример человека-оркестра. В большинстве своих картин он не только

режиссер и актер, но также и сценарист, продюсер, оператор и даже композитор.

Снимать короткометражки на 8-миллиметровой пленке и видео Ларри начал еще тинейджером (злые языки говорят, все началось с того, что его выгнали из школы), но его первым фильмом, всерьез воспринятым критикой, стал фантастический хоррор «Почём знать?» (No Telling, 1991; второе, более красноречивое название — «Комплекс Франкенштейна»). Рядовым зрителям эта авангардистская, «не по-людски» снятая и смонтированная лента не понравилась. Прежде всего потому, что, обличая в подтексте своей истории ученого-визисектора, ради экспериментов безжалостно кромсавшего животных, Фессенден слишком часто и натуралистично показывал, как подопытных братьев меньших ловили, калечили, резали пополам и потом сшивали — но уже с половин-

* Оригинальные названия приводятся только для фильмов Л. Фессендена. (Прим. авт.)

кой другой особи. А вот кинокритики обратили внимание именно на подтекст, отметив, что, если в кадре и появляется полутеленок-полупёс, то делается это отнюдь не в целях дешевого эпатажа, но для вынесения приговора нашей цивилизации homo faber — «людей деятельных», не устающих чинить насилие над их природой.

После фильма «Почём знать?» новым поводом для критических эссе стала «Привычка» (Habit, 1997) — также чуждая мейнстриму фантастическая драма, в которой доведенный до отчаяния нью-йоркский студент, маргинал и алкоголик (его роль сыграл сам Фессенден) находил уладу в объятиях загадочной вампириши. Не в пример многочисленным комедиям а-ля «Вампир из Бруклина», фильм реалистичен по стилю и исполнен скрытой меланхолии. «Привычка» позволяла предположить, что Фессенден не склонен избирать для себя какую-то постоянную тему: вчера он переиначивал на свой лад легенду о Франкенштейне, сегодня — модифицировал Дракулу. Но в 2001 году он представил на фестивале «Слэмдэнс» в Лос-Анджелесе свой новый фантастический опус — «Вэндиго» (Wendigo). Вэндиго — это мифическое существо, полуолень-получеловек, индейский лесной демон, обитающий в Катскилских горах Северной Америки. Именно сюда приезжает с женой и ребенком главный герой — Джордж, фотограф из рекламного агентства. Желание побыть на природе и ос-

вободиться от последствий профессиональных стрессов оборачивается новым стрессом — машина Джорджа сбивает на дороге оленя, после чего в их лесном шале начинает твориться что-то неладное... Фильм стал хитом нескольких фестивалей, а в хвалебных рецензиях снова замелькало довольно редкое жанровое определение — «экологический хоррор».

Что это такое?

Заявлять, что своим появлением жанр экологического хоррора (экохоррора) обязан Ларри Фессендену, мы, понятно, не собираемся. Гипертема экологической катастрофы (нарушенного природного равновесия, загрязнения окружающей среды, истощенности природных ресурсов) стала актуальной для кинематографа ровно с тех пор, как человеческая цивилизация получила возможность не только обороняться от природных катаклизмов, но и глобально воздействовать на среду своего обитания. Безусловно, самый мощный импульс для сюжетов такого рода дало ядерное оружие с его угрозой мирового радиоактивного заражения и «атомной зимы». Классикой среди картин на эту тему стали американские телефильмы «На следующий день» Н.Мейера и «Завещание» Л.Литтлэн. Загрязнение воздуха и особенно воды промышленными отходами тоже вписалось в канву многих сценариев. Правда, по мнению их авторов, типичными последствиями таких катастроф

стало появление агрессивных животных-мутантов, будь то «Пророчество» Д.Франкенхаймера с его гигантским медведем, «Чудовище» К.Хартфорда с огромной морской змеей или итальянские «Дикие звери» Ф.Проспери, где под влиянием загрязненной воды мутировали питомцы целого зоопарка. В фильме «Вахта смерти» (1972, реж. П.Сэсди) загрязненная химикатами вода приводила к мутации не зверей, а людей — населения целого острова, жители которого становились каннибалами.

Пожалуй, столь же часто в качестве причины глобальной экологической катастрофы изображались страшные вирусы, случайно или по злому умыслу исчезнувшие из секретных лабораторий. Любители фантастики хорошо помнят сюжетные перипетии фантастического триллера «12 обезьян» Т.Гиллиама, где для предотвращения страшной пандемии на Землю 1996 года отправлялся гонец из 2035-го — герой Брюса Уиллиса. Два года назад в нашем прокате промелькнул и британский экологический хоррор «28 дней спустя» (2002, режиссер Д.Бойл): герой этой картины, четыре недели пролежавший в коматозном состоянии в госпитале, придя в себя, обнаруживает, что больница пуста, а весь Лондон находится во власти инфицированных вирусом маньяков-убийц.

Конкретные причины экологической катастрофы, символизирующей кару Божью за грехи человечества перед природой, могут быть

весьма разнообразны, но, как ни странно, иногда сценаристы и режиссеры ухитряются вообще не называть их «по имени». Так, в «Часе волка» М.Ханеке (2003) режиссер делает нас свидетелями страшных последствий вселенской катастрофы, так и не упомянув напрямую, чем же конкретно она вызвана. Героиня и двое ее детей, приехавшие в сельскую местность неназванной европейской страны, на следующий день обнаруживают, что дома покинуты, улицы пусты, а в кострах пылают туши забитых домашних животных. В дальнейшем действие развивается по законам антиутопии, воспроизводя ситуацию тотального коллапса, в результате которого дети гибнут от голода и жажды, а женщины готовы пойти на сексуальную близость с первым встречным, чтобы добыть самое насущное.

«Час волка» или «12 обезьян» могут служить примером того, как тема экологической катастрофы, наряду с экокхоррором, осваивается в самых разных жанрах и стилях. Экологические мотивы отчетливо звучат в антиутопиях Тарковского («Сталкер», «Жертвоприношение») и Лопушанского («Посетитель музея»), и они же вплетаются в сюжет фильмов о Джеймсе Бонде. «Штамм «Андромеда», «Безумный Макс», «Водный мир», «Годзилла», «Эпидемия» — в любом из вышеперечисленных фильмов есть экологическая подоплека, но ни один из них не относится к жанру хоррора. Точно так же не относятся к нему фильмы-

катастрофы, напрямую рассказывающие о стихийных бедствиях: «Пик Данте», «Вулкан», «Торнадо» и — даже! — «Послезавтра» Р.Эммериха, с его апокалиптически-мрачными картинами изменения мирового климата. Почему? Во всех этих картинах мы видим активных и добродетельных главных героев, реноме которых не вызывает сомнения: никто из них не отмечен знаком причастности к причинам катастрофы. Можно ли представить, что вулканолог Гарри Долтон — герой «Пика Данте» — был одним из разработчиков линии метро, проложенной в непосредственной близости от «задышавшего» вулкана; а профессор-палеоклиматолог Джек Холл — герой «Послезавтра» — членом правления и акционером индустриального гиганта, чьи трубы выбрасывали в атмосферу тысячи тонн двуоксида углерода?

Хоррору в его классической версии свойственно нагнетание мрачной атмосферы, саспенс, ощущение мистической, не поддающейся разумному истолкованию угрозы. В этом смысле особое значение приобретает замкнутость действия в ограниченном пространстве, изоляция героев от внешнего мира. И — непрерывное возрастание напряжения, которое, впрочем, для контраста может пребывать нейтральными эпизодами, усиливающими у зрителя чувство ожидания опасности.

Хотя режиссерами хорроров нередко являются жизнелюбы и оптимисты (как, например, «отец

живых мертвецов» Джордж Ромеро), режиссер такого рода фильмов неизбежно облачается в маску Кассандры — пессимистичного пророка, заведомо сомневающегося в благоприятном исходе. Даже в случае хеппи-энда хоррор оставляет у зрителя ощущение тревоги и неустроенности. Воспоминания о ледящих кровь жутких образах неизбежно омрачают радостное облегчение от счастливой развязки.

Юмор, даже «черный», редко привлекается экокхоррором в союзнники. Когда кореец Бун Чжунхо («Хозяин», 2006) рассказывает нам историю об ужасном ящере, утащившем героиню на дно реки Хан возле Сеула, да еще к тому же угрожающем распространить смертоносный вирус, то этим не напугаешь даже ребенка. Дело в том, что все перипетии борьбы с чудовищем трактуются с откровенным комизмом и служат способом изобразить в сатирическом ключе сильных мира сего. Конечно, в готическом хорроре черный юмор — это почти что норма (вспомним продукцию британской киностудии «Хэммер», да и не только ее). Но одно дело, когда вы с плохо скрытой иронией рассказываете о противостоянии Дракулы и Ван Хелсинга, и совсем другое, когда потешаетесь над людьми, на головы которых сыпется радиоактивный пепел. Смех не только притупляет чувство страха, но и девальвирует серьезность проблемы.

Есть и другой принципиальный момент. В полноценном экологическом хорроре природный катаклизм трактуется как возмездие, «Божья кара» за варварское, непочтительное и недалёковидное отношение землян к своей планете. Если в этой вредительской роли выступают инопланетные пришельцы и космические вирусы, экокхоррор лишается своих важнейших атрибутов — пророческого пафоса и социальной злободневности. С учетом этого «фильтра» в русло экокхоррора не попадают такие шедевры жанра фильма ужасов, как «Нечто» Д.Карпентера: ведь причиной страшных биологических метаморфоз, происходящих с персоналом полярной станции, становится вирус, занесенный из космоса, а не продукт деятельности человека.

«Зима, которую мы потеряли»

«Последняя зима» Фессендена примечательна именно тем, что представляет собой экологический хоррор в его «лабораторно-чистом» виде.

Нефтяная корпорация «Норс Индастриз» собирается бурить скважины в заповедных землях Северной Аляски и для этого посылает туда исследовательскую группу. Это не космические пришельцы, поражающие полярников из фильма Карпентера. Кузнецами глобального несчастья становятся сами люди, причем не inferнальные злодеи, вставшие «поперек горла» всему человечеству, а вполне обыч-

ные мужчины и женщины — трудолюбивые, смелые, настойчивые, способные пренебрегать бытовым комфортом и даже жертвовать жизнью ради ближнего. Соответственно, и экологическая коллизия, возникающая на этой почве (уточним: на вечно мерзлой почве, которая начинает катастрофически оттаивать), носит вполне реальный характер. Под влиянием парникового эффекта Арктика теряет свой холод. Огромные польны образуются во льдах даже в феврале.

Конечно, фантастичны сами масштабы и темпы экологической катастрофы, но не будем забывать, что Фессенден играет на поле научной фантастики.

Исследовательская группа, обитающая в модулях арктической станции — это, по сути, та крошечная канарейка, которую раньше брали с собой шахтеры, спускаясь во взрывоопасный забой. Эти люди первыми испытывают на себе гнев духов Севера. Самого неопытного и эмоционального начинают преследовать неотвязные кошмары, под влиянием которых он среди ночи устремляется в снежную пустыню. Постепенно сдают нервы и у лидеров. Не выдерживает и техника: нарушается радиосвязь, а самолет, на котором должна прибыть долгожданная помощь, словно заколдованный, теряет высоту и врывается в жилой модуль, обращая его в пламя и руины.

Набор характеров, которые по произволу Фессендена сходятся в экстремальной ситуации на за-

терянной в белой пустыне исследовательской станции, делает честь хорошей психологической драме. Есть грубый «северный волк», лидер-мачо — руководитель всей группы; есть его антагонист, интеллигентный эксперт-эколог; есть соблазнительно-женственная исследовательница, которая из объятий мачо ушла в объятия антагониста; а еще есть невротичный новичок-стажер, которому мерещится всякая чертовщина; пара туземцев-северян, обезличенных цивилизацией, и т.д. Удача фильма состоит в том, что реализм северных пейзажей и психологию характеров удалось органично соединить с мистикой и саспенсом, атмосферой усиливающегося страха, жутью кошмарных видений, кадрами страшных ран и заиндеветших обнаженных трупов. Одним словом, хоррор — он и в Арктике хоррор.

Партнерами американцев в этом проекте были исландцы. Причем партнерами, по праву разделившими успех фильма. Большая часть натуральных съемок проходила в Исландии, и я бы сказал, что арктические пейзажи, снятые камерой Магни Агустсона, приносят в фильм не меньшее ощущение мистической угрозы, чем сфабрикованные с помощью компьютера стада оленеподобных демонов, несущихся в ночи над заснеженной равниной. Не забудем и про запоминающиеся «звуковые панорамы» с использованием музыки Энтона Санко, акустическую гам-

му которых лучше всего оценить в зале хорошо оборудованного кинотеатра.

В отличие от голливудских блокбастеров, эксплуатирующих ту же тему «потревоженной природы» (как в «Пике Данте» или «Послезавтра»), в «Последней зиме» нет героя-спасителя, обеспечивающего хеппи-энд. Катастрофа надвигается с фатальной неизбежностью, и никто из героев, будь то «диктатор» Эд Поллак (Рон Перлман) или «гуманист» Джеймс Хоффман (Джеймс Ле Гро), не в силах ее предотвратить.

Когда бросившие сломанный снегоход герои начинают из последних сил пробираться через польньи и торосы, у нас возникает иллюзия, что им воздастся за героизм, и встреча с цивилизацией станет для них равноценной победе над демоническими силами Арктики. Такова инерция восприятия, воспитанная все тем же голливудским мейнстримом (да и нашими старыми фильмами об Арктике — вспомним «Красную палатку»), но... Фильм надо смотреть до последнего эпизода и даже до последнего кадра, ибо этим кадром Фессенден и определяет участь человека и человечества в данном конкретном сюжете. Надо ли добавлять, что «страшилки», последний кадр которых не только привлекает взгляд, но и заставляет задуматься о судьбах Земли, имеют право на существование?

Дмитрий БОГАРНИН

ДАЛИЯ
ТРУСКИНОВСКАЯ

СОЧТЕМЯ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

СЛАВОЙ!

1.

Удивительно, как быстро шум делается привычным. И через неделю уже не приходится напрягать голос, чтобы перекричать огромный, тяжело бухающий пресс, — это само получается.

Скромные радости заводской жизни становятся своими не сразу. Сперва их просто не понимаешь. Но вот вчера с утра не завезли комплектующие — и сердце затрепетало при мысли, что можно посидеть с мужиками на свежем воздухе, в палисадничке у облупленной кирпичной стены, в тени чахлой сирени, покурить, сгонять молодого за пивом — благо тут же, на заводских задворках, за кустами, есть в заборе подходящая дыра, о которой знают все, включая директора, но молчат, ибо должны же быть у заводчан эти самые скромные радости!

Опять же беседа. Настоящая, правильная, неторопливая мужская беседа. О вещах вечных и значительных — о том, как уменьшить износ пресс-формы, к примеру, или об экономии электроэнергии, которая напрямую увязана с квартальными премиями. И об инструменте — это свято.

Светозар уверенно шагал по скользкому промасленному полу из металлических квадратов — широко, чуть вразвалку, как мужики, с которыми только что простился. Ядовитые запахи не раздражали больше — наоборот, обещали некую приятную ностальгию, если попадутся где-нибудь, пролетая мимо, на улице. Он еще ощущал себя здесь своим, заводским, рабочей косточкой, хотя отработал последний день в цеху. Его уже ждали в заводоуправлении, и он, усмехаясь, настраивался на иной лад и стиль — вместо конкретной беседы со специфическим юморком его ждала беседа жизнерадостно-расплывчатая, благожелательно-нелепая. Но с очень приятным завершением.

Выйдя из цеха, он постоял немного, осваиваясь с иным освещением и иными шумами. Завод был — как город в городе, со своими улицами и перекрестками, и старый рабочий мог бы с завязанными глазами определить собственное местонахождение. Светозару до такого было далеко — он даже не всюду побывал, скажем, к крановщицам под самый потолок не лазил. Ему хватило бесед с крановщицей Ксюхой в столовой, у раздачи.

Остановившись у длинного стенда с идущими поверху жестяными буквами «Слава партии!», он просмотрел заводскую многотиражку и тихо порадовался за слесаря Галкина. У парня оказалось весьма бойкое перо, стоило только дать несколько советов — и глянь-ка, что за статья в разделе «Комсомольский удар»! Почти профессионально

расправляется с теми заводскими отщепенцами, которые по ночам тайно слушают вражеские голоса.

Если так дальше пойдет, подумал Светозар, профсоюз даст Галкину рекомендацию в пиар-колледж, а завод будет платить ему стипендию все три года обучения. Оно и разумно — пора омолаживать заводской пиар-отдел, а то там засели, как хряки у кормушки, неповоротливые гиганты рекламы тех времен, когда еще и слова-то «пиар», поди, не было. Маленький, тихий, белобрысый Галкин один бы их всех, пузатых, заменил — ишь, и днем в цеху полную норму вырабатывает, и по вечерам для многотиражки пишет, орленок!

— Привет! — сказала, нагнав Светозара, бойкая Любочка из отдела главного технолога. — Ты в партком?

На плечах у Любочки была красная косынка — но не совсем правильного цвета, не кумачовая, а с малиновым оттенком, в тон губной помаде. Светозар усмехнулся — ах, эти девушки...

— Туда, — лаконично ответил он. Какими бы девушки ни были болтушками, а любят они немногословных.

— А я — в комитет комсомола. Мы завтра митинг проводим — придеешь?

— Так это ж опять плакаты нести?

— Ну и разоришься на один плакат, ничего у тебя не отвалится. Ради общего дела!

Светозар прекрасно знал, что кроется за «общим делом»: Любочка хотела женить на себе комсорга Степу, про это весь завод уже и говорить перестал.

— Как с плакатом стоять — так ко мне, а как спецпакеты распределять — так мимо! — ответил он, подпустив в голосе ровно столько обиды, сколько должен ощущать обойденный заботой власть имущих рабочих.

Сам спецпакет был ему нужен, как рыбке зонтик, но Светозар не хотел выходить из образа рядового трудыги.

Они вместе вошли в вестибюль заводоуправления и поочередно вытерли ноги о шетинистый коврик. Коридор, куда выходили двери парткома, профкома и комитета комсомола, был выложен красной ковровой дорожкой, и оставлять на ней масляные следы как-то не хотелось.

На стенах красовались всем известные большие плакаты «Комсомол — наше будущее!», «Партия — наш рулевой!» и еще какие-то поменьше.

Любочка быстро повязала косынку хвостиками назад и без стука вошла в комитет комсомола. Светозар догадался, что ее там ждут с

нетерпением. Сам же он деликатно постучал в дверь приемной парторга. Мало ли, чем там занимается секретарша Ладушка — надо дать ей время задвинуть ящик, в котором стоят пузырьки с маникюрным лаком и лежит раскрытый косметический набор (из прошлого спецпакета).

— Данила Ингварович у себя, вас ждет, — сказала белокурая красавица Ладушка (весь завод знал, что на ней-то и хочет жениться комсорг Степа, но не сейчас, а чуть погодя — когда разберется с Любочкой).

Светозар вошел в кабинет — но с порога он был уже не рабочим со сборки или со штамповки, плечи распрямились, развалистая походка пропала напрочь, взгляд поменялся. С парторгом Светозар не имел нужды играть роль — был на равных, а скорее всего, что и выше. И то, что он так и не снял спецовку, словно это входило в правила игры — стало завершением маскарада.

Данила Ингварович поднялся ему навстречу, сияя казенной улыбкой, достойной заводского красавчика комсорга Степы.

— Ладушка! — крикнул он. — Сообрази там!

У секретарши все было наготове в холодильнике, который, если не приглядываться, даже на холодильник похож не был — тумба из орехового дерева, под стать всей обстановке в приемной.

Не успел Данила Ингварович отгрести в сторонку все добро на столе, как явилась Ладушка, уже в красной косыночке на голове и с подносом: хорошая водка двух сортов, стопочки, бутербродики с рыбной нарезочкой, мясной нарезочкой и икоркой. Светозар оценил соблюдение этикета — напиток одного сорта на стол выставляли разве что в узком семейном кругу, стараясь, чтобы посторонние не видели такого безобразия.

— Хлопнем? — спросил парторг.

— Тяпнем, — на заводской лад отвечал Светозар, и они взялись за холодные стопочки, и приняли по пятьдесят граммов, и закусили, и улыбнулись друг другу весьма приветливо.

— Ну, с окончанием, — сказал Данила Ингварович. — Будете, значит, знать, чем дышит рабочий класс, так сказать, из первоисточника, откуда все это берется, чьих рук дело... Это правильно! Так и нужно постигать! Чтобы каждое слово, значит, на вес алмаза! И нести в массы!

— На том стоим, — согласился Светозар.

— Но вы молодец, просто молодец, столько продержаться! Мне говорили — вы дотошный, во все тонкости вникали, наши ветераны такое ценят. Не то что эти девочки, в цех их не заманишь, только проспекты подавай. Вот что значит старая школа!

— Новая школа, — поправил Светозар. — И вы не забывайте, какой это проект.

— Помню, помню и горжусь, значит! Но сколько же души в это надо вложить! И с какой жадой постигать! Не слишком вас наше производство утомило?

— Спасибо, я в полном порядке. Сейчас приму душ, снимусь с комсомольского учета и поеду отчитываться.

Данила Ингварович с достоинством покивал.

— Да, да, — сказал он, — если хотите, я машину дам. И вот, чтоб не забыть...

Он взял со стола заранее подготовленный конверт, вручил как бы между делом, и Светозар точно так же принял подарок, сунул в большой карман спецовки, словно содержимое не имело особого значения. А меж тем это была плата за разумное молчание, хорошая плата, если учесть, сколько несуразностей отметил на заводе Светозар.

Мало давать в таких случаях опасно — это парторг знал, как свежую таблицу модулей. Но ему еще хотелось, пока Светозар не ушел, подчеркнуть особую суть своего подарка.

— Там — деньги... — прошептал он и добился-таки эффекта: рот Светозара, человека, привычного ко всяким чудесам, невольно приоткрылся...

2.

От искушения сразу проверить кредитную карту Светозар воздержался. Она так и лежала в конвертике, пока он мылся, переодевался, попрощался с комсоргом Степой.

— Но ты на митинг все же приходи, — сказал Степа. — Постоять за святое дело!

Он был в комсомольской форме — синей блузе, подпоясанной ремешком, с нагрудными кармашками, погончиками и нашивками на рукаве. Золотистые кудрявые волосы лихим чубом топорщились надо лбом, белозубая улыбка не сходила с уст — хоть сейчас же на плакат «Мы строим общество изобилия!».

— На митинг приду, — обещал Светозар, и тогда Степа подарил ему новый комсомольский значок, на котором буквы КСМ были с радужным переливом.

Светозар приколот значок к лацкану пиджака.

— Вот еще, тебе за общественную работу причитается, — и Степа достал из шкафа спецпакет.

Светозар никакой общественной работы за собой не числил, кроме двух митингов, но пакет принял — это также входило в условия

игры. К тому же и Степу огорчать не хотелось — они за две недели Светозарова заводского житья неплохо поладили. Комсорг даже вписывался в планы Светозара, связанные с любопытным и пока засекреченным проектом, сулящим и славу, и благосостояние.

— Пивка, что ли? — спросил комсорг. Он имел пропуск категории «Б» — мог в течение рабочего дня сколько угодно выходить с территории.

— А что! И пивка тоже, — согласился Светозар.

Они миновали проходную и оказались в тупичке длиной в полсотни метров. Оттуда вышли на окраинную улицу, поймали такси и поехали в центр — искать хорошее пивное заведение.

— Два малых зеленых модуля, — назвал цену шофер. — Или шесть малых белых.

Светозар порылся в портмоне. У него были карты всех цветов, и зеленая «супертауновская» тоже — но он выбрал белую, потому что ее содержимое день ото дня дешевело. Шофер вставил карту в щель касового аппарата и снял плату за проезд.

— А что, серых модулей не принимают? — спросил Степа.

— Начальство запретило. Сказывали, «Боевой шанс» вот-вот загнется. Переборщили они малехо, вот их и не берет никто. Им уже ни одна структура давать не хочет.

Светозар усмехнулся — сам он трижды в неделю доставал из почтового ящика полукилограммовый том «Боевого шанса» и, морщась, доносил до мусорного контейнера.

— Зато «Бастион» на взлете! — продолжал коммерческие рассуждения шофер. — У них вчера праздник был — новый дизайн сайта отмечали. Первым десяти посетителям тут же средний модуль давали на сорок восемь часов! У меня дочка нарочно двое суток караулила, от экрана не отходила.

Концерн «Бастион» — это была черно-оранжевая карточка, ее еще называли «осой». Малый модуль «осы» соответствовал трем большим зеленым — вот как высоко взлетел «Бастион», а еще год назад его малый модуль был почти равен малому зеленому. «Супертаун» уступил ему первенство, но готовил какой-то сюрприз, поэтому умные люди с зелеными карточками не расставались. И даже зарплату на заводе, с которым только что простился Светозар, переводили главным образом на зеленые карточки.

Разговорчивый шофер делился всеми новостями из мира бизнеса, какие только сумел ухватить и в меру своего разумения. Несколько раз Степа со Светозаром весело переглядывались — ишь, как лихо народ извращает перипетии тайной борьбы между концернами! Наконец почти приехали.

— Тут выйдем, ладно? — спросил Степа. — Я должен насчет акции договориться. Подождешь?

Светозар кивнул.

Над зданием, куда вошел Степа, сверкали огромные радужные буквы КСМ, в просторечии — комсомол, а полностью — комитет сопротивления монополизации. В том же здании, только с другого торца, размещался горком партии под буквами КПСС — то есть коалиция прогрессивных сил сопротивления. Светозар еще в школе расспрашивал преподавателя истории, почему комсомол, а не комсомон, но ответ получил невнятный — вроде, речь шла о каких-то славных боевых традициях. И кто входит в коалицию — он тоже толком не знал.

Но ему это и не было нужно — вступать в партию он пока не собирался.

Ожидая Степу, Светозар достал карманный коммуникатор и стал проверять содержимое.

Работая в цеху, он каждый вечер отправлял добычу на свой домашний адрес. Там уже скопилось материала на здоровенный сериал. И Светозару не терпелось взяться за работу.

Коммуникатор деликатно пискнул и завибрировал — это объявился Лидер.

— Привет, — сказал он, и тут же на экранчике появилась его круглая физиономия. — Как результаты? Не вижу синопсиса.

— Синопсис будет часа через два, — пообещал Светозар. — Но в общих чертах. И пока — один — тот же на текст и на сериал. А вообще мне бы аванс не помешал.

— В договоре сказано — после сдачи синопсиса. Тебе как лучше — зелеными или желтыми?

— Желтыми, конечно!

— Все в твоих руках. Как только получаю синопсис — конвертирую три тысячи зеленых в желтые и перегоняю на твой счет.

— Погоди, погоди! — У Светозара было плохо с арифметикой, он спешно вызвал на экран калькулятор и посчитал, не слишком ли много теряет от этой конвертации. Получалось, что теряет — но при любых раскладах крупную сумму лучше держать в желтых модулях «Инфопрогресса».

Стеклянные двери разъехались, вышел Степа. При нем был большой портфель старого образца, прекрасно гармонирующий с синей блузой и золотистым чубом. Светозар не стал спрашивать, откуда взялся портфель — возможно, это был спецпакет комсорга, который уж точно отличался от спецпакета простого комсомольца. И они пошли пить пиво.

3.

Домой Светозар пришел в десять вечера, очень довольный. Он активизировал в банке денежную карту и испытал чувство глубокого удовлетворения — счет позволял много чего приобрести в денежном сетевом магазине. Взять хотя бы ящик пива! Деньгами он стоит примерно шестнадцать рублей, так? Но если покупать за зеленые модули — то выложишь ровно один модуль, как миленький, хотя стоит тот модуль формально, по прейскуранту, сорок рублей.

Заходить в гипермаркет Светозар не стал — трата времени. Как начнешь бродить вдоль километровых полок, где одних сортов кетчупа под две сотни, сортов сосисок — сотни полторы, лепешек для домашней пиццы — шестьдесят разновидностей, так и счет времени потеряешь. Проще заказать любимую пиццу «Ночная хакерская» через Сеть — привезут горяченькую.

В подъезде он открыл почтовый ящик и вынул пакет весом не менее трех килограммов. В пакете лежала ежедневная порция рекламы — «Супертаун», «Вести», «Деловой четверг», три издания концерна «Бастион» и стопка проспектов. Рядом с ящиками стоял контейнер, куда Светозар и спровадил все это добро, кроме «Вестей» — там, помимо рекламы, публиковался фантастический сериал, и каждый, собравший картинки всех его выпусков, участвовал в хорошей лотерее.

Первым делом Светозар сел к монитору — нужно же было наконец сдать Лидеру синопсис.

— Роман «Тайфун любви», — так настукал Светозар в первой строчке. — Глава первая. Место действия — завод, производящий бытовую технику. В сборочном цехе, где выпускаются пылесосы «Тайфун», трудится молодой сборщик Велимир. Он влюблен в сестру комсорга Степана Радмилу. Радмила мечтает о новой экспериментальной модели «Тайфуна». Велимир ночью тайно выносит из цеха модель (используются технические данные «Тайфуна-Экстра-47»). Он несет любимой пылесос, но на него нападают грабители и отнимают коробку с «Тайфуном». Дополнительные блоки — наручные часы «Сейти», йогурт «Снежинка», пиво «Витязь на распутье»...

Разжевывать не требовалось, Лидер и так поймет, что часы — на запястье Велимира, йогурт употребляет Радмила, а пиво, соответственно, бригада сборщиков. А вот вывести список дополнительных рекламных блоков на экран не мешало бы — их сотни полторы, и всем должно найтись место в романе о приключениях прекрасного, несравненного и выдержавшего все испытания пылесоса.

Далее в сюжет ввязывалась бригада сборщиков, которые, зная конструктивные особенности пылесоса, просчитали, кому грабители

могли бы продать экспериментальную модель. Это не было прямым наездом на конкурентов, а скорее, серией очень чувствительных уколов, недаром Светозар две недели трудился на сборке.

Одолов шестую главу, он решил перекусить. Прежде чем заказывать на дом пиццу, полез в спецпакет — там порой попадалось кое-что вкусненькое. Хотя в основном яркие футболки и кепки с рекламой крупных производителей. Футболки были из хорошего плотного трикотажа, не знали сноса, их носили все, кого положение не обязывало соблюдать корпоративную элегантность.

Пакет от Степы содержал: футболку с рекламой «Тайфуна-Экстра», печочку с той же рекламой, палку сервелата линии «Кот Колбаскин» (мясокомбинат, построенный литовцами, с боями пробивался на местный рынок), гречневые галеты для язвенников (тут Светозар хмыкнул, но скоро разобрался — они служили носителем рекламы «Аптечного альянса»), сложенную в тридцать два раза спортивную сумку с большими золотыми иероглифами на боку, и наволочку, где меж розовых гирлянд вились изящные буквы «Спокойной ночи желает фабрика «Бурный рассвет!»».

Перекусив галетами с сервелатом, Светозар взялся за седьмую главу, в которой пылесос «Тайфун» следовало уронить на речное дно и продержат там хотя бы денька три, чтобы доказать стойкость изоляционных материалов. Но не удалось — позвонил Степа.

— Слушай, когда мы сидели в «Трех бочках», портфель у меня еще был?

— Мы не сидели в «Трех бочках!» — воскликнул сильно удивленный Светозар.

— А... а где мы тогда сидели?..

— Степа, что с тобой?!

— Я на автовокзале.

— Что ты там делаешь?

— Не знаю. Портфель пропал! Карточки — синие, золотые, серебряные, изумрудные!.. Все пропало!..

Тут-то Светозар и онемел.

Разумный человек первым делом задал бы вопрос: какой кретин даст комсоргу Степе в руки изумрудную карточку? Ведь на ней даже не модули — «изумрудик» означает целую газетную полосу в «Утреннем вестнике». Такую ценную вещь даже не всякому парторгу позволяли пальчиком потрогать. Сам Светозар видел изумрудную карту только раз в жизни — когда в кабинете у Лидера имел честь проблеять «я не возражаю...» самому Бориславу Ордынскому, хозяину промышленного комплекса «Электродом». Но даже если в портфеле дюжина синих карточек и на каждой — хотя бы сотня модулей (при

меньшем количестве синий счет не открывают), то уже получается... получается... четырнадцать полос «Вестей»! Почти целый газетный номер!

Удивление вдруг кончилось — его вытеснил из Светозаровой головы ужас.

Если Степа влип в неприятности, то дело кончится допросом в милиции. И будет названо единственное имя собутыльника, которое комсorgh известно — имя Светозара. Поди потом докажи, что ты даже не прикасался к этому дурацкому портфелю!

Ужас отступил перед новой мыслью, вызвавшей полное и окончательное смятение.

В ходе допроса будут отслежены все операции, которые в последние сутки Светозар проводил со своими счетами. И сразу всплывет денежная карта, подsunутая парторгом! Откуда у молодого пиармейкера денежная карта с хорошим вкладом? На что ему деньги?! Парторг сразу отречется — будет врать, не краснея, ибо так ему по должности полагается. Единственное решение — пиармейкер обменял украденные модульные карточки на денежную и строит какие-то гнусные планы...

А где меняют карты, даже малютки из дошкольной группы знают: есть за вокзалом такой район, в каждом дворе — свой загадочный бизнес, и плевать они там хотели на рекламу!

4.

Степу Светозар отыскал в зале ожидания.

Комсорг сидел, сгорбившись и занавесив скорбное лицо роскошным чубом, среди бабок со спортивными сумками. Это была колхозная экскурсия — ветеранов часто привозили в город, чтобы провести их по крупнейшим магазинам в пору скидок. Скидки же им полагались тройные — по возрасту, «сельские» и обычные торговые. Делалось это, правда, только по заявкам тех торговых домов, которые самими изощренными рекламными трюками не могли сблагодотить залежавшийся товар.

— Пошли, — сказал Светозар.

— Куда? — безнадежно спросил комсорг.

— В чайную.

Чайную эту Светозар знал потому, что там служила Ярослава, одноклассница, которой в жизни не повезло. Училась в медицинском, познакомилась с каким-то авантюристом, он ее втравил в загадочную аферу с рецептами и лекарствами, все вскрылось, девица вылетела и из института, и из комсомола, а это — вообще конец всем надеждам.

Но Ярослава не сдавалась, ходила на какие-то курсы и знала, может, даже больше, чем двоечник, окончивший медицинский институт и заседающий в поликлинике на должности терапевта.

С большим трудом Светозар доволоч комсорга до чайной. Степа был не в себе, бормотал или кричал: «Проклятые монополисты! Это они! Это их происки!» Прохожие шарахались — вот так постоишь на тротуаре, слушая про монополистов, а потом всю жизнь будешь свидетельские показания давать.

Ярослава в грязном белом халате и чистой белой наколке с кружевами стояла за высоким прилавком и присматривала за посетителями — чтобы не обманывали чайный автомат.

Светозар сгрузил хнычущего Степу на стул в самом углу, взял два стакана черного краснодарского, бутерброды и попросил тихонько Ярославу посмотреть комсорга — не накачал ли его кто дурью. Сам же встал на страже при автомате.

Там был широкий поддон и всего три крана с кнопками — при теперешнем изобилии марок и сортов чая, от которого даже самого изощренного чаелюба и чаевода мог охватить ступор, автомат казался гостем из давно утраченного рая. Чтобы в стакан вылился чай, следовало сунуть в одну из трех прорезей жетон. Но местные вредители наловчились вместо жетона вставлять проволочный крючок и что-то там ловко цеплять и поворачивать. Поэтому следить приходилось еще и за жетонным автоматом, стоявшим у дверей, а он, зараза, принимал только зеленые и «осиные» карточки, из-за чего возникали склоки. Ярослава уже научилась управляться с крикунами — после того как сдала двоих в милицию, утверждая, что они-де вопили о пользе монополии, при которой такие автоматы и в страшном сне никому бы не приснились, публика притихла.

Пока она заглядывала Степе под веко, щупала пульс и нажимала ему всякие точки на ушах и на пальцах, Светозар, вспомнив ту историю, думал примерно так: а в самом деле, чем плоха монополия? Ну, было бы в каждом магазине не сорок сортов чая, а три, не шестнадцать сортов колбасы, а, допустим, три, и все — с одного комбината, ближайшего, чтобы все знали, куда жаловаться на тухлятину. И платили бы за них деньгами — вот, наладчик Трошкин на заводе всем бумажный рубль показывал, чем плохо? Еще у него металлические деньги сохранились, гривенник и пятак. А теперь последнего ума лишишься с таблицей модулей, которая еще к тому же раза два-три в месяц обязательно меняется. А что такое модуль? Это — всего-ничего, вот такусенький прямоугольничек, махонькая частичка газетной полосы. Цена ему была бы — ниже плитуса, если бы не благословенная конкуренция. Сорок три производителя дешевых

макарон насчитал как-то Светозар в своем любимом «Утреннем вестнике» — и каждый производитель оплачивает по десять—двенадцать больших модулей ежедневно. А это уже кусок полосы со Светозару ладонь, и там в рамочке помещаются название макарон, три строчки вердальной рекламы, телефоны оптовых баз, физиономия довольного ребеночка или бабушки — счастливые потребители то есть. Если учесть, что опытный наладчик получает в месяц не больше восьми больших зеленых модулей, то картина поганая...

Были бы деньги, тоскливо думал крамольную думу Светозар, не нужно было бы каждое утро, едва продрав глаза, искать в интернете новую таблицу конвертации модулей. И не нужно было бы тратить мозги и нервы, чтобы поменять свою рекламную площадь в «Вестях» на равноценную в «Деловом четверге», пытаюсь скопить целую газетную полосу. А полоса продается куда дороже, чем составляющие ее модули по отдельности. Есть асы, которые по особому знакомству на каждой полосе держат один несчастный модуль, и выкупить его — мука адская.

Но, с другой стороны, расплачивались же рекламной площадью сорок лет — и ничего.

Раз уж нет иного способа борьбы с монополистами... это комсорг Степа даже с похмелья очень четко изложит...

Ярослава отошла к прилавку, принесла таблетку и стакан воды, заставила Степу выпить, и через четверть часа он уже внятно рассказывал, как, расставшись со Светозаром, встретил коллегу, кажется, с фабрики «Аврора» и уже вместе с ним осел в «Трех бочках», откуда один отправился домой. Как коллегу звать — не помнит, потому что встречает его лишь на комсомольских семинарах.

— А что на самом деле было в портфеле? — спросил Светозар.

— Карты для участников митинга, новенькие, лиловые...

— Лиловые? — переспросила Ярослава. — Что-то новенькое.

— У «Бриллианта» проект стартует, книга, роман... это пилотные карты... целевые блоки... бонусы копить... — отвечал еще не совсем пришедший в себя Степа.

Светозар едва не схватился за голову. О том, что участники митинга получают скромное вознаграждение, он знал — кто ж без вознаграждения попрется стоять на площади с плакатом и орать «Позор монополистам»? Он не знал только, что уже всю идет торговля страницами книги, которую он еще даже не начал писать, синопсиса — и того не сдал!

— Сколько карточек?!

Степа молчал.

— Сколько карточек, я тебя спрашиваю?!

— Шесть тысяч...

Ярослава присвистнула. Светозар охнул — и точно, портфель комсорга был битком набит. Митинг, стало быть, намечался на шесть тысяч ртов — недурно...

— Какой идиот отпустил тебя пешком? — прошипел он. — Такси брать надо было!

— Такси больше нельзя, таксер полосу выкупил... им веры нет...

— Ты о чем? — Светозар, изучая заводскую жизнь, явно проворонил что-то значительное. — Сегодня же ехали...

— Дурак какой-то, — вместо Степы сказала Ярослава. — Все газеты писали. Полоса в «Нашем городе» — это же дачу купить можно. А он портрет какой-то девки поместил во всю полосу, и пришлось публиковать — у него полный комплект модулей. Да еще на лучшей рекламной странице!

— А-а, это... Ярка, ты же умная женщина. Неужели непонятно? Нет никакого таксера. Подписная кампания у них. Под девизом: желание рекламодателя — закон. Хочешь — портрет внучки на свою полосу ставь, хочешь — китайско-монгольский словарь. И тут же «городские» модули в цене подскочили. А девка наверняка модель и чья-то подруга.

— Да нет же, был таксер, его в программе новостей два раза показывали, — возразила Ярослава. — И аналитик сказал, что монополисты наняли таксеров, чтобы забивать лучшие рекламные полосы всякой ерундой и...

— О господи, Ярослава! — Светозар даже застонал от осознания глобальности бабьей глупости. Он хотел было вслух и с большим количеством аргументов разоблачить незримого партийного аналитика, но вспомнил о портфеле.

Тот, с кем встретился, расставшись со Светозаром, подвыпивший Степа, возможно, не имел дурных намерений — он только заглянул в портфель, чтобы сообразить, как искать растяпу-хозяина. Или же туда сунул нос человек, случайно обнаруживший портфель где-нибудь под столом пивного бара...

Но такое количество карточек никого не оставит равнодушным. И карточки, главное, анонимные! Плевать, что на каждой — сущая мелочь. Даже если по рублю — шесть тысяч рублей.

Нужно было поскорее сделать что-то неслыханное, чтобы сорвать завтрашний совместный митинг двух заводов под девизом «Монополии — наше рабочее НЕТ!».

Но что, что?..

И в бедной Светозаровой голове прозвучало страшное, но спасительное слово: «Блоггеры!..»

5.

Этих людей никто не знал в лицо.

Блоггер мог годами трудиться в каком-нибудь офисе на стажерской ставке младшим помощником пиар-менеджера, официально зарабатывать сущие гроши, но при этом иметь блог, который посещают десять тысяч человек. А каждое посещение — это беззвучный щелчок счетчика, снимающий с личного счета посетителя тоже какую-то ерунду, тысячную часть серого модуля, однако в итоге каждая ночь приносит блоггеру скромный, но постоянный доход.

Но, конечно же, не счетчик кормит блоггера, а контракт с кем-то из зарубежных монополистов, тщательно засекреченный контракт. Сумма, которой достаточно для безбедного житья, ежемесячно переводится на счет блоггера через всякие промежуточные электронные банки, возникающие и исчезающие, словно неземные видения.

Светозар, как почти все пиармейкеры, блоггеров не любил — во-первых, он не понимал, как они действуют на психику потребителя, а во-вторых, никто и никогда не предлагал ему стать блоггером. Это косвенно свидетельствовало о его бездарности — талантливым-то предлагают, и они тут же решительно отказываются и публикуют об этом целые репортажи на принадлежащих им модулях. Модулями можно платить, как вся страна, за жизненные блага, а можно использовать их и по прямому назначению — для рекламы, в данном случае оголтелой саморекламы, и это даже поощряется — все-таки хоть что-то свеженькое в газете.

Пиармейкинг же — наука, имеющая своих профессоров, свои открытия, свою иерархию, в которой Светозар уже поднялся на несколько ступенек. Заказ на роман «Тайфун любви» не каждому достается. Если бы ему позвонили с неопределяемого номера и предложили вести блог, он бы отказался, конечно, но именно этого звонка недоставало для счастья. Ибо все знали, что он такого предложения не получал.

Влияние блоггеров было огромно и непредсказуемо. Связываться с ними сильно не хотелось. Но иного способа сорвать митинг Светозар просто не видел.

Конечно, была и такая вещь, как правда. Можно честно сказать заводчанам, что карточки у комсорга сперли. Можно, но не нужно, потому как тут же возникнут партийные работники и пресса с заявлением: «Клевета! Клевета на рабочий класс! Клевета на рабочий класс, который будто бы ходит на митинги только ради карточек!» И будет грандиозный скандал на радость монополистам... уж не они ли портфельчик-то стащили?

Светозар был способен мыслить здраво, но столько наслушался о происках монополистов, что эта версия показалась ему очень даже правдоподобной. Украсть портфель, сорвать прекрасно спланированный митинг, который стоит отдельным пунктом в планах многих рекламных кампаний — вон фабрика детского питания обещала привезти для раздачи пакетики со своими порошками, завод шипучих вин целый блок приготовил с песнями, плясками и дегустацией... Но без карточек народ просто озлится и разоидется. То есть в активе — куча материального ущерба, судебный иск к бездарным организаторам митинга и много иных неприятностей. Что ж это, как не происки?

Выстроив сию умственную конструкцию, Светозар велел Ярославе дать комсоргу еще таблетку, чтобы в голове у того окончательно прояснело, и потребовал от бедного Степы сейчас же звонить человеку, который выдал лиловые карточки, чтобы немедленно их блокировать. Такая операция — форс-мажор, и банк может ее осуществить не раньше десяти утра, когда прибудет начальство и найдется кому пришлепнуть заявку своей личной электронной подписью. Это — если действовать официально. А неофициально — нужно искать знакомцев, чтобы они звонили своим знакомцам, обещать одним золотые горы, другим реки, полные вина, и тогда хоть часть денег, вложенных в карточки, удастся спасти.

Однако организаторам митинга с того ненамного легче — не станут же они рассказывать про эти проблемы на ушко каждому из шеститысячной толпы.

Значит, вся надежда на смутьянов-блоггеров.

Время было позднее, но человек, который мог помочь, как раз сейчас, позавтракав, усаживался в рабочее кресло.

— Алло? Профсоюз? — спросил у коммуникатора Светозар. — Да, мне нужен правый профсоюз. Я ищу председателя Буревова Антипова. Передайте — Септимиус...

Это было игровое имя — с тех времен, когда председатель профсоюза правых хакеров Буревова и пиармейкер Светозар были юными и жизнерадостными геймерами, сражались в одной команде за честь города и в игре «Звездные драконы» одолели всех соперников. Перед ними рисовались замечательные перспективы, но взрослые объяснили — во взрослую сборную страны по геймингу им все равно не попасть, для этого с двух лет к монитору садиться надо, в специальный детский сад ходить с геймерским уклоном. Соратники потосковали и разбежались по разным тусовкам, один пошел в колледж пиармейкинга, другой — на хакерские курсы. Но большого таланта он в этом деле не проявил и стал делать карьеру по административной линии.

Когда хакеры собрались регистрировать свой профсоюз, комиссия, принимавшая бумаги, возмутилась не их наглостью, а попыткой нарушить законодательство. Профсоюз в том виде, как они вычитали из документов, претендовал на монополию в области защиты хакинга. Антимонопольный закон же нарушать не стоило никому — дело обычно кончалось неподъемными штрафами. Хакеры тут же подготовили еще один комплект документов, точно таких же, и, зарегистрировав два профсоюза, думали, что одолели закон. Но каждому профсоюзу полагался штат сотрудников. И уже через полгода «правые» хакеры были на ножах с «левыми» хакерами, и их вожаки занимались не столько работой, сколько рекламой и вербовкой новых членов в свои ряды. В результате хакинг как таковой переживал не лучшие времена — каждый подросток, написавший от обиды на человечество хоть крошечного червячка для письма паролей бесплатно почтовика, тут же делался предметом профсоюзной войны, впутывался в интриги, проникался манией своего величия и останавливался в развитии. Только старая хакерская гвардия еще подламывала сайты с серьезной защитой, и то по каким-то загадочным договоренностям с владельцами этих сайтов.

Буревой был на месте — его рабочий день начинался в десять часов вечера.

— Привет, — сказал ему Светозар. — Есть дельце.

— Приезжай завтра.

— Срочное.

— И до завтра потерпеть не можешь?

— Вот именно, что не могу. Нужна консультация.

— Консультации у нас платные.

— Знаю. Ну так я приеду через полчаса.

Не зря, нет, не зря учили Светозара тонкостям пиармейкинга! Ночью его разбуди — и отрапортует формулу Джексона—Кудрявцева, по которой рассчитывается скорость распространения хорошей и плохой информации. Американец Джексон составил ее для хорошей информации, россиянин Кудрявцев — для плохой, а тот человек, который догадался свести оба этих открытия вместе и ввести в оборот коэффициент, учебником не упоминался, потому что давно уже стал монополистом.

Осталось только найти объект, к которому бы пристегнуть плохую новость...

Этот объект лежал на поверхности, но Светозару было страшно к нему прикасаться, и всю дорогу от дома до Союза профсоюзов пиармейкер искал другие варианты. Но не находил.

Задумчивость его была так велика, что он налетел на колонну

юных спамеров, идущих к центральному офису крупной программной фирмы с транспарантом «Позор разработчикам антиспама!».

Светозара невежливо отпихнули, он опомнился, разозлился и решил действовать сурово и несправедливо — но так, чтобы митинг уж точно не состоялся.

6.

Буревоу сидел в маленьком кабинете и носился по просторам русской рекламы в Паутине. Его интересовали связи и выходы Светозара.

За несколько минут до появления давнего приятеля он вылез с сайта «Бриллианта», где удачно подломал запароленный сегмент и получил информацию, доступную только сотрудникам.

Буревоу внимательно прочитал все кусочки с упоминанием лиловых карточек и Светозарова романа «Тайфун любви». Когда пиармейкер вошел в кабинет профсоюзного деятеля, тот был полностью готов к беседе.

— Ты в блоги лазишь? — спросил Светозар после мужского церемониала приветствия (рукопожатия, «сколько-лет-сколько-зим» и тому подобной траты времени).

— А кто в них не лазит?

— Со своего адреса?

— Дурак я, что ли?

Конечно же, хакер читал крамольные сетевые журналы каким-то своим тайным способом.

Нет, государство не возражало против того, чтобы отдельные несознательные граждане по ночам слушали «вражеские голоса» и читали живые измышления блоггеров. На здоровье, читай и слушай, вот только о карьере после этого можешь забыть навеки. Посетители блогов тщательно отслеживались и брались на заметку, особенно те, что вели в блогах какую-то активную жизнь — находили там друзей и врагов, ссорились и мирились, вывешивали свои собственные размышления, пусть даже не о пользе монополий, а просто о плохой погоде.

Блоггеры же, стараясь избежать неприятностей, ввели такую систему конспирации — новичок не мог к ним пробиться, не имея рекомендаций. Минимум два человека должны были представить его незримой общественности в своих блогах, поручиться за него, и только тогда он мог стать собеседником, при котором можно говорить то, что думаешь.

Эту особенность подпольных сетевых журналов Светозар знал. Но времени на возню с рекомендациями просто не оставалось.

— Бурик, мне нужно попасть в хороший блог под каким-нибудь тамошним именем.

— Что такое хороший блог?

— Тот, который читают в нашем городе.

— Таких много.

— Самый известный. Где читателей под десять тысяч.

— Допустим, я впущу тебя в этот блог под именем постоянного посетителя, — подумав, сказал Буревою. — И что мне за это будет?

— А чего бы ты хотел?

— Того же, чего и все. Пиара.

— Ну, с этим просто, — Светозар достал большой кошелек, а из него — разноцветные карточки, взял их веером и продемонстрировал Буревою. — Выбирай, где ты хочешь место. В «Боевом шансе»? Его больше молодежь читает. В «Вестях»? Там я могу дать тебе два десятка модулей на лучших страницах, это — твой портрет и текст о тебе на пятьдесят слов. В «Супертауне»...

— Нет, это все дребедень, кто их читает, — недовольно прервал Буревою. — Ты еще предложи десять модулей на полосе эротической рекламы!

Светозар невольно улыбнулся. Эротическая реклама потерпела позорный крах — ни комсомолки, ни партийные женщины, ни беспартийные тетки с конвейеров не пожелали вывешивать свои объявления в прессе. На заводах и фабриках амурные проблемы практически отсутствовали: комитеты комсомола и парткомы присматривали за общей нравственностью, начальство поощряло семейных в ущерб холостым, если же кого-то тянуло на поиски приключений — так они находились, не вылезая из родного цеха и совершенно бесплатно.

— Ну, хорошо, а чего бы ты хотел?

— Персонажа в «Тайфуне любви».

— То есть как это — персонажа?!

— Обычного персонажа. Где-нибудь в эпизоде, чтобы главный герой встретил на лестнице соседа: «Ну что, брат Буревою! — Да все нормально. — А как в профсоюзе дела? — А в профсоюзе разработали новую акцию, курсы правового обеспечения хакинга для подростков...»

— Может, еще и телефон профсоюза туда вмастачить? — издевательски спросил Светозар, но Буревою не пожелал услышать издевки.

— Это было бы совсем замечательно. Вот, гляди... — из каких-то тайников хакер извлек ссылку и открыл ярко-желтую страницу. — Это блог нашего земляка, Эндимиона. Никогда не угадаешь, как его на самом деле кличут. Три раза в неделю он вывешивает всякую хрень — стихи какие-то заплесневелые, картинки с цветочками. А популярность у него — вот список читателей...

И Светозар лишился дара речи при виде числа: 15 822.

— Ты хочешь сказать, что именно столько пользователей по ночам лезут в журнал к Эндимиону посмотреть на цветочки?

— Вот именно. Во-первых, друг мой Светозар, ваша продажная пресса помешалась на рекламе и все до единого сантиметра под нее отдает. Когда ты в последний раз в газете цветок видел?

— А на хрена он там?

— А во-вторых, Эндимион — монополист. Он начал публиковать сканы старых открыток с цветами — и никто другой этого уже делать не может, у блоггеров именно такая этика. Хочешь посмотреть на незабудки своей бабушки — к Эндимиону!

Светозар некоторое время переваривал информацию. Монополист подгрел под себя пятнадцать тысяч читателей! Просто потому, что задумался до цветочков! Разве что вложил полсотни синих или штук семьдесят зеленых модулей в покупку недорогого сканера.

— Вот, смотри, свеженькое... Пишет, что видел под забором колокольчик, и тут же стихи: «Колокольчики мои, цветики степные»... И картинка. А теперь смотри, сколько народу прочитало эту чушь и посмотрело картинку.

Светозар просмотрел строчки, посвященные колокольчикам, и поразился — это было талантливо. Опубликовать такое в «Вестях» — и в цветочных магазинах начнется колокольчиковый бум. Он задумался о том, что агрессивная реклама, которой его обучали, в каких-то направлениях должна будет отступить перед рекламой сентиментальной, а Буревой тем временем покрутил колесико компьютерной мыши.

Лента откликов потекла вверх. Если ее вынуть из компа и разматывать — метра на три. Отметилось сто двадцать шесть человек. Прямо на глазах у потрясенного Светозара выпрыгнул сто двадцать седьмой отклик.

— Но какого черта?

— Знак протеста. Им кажется, будто они страшно крутые, если ночью читают блоги и втихомолку восхищаются монополистами.

— Нет, с ними-то ясно... Какого черта он, Эндимион, тратит время?..

— Тоже невелика премудрость. Он, может, в гипермаркете грузчиком работает и все на него орут. А ночью он — Эндимион, у него свой раскрученный блог и все дуры ему отдаться готовы. Так вот... погоди... вот. Эрнестина. Наша землячка. У нее свой маленький блог тоже есть.

— А у нее на что монополия?

— На афоризмы знаменитых женщин. Если хочешь, путем несложных манипуляций на полчаса станешь Эрнестиной и вбросишь в обсуждение колокольчиков свое веское слово.

— Про одуванчики?

— Да про что хочешь. Пошарь в дискуссиях, найди подходящую реплику и вклинивайся в тему.

Но когда Светозар уже потащил к монитору табуретку, Буревой удержал его выразительным жестом.

— Сперва — контракт!

— Какой контракт?

— На персонажа.

— Да ты знаешь, сколько стоит проходной персонаж в «Тайфуне любви»?

— Так это же всего-навсего человек. Я же тебе стиральную машину в персонажи не сватаю. Вот за нее весь наш профсоюз не расплатился бы. А тут — треть странички! Все равно твой герой с кем-то должен встретиться и говорить о курсе «осинового» модуля! Так пусть это буду я!

— Бурик, побойся Бога! Ты не понял, для кого этот «Тайфун любви»? Он для домохозяек, которым нужно впарить улучшенную модель пылесоса!

— А у каждой домохозяйки есть свой балбес, который хочет заняться хакингом, но боится! Муж, сын, брат, сват!

— Погоди, погоди! — Светозар даже замахал руками на Буревую. — Давай так — я пишу о тебе и твоём профсоюзе материал на шестнадцать модулей и ставлю его на лучшее место в «Утреннем вестнике», на спортивную полосу, там у них снизу есть такая длинная кишка для пиара. Все мужчины прочтут, от восьми до восьмидесяти! Вот прямо сейчас перевожу с карты шестнадцать модулей плюс коэффициент на счет «Утреннего вестника» и бронирую место на первой спортивной полосе, хочешь? На всю страну мигом прославишься!

Светозар сделал действительно выгодное предложение. По молчанию Буревая он догадался, что тот оценил идею. В ожидании твердо «да» Светозар стал строить первую фразу, с которой он мог бы вклиниться в компанию, собранную незримым Эндимионом.

План его был прост — закинуть в блог информацию о том, что зеленые модули должны грохнуть. Намекнуть, что сейчас идет совещание в верхах — «Супертаун» хотят продать концерну «Бастион», который для того его и покупает, чтобы уничтожить соперника. А для соблюдения антимонопольного закона «Бастион» уже содержит и подкармливает карманного конкурента, жалкий и убогий «Городской вестник», так что комар носу не подточит.

Судя по статье слесаря Галкина в многотиражке, по меньшей мере треть заводского коллектива время от времени и в блоги лазила, и «вражьи голоса», вещающие о пользе монополий, слушала. Если так

— страшная новость разлетится быстро. А поскольку зарплату начисляют в зеленых модулях, то митинг-то утром будет — да только не на площади, а перед заводоуправлением. Пока разберутся, что к чему, оклемавшийся комсорг Степа блокирует карточки, сведет неприятность к минимуму, избежит вмешательства милиции — и можно будет вздохнуть с облегчением.

А потом слесарь Галкин, комсомольский орленок, побольше бы таких, напишет огромную статью о лживых измышлениях в блогах. И ее, может, даже «Вести» перепечатают — они свежатинку любят и ищут.

— Нет, — сказал Буревоy. — Про бабушку свою на спортивной полосе пиши. Мне такая слава не нужна.

— Это почему же?

— Сколько газета живет? Сутки! Завтра же про меня забудут. А мне нужен долгоиграющий пиар!

От такой наглости Светозар совершенно обалдел.

Это говорил Буревоy, который был бы рад даже упоминанию в хронике транспортных скандалов! Буревоy, который не имел пары лишних модулей, чтобы оплатить три десятка слов мельчайшим шрифтом на самых провальных страницах «Городского вестника»! В иное время он был бы счастлив, если бы про его жалкий профсоюз на заборе мелом написали! Но почувал, что Светозару без его помощи не обойтись, и оголтело задирает нос!

— Ну, Бурик, ты даешь...

— Я не на помойке свою голову нашел, чтобы интеллектуальный труд за плохой пиар продавать.

— Ну и черт с тобой!

Светозар развернулся и вышел из кабинетика.

По всем правилам психологической обработки клиента Буревоy, видя, что наскок не удался, должен одуматься и побежать следом, хотя бы позвонить и сказать, что согласен на спортивную полосу. Но Светозар уже и на улицу вышел, и до перекрестка неторопливо дошел, а никто его не преследовал, никто не звонил. Теоретический расчет на практике дал осечку.

Следовало искать другой способ сорвать митинг.

Мысль явилась сразу — и весьма разумная. Дурак Буревоy возглавлял «правых» хакеров, но были же еще и «левые»! Значит, нужно искать их профсоюз и действовать несколько умнее — не давать им время на поиски информации по проекту «Тайфун любви», а сразу называть свою цену за конкретную услугу. С другой стороны, Буревоy-то — давний приятель, не станет толковать про то, что врать плохо, а «левые» — кто их разберет...

Коммуникатор сообщил, что офис профсоюза «левых» хакеров находится далековато — семь остановок на метро.

Светозар задумался. Метро в это время суток было пустынно и небезопасно. Следовало бы, конечно, закрывать его сразу после полуночи, но тогда автопарки с их ночными автобусами остались бы монополистами. И городские власти несли огромные убытки, но держали метрополитен открытым круглосуточно.

Станция метро была рядом, остановка автобуса — за четыре квартала. Светозар, перекрестясь, вошел в стеклянную дверь и через огромный, сейчас совершенно пустой вестибюль пошел к пропускным автоматам.

Для метро он брал обычно за один малый зеленый модуль магнитную карточку на десять, за два — на двадцать, а за четыре с половиной — на пятьдесят поездок. Это был прямоугольник с диагональной полосой салатого цвета. С одной стороны — удобно, с другой — когда в вестибюле толпа, пробиться к автоматам, пропускающим именно по зеленым карточкам, удавалось в лучшем случае за десять минут. Существовала и третья сторона — если на больших картах вдруг почему-то недоставало денег, можно было в гипермаркете расплатиться и карточками метро. Из чего человек более опытный, чем Светозар, понял бы, что у кассирш есть какой-то тайный бизнес, связанный с салатово-полосатыми картоночками.

Оказалось, тишина и простор вестибюля были обманчивыми.

Дежурная куда-то отлучилась, и Светозар мог бы проскочить на эскалатор, не заплатив, но условный рефлекс законопослушного гражданина погнал его к пропускным автоматам с салатовыми флажками. Он сунул карточку, в автомате клацнуло, вспыхнуло зеленое окошко — путь свободен. А вот карта не вернулась. Значит, для следующего путешествия надо купить новую.

Светозар ступил на эскалатор и поехал вниз.

Он углубился под город изрядно и был уже в середине лестницы, когда наверху заорали дурными голосами, загремели железом, раздалось подряд два выстрела. Светозар ахнул и съехался, молясь, чтобы эскалатор не пострадал. Но технике было все равно, ступеньки даже не дрогнули. Тогда он обернулся и увидел человека, несущегося вниз.

— Беги, Эндимион, беги, Эндимион, беги!.. — кричали ему вслед.

7.

Общество торжествующего изобилия боролось с преступностью, как умело, и крупные злодеяния случались редко, зато всяких мелких пакостей население изобретало — мама, не горюй! Когда большинство парней и взрослых мужчин трудится на производстве — трудно,

что ли, изготовить в родном цеху комплект отмычек или особо хитрый резак, чтобы вскрывать железные двери?

Светозар слышал, что есть мастера, умеющие заново зарядить израсходованную карточку метро, и возможно, сам покупал их в газетных киосках — чтобы за каждой картой проследить, никакой милиции не хватит. А вот теперь он мог в лицо увидеть бандита, который с сообщниками по ночам грабит пропускные автоматы и добывает из железных бункеров брезентовые мешки с тысячами использованных карт.

И этот бандит был Эндимион. Изысканный стилист, любитель бабушкиных незабудок и стихов графа Толстого.

Чего-то подобного и следовало ожидать — блоггер, который не размещает скрытой рекламы, вряд ли получает поддержку от проклятых монополистов, а кушать-то трижды в день хочется. По крайней мере, так рассудил Светозар, хотя с монополистов станется помогать блоггерам и из бескорыстной вредности — ибо разрушают моральные основы общества торжествующего изобилия.

Эндимион скакал вниз, таща под мышкой брезентовый мешок с картами. Светозар еще успел подумать, какого черта он пытается скрыться внизу, когда следовало бы выскакивать на улицу и прыгать в ожидающую взломщиков машину, и тут блоггер поравнялся с ним. Мелькнул профиль — и Светозар ахнул.

Удалявшийся затылок с узлом черно-красной банданы имел весьма неожиданного хозяина — или же слесарь Галкин обзавелся двойником.

— Изяслав! — заорал Светозар. — Изяслав, стой!

Эндимион-Галкин обернулся — как оборачивается всякий человек на свое законное имя.

Губы скривились, и рот дернулся так, будто слесарь выплюнул заветную в рот муху. Но Светозар знал, что муха эта — матерное слово.

Сам не ведая, для чего, он кинулся вслед за грабителем.

Наверху уже снарядили погоню, и два невесты откуда взявшихся милиционера бежали по эскалатору, угрожая стрельбой.

Поезд остановился у перрона, а когда Галкин с мешком уже сбежал с вытянувшихся в ленту ступенек. Голос «осторожно-двери-закрываются» застал его чуть ли не в прыжке. А на последних звуках этой вечной фразы в вагон влетел и Светозар.

Они были там вдвоем — и, когда поезд тронулся, злобно уставились друг на друга.

— Сука! — крикнул слесарь Галкин. — А мы-то думали — какого черта ты в цеху крутишься! А ты выслеживал!

— Продажная ты шкура, Изяслав! Днем одно пишешь, ночью — другое! В комитете комсомола свой человек, а карты воруешь! Монополистам проданся? — пылая праведным гневом, спросил Светозар.

— Да что ты знаешь о монополистах?! Что ты о них вообще можешь знать?!

— Ну да, я же вражбых голосов не слушаю!

— А они как люди живут!

— Это они — как люди? Ну, ты совсем сдурел, Галкин. Один сорт сосисок и два сорта хлеба, белый и черный — все!

— Вранье это! Про один сорт! Зато они в музеи ходят!

— В музеи? А зачем?

Самого Светозара туда дважды водили в детстве, и в голове застряли только наконечники от стрел под толстым стеклом и сломанный пулемет, стоявший посреди зала на возвышении.

— Тебе уж точно незачем! Ты как на четыре часа в гипермаркет уйдешь — так и счастлив!

Светозар хотел было огрызнуться, но за спиной у Галкина увидел плакат из серии «разыскиваются». В яркой рамке было приятное женское лицо. Текст гласил: такая-то ушла третьего апреля в круглосуточный гипермаркет «Дамский рай» и до сих пор не вернулась. Поскольку гипермаркет имел свой собственный эскалатор для спуска в метро, то пропажа могла обнаружиться и здесь.

Эти плакаты были обычным делом — благодаря им немало женщин, ошавших от изобилия и потерявших меж полок, на третий или четвертый день удавалось выловить и доставить к семейному очагу.

Да и как огрызаться, если в гипермаркет ходишь именно за счастьем? Видишь новые товары, участвуешь в презентациях, пробуешь салаты, рулеты, копчености, получаешь маленькие подарки... какой, к черту, музей?..

— Ну, счастлив... — произнес он, глядя на брезентовый мешок.

— А в голове у тебя — таблица модулей!

— Можно подумать, у тебя в голове — что-то другое...

В мешке были карточки метро, множество карточек, в том числе и зеленых. Мысль зрела не так, как полагалось бы плоду, а рывками, с судорогами. Но зрела, оформлялась...

— Послушай, — вдруг спросил Светозар. — А это правда, что у монополистов за все платят деньгами?

— Правда. Никаких карт, никаких расчетов — достаешь из кошелька монеты и кладешь на прилавок, отвечал слесарь Галкин, уставившись на Светозара с огромным недоумением. Казалось бы, этому человеку полагалось знать о монополистах все — как знают все возможное о самом опасном враге.

— И за газетную площадь?

— А чего за нее платить? Ты хоть одну монопольную газету видел? Там же совершенно нет рекламы.

— Так не бывает.

— Бывает.

— Внимание, внимание! — загудел голос в динамиках. — Станция метро «Болдыревская». Граждане пассажиры, не забывайте в вагонах личные вещи.

Слесарь Галкин вдруг весь подобрался и поудобнее взял мешок.

— Вот только попробуй, — загадочно сказал он. — Сдашь меня — тебя наши найдут, они тебя видели. Нас много, за меня отомстят!

— Да что ты, Изяслав, чушь несешь?

Но это была не чушь — по перрону, ожидая вагон с грабителем, прогуливались милиционеры. Они вычислили, в каких вагонах мог бы оказаться похититель карточек, и заняли удачные позиции между изразцовыми колоннами. На светлом фоне отчетливо выделялись их синие мундиры и белые портупей.

8.

Светозар знал одно — ему следует до последнего держаться за брезентовый мешок. Там, в мешке, было спасение от завтрашнего... нет, уже часа полтора как сегодняшнего митинга.

Неизвестно, какие планы связывал с карточками Изяслав. Может, ходит от их продажи шел в тайную казну подпольных монополистов. Но только он собрался спасти мешок всеми средствами — и его физиономия, обычно жизнерадостная, как у большинства заводских комсомольцев, вдруг стала злобной, явив оскал, достойный камышового кота.

Когда двери вагона разъехались, Галкин встал в позу, несколько смахивающую на высокий старт. Мешок он прижимал к себе левой рукой, а правую быстро сунул за пазуху. Светозар охнул — там мог быть спрятан только пистолет. Но орудие, которое достал страшный слесарь, на пистолет не походило никаким боком.

Это была толстая железная палка, вроде большого ручного фонаря, но без стеклянного окошка. Светозар опознал в ней деталь пылесоса «Тайфун-Экстра». Только деталь была изуродована — в металле пробили какие-то дырки.

Молоденький милиционер сунулся хватать Галкина, но из пылесосной детали вылетела черная штуковина, похожая на пробку для ванны, прилипла на мгновение к его лицу — и неопытный в стычках со слесарями парень рухнул прямо поперек порога вагона. Галкин перескочил через него и, шархнувшись от второго милиционера, выпу-

стил ему в лицо вторую нашлапку. И второй противник повалился без чувств. А потом Галкин побежал к эскалатору, размахивая своей железной палкой. Черные нашлапки болтались на длинных трюсиках, и казалось, что в руке у обезумевшего слесаря — многохвостая плетка.

Светозар побежал следом. Он уже сообразил, что это за оружие. О дистанционных электрошокерах ходили в городе всякие легенды, но никто не знал, что такую штуку можно изготовить в сборочном цеху завода бытовой техники, в обеденный перерыв и из некондиционных запчастей для «Тайфуна».

Третьего милиционера Галкин уложил так же уверенно, из чего Светозар понял: налет на пропускной автомат — далеко не первый в его жизни.

Теперь главное было — не попасть под мощный электрический разряд.

Поэтому Светозар преследовал слесаря не слишком быстро, соблюдая дистанцию по меньшей мере в два десятка шагов — черт его знает, какой длины могут оказаться трюсики у еще не выстреливших нашлапок.

Галкин обернулся, нехорошо посмотрел на Светозара, едущего вслед за ним, и стал заправлять черные штуковины обратно в трубку. Справившись, он спустился на несколько ступенек, чтобы не слишком кричать.

— Ты меня не знаешь, я тебя не знаю, — сказал он. — Если что — наши тебя всюду найдут.

— Погоди! Дело есть.

Светозар достал из портмоне карту, это была черно-оранжевая бастионовская «оса».

— На предьявителя. Там еще модулей двести. Бери.

— А за что?

— Мне нужно прописаться в блогах. А где взять рекомендацию — не знаю.

— И я не знаю.

— Хочешь сказать, что ты не Эндимион?

Задав вопрос, Светозар отступил на три ступеньки, потому что движение Изыславовой руки ему сильно не понравилось. Вот вылетит эта черная дрянь — и закувыркаешься вниз по эскалатору, как в плохой кинокомедии.

— Ты слишком много знаешь, — значительно произнес слесарь Галкин. — Зря ты это сказал. Зря.

— Мне нужна рекомендация, чтобы попасть в хороший блог этой ночью, — делая вид, будто не замечает угрозы, сказал Светозар. — Или, если ты боишься пускать меня туда, выведь информацию сам.

— Что за информация?

— Сейчас идет совещание в Доме прессы на шестнадцатом. Решается вопрос о продаже «Супертауна» «Бастиону». Они там с восьми часов заседают — если бы хозяин «Супертауна» не хотел его продавать, то и разговора бы не было. Значит, он там торгуется и, может, сейчас уже контракт подписывает.

Выдумка должна была сработать.

— «Супертаун»? — переспросил Галкин. — Но это же зеленые карты!

— А я тебе о чем толкую?! Утром зеленый модуль будет дешевле серого! Нужно предупредить людей, чтобы срочно избавлялись от зеленых модулей. У нас же весь завод на зеленые карты зарплату получает!

Повторяя эту версию во второй раз, Светозар вдруг так разволновался, будто, во-первых, работягам и впрямь что-то угрожало, а во-вторых — он сам все еще работал на заводе.

Эскалатор кончился, слесарь Галкин, пятась и не спуская глаз со Светозара, вышел на середину вестибюля.

— И для чего тебе мой блог?

— Надо же людей предупредить!

— Только для этого?

— А для чего же еще? Похож я на человека, который читает стихи про колокольчики?

— Бежим, — сказал вдруг Галкин. — Они там уже очухались, сейчас сирена завоет.

Светозар и мятежный слесарь выскочили на ночную улицу.

В жизни пиармейкера есть свои периоды застоя и свое кипение страстей. Но вот бегство от милиции по безлюдным переулкам, бегство на пределе возможностей, с нырянием в подворотни, с протискиванием в какие-то жуткие черные щели, было в Светозаровой биографии впервые. Он от сидячей жизни несколько располнел, потерял дышалку, но спешил вслед за Галкиным из последних силенок.

Он должен был заполнить мешок с картами.

И даже мысль, что напрасно он преподнес Иязяславу-Эндимиону вранье насчет продажи «Супертауна», не угнездилась у него в голове и не получила дальнейшего развития — так, мелькнула и хвостом махнула.

А мысль была дельная. Ведь вранье где-то к обеду непременно обнаружится, заорут яростные разоблачители и очень скоро будет найден крайний. Одно дело — вбрасывать дезинформацию в блог, прикрывшись чужим именем, совсем другое — открыто вызывать огонь на себя.

Но от волнений и бега Светозар напрочь утратил способность смотреть чуть дальше собственного носа. Ему нужен был мешок, он гнался за мешком, потому что пиар-прием, напечатанный в учебнике для первого курса в качестве гипотетического примера мелким шрифтом, уже обростал в голове деталями и подробностями.

9.

— Дальше ты не пойдешь, — твердо сказал слесарь Галкин.

— Вот так, да?

— Вот так.

— Тогда я сию минуту вызываю милицию!

— Светозар, ты редкий дурак. Ты думаешь, если в моем блоге или даже в пяти блогах сразу появится сообщение о продаже «Супертауна», весь завод сразу встанет на дыбы? Ты просто не знаешь, какие это сволочи! Они читают только телепрограмму! Или слушают «вражьи голоса» — для этого мозги напрягать не надо!

— Но мы должны предупредить людей!

— Ну как ты их предупредишь? На телефон, что ли, сядешь? Так ты на часы посмотри! Никто не возьмет трубку — людям в первую смену вставать... А кто не спит — тот сериал смотрит!

— А тебе не в первую?

— А я прямо тут переночую. Поспать часа четыре — это для меня нормально. Ступай, Светозар, не мешай дело делать. Меня ждут. Лучше спозаранку становись у проходной...

— Тогда уже будет поздно! Нужно прямо сейчас избавляться от зеленых модулей!

Вот теперь Светозар окончательно поверил в собственную ахиною.

— И если мы с тобой этого не сделаем — то стыд нам и позор! — патетически объявил он.

— Ты сбрендил.

— Нет, Изяслав, я не сбрендил. Людей надо выручать!

— А зачем? — философски спросил слесарь Галкин. — Людей надо растормошить. Они сейчас так довольны жизнью, что даже тошно. А вот когда их зеленые модули обесценятся — они задумаются о пользе реальных денег! И тогда они созреют для настоящей борьбы! Так что не суетись, все складывается великолепно...

Светозар был настоящим пиармейкером — он довольно скоро начал искренне верить в предлагаемые ему условия игры. Для успешной рекламы он должен был знать, что пылесос «Тайфун-Экстра» — лучший в мире, и он это знал каждой клеточкой своего упитанного тела. И сейчас уверенный голос Изяслава произвел то же действие, что и голос хозяина промышленного комплекса «Электродом» Бо-

рислава Ордынского — когда этот столп общества изобилия в кабинете директора своей пиар-службы, прозванного Лидером, кратко благословил Светозара на создание романа «Тайфун любви».

И сейчас уверенный голос Изяслава Галкина вызвал в нем глубокое... нет, даже глубинное понимание. Действительно — для борьбы и победы нужно именно такое сильное потрясение. Так пусть же оно случится! Пусть сильнее грянет буря!

Но некое воспоминание, загнанное в тупичок между извилинами, запищало жалобно, стараясь привлечь внимание: сорвать митинг, сорвать митинг!.. Зачем-то надо было сорвать завтрашний митинг. Воспоминание добавило уже окрепшим голоском: портфель, портфель! Светозар опомнился.

— Я знаю, что еще можно сделать! — воскликнул он. — Ведь мы сейчас на Бакунинской стоим?

— Ну?

— А между Святополковской и Византийской — наш микрорайон. Светозар имел в виду заводские многоэтажки.

— Отсюда — три шага! — продолжал он. — И там круглосуточный супермаркет. И другой, дешевый, дальше по Византийской. Все наши в нем отовариваются. Послушай, мне нужна сотня заряженных карточек!

Молчание слесаря Галкина было красноречивее всякого монолога. Так молчат, осознав, что собеседник рехнулся окончательно и бесповоротно.

— Хорошо, я дам тебе сотню карточек, — сказал наконец Галкин. — И ты тогда уберешься?

— Больших?

— Больших.

— Зеленых?

— Зеленых.

— Я тогда уберусь.

— Жди тут, никуда не двигайся.

Слесарь Галкин вошел в низенькую дверцу возле двери высокой и узкой, ведущей на черную лестницу старинного доходного дома, и по звуку шагов, гаснущему в глубине, Светозар догадался, что агрегат для повторной зарядки карточек метро находится в подвале.

Немного погодя Изяслав вышел, но не один — с ним была девушка в трикотажной фуфайке. Если бы она в такой фуфайке появилась на улице днем — тут же налетела бы милиция, потому что надпись на груди гласила: «Монополия или смерть! Мы победим!».

Кроме того, девушка отличалась от своих ровесниц прической. Она носила длинную косу. Коса тоже была знаком протеста против

оголтелого изобилия. В гипермаркетах были километры полок с краской для волос — сотни фирм, тысячи названий, но ведь каждый день менять цвет можно только при коротких волосах, их если и попортишь — не беда, скоро новые вырастут, а длинные-то бережешь...

— Вот, — сказал слесарь Галкин, протягивая пакет. — Тут полтора карта, все только что заряжены. И попробуй заложи нас. Мы с Гремиславой будем поблизости. А у нее разрядник еще круче моего. Там от второго выстрела сердце останавливается, понял?

Спрашивать, откуда это известно, Светозар не стал. И так было страшно, особенно когда мрачная Гремислава показала это жуткое оружие — тоже тайком изготовленное в цеху из пылесосных запчастей.

— Еще я тебе «осу» обещал, помнишь?

— Ну?

— Меняю «осу» на твою зеленую карту. Мне все равно, сколько там модулей.

Предложение звучало вполне безумно. Однако слесарь Галкин, комсомольский орленок, не воспользовался временным помешательством пиармейкера, чтобы нажиться на нем.

— У тебя на «осе» двести, что ли, модулей? Грема, дай свою зеленую. Вот — две за одну «осу». Только имей в виду — у нас там в лучшем случае полсотни на двоих.

— Вот и замечательно. Пока!

Рассовывая карточки метро из пакета по карманам, Светозар устремился к ближайшему гипермаркету.

Гремислава и слесарь Галкин тревожно переглянулись и пошли следом.

— Если что — я его хватаю, а ты «скорую помощь» вызывай, — сказал Изяслав.

«Скорая помощь» со специализированной бригадой обычно круглосуточно дежурила у каждого гипермаркета. Нередко бывало, что покупатель, не в силах сделать выбор, после двухчасовых мучительных раздумий начинал буйно хохотать или кидаться с кулаками на продавцов-консультантов. Иные расплачивались за изобилие полугодовым лечением в неврологическом диспансере. Но о таких случаях пресса не сообщала — их, услышав в версии «вражеских голосов», тайно передавали из уст в уста, облепляя дикими подробностями.

— Ты не забудь, что у нас еще собрание, — напомнила Гремислава. — А потом все вместе пойдем листовки клеить. Их там Рогнеда полтысячи наксерила.

И, завернувшись в шаль, чтобы скрыть крамолу на груди, она ускорила шаг.

10.

— Эй, сюда! — крикнул Светозар и еще помахал рукой велорикше.

От входа в торговый зал гипермаркета до касс было метров восемьсот. Велорикши стояли у стеклянных дверей, готовые с удобствами прокатить клиента меж полок и сгрузить отобранный товар в тележки-прицепы. Они знали план магазина и расписание презентаций, могли отвезти ребенка в детскую комнату и привезти уже к кассам, пенсионеров даже доставляли к ближайшей троллейбусной остановке.

— Куда едем? — спросил водитель. — В отделе мужского парфюма ночная акция, скидки до сорока процентов! В отделе мужского белья бонус — покупаешь три пары трусиков от «Русского богатыря», бесплатно — носки и дезодорант.

— Все равно, — сказал Светозар, — куда-нибудь! Хоть богатырские трусики!

Он шлепнулся на сиденье под полосатым тентом (за спиной крепился плакат с портретом «Тайфуна-113») и покатил.

Издали за ним следили слесарь Галкин и Гремислава.

Светозар хватал с полок, что подвернется, и кидал в прицеп. Вдруг его осенило — он незаметно ухватился за край стеллажа, и водитель, нажав на педали, помог ему своротить целую секцию, так что с нее загремели на пол флаконы и банки.

Народу в это время было меньше, чем днем, но тоже достаточно. Постоянные ночные посетители имели особые скидки, опять же — днем толкаться в толпе, имея в руках подробный план гипермаркета, сложно, да и велорикши не всюду берутся везти, а ночью — кататься вдоль полок в свое удовольствие.

Станный покупатель добился-таки общего внимания и погнал велорикшу к кассам.

Там он блеснул полнейшим незнанием товара, который собрался оплачивать. Наконец ему насчитали цифру и конвертировали в зеленые модули — получилось семьдесят два.

— Сколько у меня там осталось на карте? — спросил взволнованный Светозар, краем глаза фиксируя любопытных покупателей, окруживших кассу.

— Двенадцать модулей, — сказала кассирша.

— Черт! Погодите, я съезжу за богатырскими трусами! Еще возьму! Трусы в хозяйстве всегда пригодятся!

Светозар погнал велорикшу в отдел мужского белья и вернулся с пятью упаковками.

— На карте больше ничего не осталось, — сообщила кассирша. — И вы...

— Вот и прекрасно! — громко сказал Светозар. — Слава те Господи, избавился... Ох, нет!

Он полез по карманам и стал выкладывать карточки метро — со всем известной салатовой полосой.

— Вот тут еще две, три, четыре, на семью брал, забирайте...

Народ загудел — до покупателей наконец дошло, что Светозар торопится сбыть с рук зеленые модули.

— Эй, товарищ, что случилось? — спросил, хлопнув по плечу, крепкий дядя. Светозар обернулся и понял, что судьба ему благоприятствует. Это был Брючислав Ведерный из гальванического цеха — Светозар запомнил его по здоровенному снимку на доске почета. Да и в жизни у Брючислава была такая ряха, что не во всякой сковородке поместится.

— А ты, товарищ, еще не понял? Вам на заводе в каких модулях платят? — чтобы уж совсем доходчиво получилось, шепотом поинтересовался Светозар. — Завтра ты десять зеленых в один серый не конвертируешь! Я сейчас свои конвертировать пытался — блок поставлен. Погоди...

Он достал из кармана штанов еще одну карточку метро и обменял ее на упаковку простых сигарет.

— Теперь — все. Ф-фух! Успел!

— В зеленых платят, — произнес тугодум Брючислав, но стоявшая рядом с ним женщина уже догадалась, что к чему, ахнула и понеслась назад — к полкам, к товарам, тратить заработанное, пока оно не обесценилось.

Паника заразительна — у кассы вмиг не стало народа.

Светозар усмехнулся — всех работяг предупредить не успеют, да это и не нужно, главное — чтобы утром на заводе был всплеск недовольства. А пока будут разбираться — пройдет время митинга. А ближе к обеду комсорг Степа наверняка что-то придумает с лиловыми карточками.

Теперь следовало бежать в другой гипермаркет. У Светозара еще оставались две зеленые карты — его собственная и галкинская. Плюс куча карточек по карманам.

Гремислава, девушка очень осторожная, затесалась в толпу у касс, пряча под шалью разрядник, и готовилась выстрелить в Светозара, если он начнет выкрикивать какие-то опасные глупости. Гремислава сразу не поняла, что означает затея пиармейкера, зато понял стоявший у нее за спиной слесарь Галкин. И не смог удержаться от восторга.

— Он гениален! — воскликнул Изяслав. — Грема, это наш шанс! Поднимаем всех по цепочке!

Достав коммуникатор, слесарь Галкин вышел в Рунет, поколдовал и оказался в своем блоге. Открылась страничка для очередной записи. В коммуникаторе она была без затей, хотя на мониторе являлась на манер свитка, украшенного цветами и завитками.

Несколько секунд Изыслав медлил.

— Ну, Эндимион... — торжественно прошептала Гремислава, осознавая историческое значение момента. — Ну!.. Вперед, заре навстречу!..

Тихий прерывистый писк донесся из нутра коммуникатора — на экранчике выскочили эти роковые слова.

— Вперед, заре навстречу, — повторил слесарь Галкин и сильным движением указательного пальца отправил призыв в полет над просторами Рунета.

11.

В четыре часа утра Светозар добрел до своей квартиры и рухнул спать. Будильник он поставил на шесть.

Но разлепить глаза ему удалось только в половине седьмого.

Он включил коммуникатор, чтобы узнать новости, но из крошечного динамика раздавался какой-то подозрительный бравурный марш.

Светозар выпил крепкого кофе, наскоро умылся и выскочил на улицу. Как раз было без десяти семь — а жил он неподалеку от завода и мог, не поленившись, добежать до проходной и узнать, как там начтет митинга.

Однако на улице он увидел такое, что застрял в дверях, держась за косяк.

К городской площади шли колонны, люди несли транспаранты «Да здравствует монополия!» и «Долой пиар!». Были и другие, помельче: «Вернитесь, деньги!», «Спасем свои души!», «Рекламу — на свалку истории!».

Опомнившись, Светозар побежал к заводу, но напрасно — заводская колонна сама шла ему навстречу.

В первом ряду шагали парторг Данила Ингварович и комсорг Степа. Они несли транспарант «Слава монополии!». Судя по тому, что слово «слава» было написано толстыми желтыми буквами, а «монополии» — длинными и узкими белыми, прежде на транспаранте значилось «Слава КПСС!».

Странно было, что в десяти шагах от парторга с комсоргом несли круглый плакат, на котором все же значилось «Слава КПСС!».

— Сюда, Светозар, сюда! — закричал Степа.

— Сюда ступай! В едином строю! С гегемонами! — заорал и парторг. — Вперед, к светлому будущему!

Из колонны выскочила Любочка. Она была уже не в красной козырьке, а в какой-то немислимой пилотке, синей с золотой кисточкой.

— Что ты, как неродной!

Схватив Светозара за руку, она втащила его в колонну.

Рабочие сразу признали его, хлопали по плечам, выкрикивали слова, исполненные подлинного счастья. Слесарь Галкин улыбался ему во весь рот, Гремислава громко пела «Вперед, заре навстречу!».

Светозар пробился вперед и дернул Степу за рукав.

— Эй! Степан! Портфель-то как?

— Нашелся! — не оборачиваясь, отвечал комсорг, надо полагать, уже бывший. — Я его в «Старой мельнице» под столом оставил! А там заведующий — мой сосед, прямо домой привез.

— Что ж ты, гад, не позвонил?! — бледнея и обливаясь холодным потом, спросил Светозар.

— Это кто — гад?! — выдерживая на физиономии боевой энтузиазм, спросил Степа вполборота. — Ты думай, что говоришь! Я-то теперь в комитете содействия монополии! А ты — вообще пустое место! Никому теперь твой пиармейкинг не нужен!

— На сборку пойдет, — добавил парторг. — Будет честно вкалывать — примем в коалицию прогрессивных сил содействия! Ура-а! Ребята, орлята — ура монополии!

Все перемешалось в Светозаровой голове.

Они шли мимо закрытых гипермаркетов, мимо многоэтажек, с крыш которых добровольцы весело сбивали неоновую рекламу, мимо прохожих, заполнивших тротуары, и под ногами у них шуршали разнообразными карточками — зеленые, серые, голубые, желтые, бежевые...

Не было только черно-оранжевых, «осиных». Из чего Светозар, будь он способен логически рассуждать, сделал бы вывод: именно они и станут теперь настоящими деньгами. Но он был способен только шагать в колонне, понемногу проникаясь разудалым праздничным оптимизмом.

— Ну и что? — говорил он себе. — Поработаю на сборке, стану мастером, уважаемым человеком... Ну, вырыл сам себе яму... Ну, что же теперь?.. Без зарплаты не останусь...

А из окна смотрели на бесконечное шествие серьезные люди в дорогих костюмах.

— Завод этот дурацкий первым делом прикроем, — сказал мужчина с черно-золотым значком на лацкане. — Он сорок две модели пылесосов выпускает — на черта такое разнообразие?

Возразить ему никто не отважился.

Е В Г Е Н И Й Г А Р К У Ш Е В

ЖРЕБИЙ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Поъезжая к дому, я издали заметил блестящий черный «руссо-балт» представительского класса. Он стоял в тени ореха, рядом с воротами усадьбы. Увидев номера автомобиля, я удивился еще больше. Градоначальник! Не то что он не мог мне заехать — но ожидать у ворот, когда любому известно: я полетел в Москву и могу задержаться! Странно...

Впрочем, полного конфуза не вышло — городской голова сидел не в машине, а в гостиной, попивая чай, приготовленный Ниной, моей домоправительницей. Рядом с городским головой расположился военный с полковничьими погонами.

— Вот и хозяин! — поднимаясь с кресла, приветствовал меня Игнат Иванович. — Здравствуйте, Никита Васильевич!

— Господин Вяземский любезно согласился проводить меня к вам, господин Волков, — поднялся навстречу мне и полковник. — Губернский военный комиссар Шилов.

— Рад знакомству. Чему обязан? — слегка удивился я.

— Дело в том, что вас, господин Волков, государство намерено призвать в качестве резервиста для прохождения воинской службы, — сразу взял быка за рога Шилов. — Господин градоначальник рекомендовал вас как ценного специалиста — к тому же недавно вы получили ранение. Поэтому вы вправе отказаться от призыва. Но жребий пал на вас.

— Жребий? То есть предполагается мое участие в конкретной операции?

— Именно.

— И какого рода акция планируется? — поинтересовался я. — Жребий жребию рознь, как вы понимаете.

Комиссар кивнул, лицо его исказилось.

— Война. Настоящая война. Большой риск — тем более, силы будут неравны и не в нашу пользу.

— А армия уже не действует? Или участие резервистов обусловлено какими-то особенностями операции? — я начал понимать, о чем речь, но мне, естественно, хотелось знать больше.

— Армия... — зло бросил Шилов. — Армия в другой стороне. Штурмует горные перевалы. Наши стратеги увлеклись наступлением на Тегеран. Баку им показалось мало. В результате силы Объединенного Персидского Государства предприняли контратаку. Захвачена Астрахань, под угрозой Царицын. По Волге поднялась мощная вражеская флотилия... Армейские части, по сценарию, не успевают подойти. Город будут оборонять резервисты. Но, как вы знаете, в тактических конфликтах условия ведения войны особенные — по прави-

лам, мы должны призывать не просто резервистов Царицына, но провести жеребьевку среди жителей Северо-Кавказского военного округа. Жребий, как я уже сказал, пал на вас.

Я вспомнил все, что знал о тактических войнах, которые журналисты называли «государственным бусидо» или, напротив, «антибусидо». Когда государства Хартии мира подписали соглашение «О минимизации людских потерь и ресурсов», военные конфликты действительно свелись к минимуму. Предъявление ультиматумов, расчет позиций и ударов, кратковременные столкновения небольшими группами войск — для выявления боеготовности армии, проверки нового оружия и техники. Не игра, не война — минимум потерь и договорное решение вопросов. Зачем погибать тысячам, десяткам тысяч людей, если проблемы между государствами можно решить по дуэльному кодексу? Погибающим в боестолкновениях от этого не легче, но их гораздо меньше, чем в обычных военных конфликтах. И мирные жители выведены из-под огня.

А термином «антибусидо» разрешение конфликтов в рамках Хартии именовали потому, что настоящие японские самураи, исповедовавшие принципы бусидо, делали себе хакакири, в качестве очищения, смывая кровью позор, в то время как государства, напротив, безропотно отдавали территории, чтобы не пролилась кровь их граждан. Человечно и, вроде бы, в восточном духе — но самурайскому кодексу не слишком соответствует. Те воины не думали о себе, защищая сюзерена. Здесь сюзерен в лице государства заботился о воинах и гражданах.

— Наши стратеги заигрались, — продолжил комиссар. — Поставили на карту слишком много, решили раз и навсегда покончить с проблемами в отношениях с Персидским Государством. А партизанская война? А террор? А выход Тегерана из Хартии, наконец? Сдавая без боя территории, правители вражеской державы рано или поздно задумываются — не ударить ли по-настоящему? Я сам противник этого бусидо... Расхлебывать теперь резервистам.

Сразу после подписания соглашения государствами Хартии — не так давно, каких-то пять лет назад — газеты писали: «Мир вступает в новую эру отношений», «Гражданские не будут гибнуть», «Выборные солдаты положат головы за други своя»... В общем и целом настроение общества можно было охарактеризовать как восторг. Но уже тогда находились люди, которые спрашивали: а не погрязнут ли государства в «тактических войнах»? Играя за дисплеями только «на деньги» или, в случае конфликта между странами, «на территории и ресурсы», можно забыться и проиграть всё. И, если какую-то спор-

ную область действительно стоит отдать, когда тактическая проработка ясно показала, что войска противника займут ее легко, то с полным поражением державы никто не смирится. Война начнется по-настоящему...

— Не знал, что наши войска продвигаются к Тегерану, — заметил я. — Слышал об аннексии Баку и создании независимого дружественного нам государства на территории Азербайджана, но полагал, что это временная мера, и Азербайджан возвратят персам.

— Возвратят, — кивнул Шилов. — Теперь возвратят. Разменяют на Астрахань и Царицын. Еще и приплатить придется. Я бы генеральный штаб послал дыры в обороне затыкать, чтобы неповадно было... Всем составом.

Пожалуй, комиссар был не вполне прав. Войну с персами мы начали вовсе не из-за того, что России нужны их нефтяные поля — своей нефти хватает в Сибири, территорий у нас там более чем достаточно. Аннексия Баку произошла после того, как в Персидском Государстве урезали автономию для Армении. Сенат Российской империи объявил Тегерану ультиматум и потребовал предоставления частичной независимости христианским территориям. В другом случае это завершилось бы высадкой российского десанта в Ереване, броском танковых частей через Азербайджан и сотнями тысяч жертв, в том числе и среди гражданского населения. Сейчас, после подписания соглашения государствами Хартии, военные с обеих сторон уселись за компьютеры и считали, считали...

В двух контрольных танковых схватках на территории Азербайджана с применением штурмовой авиации войска Персидского Государства были разбиты наголову. К победителям — то есть к нам — перешли нефтяные вышки, все ресурсы областей Азербайджана до Аракса и Куры, несколько тысяч единиц бронетехники. Персы должны были сократить численность войск на количество солдат, «условно побежденных» в конфликте. Во время акции погибли всего два мирных жителя — их не оповестили о начале «контрольных» сражений, и они попали под огонь танковых орудий.

Были ли проигравшие персы разочарованы тем, что им приходится освобождать земли практически без боя? Конечно. Но большинство ресурсов все же осталось у них, кое-что тайком удалось вывезти — такое не прошло бы в настоящей войне — и, главное, люди не погибли! В результате и Персия оказалась в выигрыше.

Россия условно потеряла сто тысяч человек — непозволительно много для локального конфликта, при нашем полном превосходстве в количестве и качестве техники. Именно на эти сто тысяч была со-

крашена армия. Части подтягивали даже с Дальнего Востока и из Польши, но делали это недостаточно быстро. В результате стал возможен контрудар Ирана по Астрахани, а потом по Царицыну.

— Настоятельно прошу отказаться от выпавшего на вашу долю жребия, — грустно глядя на меня, предложил Вяземский. — Ведь если вас ранят, вы поставите под угрозу общее дело. Ослабите своим присутствием отряд, который будет противостоять персидскому десанту.

Выбор оказался сложным. Но отказаться от жребия, прикрываясь не слишком тяжелым ранением — хуже, чем отказаться от дуэли. В отсрочке дуэли ничего позорного нет — вы встретитесь с обиженным или обидчиком позже. У меня имелся единственный выход — вместо себя послать на смерть кого-то другого. Если он останется жив, я, возможно, смогу смотреть ему в глаза. А если погибнет — что я скажу его родственникам? Да и любому гражданину, если на то пошло?

— Я достаточно хорошо себя чувствую, Игнат Иванович. Если жребий пал на меня и врачебная комиссия не возражает против мобилизации, я пойду воевать.

— Мобилизация полная, — объяснил военный комиссар. — Иначе противник настолько превзойдет нас численностью, что не оставит шансов. Но в детали я могу посвятить вас только в том случае, если вы окончательно примете решение.

— Я его уже принял, — пожал плечами я. — Повестка с вами? Куда и когда нужно явиться?

— Сличным оружием завтра на вокзал. От нашей губернии выбрали трех человек. Всего в обороне плацдарма участвуют двенадцать резервистов. На таком числе сошлись аналитики и судьи. Если вы победите, будет считаться, что силы противника отброшены от Царицына по всей линии фронта. Но, вообще говоря, гражданин Волков, я считаю такие игры недопустимыми. Хотя они и сохранят многие тысячи жизней.

— Однако вы выполняете приказ, комиссар?

— Разумеется.

— А я вполне свой долг перед обществом. Наша партия голосовала за ратификацию Хартии — и мне ли отказываться от выпавшего жребия?

— Да будет так, — вздохнул Вяземский. — Мы с комиссаром прощаемся — вам, наверное, нужно решить много дел перед отъездом. Времени осталось мало.

— Дополнительный отпуск по месту основной работы, как я понимаю, мне предоставят, — улыбнулся я. — И... я надеюсь вернуться.

— Уповаем на это, — искренне ответил градоначальник.

— Удачи, господин Волков, — кивнул мне Шилов. — Теперь мой путь лежит в Новочеркасск. Резервист из Таганрога уже предупрежден.

Мне бы хотелось спросить комиссара о многом, но к чему занимать его время? У меня есть компьютер, выход в Сеть... А детали операции станут известны только на месте.

* * *

Представляю, что сказала бы Дженни, моя подруга по Сети из такой демократичной и не похожей на Россию Америки, если бы могла выйти в чат и обсудить сложившуюся ситуацию. «Вы, русские, сумасшедшие! Играете в игрушечные войны и готовы сложить голову в потешной битве самым настоящим оружием! Одно дело, когда войны не избежать, и совсем другое — когда живые люди чувствуют себя придатками компьютерных программ, когда их действиями и их жизнями проверяется надежность интерактивных моделей».

И ведь это утверждение отражает точку зрения многих. Даже среди граждан Империи найдется немало таких, которым ситуация, когда гибнут тысячи людей, кажется вполне естественной: «Нам не оставалось иного выхода, кроме применения военной силы». А возможность договориться и свести кровавую мясорубку к аналитическому расчету и нескольким дуэлям с применением танков, артиллерии и тактических ракет они назовут «ненормальной игрой со смертью». Полноте! Всегда лучше, если погибнут несколько человек, а не несколько тысяч.

Идея «государственного бусидо», наверное, могла зародиться только в России — великой стране, где каждый гражданин отвечает за себя и последствия своих действий, где девиз «За веру, честь и отечество» — не пустой звук, а жизненная установка. Мы привыкли рисковать своей жизнью и не так вольно относимся к чужим судьбам, как кажется со стороны. От любой дуэли можно отказаться, опозорив себя и сохранив жизнь. Но сколько людей ежегодно получают тяжелые ранения или гибнут, отстаивая свою честь? Уверен — это идет только на пользу обществу. В неизбежных стычках между гражданами нация очищается от слабых и неразумных, несдержанных и самовлюбленных. На самого искусного любителя участвовать в дуэлях всегда находится более острая шпага и твердая рука. А подлые и трусливые отстраняются от управления государством раз и навсегда — ведь жители не имеют права голоса, а тот, кто не может отвечать за свои действия и слова, гражданином никогда не станет.

Так и в «государственном бусидо» проблема решается малой кровью. Страны-участницы Хартии становятся сильнее с каждым годом — ведь они не тратят ресурсы! Пусть Америка бомбит Панаму и Никарагуа, взлетит в джунглях Колумбии — у нас другие принципы, мы не хотим терять ни одного гражданина и жителя, что бы ни твердили наши противники. На агрессию мы отвечаем применением силы, а с теми, кто хочет договариваться — налаживаем отношения.

Положим, я не слишком доверял аналитикам генерального штаба. Потерять сто тысяч человек в ограниченном конфликте в Азербайджане — действительно много. Но, возможно, мое мнение ошибочно. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Если премьер-министр, Сенат и Дума доверяют министру обороны, значит, доверяют и генеральному штабу. Значит, лучших стратегов у нас сейчас просто нет.

Вместо того чтобы выходить с винтовкой против танков, мне бы тоже хотелось двигать фигуры на шахматной доске. Но не мы выбираем судьбу — судьба выбирает нас. Жребий может выпасть каждому — и генеральскому сыну, и пожилому миллионеру-промышленнику, и едва отслужившему солдату, вышедшему из крестьян и получившему гражданство потом и кровью. Варианта два: или воевать, невзирая на общественное положение и прежние заслуги, или отказаться от гражданства.

Что касается практики применения «государственного бусидо», то она была не слишком богатой. Но все же «виртуальные войны» имели место — за последние пять лет с их помощью были решены две важные проблемы. Китай добился вывода японских войск с территории Кореи, а Пакистан захватил часть территории Индии. Первый конфликт был не слишком на руку России — усиление Китая ничего хорошего нашей стране не сулило. Но и Японию союзником Империи не назовешь — так что мы остались при своих.

Потери Индии — нашего стратегического союзника — в борьбе с арабскими государствами были непосредственно по интересам Российской империи. Но что поделаться? Конфликт с Персией склонит чашу весов в нашу пользу и, в конце концов, поможет индийцам. Хотя, возможно, ослабленную шиитскую Персию приберут к рукам государства, где господствуют сунниты. А с той же самой Турцией отношения у России напряженные...

Пусть дипломаты решают, что выгодно стране. Сейчас наша задача — выиграть любой ценой. На территорию Российской империи враг не осмеливался вторгаться очень давно. Сейчас, в виртуальном пространстве, это стало возможным — ведь Хартия, кроме прочего,

декларирует неприменение ядерного оружия против стран-участниц. Что ж, посмотрим, насколько крепки наши тылы.

Я полез под кровать и вынул из стального ящика автоматическую винтовку Калашникова, личное оружие, которое с момента демобилизации всегда было при мне. АВК нужно почистить и смазать. Патроны нам выдадут и в большом количестве, а винтовку я предпочитаю свою.

Даже если армия сейчас «воюет» в районе Баку, недостатка в боеприпасах на складах нет. В этом я твердо уверен. Если это не так — министра обороны нужно снять с должности и лишить гражданства. Потому что мы, резервисты, заплатимся за это жизнью, а страна — ущемлением своих интересов.

* * *

На вокзале нас встречал ни много ни мало генерал-лейтенант — молодой для своего звания, человек лет сорока пяти. Он был в полевой форме, но две большие звезды на гладком зеленом погоне все равно бросались в глаза. Подтянутый, невысокий, глаза слегка щурил — не иначе, близорукость. Генерал приехал на вокзал первым. Ожидали еще двух резервистов.

Я, должно быть, представлял любопытное зрелище: джинсы вместо армейских форменных брюк (в те я давно уже перестал влезать), хлопковая рубашка, скатка из бушлата (надо будет на чем-то спать в окопе), нейлоновый рюкзак из Хельсинки — одной из туристических столиц России — и зачехленная автоматическая винтовка Калашникова через плечо. Шпага приторочена к спортивной сумке. По-моему, так и должен выглядеть резервист — чучелом, потехой для кадрового военного. По крайней мере, генерал-лейтенант, прохаживающийся по третьей платформе, узнал меня сразу.

— Господин Волков, если не ошибаюсь?

— Старший лейтенант Волков.

— Приказом главнокомандующего вам присвоено звание ротмистра.

— Служу России, — без особого энтузиазма ответил я. — А какое это имеет значение? Мы ведь не в армию направляемся, а на оборону города. Там все равны.

— Не совсем. Видите ли, мы формируем команду. Вашу группу возглавит полковник Сысоев — согласно росписи локального боя командиром выбран не кадровый офицер, а резервист. Полковник вышел в отставку два года назад, но оставался в запасе. Вы будете вторым по старшинству офицером. И, надеюсь, проявите себя — госпо-

дину Сысоеву сорок девять лет, он не в лучшей физической форме. Правда, я слышал, у вас проблемы с рукой?

Я согнул руку, помахал ею. Боль чувствовалась, но не слишком сильно.

— Почти в порядке. Медикаменты взял, перевязку сделать смогу. Копать будет тяжело, с остальным справлюсь без труда.

— Отлично. Задача вам ясна?

— Более или менее. Надеюсь, на месте меня посвятят в детали. А в чем заключается ваша роль, господин генерал-лейтенант?

— Консультант от генерального штаба. Если вы не против, фамилии своей называть не буду — мое присутствие в районе конфликта полуофициально.

— Понятно, — вздохнул я. — Мы решили подготовиться к обороне Царицына основательно, с привлечением лучших специалистов. Тактику для нас будет разрабатывать генеральный штаб.

— Это не противоречит правилам.

— Не сомневаюсь. Как мне вас называть? Генерал-лейтенант?

— Можно просто генерал, — скромно ответил представитель генерального штаба. Я подавил смешок.

Спустя пять минут прибыл казак из Новочеркаска. Новенькие погоны хорунжего (один продольный просвет и две звездочки по бокам), густые пшеничные усы, синяя форма с иголки. На поясе — шашка, на плече — винтовка в чехле. Может быть, и мне не стоило упаковывать шпагу в багаж? Впрочем, сейчас не до дуэлей, в случае надобности любой гражданин подождет. А вот с собой шпагу нужно иметь непременно — мало ли что случится на войне. Пойти в штыковую атаку, отбиваться, когда патроны закончатся... Да и самого плохого расклада исключать нельзя — хоронят у нас без шпаги, она достается наследникам, но провожать офицера принято с орденами и личным оружием.

Казак выглядел бодро, был немного моложе меня — лет тридцати. Пожалуй, нам повезло, что жребий выпал казаку, привычному к воинской службе. Любой казак — практически кадровый военный: представители этого сословия, хотя и служат в наше время не с юности до глубокой старости, но к войне готовы постоянно. Если для резервистов призыв начинается вместе с войной, казаков часто поднимают для участия в локальных конфликтах.

В ходе недавних гражданских реформ казачье сословие хотели упразднить, как и дворянство, но и Дон, и Кубань поднялись против нового порядка — и казачьи войска оставили такими, какими они существовали последние сто лет. В свободное от службы время казаки

занимались землепашеством или другой работой, но лишь по необходимости. Военная служба была для них привычнее и важнее.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие, — четко отрапортовал казак. — Хорунжий Чекунов по вашему распоряжению прибыл.

— Рад видеть, хорунжий.

Казак пригляделся к погонам генерала и едва не поперхнулся — наверное, только сейчас сообразил, какое звание у встречающего его военного. Я не стал ничего говорить, а улыбнулся новому товарищу. Казак улыбнулся в ответ.

— Иванов задерживается, — взглянув на платиновый командирский хронометр, заметил генерал. — Вы можете пройти в вагон — прицепной, десятый.

— А предписания на проезд нам выдадут прямо в вагоне, по документам? — спросил Чекунов.

— Вагон отдельный, бронированный.

— То есть? — поразился я. — Неужели в самом деле бронированный?

Казак, похоже, слегка опешил от такого «вольного» замечания с моей стороны. Ведь с генерал-лейтенантом разговариваем. Но мне-то какое дело? Я на войне временно, да и генерал такой же гражданин, как и все мы. Пожалуй, наша миссия даже важнее. Поэтому его к нам в сопровождающие и дали... Ну, если не в сопровождающие, то в наставники.

— Нет, вагон обычный, купейный, — слегка раздраженно ответил генерал. — Он забронирован для нашей партии. То есть просто заказан. Вы должны использовать каждый час времени для подготовки к бою, а не ютиться на боковых полках в плацкартных вагонах.

— Так точно, — солидно кивнул казак. — Разрешите отправиться в вагон?

— Разрешаю.

Я не видел причин торопиться и остался на перроне, поэтому хорошо рассмотрел третьего резервиста. Из всей публики, снующей по вокзалу, его можно было узнать только по винтовке — причем незачехленной, словно он собирался вступить в бой прямо сейчас. Побитый жизнью мужчина лет сорока пяти, а то и пятидесяти, с грубыми руками, копной густых, начинающих седеть волос, морщинистым лицом, слегка сгорбленный. Одет в простые рабочие брюки, рубашку с длинными рукавами и высокие кирзовые сапоги. Рюкзак опоздавшего резервиста был брезентовым, объемистым.

— Вот так так, — вздохнул генерал-лейтенант. — В личном деле,

конечно, написано, что он выпивает, и образ жизни ведет простой, но чтобы настолько... Встретишь в городе — типичный житель.

— И шпаги нет, — пришлось согласиться мне.

— Но мы не можем отклонить его кандидатуру. Он — гражданин.

— И от гражданства отказываться не собирается?

— Нет.

— Стало быть, честный и порядочный человек. А как-то изменить результаты жеребьевки нельзя?

— При жеребьевке участвуют наблюдатели от третьих стран. Китайцы и японцы, — поморщился генерал. — Все фиксируется в протоколах. Иначе мы подобрали бы совсем другую команду...

Мне в той команде вряд ли нашлось бы место. И не только мне, даже bravому казаку Чекунову — надо будет спросить, как его зовут. Спецназовцев в отставке хватает, а пехоту все же обучали меньше, да и при численном перевесе противника нам воевать не так привычно, как десантникам и разведчикам.

Подошедший Иванов смерил нас задумчивым взглядом и поинтересовался:

— Вы в Царицын воевать едете?

— Мы, — кивнул я.

Генерал промолчал — видно, все думал о том, как создать боеспособное отделение из такой разношерстной публики.

— Будем знакомы. Федор Иванов.

— Никита Волков. Генерал. Просто генерал, — улыбнулся я.

Иванов, видимо, не понял, что я представляю нашего спутника, а не только себя, и недоверчиво смерил меня взглядом.

— Что же, целых два генерала на одного солдата? Прямо по Салтыкову-Щедрину?

— Нет, я с недавнего времени — ротмистр, — пришлось пояснить мне. — А наш сопровождающий — генерал. Он познакомит нас со стратегией ведения боя, которую разработал штаб.

— Вот оно что, — протянул Иванов. — Ну, пусть разрабатывает. Хотя лучше бы они, генералы, к Царицыну врага не подпустили.

— Господин Иванов, позвольте заверить вас, что штаб предпринимал все усилия, — раздраженно начал генерал, но потом, видимо, понял, что объяснять сейчас что-то или спорить бессмысленно, и прервал мысль. — Пройдемте в вагон!

* * *

Поезд тронулся спустя пять минут после того, как мы заняли купе, каждый — отдельное. Постели с белоснежными простынями

и одеялами в накрахмаленных пододеяльниках были застланы, столики украшали цветы. Все это мне не нравилось. Мягко стелют, да жестко будет спать. Закинув рюкзак и баул со шпагой на верхнюю полку, я пришел в штабное купе. Генерал задерживался, и мы с Чекуновым и Ивановым имели возможность познакомиться поближе.

Оказалось, что казака зовут Максимом и последний раз он был на боевом задании два года назад. Федор Иванович Иванов работал мастером погрузочной бригады в таганрогском порту и в армии вовсе не служил, а прошел курс военной подготовки и двухмесячные сборы после получения гражданства в зрелом возрасте. Узнав об этом, Чекунов даже за голову схватился:

— Как же мы воевать станем, батя? Ты стрелять хоть умеешь?

— Умею, — буркнул Иванов.

— Из винтовки?

Федор Иванович засмеялся:

— Нет, из мушкета!

Казак хихикнул и легонько толкнул Иванова в плечо:

— Прости, батя. Вид у тебя не слишком воинственный.

— Да ничего. Зато ты парень бравый — шашкой своей всех персиков в Волгу загонишь и танки в капусту порубишь.

Для портового рабочего, пусть и мастера, Федор Иванович оказался совсем не прост. Нет, мы еще повоюем...

— Артиллерист я, — объяснил Иванов. — Умею и с пушкой управляться, и с минометом, ну и с винтовкой, если надо. Наш взвод специально обучали против танков бороться.

— Это кстати, — заметил я. — Правда, будут ли у персов танки? По сценарию, они поднялись по Волге. Не на баржах же они тяжелую технику везут?

— Отчего нет? — спросил Иванов. — На хорошую баржу паратройка танков без проблем влезет. А насчет сценариев — не говорил бы ты этих слов, парень.

— Почему?

— Война — она и есть война, не игрушки. На месте разберемся, что и как. Надо только в землю поглубже врыться — и ни танки, ни вертолеты нам не страшны. Окопаться-то нам дадут?

— Дадут, — сказал генерал, заходя в штабное купе. По приезде ознакомьтесь с местностью. Целый день на то, чтобы окопаться, а уж потом персы в атаку пойдут.

— Эх, не пропадем! — воскликнул казак. — Разрешите закурить, господин генерал?

— В тамбуре, — попросил я, предупреждая ответ генерала.

* * *

Когда казак вдоволь накурился, а мы с Ивановым обсудили скорость движения поезда — вышло, что к вечеру мы приедем в Царицын, даже если состав не будет сильно спешить, — генерал расстелил на столике карту.

— Оборонять будете левый берег, — сообщил он. — На правом — город, эвакуировать всех жителей невозможно.

— Так ведь биться в городе и в чистом поле — совсем разное дело, — заметил Чекунов.

— Согласен. Но ведь мы не станем прикрываться мирными жителями, а у персов приказ — гражданских не жалеть, город разрушать до основания.

— Зачем? — заинтересовался Иванов. — Дикие люди, дикие нравы?

— Тактическая задача, — пояснил генерал. — Конфликт развивался в штабах, вылазка персов преследует определенные цели. Сейчас мы отыграли у Объединенного Персидского Государства значительную часть территории, создали угрозу для столицы — Тегерана. В настоящей войне персы могли бы предпринять рейд по тылам противника от отчаяния — без всякой пользы для себя, но с большими потерями для нас. А сейчас, если им удастся уничтожить два крупных города и условно перебить их население, мы должны будем согласиться пересмотреть результаты предыдущих действий. Такие результаты для нас неприемлемы.

— Почему неприемлемы? — спросил Чекунов. — Граждане ведь будут убиты только условно. Вряд ли кто-то из них это даже заметит.

— Хотя людские ресурсы сохраняются, представители Персии на законных основаниях могут потребовать переселить всех «условно убитых», а жилой фонд и предприятия — снести. Понятно, что удерживать города они не смогут, но взорвать все при отступлении им помешать трудно. А на это правительство не пойдет — слишком велики экономические потери.

— И если результаты будут переиграны — куда отступят наши войска? На исходные позиции? — уточнил я.

— Да. Мы отдадим Баку, часть Дагестана. И, главное, Армения вновь попадет под власть Персии. Не будет решена главная проблема, из-за которой возник конфликт.

— А если остановим врага?

— Тогда, наверное, удастся разменять Астрахань на Баку. Мы вернем Персии этот город и часть нефтяных полей, дагестанские терри-

тории останутся у нас, проход на Армению — свободным, и там сохранится дружественное Российской империи правительство.

— Значит, вцепимся в родную землю зубами! — воскликнул Чекунов. — Братьев-христиан в беде не оставим, хоть у нас разные дела с армянами случались, на Дону их всегда хватало.

Генерал не сдержал улыбки — как я понял, его позабавила непосредственность казака. Нет, не в армянах дело. Армия беспокоится прежде всего о своей судьбе, генеральный штаб стремится доказать свою компетентность, правительство пытается избавиться от головной боли, дипломаты хотят сохранить мир и не позволить нарушить соглашение государств Хартии — ведь из любого договора можно выйти! А политики разной ориентации постараются и поражение России использовать в своих целях — не все партии выступали за подписание соглашения, и противники «ограниченных конфликтов» в Думе и Сенате могут получить серьезные козыри. Если Россия выйдет из договора, неминуемы настоящие войны.

— Против каких сил нам предстоит сражаться? Вы обещали ответить на этот вопрос, когда мы сядем в поезд, — заметил я.

Уголки губ генерала едва заметно опустились.

— Да, вам придется несладко. Персам удалось добиться существенного преимущества на царицынском направлении, поэтому они и потребовали проведения контрольного боя именно здесь. В общем и целом... Мы точно не знаем, что они привезут на барже. Единственное требование наблюдательного совета — достоверность атаки. Об этом будут судить наблюдатели. Двух рот спецназа вам опасаться не стоит. Какое-то количество живой силы, несколько единиц бронетехники...

У Чекунова глаза полезли на лоб. Если «несколько единиц бронетехники» — это хотя бы два персидских танка «Барс» с динамической броней, шестидесятимиллиметровой гладкоствольной пушкой и крупнокалиберным пулеметом, а также приборами ночного видения, тепловыми визорами и двумя ракетами «земля — воздух» или «земля — земля» — нам уже не поздоровится. А если их будет поддерживать хотя бы взвод пехоты? Уж взвод-то на баржу точно поместится, даже вместе с двумя танками!

— Нельзя ли уточнить прогноз штаба относительно количественного и качественного состава сил противника? — спросил я.

— По данным разведки и расчетам аналитиков, вам будут противостоять два взвода пехоты, тяжелый танк «Барс» с новейшей системой противоракетной обороны и динамической броней, плавающая боевая машина десанта «Евфрат» со сдвоенной скорострельной авиа-

ционной пушкой и форсированным двигателем, миномет, полевая пушка и огнемётный расчёт.

— У нас-то что будет? — подал голос Федор Иванович. — Двенадцать автоматических винтовок — это славно, конечно. Пулемет дадут? Гранатометы? Пушки?

— В пулеметах недостатка нет. Крупнокалиберные «Вепри», пулеметы Дегтярева и неограниченный запас патронов в вашем распоряжении. Пушка — гладкоствольная, семидесятимиллиметровая, к ней — снаряды бронебойные и осколочные. Минометы дадим, если надо.

— А гранатометы? Гранаты? — спросил я.

— Этого возьмете, сколько захотите. РПГ-7, выстрелы к ним, ручные кумулятивные гранаты, осколочные... Но имейте в виду — вам нужно держать оборону на линии в полкилометра. Что станете таскать с собой — то ваше. Отобьют у вас пушку — новую никто не прикатит. Так же и с прочим оружием. Да и гранатомет каждому дать не получится. Что это за ополчение, в котором у каждого пулемет и гранатомет? Взвоют наблюдатели.

— Да мы понимаем, ваше благородие, — вздохнул казак.

— Патронами можем набить оружейный склад под завязку, — продолжил генерал. — Но если его захватят персы — а не надо забывать, что их больше и возможность для маневра у них имеется, — они с новыми силами ударят по вам. Слабость персов именно в недостатке боеприпасов — много ли привезешь на барже?

— По тонне свинца на брата вполне хватит, — мрачно ответил Федор Иванович. — Нужно-то всего девять граммов и точное попадание.

Поезд мчался по степи, среди убранных хлебных полей. Родная Россия, на землю которой враг не ступал долгие годы... Но, как оказалось, вторгнуться к нам с юга не так трудно. Нарастивая ударный потенциал на границах Китая, строя линии обороны на границах с Турцией, всеми силами развивая Тихоокеанский, Балтийский и Средиземноморский флот, мы упустили из виду важное персидское направление. Волга, великая русская река, стала дорогой вторжения — пусть и виртуального...

— Мы должны уничтожить всех персов? — спросил я. — Сбросить их в Волгу?

Генерал посмотрел на меня с сочувствием. Словно и не русским он был, а расчетливым немцем или холодным англичанином.

— Мы не ставим перед отделением невыполнимых задач. Вам нужно продержаться два дня. После этого в город придут регулярные воинские части с Украины и из Сибири.

— Почему только через два дня? — изумился Чекунов. — А транспортные самолеты? А близлежащие гарнизоны?

— По условиям столкновения, близлежащие гарнизоны связаны боями. Аэродромы разрушены. Высадка десанта с воздуха нецелесообразна. К тому же транспортные самолеты будут сбиваться комплексами типа «Игла» с земли. Потери слишком велики, генеральный штаб не может на них пойти — в случае неудачи операции войска Персии поднимутся еще выше по Волге, дойдут до Саратова. Россия окажется рассеченной на две части. Китай может нанести удар по городам и предприятиям Урала и Дальнего Востока, Турция атакует Кавказ.

— Но Турция ведь не подписывала соглашение Хартии, — заметил я.

— Верно, — кивнул генерал. — Однако учитывать действия ее войск в регионе мы должны даже в виртуальных боях.

— Если мы продержимся два дня, какого подкрепления следует ожидать?

— На вашем плацдарме — два танка «Т-90», боевая машина пехоты, взвод десантников... Этими силами мы сметем персов в Волгу, даже если они успеют окопаться. Впрочем, полагаю, контрольный бой не понадобится, у них хватит благоразумия признать поражение.

Ясно, почему генеральный штаб не торопится наполнить наш склад боеприпасами и оружием — если персы отобьют его у нас, а мы все же будем держаться, два их взвода вполне могут продолжить сражение против одного нашего, пусть и с поддержкой лучших в мире танков. Конфликт затянется, споров будет все больше.

— Никто не передумал? — спросил генерал. — Сердечный приступ или несчастный случай, чтобы ввести запасных игроков, мы вполне можем организовать...

— Игроков, — проворчал Федор Иванович. — И вы туда же, господин генерал... Мы не шахматные фигурки.

— Извините, — смутился штабист.

— Да что уж там... Пенсию семье военную положат — и то радость, — вздохнул Иванов. — У меня детей трое да внуков шестеро. И всех выучить надо, в люди вывести. Капиталов-то у нас сроду не водилось — всё своим горбом. Ничего, постоим за землю русскую. И душе на пользу, и деток государство не забудет.

— Дети-то взрослые? — спросил казак.

— Младшему — четырнадцать лет, — ответил рабочий. — Ему жить...

* * *

Как оказалось, полигон, который нам предстояло защищать, располагался на некотором удалении от Царицына, вверх по течению

Волги. Река там была широкой, выжженная и сухая степь — ровной и пустынной. Только стояли десять больших палаток, поодаль от них — опустевшая деревня. Вдоль реки на некотором удалении тянулось железнодорожное полотно.

Палатки располагались метрах в двухстах от реки, немного дальше проходила железная дорога, за ней, еще метров через триста, на пригорке стояла деревня. Наверное, дома построили так далеко от реки, чтобы уберечь от наводнений. Еще одна одинокая палатка торчала в полукилometре от деревни, среди кустов, на возвышении. Ее было едва видно — ткань выгорела и сливалась со степью.

— А и жарко здесь днем, — прокомментировал Федор Иванович. — Ни дерева... Несколько кустов, да и то чахлах.

— Кусты — это хорошо, — заявил Чекунов. — Хоть какое-то прикрытие. В голом поле тяжелей бы пришлось.

— Да, там, где стоит палатка, предполагается проложить одну из линий обороны, — пояснил генерал.

Солнце опускалось за Волгу, из палаточного городка навстречу нашему автобусу выходили люди — ополченцы, которые прибыли сюда раньше нас, военные разных званий и родов войск, консультанты, одетые в гражданское.

— Полковник Сысоев! — представился мужчина в камуфляже с нашитыми на него тряпичными зелеными звездочками. — Будем вместе бить персов. Ротмистр Волков? Хорунжий Чекунов? Рядовой Иванов?

— Так точно, — подтвердили мы.

— Располагайтесь. Крайняя палатка свободна, биотуалет за холмиком — вон та синяя будка, кухня в желтой палатке, душ рядом.

Действительно, в лагере соорудили душ — поставили на металлических опорах вместительную, на пару кубометров, емкость с крапом. Никакого брезента или занавесок, «кабинка» открыта со всех сторон. Наверное, женщин среди консультантов нет, стесняться некого. Походная обстановка, простые нравы.

Уже через полчаса мы знали всех товарищей.

Два молодых сержанта, Семен Томилин и Лев Кузнецов, отслужили в армии недавно. На этом их сходство заканчивалось — Томилин был низеньким черноволосым крепышом, Кузнецов, напротив, высоким и худым. Служил он во флоте, на теплоходе, курсирующем по Волге, помощником капитана. Томилин исполнял обязанности мастера на каком-то заводе в Царицыне.

Григорий Старостин, поручик, полный мужчина лет сорока, вла-

дел большим участком земли, который сдавал в аренду, то есть, говоря по-старому, был помещиком. В свободное время, которого у него хватало, писал стихи — об этом мы узнали от других ополченцев. По армейской специальности он был сапером — хорошая специальность, если нам разрешат ставить мины.

Егор Пальцев, терский казак, в папахе и с густыми усами, сразу нашел общий язык с Чекуновым. Правда, общение их время от времени прерывалось дружеской перепалкой на тему: терские или донские казаки отважнее. За Дон говорила богатая история, у Терека был недавний опыт стычек с горскими народами.

Светловолосый Роман Калинин из Астрахани, лейтенант, менеджер среднего звена, был полноват. Что отличает многих резервистов — это быстрая потеря формы. Я и сам не слишком худ, в армии нагрузки были такими, что мускулы росли, а живот — нет. Сейчас питание не настолько сбалансировано, а бегать приходится меньше, кто бы что ни говорил про свою занятость на работе. Бегодня бегодне рознь.

Петр Гребенщиков и Матвей Семикопытов — рядовые. Один из деревни рядом с Царицыном, служит на машинно-тракторной станции; другой из Ставрополя, водитель автобуса. Несмотря на сложную русскую фамилию, выглядел Семикопытов как представитель какого-то горского народа: вьющиеся темные волосы, большой нос, черные глаза.

И наконец, Батыр Джальчинов — калмык. Возраст определить трудно, рядовой, чиновник из Элисты. Понятное дело, не худой. Должность как-то связана с сельским хозяйством. Танкист, водитель-механик. Только танка у нас, как это ни печально, нет. И персы нам свой вряд ли одолжат.

Мы свободно перемещались по лагерю, заглядывали друг к другу «на огонек». Меня удивил сержант Кузнецов, при тусклом свете аккумуляторной лампы читавший толстую книгу в мягкой обложке.

— Заядлый книголюб? — спросил я. — Или пытаетесь отвлечься?

— Не слишком заядлый. Но обидно будет книгу не дочитать, не узнать, чем закончится. Интересная.

— О Петре Великом? — поинтересовался я, присмотревшись к обложке и узнав портрет императора.

— Не совсем... Но Петр там упоминается. Точнее, последствия его действий. В этом романе автор предположил, что Петр, реформируя государство, не запретил огнестрельное оружие для внутреннего употребления и не ввел нынешний дуэльный кодекс. Из-за этого Россия постоянно подтачивалась предательством, некомпетентностью, пре-

ступными действиями власть имущих. Чиновники и граждане стали гораздо трусливее и подлее, дворянство не в полной мере оправдало возлагаемые на него императором надежды. Люди занимали чужое положение в обществе, самых достойных убивали, а подлецы, напротив, оставались жить. Роман называется «Пуля — дура».

— Беллетристика чистой воды, — улыбнулся я. — Если бы не петровские реформы, нас бы и Наполеон победил, и турки шапками закидали... Да и вообще, мы бы даже к Балтийскому морю не вышли, Азов не взяли... А главное, Россия не стала бы передовой державой, за которой больше двух веков гонится весь мир. Вспомните, сколько изобретений, сколько новых технологий мы преподнесли человечеству. И все начинается там, в Петровских реформах.

— В общем, да, император провел реформы, правда, не все. Создал дворянство. Только оставил в употреблении пистолеты, а шпаги постепенно выходили из моды. И это действовало на россиян разлагающе. С Наполеоном мы справились, хоть и с трудом, а вот японцы выиграли войну в начале этого века, захватили Корею, Сахалин и Владивосток.

— То есть мы оказались отрезанными от Гавайских островов и Аляски? Добираться туда приходилось через Чукотку?

— Не знаю. О Гавайях в этой книге вообще нет ни слова, а Аляску продали американцам при Александре II.

Я засмеялся.

— Ну, это уж как-то чересчур.

— Да и Константинополь так и остался турецким... Правда, к России присоединили Грузию, Армению и даже страны Закавказья, но вряд ли это пошло стране на пользу...

— Не читайте таких страшных книг перед боем, сержант, — посоветовал я. — Деморализует. Впрочем, дело ваше.

— Нет, я все же почитаю...

Оставив Кузнецова, я пошел в оружейную палатку. Помимо стрелкового оружия здесь были и всякие полезные штуки: осветительные ракеты, два прибора ночного видения — больше нам не полагалось по пресловутому «регламенту боя», — каски, фляжки для воды, медицинские комплекты, одеяла и обмундирование... Я подобрал себе гимнастерку защитного цвета, брюки, сапоги. Воевать в джинсах — неправильно. Генералы вручили мне новые погоны — четыре маленькие звезды на камуфляжном поле. Их еще предстояло пришить...

На кухне всем наливали чай, кофе и даже, в умеренных дозах, красное вино — для снятия стресса и улучшения пищеварения. Еды

было не просто вдоволь — чрезмерно много. Тушенка, сгущенное молоко, бисквиты, шоколад, консервированные фрукты и овощи, даже черная икра в переносном холодильнике — Астрахань рядом, осетров выбили не всех. Армия заботилась о нас. С голоду мы не умрем.

Когда наступили сумерки, завели дизель-генератор, и над лагерем загорелось несколько мощных фонарей. Из штабной палатки вынесли телевизор — в новостях рассказывали о предстоящем бое. Комментарии политиков были разными, но в целом — сдержанными. Осуждать действия генштаба, пока мы не проиграли, рано; восхищаться ими, даже если об этом журналистов сильно просили, пока мы не выиграли, не стоит. Легко потерять репутацию... Никаких картинок с места событий, никаких сведений об ополченцах — любую информацию может использовать противник.

Как я понял, среди штабных, которые крутились в лагере, главных было двое: генерал-лейтенант, который прибыл с нами, и генерал-полковник артиллерии — постарше, с властным лицом и порывистыми движениями. Говорил он громко, басовито. В одиннадцать вечера нас собрали у штабной палатки, выключили телевизор и зачитали регламент «контрольного боя».

В десять утра завтрашнего дня нас покидают все вспомогательные силы и штабные офицеры. На вышках за Волгой занимают места наблюдатели из Китая и Японии. Еще раньше они должны убедиться, что нам не помогли вырыть окопы с помощью экскаваторов, выстроить долговременные огневые точки и разветвленную сеть подземных ходов. Мы имеем возможность окапываться и занимать позиции до вечера — после этого в любой момент на берег могут начать высадку персы.

По условиям, мы не должны стрелять в баржу — предполагается, что противник успешно высадился на берег и только после этого начал наступление. Персы могли закрепиться и окопаться на берегу, но наши консультанты не видели, зачем им это нужно — сбросить столь многочисленного врага в воду нам не под силу.

— Предлагаем вам следующую диспозицию, — заявил генерал-полковник, когда вопросы по условиям боя закончились. — Направление прорыва прикрывают две группы. Первая занимает позицию в деревне. Там мы устраиваем резервный склад вооружения. Другая группа роет разветвленную сеть фортификаций под прикрытием кустарника на возвышении неподалеку от мертвого русла — сейчас там стоит палатка. Таким образом, любая вражеская цель оказывается под перекрестным огнем. Пушку установим в одном из деревянных

сараев, миномет — на возвышенности, среди кустов. Основное легкое вооружение — гранатометы РПГ-7 и крупнокалиберные пулеметы «Вепрь», а также пулеметы Дегтярева.

— План представляется правильным, — согласился полковник Сысоев. — Только что им мешают еще с берега разметать деревню по бревнышку? У них превосходство в технике и вооружении.

— Уничтожить всю деревню огнем из танковых пушек или минометов противнику не позволит ограниченное количество боеприпасов, — объяснил генерал-лейтенант. — Китайские наблюдатели контролируют не только нас. Мы не знаем, что именно возьмут с собой персы, но снаряды объемного взрыва регламентом запрещены, касетные боеприпасы и отравляющие вещества — тоже. Снарядов будет не так много, чтобы сравнять с землей всю деревню.

— Полный боекомплект танка — около сорока снарядов. Два комплекта — если будут два танка — восемьдесят... Неужели не хватает? — спросил я.

— Чтобы разрушить деревню? Нет. Тридцать домов, хозяйственные постройки. Попадания не абсолютно точны. Не каждый дом заваляшь одним снарядом. А прятаться среди домов легко. К тому же мы надеемся, что танк все же будет один.

— В домах можно не только прятаться, но и гореть, — мрачно заметил Сысоев.

Возражать ему никто не стал.

— Разделите людей на две группы заранее, — продолжил генерал-полковник. — Полагаю, ротмистр Волков возьмет на себя оборону левого фланга, в деревне, а полковник Сысоев — бой на открытой позиции. Связь будете держать с помощью мобильных телефонов. Условиями это не запрещено, каждый резервист имеет телефон, тогда как раций на всех не хватит.

Батыр Джальчинов нервно рассмеялся:

— Я не взял с собой зарядное устройство. Как-то не подумал.

— Аппараты вам выдадут. В титановых корпусах, прорезиненные, с выделенными каналами. Дозвониться друг до друга проблемой не станет. Уж об этом ФАПСИ позаботится.

* * *

Спать не ложились долго. Ходили по полигону с фонарями, разбивались на группы, до хрипоты обсуждали, сколько и какого оружия нам нужно. В результате к моему отделению примкнули пожилой артиллерист Иванов, два казака, Чекунов и Пальцев, Батыр Джальчинов и поручик Григорий Старостин.

Нам выдали пулемет Дегтярева и пулемет «Вепрь», три гранатомета. Также в наше распоряжение поступила семидесятимиллиметровая безоткатная пушка. Миномет и еще два крупнокалиберных пулемета достались отделению полковника. Впрочем, легкий пулемет Дегтярева они тоже взяли.

Иванов умел управляться с пушкой, в подручные ему выделили Джальчинова и Старостина. Поручик, после того как пробьет десять, должен был заминировать поле, по которому пойдут в наступление персы. Мин, однако, ему дали негусто — две противотанковые и пять противопехотных. Регламент боя, куда от него деться? Китайцы все проверяли...

Мы с казаками планировали осуществлять прикрытие пушки — если персы пойдут в штыковую атаку впереди танка. Снарядов с картечью у нас не было, только пятнадцать кумулятивных и пятнадцать осколочных — по три ящика. С пулеметом управится Чекунов, еще один пулемет останется в резерве — у Джальчинова, у Пальцева всегда будет наготове РПГ-7, а я обойдусь автоматической винтовкой и осколочными гранатами. Связка кумулятивных гранат будет в каждом окопе, осколочные гранаты носим при себе.

Отделение, которым руководил полковник, вооружилось, помимо пулеметов и миномета, тремя гранатометами. Сысоев методично проверял стрелковое оружие — нет ли изъянов, в порядке ли боеприпасы. Пока, сберегая наши силы, оружейный склад охраняли специально выделенные офицеры, которые покинут нас утром. Подозреваю, они были даже не из армии, а из контрразведки.

Когда время перевалило за полночь, мы с полковником спустились к Волге. Река неспешно катила воды к Каспийскому морю — туда, откуда придет завтра вечером смерть многих из нас. Луна во второй четверти тускло освещала степь.

— Думаю, нам предстоит не затяжной бой, а кинжальная дуэль, — сказал Сысоев, глядя на черную воду. — Или мы сможем сразу вывести из строя большую часть персов и схватимся с остальными на равных, или они нанесут мощный удар по нашим позициям и пройдут их, словно пуля сквозь гнилое яблоко.

— Согласен. Но уничтожить шестьдесят человек разом мы не сможем, если они не пойдут на убой, как бараны. Да и танки не стоит сбрасывать со счетов — танк легко подавит огнем пулеметные гнезда даже издалека.

— На вашу позицию, ротмистр, придется основной удар. Домики стоят, будто на ладони.

— А ваша защита — редкие кустики. Если они откроют плотный

огонь из минометов, потерь не избежать — какие бы траншеи вы ни вырыли.

— Потерь не избежать в любом случае. Вопрос в том, сможем ли мы продержаться два дня?

— Сможем.

— И я в это верю, — кивнул Сысоев. — Странное ощущение, правда, ротмистр? Мне прежде приходилось стоять под пулями, но никогда не доводилось всеми фибрами души ощущать, что родина смотрит на меня. Вся Россия... Именно на меня.

— Да, — согласился я. — Нам выпала большая честь.

— Как полагаете, в вашем отделении все люди надежны? Выполнят любой приказ?

— У меня нет оснований сомневаться в них. Казаки, как я полагаю, проверены долгой воинской службой, Иванов готов постоять за родину — хоть и вспоминает постоянно о пенсии, что достанется его детям в случае гибели. Старостин — дворянин старой закалки. Немного настораживает то, что он поэт, но у каждого свои недостатки, как говорилось в одном американском фильме. О калмыке судить не берусь. Может сражаться отчаянно, а может забиться в окоп и не выходить оттуда до самой развязки. Я не составил о нем определенного мнения. Но если учесть, что действительную службу он прошел, надеюсь, на него можно положиться.

— Вы в курсе, что регламент ведения боя предполагает сдачу в плен? — как-то криво усмехнулся полковник. — Правда, персы, чтобы не возиться с пленными, вполне могут их расстрелять. Но не думаю, что они на это пойдут. Наблюдатели...

— Что им наблюдатели? Слишком многое поставлено на карту.

— Тоже верно. Но искушение у наших бойцов имеется.

— Чем сдаваться в плен, не проще ли отказаться от участия в бою? Или сбежать за ограждение сразу после начала боя?

— Ситуации возникают разные.

— А мы будем брать пленных?

— По обстоятельствам. Не думаю, что вы сможете выстрелить в безоружного человека, ротмистр, будь он хоть трижды врагом. Но сосредотачиваться на необходимости сохранить жизнь противнику я бы не стал.

— Разумеется.

Засыпал я долго — молился о том, чтобы Бог простил меня. Страшно быть убитым и страшно убивать. Может быть, кто-то может к этому привыкнуть — а я и привыкать не хочу. Раненая рука болела все меньше. Повязку я сменил, рана почти зажила. Как-то на удивле-

ние быстро — словно организм подключил для выздоровления все свои ресурсы. Говорят, на войне люди почти не болеют. Надеялся не подвести товарищей и я.

* * *

Земля на берегу Волги была мягкой — наверное, много ила принесла сюда река во время разливов... Однако с каждым часом руки все больше уставали, на ладонях появились мозоли от лопаты, глаза забивались песком. Раненая рука ныла. Товарищи гнали меня из окопов прочь — и я пошел помогать Старостину устанавливать мины. Тоже работа не из легких и к тому же нервная, но, по крайней мере, я научился чему-то новому. Пригодится ли?

Китайцы-инспекторы, которых с утра приехало человек десять, тщательно проверили место будущей схватки: не приготовлены ли здесь укрепления из железобетона, не взрыхлена ли экскаватором почва под окопы, не спрятана ли в кустах установка реактивного огня, нам не положенная? Осмотрев местность, они убрались за проволочное заграждение и линию оцепления. Проволока под током — чтобы на полигон не забрели животные или любопытные. А каждый из участников боя, сбежавший за ограждение, считается условно погибшим. Поэтому за проволокой для нас земли нет. Убежать — все равно что сдаться. Бросить товарищей — предательство.

Еще до приезда китайцев нас покинули все штабные офицеры и прочие военные. Сняли палатки, но душ и туалет оставили — наверное, регламент боя не настаивал на демонтаже подобных сооружений.

Заняли места на далеких вышках за Волгой и в степи наблюдатели, там же обосновались журналисты с отличной оптикой, представители штабов — а мы принялись копать. Иногда по очереди ходили на реку — полежать минут пять в теплой воде, обмыть грязь и пот, смочить волосы. Ничего героического в окапывании не было, эта работа помогала настроиться на нужный лад: мы делаем то, что нужно стране. Без сомнений и колебаний, не торопясь, надежно и слаженно.

Мое отделение вырыло несколько траншей перед домами и между дворами. Хотя стрелять можно из окон, деревянный дом — защита плохая, легко превращается в ловушку. Кирпичный сарай с тонкими стенами — тоже укрытие так себе. Земля укроет лучше. Окоп надежнее каменного дома.

Отделению полковника Сысоева приходилось тяжелее — работа-

ли на солнцепеке, а копать нужно было больше. Впрочем, земля им досталась мягче, чем в деревушке — с песком, не утопанная.

— Домов людям жаль, наверное, — вздохнул Иванов, когда мы вкатили пушку в деревянный сарай, предварительно расшив доски стены, обращенной к Волге. Теперь их можно было снять за минуту. — Сожгут все и порушат.

— Компенсацию населению заплатили, — предположил Батыр. — Даже хорошо — можно переехать жить в город. Деревня здесь так себе, небогатая.

— Огородов не слишком много, — заметил Пальцев. — Наверное, рыбаки жили?

— Некоторые дома брошены давно, — добавил Чекунов. — Изжила себя деревня. В город все подались?

И правда, отчего жителям деревушки не сиделось на месте? Наверное, все же частный рыболовецкий промысел захирел, земли вокруг лежали незавидные — вот и уехали люди на поиски новой, счастливой жизни. Не так часто в России встретишь опустевшую деревню...

К двум часам дня основные траншеи были вырыты. Решили устроить получасовой перерыв. Я побрел к Сысоеву — посмотреть, как движутся дела там.

Полковник и его люди обустроивались основательно. Разветвленные траншеи позволяли без труда укрыться всем. Окопы, ложные окопы, позиции для гранатометчиков... Люди полковника успели пару раз сходить в деревню, разобрать ветхую избушку и сарай, соорудить перекрытую щель — от минометного огня. Боеприпасы тоже частично перенесли.

— Справимся до шести вечера? — поинтересовался я.

— Должны справиться, — солидно кивнул полковник. — Надо еще избушку какую поплоче по бревнам раскатать — блиндаж устроить. И еще одну перекрытую щель. Зарываться так зарываться. Копать тут — просто праздник. Песок податливый. Ваши люди помогут?

— Как без этого? Конечно, поможем.

— Еще бы одну траншею, между позициями.

— Это уже из области фантастики. Работы на пару дней. По сухому руслу добраться можно — ползком.

— Да... Нам бы ночь простоять да день продержаться, — усмехнулся Сысоев. — Под вражеским обстрелом были, ротмистр?

— Нет, в боестолкновениях участвовать не доводилось. Под огонь попадал только на учениях.

— А я в свое время с китайцами по-настоящему воевал. В пограничных стычках, когда они через Амур перебраться хотели.

— На Даманском?

— Неподалеку.

— Да, врезали им тогда... Установку бы реактивного огня сюда.

— Хватит и пушки, — уверенно заявил Сысоев. — Пусть ваш Иванов потренируется. Наведет вхолостую, а то и стрельнет разок. Авось снарядов хватит. Сколько у нас снарядов?

— Три десятка.

— Вполне достаточно. Не успеете вы весь боезапас расстрелять. Или сразу подобьете танк, или он вашу пушку в клочья разнесет. Вместе с расчетом.

— Хорошо, полковник. Я отдам приказ разобрать избу, какую похуже. Может, и у себя что-то наподобие долговременной заглобленной огневой точки устроить?

— Смотрите сами. На месте виднее.

* * *

Пулеметы работали четко. С позиций полковника простреливался весь полигон, а мы не могли достать только один участок за холмом. Туда я и предложил пальнуть из пушки Федору Иванову. Казаки поспешно сняли доски с передней стенки сарая.

Пожилой рабочий открыл ящик со снарядами и изменился в лице.

— Дела... — прошептал он.

— Что такое?

— Не тот ящик. В нем кумулятивные снаряды.

— Ну и что? Осколочные — в другом. Да можно и кумулятивным выстрелить — хотя, как я понимаю, взрыв зафиксировать будет трудно?

Иванов посмотрел на меня мрачно.

— Ты не видишь, командир? У этих снарядов нет взрывателей.

Я представлял, как должен выглядеть артиллерийский снаряд, лишь в общих чертах, поэтому подвоха сразу не заметил. Теперь форма снаряда и правда показалась мне незаконченной. А в ящике наличествовала полость.

— Может быть, они лежат в другом?

Иванов открыл поочередно все ящики. Взрывателей не оказалось ни в одном.

— Нас подставили, — сказал Пальцев, выглядывая из-за плеча рабочего.

— Кто?

— Штабные.

— Самим надо было все проверять! — рявкнул Чекунов.

Артиллерист покачал головой.

— Взрыватели были. Я смотрел.

— Когда?

— До того как уехал последний грузовик. Когда мы осматривали оружие и отбирали снаряды. И потом, когда открывал один из ящиков. Думал, что сразу нужно отстрелять орудие. Но команды не поступило — и я пошел копать.

— То есть взрыватели исчезли уже после десяти утра?

— После.

Мы воззрились друг на друга. Кто украл взрыватели? Врагов здесь быть не могло — через оцепление и мышь не проскочит... Значит, взяли свои. Но это безумие! Или на полигоне все же прячется одинокий диверсант? Может, это предусматривают условия игры? И мы просто не в курсе?

Я достал мобильный телефон и набрал полковника. Тот ответил не сразу — видно, копал и не слышал сигнала.

— Чрезвычайное происшествие. Пропали все взрыватели к снарядам.

— Потерялись?

— Предположительно, украдены. Надо срочно обсудить.

— Что тут обсуждать, ротмистр? — зарычал Сысоев. — Взрыватели не вернешь...

— Скорее всего, это сделал кто-то из бойцов. А если так — он враг. И от него постоянно можно ожидать удара в спину.

— Сейчас подойду.

— Не ходите один, полковник.

— Хорошо, возьму с собой Семикопытова.

Я тем временем подозвал Джальчинова и Старостина, которые упорно рыли траншеей между двумя низенькими избами.

* * *

Отделение полковника продолжало рыть оборонительные траншеи, а мы уселись в одной из покинутых избушек: все мои люди и Сысоев с Семикопытовым. Жаркий ветер врывается через разбитое оконце, темные доски потолка нависали над головой. В помещении было немного прохладнее, чем под палящим солнцем. Но быстро становилось душно — восемь мужчин, работавших до этого несколько часов не покладая рук, дышали тяжело и жадно.

— Значит, вы, ротмистр, полагаете, что кто-то взял взрыватели со злым умыслом? — уточнил полковник — не для меня, с ним мы тему уже обсуждали, для всех.

— Именно так.

— И это — боец вашего отделения?

— Не факт. Бойцы вашего отделения наведывались в деревню не раз: за досками, бревнами, боеприпасами, набрать воды в колодце.

— Верно, хотя им труднее было бы хозяйничать на оружейном складе. Времени здесь они проводили гораздо меньше. Почему же вы не выставили охрану около пушки?

Я усмехнулся.

— А вы, полковник, охраняете свои пулеметы?

Сысоев не стал пререкаться. Сейчас, когда нужно копать траншеи, не до осторожности. Да и кто мог подумать, что на наши позиции наведается диверсант?

— Возможно, на полигоне присутствует кто-то еще? — спросил Сысоев. — Вы высказывали и такую мысль, ротмистр?

— Такой вариант исключить нельзя — площадь большая, укрыться есть где. Но, если следовать принципу Оккама, проще предположить, что в похищении взрывателей замешан кто-то из своих.

Поручик Старостин не выдержал первым, поднял руку, как в школе, и без паузы заявил:

— Господа, но ведь все мы в одной лодке! Снаряд из танкового орудия не станет разбирать, где свои, а где чужие. Да и не верю я в предательство товарищей!

— На войне всякое бывает, — заметил Сысоев. — И самое страшное даже не в отсутствии взрывателей...

— А в том, что мы постоянно рискуем получить удар в спину, — продолжил мысль полковника я. — Диверсант может вывести из строя оружие, бросить гранату в соседний окоп.

— Зачем это ему понадобится? — спросил Джальчинов. — Враги заплатали?

— Самый простой вариант, — кивнул полковник. — Но предательства совершаются и по другим причинам. Поэтому никаких вариантов отметать не станем.

— Копать надо, ваше благородие, — подал голос Чекунов. — Давайте, мы будем окопы рыть, а начальство в вашем лице подумает — что делать дальше. Или нас перебьют до того, как мы успеем что-то понять.

— Верная мысль, боец, — согласился полковник. — Работайте — без пушки нам тяжело придется. А мы с ротмистром посидим здесь еще немного. Семикопытов! Запаситесь досками и выдвигайтесь на позиции нашего отделения.

— Есть!

Мы с полковником остались наедине.

— Если кто-то и взял детонаторы, то он из ваших, — заключил полковник. — Каким шустрым нужно быть, чтобы незаметно подобраться к ящикам, утащить взрыватели, да еще и спрятать их! Взрыватель — предмет не слишком маленький.

— Но и не очень большой.

— В кармане тридцать взрывателей все равно не унесешь.

— Или Иванов ошибается, и взрывателей все-таки не было, — предположил я.

— Надеяться на это не стоит. Может, дед сознательно решил погибнуть смертью храбрых? Или записался в пацифисты?

— Зачем тогда заранее предупреждал о том, что пушка стала беззубой?

— Подвести не хочет. Вера не позволяет или понятия о чести своеобразные. Чужая душа — потемки. Он, вообще, кто?

— Портовый рабочий. По поводу того, что ему выпал жребий, не горевал. Семье, говорил, помощь выйдет — мы в поезде эту тему обсуждали.

— Ну, вот и повод, — хмыкнул Сысоев. — Наградных нам в случае победы сколько полагается? Две тысячи на брата?

— Я не интересовался.

— А я интересовался. Повышение в звании, награды, может, еще и орден дадут. Некоторым — посмертно. Медаль «За боевые заслуги», аттестат к ней — это как пить дать, если совсем явного предательства не случится. А погибнет боец — совсем другой расклад. Четыре тысячи — разовая выплата, кроме того, пенсия жене пожизненно и несовершеннолетним до окончания учебы.

— Проще уж застраховаться и пулю в лоб себе пустить, — заметил я. — По крайней мере, для страны полезнее. Деньги — хорошо, но что толку капитал приобрести, а честь потерять?

— Всякие обстоятельства бывают, — Сысоев прищурился. — Ведь за такую диверсию еще и персы приплатить могли.

— Не знаю, как вы, а я о том, что жребий мне выпал, позавчера узнал. Где уж персам успеть кого-то подкупить?

— Чего только в жизни не случается. Может быть, давно агент куплен был. Случается ведь?

— Среди граждан — крайне редко.

— И все же... Как полагаете, не найдем взрыватели?

— Поискать можно, будет ли толк? Только время зря тратить.

— Пушку надо на открытую позицию вывести, — предложил пол-

ковник. — Пусть враг боится. И первые выстрелы по ней произведет. Так я полагаю.

— Хорошая мысль, — согласился я. — Выиграем пару минут, когда атака начнется.

* * *

К шести вечера никаких взрывателей мы не нашли, хотя я обшарил заброшенные дома поблизости от склада и вырытые траншеи, да и остальные пытались что-то найти. А кто-то, наверное, только делал вид, что ищет, потому что точно знал, где взрыватели. Поочередно ко мне подходили Чекунов и Пальцев, Старостин и Джальчинов, делились своими соображениями относительно случившегося. Только Иванов с остервенением рыл землю и предположений о затаившемся среди нас враге не выдвигал.

Некоторые бойцы прямо утверждали, что взрыватели мог спрятать сам Федор Иванович. Но не проще ли было нашему единственному артиллеристу испортить пушку или повредить снаряды не столь явно? Может быть, и не проще. Со всем этим нужно возиться, а взрыватели сыпал в мешок, кинул в яму, прикопал — и никто никогда их не найдет. Вся деревня перерыта...

Когда траншеи были готовы, пулеметные окопы оборудованы, позиции для гранатометчиков сооружены, мы выкатили пушку на пригорок. Для вида присыпали колеса землей, навалили несколько земляных холмиков — будто они прикрывают окопы, — поставили рядом с пушкой два ящика со снарядами. Попадание, если снаряды сдетонируют, будет заметно и дезориентирует противника.

В шесть вечера каждый занял свою позицию. В траншее по правую руку от меня засел помещик Старостин, по левую — калмык Джальчинов. Батыру доверили пулемет Дегтярева, Старостину вручили РПГ-7.

Казаки расположились на краю деревни. Они планировали совершить вылазку с фланга, если танк пойдет напрямиком на деревню, и подбить его из гранатомета выстрелом в боковую броню. В случае вылазки Иванов должен был занять позицию в пулеметном гнезде, сменив Чекунова.

Солнце клонилось к горизонту, но до заката оставалось еще много времени... Вполне достаточно, чтобы многие из нас заката не дождались.

Взгляды наши были устремлены на золотистые воды Волги. Вот-вот там появится баржа, причалит к берегу, и из нее повалят персы.

Только после того как судно отойдет от берега, мы сможем открыть огонь. Хватит ли выдержки у всех?

Минута тянулась за минутой, но персидский десант не появлялся. Люди начинали нервничать.

В кармане у меня зазвонил мобильный. Полковник Сысоев...

— Слушаю!

— Как настроение, ротмистр?

— Спасибо, господин полковник, настроение удовлетворительное. Ждем.

— Им ведь спешить некуда, Никита.

— Понимаю. Думаете, нападут ночью?

— Вряд ли. Приборов ночного видения у них мало, как и у нас, а местность мы знаем не в пример лучше. На рассвете — возможно.

— Предлагаете установить дежурство?

— Если в ближайшие полчаса враг не появится — да. Мы все устали.

— А они отсыпаются у себя на барже.

— Скорее всего, так, — согласился полковник.

— Послать наблюдателя на реку? С крыш река видна неплохо, но, возможно, что-то скрывается из поля зрения.

— Нет, полагаю, специальный наблюдатель нам не нужен. По регламенту персы могут беспрепятственно высадиться. Подойдут к берегу и будут стоять — мы не имеем права расстреливать баржу. А высадку начнут, когда захотят.

— Генеральный штаб заявит протест.

— Только на это и надежда. Ладно, ротмистр, ждем.

Сысоев прервал соединение. Я поднялся на чердак одной из избушек — облюбовал позицию там еще днем. Нечто похожее на баржу держалось примерно в километре ниже по течению реки. Но была ли это баржа противника или какое-то судно наблюдателей — сказать сложно. Прижимаясь к противоположному берегу Волги, шли теплоходы. Навигацию никто не отменял.

— Разрешаю покинуть окопы, — скомандовал я с чердака. — Далеко не разбредаемся, неприятель может появиться в любую минуту. Джальчинов, назначаетесь дежурным.

— И что мне делать? — совсем не по уставу подал голос Батыр.

— Следить за рекой. Можете подняться наверх — отсюда открывается прекрасный вид. В случае опасности дадите сигнал тревоги.

Отделение полковника тоже получило приказ отдыхать, но на виду бойцы не маячили. Вполне возможно, что с баржи за нами наблюдают в бинокль — незачем выдавать расположение позиций.

Прошел час, два. Десант не появлялся. С командованием мы связаться не могли — по регламенту боя у нас не было никакого командования. Мы получили приказ держать местность и должны остановить врага. Точка.

Я лежал на кровати в избушке, временно оборудованной под штабную, когда туда поспешно вошел Старостин.

— Нашли! — радостно заявил он.

— Взрыватели?

— Нет. Флаг. Бродили с Пальцевым по деревне, в одной из избушек открыли сундук — а там флаг. Ветхий, но от старости не рассыплется.

Поручик развернул передо мной бело-сине-красное полотнище.

— Вы предлагаете поднять флаг над нашей позицией?

— Да. Древяк я сейчас смастерю — и вывесим над самой высокой крышей.

— Действуйте.

Солнце еще не зашло, когда в его последних лучах заплескался флаг Империи. Пусть отделению не выдали боевого знамени — оно нам и не было положено, — мы нашли его сами!

— Ура! — закричали казаки.

— Ура! — хриплым голосом крикнул из своего окопа Иванов.

— Ура-а! — протяжно затянул Джальчинов.

На позициях полковника наш флаг тоже заметили — раздались выстрелы в воздух и крики «ура». Сысоев позвонил еще раз.

— Выражаю благодарность за поднятие настроения личного состава.

— От вашего имени выражу благодарность поручику Старостину. Наступала ночь. Персов не было.

* * *

Берег Волги неплохо просматривался в прибор ночного видения. Но на всякий случай примерно раз в полчаса мы пускали в воздух осветительную ракету. Она разрывала лунные сумерки, отражалась в водах реки и гасла, оставляя после себя черноту, которая постепенно рассеивалась светом луны и звезд.

— Измором берут, — тихо сказал Иванов, с которым мы дежурили в паре. Ночью на одного наблюдателя надежда слабая — вдруг дрема одолеет?

— Сами у себя время отнимают — нам меньше продержаться придется. Или поломка на барже — полагаю, генеральный штаб торговался, требовал, чтобы баржа от Астрахани шла, если не

с персидского берега. Мы окопы сами роём, так пусть и персов укачает.

— Хоть бы они вообще не приплыли.

— На это я бы надеяться не стал...

Иванов достал из нагрудного кармана пачку сигарет, распечатал, закурил.

— А я полагал, вы противник табачного дыма.

— Противник, — кивнул Федор, закашлявшись. — Но, говорят, успокаивает. Ребята из порта сигареты сунули, когда собирали сюда. Сам-то я почти никогда...

В воздухе раздался стрекот вертолетных винтов. Потом в небе вспыхнула осветительная ракета — похоже, ее пустили с вертолета, горизонтально к земле. Наблюдатели. Смотрят, не занимаемся ли мы чем-то непопозволенным? Так ведь за оцеплением стоим. Но оцепление-то наше, можно найти солдата, который глаза закроет. Только зачем? Еще окопы прокопать? Еды и боеприпасов у нас вдоволь — если не считать взрывателей для снарядов. Но запросить боеприпасы дополнительно нельзя. Дисквалифицируют.

— С танком что делать будем? — спросил я Иванова.

— Из гранатометов, что тут думать. А близко подобрется — казаки ручную гранату бросят. Пальцев похвалялся, что он два танка так подбил.

— Где же это он ухитрился? На учениях?

— Не иначе. Не слышал, чтобы наша армия где-то с танками в рукопашную билась.

Да, Россия в военном и техническом отношении превосходит все страны, лежащие по соседству. Кто может соперничать с нами? Британия? На море — несомненно, но сухопутная армия Британской империи гораздо слабее. Германия? У немцев слишком мало ресурсов, и колонии в Африке дела не спасают. Америка? Страна растет и развивается, техника там развита не хуже, чем у нас, а кое-где и лучше — но общих сухопутных границ нет. Танки с Аляски не пройдут через всю Канаду. Да и есть ли у нас на Аляске танки? Зачем они там нужны?

Иванов последний раз затянулся, отбросил окурочок подальше от себя.

— Господин Волков, а вы в Бога веруете?

— Отчего спрашиваете, Федор?

— Так ведь страшно, ротмистр.

— Драться?

— Нет, умирать. Как нас там примут?

Я вздохнул.

— Ах, если бы приняли, Федор. Бог — свет, абсолютное добро. Нет никакого ада — в нас самих ад. Вот только не знаю, есть ли Бог. Это и страшно.

— Да как же нет? — степенно улыбнулся Иванов. — Кто ж тогда мир сотворил? Душой нас наделил? Чудеса миру явил? Кому храмы строят и молитвы возносят?

— А если нет никакой души, а мир наш — лишь флуктуация неведомой ткани мироздания? Возник мир, когда Большой взрыв произошел, и сгинет в никуда, следа после себя не оставив. Все наши мучения, все подвиги, вся доброта и сострадание — всё зря. Игра природы, программа биологических компьютеров, созданных по прихоти эволюции из комбинации атомов.

— И как вы с такими мыслями живете, господин Волков?

— Да нет, не живу я с этим, Федор. Сам хочу верить и доказательства ищу, что не напрасно все. Иногда кажется — поверил. А иногда — сомнения гложут. И страшно. Не за себя страшно. Какой-то из святых на муки в аду или небытие соглашался, лишь бы другие были способны к жизни вечной. Я не святой, но тоже так не отказался бы. Не за себя страшно — за цель жизни. Ведь если цели нет — ужаснее ничего и придумать нельзя.

— Есть цель, господин ротмистр.

— Есть ли?

— Точно вам говорю.

Повинуясь безотчетному порыву, мы обнялись.

— Ну, так тогда и бояться нам нечего, — сказал я. — А какие грехи совершили — так то простится или отработается. В вечные муки не верю. Или блаженство, или небытие, или труд.

Край неба начал светлеть. Внизу по течению реки раздалось пыхтение. К берегу ползла баржа. Та самая. Мы не определили это по каким-то признакам, не вычислили, не получили экстренного сообщения. Мы просто знали.

* * *

Персидская баржа — черная, низко сидящая, с вязью арабских букв на борту — была приспособлена под высадку десанта. Не успела она пришвартоваться к берегу, как низкий борт открылся, с него упал широкий металлический трап, по которому на берег посыпались солдаты с автоматами и винтовками в руках. Отбежав от воды на десять—двадцать метров, они падали на землю, занимая оборону и прикрывая высадку. Действовали, как на учениях. Сейчас это не настолько сложно — ведь нам запрещено стрелять.

Когда первое отделение заняло позиции на берегу, несколько человек укрепили трап, и по нему сползла боевая машина десанта «Евфрат» желто-зеленого цвета. Следом за ней опять побежали бойцы. Некоторые — в касках, у других головы перевязаны зелеными платками. Форма — не новая, желтая, выгоревшая, под цвет степи вполне подходящая; поверх курток и рубашек навешено много боеприпасов. Все свое носи с собой...

Несколько солдат скатили по трапу пушку. Другие тащили нечто, напоминающее миномет. Еще солдаты — с ящиками. Как их все-таки много!

Грозное рычание сотрясло воздух — завелся танковый двигатель. Мощный, но стремительный силуэт «Барса» появился на трапе спустя минуту. Казалось, металлические мостки не выдержат тяжести. Баржа накренилась, но танк успешно съехал на песок, взревев, оседлал близлежащую высоту и замер, легонько поводя башней в разные стороны. Трап убрали, последние солдаты прыгнули прямо в воду. Баржа поспешно отошла от берега.

Ни выстрела не раздалось с наших позиций, молчали автоматы и пушки противника. На противоположном берегу взвилась в воздух красная ракета. Сейчас начнется...

Танковая пушка пальнула почти сразу — снаряд унесся в сторону наших позиций, взорвался среди домов. Персы целились по флагу. «Барс» тронулся с места и начал набирать обороты. Вылетел на то место, где вчера располагался палаточный лагерь, смял будку туалета, едва не опрокинул одиноко торчащий душ.

Рявкнули гранатометы отделения Сысоева — одна граната подняла столб воды, перелет; другая взорвалась среди персов, кто-то наверняка пострадал. В ответ заработала скорострельная пушка боевой машины десанта. Разрывные пули косили кусты на позициях полковника, но стрельба была неприцельной — «Евфрат» стремился подавить огневую активность врага плотностью огня. Неприятно, конечно, однако ничего страшного — вряд ли персам удалось в кого-то попасть. Отделение Сысоева зарылось глубоко.

Между тем танк двинулся на позиции полковника. Как мы и предполагали, взрытая земля не осталась незамеченной. Боевая машина десанта покатила в нашу сторону. За ней цепью бежали автоматчики.

Чекунов подождал несколько секунд — «Евфрат» как раз поднялся на насыпь железной дороги — и ударил по нему из крупнокалиберного пулемета. Пули застучали по броне, в клочья разорвали одно из колес. Еще раз рявкнула пушка — на этот раз вступили в бой артил-

леристы противника. Снаряд разорвался перед нашими окопами — осколки визжали, летя во все стороны, на каски сыпалась земля.

Персы подорвали несколько дымовых шашек, скрывая своих бойцов и технику на берегу. Танк развернулся и помчался к нам. Он уже преодолел железнодорожное полотно и сейчас повернулся к позициям Сысоева боком. Но для прицельного выстрела кумулятивной гранатой было далеко, а пулеметы не страшны и боковой броней «Барса».

Нехорошо, что они двинули танк на деревню. Перед позициями Сысоева — мины, есть небольшая вероятность, что танк подорвется. У нас, кроме гранатометов, нет ничего. Кстати, почему они игнорируют пушку? Скорее всего, наше орудие не слишком заметно. Выкрашено в защитный цвет, людей вокруг нет, не стреляет... Эх, нам бы хоть пару снарядов! Жаль, подкалиберных не выделили — те без взрывателя, практически стальные чушки. Броню, может, и не пробьют — но башню оторвут, если удачно попасть. Да и гусеницу повредить — неплохо.

Персы выстрелили из пушки еще раз. Целились лучше — снаряд угодил в штабную избу, из которой я наблюдал за рекой несколько часов назад. Бревна разметало, начался пожар. Ничего, дымовая завеса не помешает и нам.

Чекунов вновь ударил из пулемета — автоматчики противника залегли. Танковая пушка выстрелила — снаряд упал рядом с нашей траншеей, землю ощутимо встряхнуло.

Наверное, мы зря разделились на два отделения. Сейчас нас сомнут. Просто сомнут...

— Держим оборону! — во весь голос, стараясь перекричать стрельбу и рев моторов, приказал я. — Подпустим танк ближе!

Пусть только подберется на расстояние броска. Противотанковых гранат у каждого по несколько штук, и бросать их мы все умеем...

— Казаки говорят: Иванов сбежал, — прокричал из соседнего окопа Джальчинов. — По овражку.

Неужели все-таки старый рабочий украл взрыватели? Совсем не для того, чтобы помочь персам, а для того, чтобы пушка оказалась бесполезной, и его не поставили главным орудийного расчета — тогда уж точно не сбежишь. И как мы сразу не догадались? Ведь совсем не обязательно работать на кого-то. Можно работать и на себя. Сохранять свою жизнь — пусть и ценой чужих!

Не хотелось верить в предательство Федора, но факты говорили обратное. Одно утешало — в спину нам стрелять он вряд ли станет. Другие цели...

Я отбросил пустой магазин, вставил в АВК следующий. Сейчас персы подойдут ближе — и начнется.

Персидский танк сбавил скорость. Броня крепка, зачем приближаться? Наша вылазка вряд ли увенчается успехом — вокруг «Барса» много автоматчиков. А танк будет расстреливать наши позиции из пушки — и рано или поздно сровняет их с землей. Хотя штабисты и утверждали, что на всю деревню снарядов не хватит. Нет, на нашу долю, пожалуй, хватит...

Пальцев выстрелил из гранатомета. Не попал, а по окопу казаков открыли огонь из всех видов оружия: работал пулемет «Евфрата», стреляла с берега пушка, строчили автоматы пехоты. Разноголосый шум перекрыл гулкой выстрел орудия, на который персы отреагировали как-то странно — танк сорвался с места и понесся вдоль наших позиций, словно специально подставляя бок.

Старостин, засевший на правом фланге, кричал:

— Это наша пушка!

Действительно, маскировочную сеть сорвало с орудия выстрелом, и сейчас было отлично видно, как Иванов, сгорбившись за щитком, отчаянно крутит ручки наводки. Зачем он это делает? Ведь взрывателей все равно нет... Хочет попасть болванкой снаряда в гусеницу? Или просто вызывает огонь на себя, давая нам пространство для маневра?

— Стреляй! — закричал я Старостину. — Лупи по нему из гранатомета!

Поручик выскочил из окопа, поднял РПГ-7, выстрелил... Промахнулся. И упал, срезанный очередью.

Проклиная не вовремя поданную команду, я помчался по траншее. Молодой помещик лежал на насыпи окопа. Я схватил его за ногу, втянул в траншею, уложил на землю. Мертв. Пули прошли тело в нескольких местах. Одна пуля попала в голову. Никакой надежды, и пульс проверять не надо.

Гранатомет валялся чуть дальше... Его нужно достать. Втаскивая в окоп Старостина, я не слишком опасался получить пулю — и мне повезло. За гранатометом вылезать было страшно — по нашей траншее лупили так, что и автомат высунуть не получится. Пули взрывали насыпь, словно пытаюсь пролезть в окоп под землей.

Еще один выстрел — не знаю, персидский танк или наша пушка... Хлопок гранатомета. Рев, крики, вой моторов, непрерывная стрельба. Рядом с траншеей упала мина.

А я непозволительно расслабился. «Голову поднять нельзя»... Увы, надо. Или нас перестреляют прямо здесь.

Оставив Старостина, которому помочь не мог, я вернулся в свой окоп, приподнял голову над насыпью. Пылала боевая машина десанта «Евфрат». Танк утюжил холм, на котором стояла пушка. Туда же перебежками двигались персы. Я вскинул автоматическую винтовку, дал очередь. Кто-то из персов упал. Еще очередь. Сменил магазин. Гранатомет Старостина достану чуть позже.

Зазудело в кармане. Мобильный.

Я присел на дно окопа, вынул трубку. На дисплее светилось: «Чекунов».

— Это Пальцев, — раздался прерываемый помехами голос из динамика. — Чекунов убит. Я взял его телефон.

— Сам цел?

— Контузило слегка. Держись.

— Старостин убит. Что с Ивановым, знаешь?

— Нет. Танк накрыл его позицию осколочным. Сейчас утюжит там все.

— Видел. Отбой. Перезвоню.

Подозрительно замолчал Джальчинов... Тоже убит? Ох, как нехорошо... Персов мы положили совсем немного, а половина отделения выбита.

Я набрал номер полковника. Сысоев откликнулся мгновенно.

— Потери велики?

— Двое убиты, о двоих пока не знаю.

Сысоев выразился непечатно — впервые за время нашего знакомства.

— У вас все целы, полковник?

— Томилина поцарапало. Оружие держать может.

Позицию затягивало гарью. Дома в деревне пылали.

— Как будем действовать?

— Выдвигайтесь ко мне. Осторожно. Деревню персы захватят в любом случае. Будем биться здесь.

— Есть.

Я и сам думал пробиваться к отделению полковника. Надо собрать своих...

Джальчинов был присыпан землей. Сидел, прислонившись спиной к стенке окопа. Глаза закрыты, ноги вытянуты. Винтовка валяется рядом на земле.

— Батыр! Живой?

Калмык с трудом открыл глаза, взглянул на меня мутно, не ответил.

— Тебя контузило?!

— Не знаю... В голове гудит...

— Бери оружие, пробирайся овражком на позиции полковника. Наших почти всех положили. Вперед.

— Я не могу подняться...

— Это приказ! Вперед, солдат!

Джалъчинов перевернулся, встал на четвереньки.

— Взять оружие! Ходу! Нас сейчас накроют!

Батыр подхватил винтовку, хотел взять пулемет, но я остановил его. С пулеметом не дойдет.

Высунувшись из окопа, я увидел персов в каких-то тридцати метрах от позиции. Вот и пулемет пригодится... Очередь, еще одна. Двое упали, один залег. Как это все-таки жестоко — играть в войну по-настоящему.

— Вперед, Джалъчинов! Враг рядом!

Калмык поднялся, спотыкаясь, побежал к ответвлению траншеи, ведущей за дома. Там неглубоко — перебраться можно только ползком. Избы вокруг горят... Но там нас не заметят.

Надо забрать Пальцева. Он — на самом краю. Можно просто позвонить — но нам с Батыром не разминуться в траншее. Пусть ползет.

Я вновь высунулся, дал длинную очередь по персам. Бешено орали на чужом языке командиры, но поднять бойцов в атаку не так-то легко. Умирать по-настоящему, когда война ведется только на бумаге, не хочется никому. Особенно если есть кому воевать. У нас другая ситуация, другое воспитание. Эх...

С позиций Сысоева палили часто и яростно. Время от времени ухал миномет. Пушка противника долго молчала — неужели накрыли? Хорошо бы.

На полдороге, там, где прежде располагалась позиция Иванова, я вновь высунулся и открыл огонь. Собаки! И чего вам не сидится в вашей Персии? Спросил и вспомнил — ведь это мы захватили Баку и продвигаемся к Тегерану. Они только огрызаются. Но и мы ведь пришли на их землю не просто так, а поддерживая Армению. Сотни, тысячи действий привели к этому конфликту. И сейчас уже не поймешь, кто прав, а кто виноват. Мы должны держаться своей стороны. Без рассуждений и сомнений. Остальное — предательство.

«Барс» неожиданно развернулся и пополз к позициям Сысоева. Этого я понять не мог. Не добив нас, атаковать свежие силы? Или танкисты не хотят попасть под выстрел из гранатомета, который можно сделать из любого окна? Скопление домов для танка страшно...

Я оставил пулемет — того и гляди, по позиции шарахнут из пушки, — прихватил свою АВК и направился дальше, в окоп Иванова. Нужно забрать Пальцева и уходить. Может быть, на обратном пути захватим пулемет. А если у казака сохранилось все оружие — и возвращаться не станем.

Из окопа Иванова я вновь дал очередь по персам, отщелкнул магазин АВК, взял другой — из тех, что принадлежали Федору Ивановичу. Его боеприпасы были аккуратно сложены на земляной полке в окопе. Веером выпустил все пули. Пусть боятся... Враг должен бояться, а мы — нет!

Когда присел, чтобы перезарядить винтовку, услышал сзади голос:

— Брось оружие, командир!

Осторожно обернувшись, я увидел смотрящее мне в спину дуло АВК.

— Что случилось, казак? — спросил я Пальцева, который держал меня на прицеле.

— Сдаваться будем, — коротко ответил тот.

— Зачем, казак? Граница рядом — беги за проволоку, никто тебя не остановит.

— Нет, офицер. У меня другие планы.

— Какие же?

— Не рассуждай и зубы мне не заговаривай, дворянин. Убивать тебя не хочу. А дернешься — изрешечу за милую душу. Но и тебе, и мне лучше будет, если ты жив останешься. Объяснять почему?

— Да.

— Персам пленные нужны. Для торга.

— Ясно. Я встану в рост?

— Поднимайся.

Стрелять по нашим траншеям перестали. Перестрелка шла только у окопов Сысоева, да и то плотность огня была невысока. Персы ждали. Значит, предатель сумел подать им знак. В том, что Пальцев — предатель, сомнений не осталось.

Я встал во весь рост, сделал шаг в сторону от винтовки. Что делать? Сдаваться я не могу ни при каких обстоятельствах, но получить пулю прямо сейчас в мои планы тоже не входит. Этим я подведу товарищей, которые нуждаются в каждом стволе.

— Взрыватели спрятал ты?

— Ну, допустим.

— Зачем?

— Чтобы танк из пушки не подбили.

Логично. Но я имел в виду вовсе не это. Однако исповедоваться мне Пальцев вряд ли станет...

В моем кармане завибрировал мобильный. Казак вздрогнул — по моему, он был готов спустить курок, сдержался только в последний момент.

— Я отвечу?

— Шутишь? — оскалился предатель.

Мой телефон замолчал, а тот, что был у Пальцева, загудел.

— Лицом на землю, офицер, — приказал казак. — Я поговорю. Может, этот вовсе и не наш командир.

Стало быть, этот подлец держит связь с персами. Каким образом? Все линии связи наверняка контролируются ФАПСИ, разговоры записываются и прослушиваются. Мы ведь не на реальной войне. Здесь все по-другому — даже мобильная связь контролируется нашими. Или у персов есть какие-то суперпродвинутые хакары, ухитрившиеся сломать наши сети или декодировать сигналы?

Спорить с Пальцевым сейчас не в моих интересах. Я послушался и лег. На земле кое-что было. Оброненная Ивановым осколочная граната, втоптанная в грязь. Все у него устроено очень аккуратно, каждая вещь — на своей полочке, а эта граната — на земле. Словно провидение мне ее послало. Или Федор Иванович, которого, наверное, уже нет в живых. Как только Пальцев начал разговор, я схватил гранату и выдернул чеку. Повернулся к предателю.

— Надеюсь, ты не станешь стрелять?

Тот держал винтовку одной рукой, палец — на спусковом крючке. Но обстоятельства изменились. Казак понял это и выругался, отключил телефон. Мне оставалось лишь отпустить скобу — и взорвемся мы оба. В узкой щели от осколков не спастись никому.

— Твои предложения, офицер?

— Сейчас я хочу разойтись с миром. Мы расстреляем тебя немного позже.

— Если я тебя отпущу, кинешь гранату мне вслед, — предположил казак. — По-твоему, я ведь не человек.

— А ты выстрелишь, как только поймешь, что успеешь спрятаться за угол. Нам надо учесть и такой вариант. Так что не спеши — у меня тоже нервы не железные.

Я увидел, что зубы Пальцева выбивают дробь. Он не хотел взрываться вместе со мной. Он боялся — знал, что выучка у офицеров хорошая, и не старый еще ротмистр одолеет его в драке один на один.

— Дай слово чести, что не кинешь гранату — и я тебя отпущу, — предложил казак.

— Только я вот не могу удовлетвориться твоим словом. Ты выстрелишь мне вслед.

Лоб покрыла испарина. Ах, как не хочется умирать... Сколько этот подонок будет играть у меня на нервах? Как, в самом деле, разойтись?

Пальцев тихо сказал:

— Я отойду по траншее на десять шагов. Потом разбегаемся.

— Тогда я возьму свою винтовку. Ты будешь стрелять, я должен защитить себя.

— Идет. Но не поворачивай ее в мою сторону. Неловкое движение — и я стреляю.

— Буду очень осторожен...

Подняв свою АВК, я сделал шаг в сторону Пальцева. Нам еще надо было разминуться. Тот отступил назад.

— Никаких резких движений! — предупредил я.

— Никаких резких движений, — эхом отозвался Пальцев. Телефон в его руке опять зазвонил.

— Расходимся...

Два шага назад, глядя в карие глаза казака, боковым зрением подмечая все вокруг; размышляя, в какую щель втиснуться, чтобы кинуть гранату. Я не давал слова чести, да и не знаю, сдержал ли бы его в этом случае. Пальцев выстрелит при первом удобном случае. Но пока мы в равном положении. Я бросаю — он стреляет. Он стреляет — я бросаю...

Уже пять шагов между нами. Чем больше расстояние, тем выгоднее казаку. Метров за семь-восемь он может уберечься от осколков, вжавшись в землю. Промахнуться из автоматической винтовки на таком расстоянии трудно.

Шесть шагов. Семь. Восемь...

Пора!

Я коротким движением, без замаха швырнул гранату, падая лицом вниз. Пусть ближе к взрыву, но на голове у меня каска.

Пальцев не стал стрелять. С диким криком он выпрыгнул из траншеи. Словно взлетел. Со стороны персов послышалось несколько очередей. Потом — взрыв. Осколки, земля, пыль и гарь. Вроде бы я цел. Только землей присыпало порядочно.

Трясущимися руками я рвал с себя снаряженный магазин, вставлял в винтовку, передергивал затвор. Покажись мне, казак! Только покажись...

Он где-то наверху, если его не подстрелили персы. Или вернулся обратно в траншею...

Враги повсюду! Персы могут нагрянуть в любой момент, недобитый предатель бродит поблизости. Как только я добрался до бокового ответвления траншеи, пополз к домам. Уходить... Предупредить своих... Играть в дуэль с казаком сейчас, когда персы в каких-то двадцати метрах — увольте.

Гортанная речь неподалеку. Очередь над головой. Заметили? Я юркнул за стену сарая. Рядом пылал дом.

Вокруг дымились развалины. В траншеях уже, наверное, хозяйничают враги. Что это? Бегство? Отступление? Я не убил предателя, я оставил позицию. Но я еще могу помочь своим. Если меня не убьют.

* * *

На окраину деревни мне удалось выбраться незамеченным. Думаю, прошло минут пять с того момента, как я расстался с Пальцевым, но не удивлюсь, если выяснится, что я блуждал по развалинам час. «Барс» по-прежнему методично расстреливал позиции Сысоева. «Евфрат» дымился. Выстрелы Чекунова повредили его сильнее, чем представлялось сначала. Хорошо... Жаль только, что Чекунова уже нет.

Персы поднялись в атаку — но их встретил плотный пулеметный огонь. Пехотинцы залегли, танк прямой наводкой ударил по пулеметному гнезду — в ответ по нему выстрелили из гранатомета. Опять мимо! Неужели предатель успел сбить прицелы? Можно ли вообще сделать это на РПГ-7? Или у кого-то просто кривые руки и не слишком верный глаз?

Я пополз через степь. Заметят, не заметят? Доберусь ли до своих? Интересно, добрался ли Джальчинов?

Тем временем танк сдал назад. Огонь прекратился. В деревне уже хозяйничали персы — я видел зеленые повязки, мелькавшие среди горящих домов. Ищут меня? Просто так я не сдамся... Интересно, как они не заметят мою яркую форму в этой жухлой траве? Или она уже не яркая, а просто грязная?

— Переговора! Переговора! — разнеслось над степью. Кричали в мегафон. — Мы хватали ваш офицер! Вы сдаваетесь!

Полковник Сысоев, по всей видимости, дал команду прекратить огонь. Над степью повисла почти что тишина — рокот мотора, треск горящих изб не в счет...

К танку подтаскивали кого-то. Чекунов! Живой!

Как я мог поверить предателю! Если бы знать, что товарищ попал в плен. Но я был уверен, что его убили — персы ли, Пальцев... Поэтому сбежал сам. Надо было драться!

Казака привязали к танковой башне рядом с орудием. Живой щит.
— Вы не стрелять! — продолжал надрываться мегафон. — Ваш товарищ оставаться жив!

Как бы не так... Кодекс чести гласит: любой человек, захваченный в заложники, независимо от обстоятельств считается мертвым. Власти и частные лица не должны пытаться спасти его путем уступок террористам — или врагам, как в этом случае. Такое же правило распространяется и на пленных.

— Товсь! — раздался рык полковника. — Прости нас, хорунжий!

Поразительно, но я услышал крик Сысоева. Потом сообразил, что ветер дует в мою сторону. Казак, скорее всего, не слышал ничего. Но он знает устав...

Танк двинулся вперед. Прости нас, Господи...

Я поднялся на колено и открыл огонь по вражеским пехотинцам. И тут танк словно подняло на столбе огня. Сработала противотанковая мина, поставленная Старостиним! Спасибо тебе, друг. Тебе уже ничто не поможет, но ты помог нам.

Я продолжал стрелять. И тут меня опрокинуло на землю, вырвало из рук винтовку. Попали. В глазах темнело, по телу расплзалась предательская слабость. Встать, попробовать выстрелить еще раз. Нет, не вмоготу...

* * *

Очнулся от боли. Меня тащили. Над степью грохотали выстрелы. Кто меня тащит? Куда?

С трудом разлепив глаза, я увидел небо. Мутное, затянутое дымом. Дым был повсюду — высоко в воздухе, над землей. Только плотность его менялась. Надо мной маячило бледное пятно — девичье личико.

— Ты кто? — прохрипел я. Соображалось с трудом.

— Мария. Молчи, капитан, молчи. Береги силы. Сейчас, уже скоро.

Еще несколько рывков — и мы упали в траншею. Да что же это? Откуда тут траншея? Откуда эта Мария? Что со мной? Почему она назвала меня капитаном?

Я думал, что в укрытии девушка успокоится, а то и исчезнет — откуда здесь было ей взяться, — но она вновь потащила меня, уже по траншее. Боль структурировалась. Болела грудь и раненая прежде рука. Тяжко...

Свет начал меркнуть. Мы оказались в перекрытой щели. Кажется, ее отрыв Старостин, соединив с отдельно стоящим погребом в одном из подворий.

— Сейчас-сейчас, — шептала девушка. — Переждем. Перестанут стрелять, я вызову подмогу, отнесем тебя к хирургу.

— Долго ждать, — хмыкнул я. — Полтора дня еще.

— Почему полтора дня?

Ответить я не успел. Послышался страшный грохот, землю трянуло — и я потерял сознание, в который раз за последние несколько минут.

Очнулся, когда девушка поднесла к моим губам фляжку с водой, овальную, алюминиевую — где только нашла такую? Пить очень хотелось, и я с трудом напился — даже глотать было больно. Вода оказалась странного вкуса, и после того, как я утолил жажду, мне стало очень тоскливо.

В укрытии царил полумрак — свет попадал внутрь через неплотно пригнанные доски двери. И все же я мог разглядеть свою спасительницу. Выцветшая гимнастерка цвета хаки, такая же юбка, черные потертые сапоги. Пахло от девушки какими-то дешевыми, но приятными духами — кажется, ландышем. А еще — гарью и потом. В целом пахло приятно. Запахом живого человека...

— Как вы здесь оказались? — прошептала я.

— Заметила вас, подползла.

— Я не о том... Откуда вы взялись на полигоне?

— На каком полигоне, капитан? Тут не учения. Идет война! Вам память совсем отшибло? Бедненький...

— Война? — переспросил я. — Ну да, война...

— Лезут немцы, лезут, — глядя в одну точку, проговорила Мария. — И когда это кончится? Но ведь остановим мы их, капитан? Остановим? За Волгу им пути нет?

И тут мне стало по-настоящему страшно. Когда в меня целился Палецев, особого страха я не испытал. Да, умирать не хотелось, но тогда опасность была видимой и реальной. А эта сумасшедшая девушка, невещь как попавшая на полигон... Рассказывает о немцах... Какие немцы? Где? Последний раз мы воевали с ними в прошлом веке. Впрочем, в Поволжье немцев хватает и сейчас, но кто же станет с ними воевать? Да и одета девушка странно. Откуда у нее гимнастерка? Странные, непохожие ни на что погоны. Сумка с красным крестом... Почему она в сапогах, а не в ботинках, даже если предпочитает стиль «милитари»?

— Перевязать вас надо, капитан, — заявила девушка. — Сейчас бинты достану...

— Обезболивающее есть? — спросил я.

— Морфий? Нет, не положено.

— Какой морфий, детка? О чем ты? Стандартное обезболивающее! Армейский пакет! Да у меня же в куртке он должен быть. Посмотри в нагрудном кармане.

Девушка приблизилась. Совсем молоденькая и хорошенькая к тому же. Прямые черные волосы, собранные в хвостик...

— Здесь только обломки, капитан. Пуля разнесла коробочку вдребезги. Все пропиталось кровью.

Значит, крови не боится. Привычная. А гимнастерку и правда надо снимать. Чуть позже...

— Почему ты называешь меня капитаном, Маша?

— Так ведь четыре звездочки на погоне. Капитан, — робко улыбнулась девушка. — Или вы моряк? Из морской пехоты?

— Нет, я пехотинец. Давай остановим кровь.

Маша неведомо откуда вытащила скальпель, аккуратно разрежала гимнастерку. В одном месте, в другом, постоянно тормоза меня, переворачивая с боку на бок. Опять стало больно, и я отключился.

* * *

В себя я пришел перебинтованный. Пахло йодом. Лежал я на земле, точнее — на шинели. Маша присела рядом.

— Температура поднимается, товарищ капитан. Нехорошо. А у меня нет ничего жаропонижающего. Как вас зовут? Я ведь и не спросила.

— Никита. Никита Волков.

— Автомат у вас интересный был. Его выстрелом разнесло. Трофейный?

— Нет, Машенька, наш.

— Самая новая разработка?

— Есть и новее. Ты кем работаешь, Маша?

— А я не работаю. После медицинского училища сразу на фронт попросилась.

Мне ничего не было ясно. Но я решил принять правила игры.

— Почему не в госпитале служишь, а на передовой, под огнем?

— Так уж сложилось, — потупила глаза девушка. — Не поладила кое с кем. Знаете, бывает...

— Раненых с поля боя должны выносить мужчины-санитары. Разве нет?

— Кто же воевать тогда будет? Раненых таскать и девчонкам под силу. А вы воюйте.

Откуда-то с новой силой потянуло гарью. Как бы нам не задохнуться в этом погребе.

— Уходить надо, Маша. Тебе надо уходить. Я пережду.

— Нет, товарищ капитан. Я вас не брошу.

Что это за обращение — «товарищ» и на «вы»? Пытается шутить? Чамо боится? И что она, в конце концов, здесь делает?

— Это приказ, Мария. Уходите. Немедленно.

— Медсестры не в вашем подчинении, товарищ капитан. Да и засыпало землянку. Дверь не открывается, я хотела выглянуть. А щель бревнами завалило. Из пушки соседний дом разнесли.

— Что ж, значит, судьба.

Сил спорить у меня не было. Я попытался перевернуться на бок. Получилось, хоть и с трудом. На полу, на куске брезента, заметил черную коробочку и наушники. Да это же плеер Старостина! Поручик оставил его в укрытии. И правильно — в окопе нужно слушать звуки боя. Музыка отвлекает и может погубить. Но лучше бы он оставил здесь пакет первой помощи...

— Вы поспите, товарищ капитан.

— Давай на «ты», Мария? Мне неудобно — не настолько я тебя старше. А ты мне еще и жизнь спасла.

— Хорошо, давай на «ты», Никита. А что жизнь спасла — так для того ведь я и служу. Да и громко это сказано. Ты, может, и без меня выбрался бы.

— Мне и правда память отшибло, наверное. Не помню, как я здесь очутился, — солгал я. — Ты из какого подразделения?

— Из медсанбата, откуда же еще? Тринадцатая гвардейская стрелковая дивизия. А ты не наш, что ли? Откуда? Из сто девяносто шестой стрелковой?

— Не помню. Не знаю.

Девушка подозрительно взглянула на меня, наморщила лобик.

— Что-то хоть помнишь? Призвали тебя когда?

— Да вот, буквально несколько дней назад.

— А до этого что же? По брони на заводе работал?

— Не на заводе. В градоуправлении.

— А... Из Москвы?

— Нет, из Ростова. А ты откуда?

— Из Кривого Рога. На Украине. Немцы его давно уже захватили.

— Так мы с немцами воюем, Маша?

— С фашистами, — лицо девушки стало еще более настороженным. Словно она ожидала от меня какого-то подвоха.

— Но фашисты же вроде в Италии? Слово итальянское...

— И в Германии тоже фашисты. Ты спи, капитан. Спи. Потом поговорим.

— Нет, спать я не хочу. Вдруг враги нагрянут? Хоть какое-то оружие у тебя есть?

— Нет.

— Клинок мой тоже в поле остался?

— Не знаю. Не видела. Автомат покорежило, больше ничего не заметила.

Толку от серебряной шпаги мне сейчас не было никакого, вряд ли я смог бы вытащить ее из ножен, но потеря меня очень огорчила. Если придется умереть — не хотелось делать это как безродному псу, безоружному.

— Посмотри, может, найдется что-то в укрытии? И подай мне, пожалуйста, плеер — он, наверное, работает.

Мария поднялась, прошла в другой угол землянки, наклонилась. Хорошая фигурка, но ведь совсем еще девчонка... Куда ей на себе бойцов с поля боя вытаскивать? Кто такое придумать мог?

Вернулась с гранатой в руке. Граната была странной — большой, гладкой. И не противотанковая, но и противопехотных таких я не встречал. Может быть, персидская? Но откуда она здесь могла взяться?

— А плеер, Машенька?

— Что это такое, Никита?

Мне опять стало не по себе. Как молодая девушка может не знать, что такое плеер?

— Ты его не заметила? Вон, коробочка в углу.

Девушка дала мне коробочку и наушники.

— Рация? — восхитилась она. — Или миноискатель? Не может быть рация такой маленькой!

Не может? Почему же не может? У Старостина какой-то старорежимный плеер, с компакт-дисками, внушительных, я бы сказал, размеров. Если бы я имел привычку слушать на улице музыку, то купил бы себе цифровой раз в пять меньше. Но на вкус и цвет товарища нет.

— Это проигрыватель, — ожидая, что девушка рассмеется, объяснил я. — Слушать музыку. И, кстати, где-то у меня был телефон. Совсем забыл... Надо позвонить своим.

Действительно, с этой суетой, с Машей, которая меня то удивляла, то пугала, я перестал ориентироваться в ситуации. Чего проще — достать трубку и позвонить Сысоеву? Им сейчас не до меня — но, может быть, я смогу встать? И надо предупредить их, что на полигоне гражданские... Хотя какая же Маша гражданская? Утверждает, что служит... Ничего не поймешь!

Пошарив по карманам, телефона я не нашел. Неужели выпал?

Мария смотрела на меня жалостливо.

— Совсем тебе плохо, Никитушка. Разве может телефон в кармане помещаться? Нет у нас линии связи. И телефона нет. Но ничего, наши высоту отобьют — выберемся.

Спрашивать, зачем нашим отбивать высоту, я не стал. Бесплезно. Эта девушка не имеет ни малейшего понятия о том, что творится здесь. Или я действительно потерял память и воображаю невесть что, а мы вовсе не в степях под Царицыном и воюем не с ограниченным контингентом персов, а с Германией или с Италией. Правда, невероятно, что немецкие или любые другие европейские войска дошли до Волги — а значит, мы на Днестре, или на Дунае, или на Висле...

— За Волгой сейчас спокойно, — словно специально опровергая мои умозаключения, проговорила Мария. — Урожай собрали, который остался, жара спала. Скоро дожди пойдут — и завязнут немцы. Зима заморозит, стужа скует...

Я включил плеер. Старостин нарезал диски сам — рассказывал об этом еще перед боем, совал мне плеер. Но настроения не было... Первой заиграла песня «Мельницы».

*Позабитые стынут колодцы,
Выцвел вереск на мили окрест,
И смотрю я, как катится солнце
По холодному склону небес,
Теряя остатки тепла...*

Мария смотрела на меня с нескрываемым удивлением. Я поманил ее пальцем и протянул наушники.

— Надень.

Девушка слушала, боясь проронить слово. Спустя минуту из глаз покатились слезы.

— Что это? — спросила она. — Какая песня?

— «Дракон».

— Никогда не слышала. А певица?

— Хелависа.

— Немка? Или голландка?

— Русская, кажется. Псевдоним.

— Что за радиостанция?

— Проигрыватель, — объяснил я. — Если хочешь, можем послушать еще раз.

— Ты морочишь мне голову.

Нарезка диска Старостина была причудливой. Песни мешались

беспорядочно. Сейчас из наушников неслась «Living next door to Alice». Это уж точно не для нашей землянки...

— Нет, я серьезен.

— Как можно уместить проигрыватель в такой коробочке? А звук... Какой чистый звук!

— Ты понимаешь в радиотехнике и музыке? — улыбнулся я.

— Училась в музыкальной школе. По классу скрипки.

— Я тоже когда-то ходил — только на фортепиано. С отвращением.

— Почему? Не любишь музыку?

— Слушать и играть самому — не одно и то же.

Мария задумалась. Хорошенькое личико побледнело еще больше. Наушники она вернула мне.

— Ты — чужой, Никита. Ты — не красный офицер.

— Нет, не красный, — не стал спорить я. — Русский. А что означает «красный»?

— Не прикидывайся!

— Я и правда не знаю.

— Ты — из дореволюционной России. И погоны у тебя не наши. Звезды не те.

Революция? Что она имеет в виду? Переворот, когда от власти был отстранен император Александр? Или принятие новой Конституции в 1878 году? Не беспорядки же 1898 года? Шуму тогда было много, но строй сохранился и гражданское общество только укрепилось...

— А когда произошла революция?

— В семнадцатом году.

— В тысяча девятьсот семнадцатом?

— Конечно! Ты меня пугаешь, Никита! Или только и ждешь, чтобы выдать врагам?

Маша выглядела очень испуганной. Казалось, шевельнусь я сейчас — и она закричит.

— Не забывайте, что я гражданин, Мария. Офицер. Русский офицер. Как вы могли подумать, что я способен выдать вас кому бы то ни было? Если я смогу держать в руках шпагу, то буду защищать вас до последней капли крови.

— Ничего не понимаю, — прошептала девушка. — Я могла бы понять, будь вы из прошлого. Но эта винтовка... Проигрыватель... Неужели я сама попала в будущее? Тогда я совсем не понимаю, что случилось со страной? Немцы захватили Россию? Белогвардейцы вернулись? Вы ведь не из простых, Никита, я сразу поняла. Но это ведь случается — дворяне тоже служат в армии. Иногда.

— Дворяне служат иногда? — изумился я. — А кто же служит постоянно?

— Дети рабочих и крестьян. Пролетариат.

— Зачем же служить в армии детям рабочих, если они собираются продолжить ремесло отца?

— Чтобы защитить страну.

— Этим должны заниматься профессионалы, которыми и являются дворяне... Граждане...

Мне стало зябко. Лицо девушки плыло перед глазами. словно почувствовав мое состояние, она положила мне на лоб ледяную ладонь. Я невольно поморщился.

— Да у тебя жар, Никита! Сейчас накрою тебя шинелью. Ты спи, спи. Ничего не бойся... — голос девушки прерывался. — Я тебя не выдам. Все равно не выдам.

* * *

Не знаю, сколько я пролежал в беспомощности. Когда очнулся, понял, что не могу больше спать. Мария дремала в углу, свернувшись калачиком на каких-то тряпках. Ей было холодно. Я, шатаясь, добрался до двери, толкнул ее. Не поддавалась. Тогда я припал к щели, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь снаружи.

Бой продолжался. Дым, казалось, стоял до самого неба. По полю ползли танки — тяжелые, угловатые, с крестами на башнях. Следом за ними бежали солдаты в серой форме. В них стреляли из окопов на берегу реки. Плотность огня защищавшихся оставляла желать лучшего... Но один танк с крестом на башне уже дымился. Может быть, это подбитый нами «Барс»? Нет, очертания совсем другие.

Я вернулся в свой угол, позвал:

— Иди сюда, Машенька! Под шинелью хватит места двоим.

— Боялась потревожить твои раны, — ответила сонная девушка, переходя в мой угол и опускаясь на брезент. — Прости, разморило... Ты можешь ходить? Уйдешь далеко?

— Не знаю. Драться пока точно не смогу.

— Об этом речи быть не может... Наверху стреляют?

— Да. Там, похоже, столкнулись несколько дивизий. Танки, самолеты, сотни людей. До горизонта, насколько хватит глаз.

— Великая война. Страшная война, — кивнула Мария. И запела:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*

Девичий голосок звучал под низким деревянным потолком нежно и решительно. Слова и мелодия рвали душу. Я был потрясен. А когда она запела припев, даже мурашки по коже побежали.

И сейчас я заметил: землянка словно бы стала другой. Стены укреплены крашеными досками, под потолком болтается фонарь «летучая мышь» — такие я видел только на картинках, их заправляли керосином. В углу — два ящика из-под патронов, маркировка незнакомая. А у меня никак не спадал жар...

— Нужны антибиотики, — прошептал я. — Антибиотиков тоже нет?

— Пенициллин — только в госпитале.

— До госпиталя я не доберусь никогда.

— Почему? — тревожно спросила девушка.

— Знаю. Просто знаю. Нет никакого госпиталя. Нет сто шестьдесят девятой дивизии. И тебя, Мария, нет.

— Я есть. Вот, — она положила руку на мое плечо.

Рука была местами нежная, почти детская, местами — огрубевшая, со стертой кожей. Я осторожно поцеловал тонкие пальцы, улыбнулся.

— Значит, тогда нет меня. Ты — милая девушка с Великой войны, а я — офицер Великой России. Той России, которая никогда не допустит врага до Волги.

— Почему тогда ты воюешь здесь? Как мы могли встретиться?

— Потому что так надо. Отдыхай, Маша. Послушай музыку...

Протянув девушке наушники плеера, я нажал кнопку воспроизведения. В безумной подборке Старостина, казалось, имелось все. Я слышал, как из дальней дали запел Бутусов:

*Я просыпаюсь в холодном поту,
Я просыпаюсь в кошмарном бреду,
Как будто дом наш залило водой,
И что в живых остались только мы с тобой.*

*И что над нами километры воды,
И над нами бьют хвостами киты,
И кислорода не хватит на двоих,
Я лежу в темноте...*

— Скоро ночь, — сказала Маша. — Можно попытаться выбраться наружу. Если бы ты мог идти...

— Волгу мне все равно не переплыть. И за проволоку нельзя.

— За какую проволоку?

— Боюсь, ты не поймешь. Я и сам не понимаю...

— О каком клинке ты говорил, Никита? Что за клинок? Мне ка-

жется, я видела какие-то ножны в поле, когда тащила тебя. Кортик? Сабля?

— Наверное, это была моя шпага.

— Шпага? — лицо девушки вытянулось. — Но их ведь не носят уже сто лет.

— Почему?

— Как — почему? Когда появились пистолеты, шпаги стали никому не нужны. Даже Пушкин стрелялся на дуэли на пистолетах, а не бился шпагой.

— Пушкин стрелял из пистолета? — я был потрясен. — И кого-то убил?

Мария посмотрела на меня укоризненно.

— Плохо так шутить, Никита.

— Извини... Но я не предполагал, что Пушкин мог в кого-то стрелять. Сама мысль об этом кажется мне дикой.

— Зато в него стреляли. И убили на Черной речке. Говорят, что Дантес надел кольчугу, и пуля Александра Сергеевича не смогла причинить ему вреда.

— Не дай нам Бог такого, — невпопад заметил я, имея в виду, что преждевременная смерть поэта могла бы изменить историю России. Ведь я знал, что Пушкин дожил до глубокой старости. Поэт не только «глаголом жег сердца людей» — он сделал многое для принятия Конституции, которая действует и сейчас.

* * *

Мария уснула. Я лежал, пытаюсь не слишком дрожать. По стенам пробежали сполохи. Может быть, это рябило у меня в глазах.

Когда-то давно я читал о взаимопроникновении миров. О том, что обитаемых и мертвых вселенных — бесчисленное множество. Некоторые миры совсем рядом с нами — рукой подать. По ним мы бродим в своих снах...

Может быть, и Маша — из другого мира? Такого, где хрупкие девочки воюют наравне с мужчинами, где русские бьются с немцами, а не с персами, где в сумке у медсестры — не набор антибиотиков и обезболивающего, а бинт и пузырек с йодом... Но как она попала к нам? Или как я попал к ним? Во сне? В бреду? Вдыхая пороховую гарь вместо наркотика?

Но вот она, Маша, лежит рядом со мной, греет теплым боком, пахнет ландышем. И я не валяюсь в поле, не попал в лапы к персам, не распят на броне, как Чекунов, а добрался до укрытия в землянке. А снаружи — чужие танки.

Тоска... Какая тоска! Как можно жить в мире, где подло убили Пушкина, где граждане ходят без шпага, но с пистолетами, как в Америке, где женщины оказываются под огнем противника... Похоже, и техника в этом мире развита куда меньше. Мария не знала, что такое плеер, говорила о пенициллине и морфии — как будто и не знала о синтетических антибиотиках и таком разнообразном перечне наркотических препаратов... Наверное, она и об ЛСД не слышала. Впрочем, какой толк, что я слышал? Не пробовал и не собираюсь. Но морфий — это как-то приземленно.

Пуля, разбившая коробку с лекарствами... Может быть, она занесла мне в кровь наркотик, который, причудливо смешавшись с другими препаратами, породил странные видения? Нет, такого не бывает. Что же происходит? Взаимопроникновение миров? Перенос в пространстве и во времени? Или эта землянка — такой же сон, как вся моя жизнь?

Тишина была долгой, а потом в дверь заколотили, закричали на немецком языке. «Летучая мышь» коптила под потолком.

Маша проснулась сразу, рывком села, крепко сжала мою руку:

— Они увидели свет! Сейчас выбьют дверь, бросят гранату!

— Как они ее выбьют, когда дверь открывается наружу?

Загрохотал автомат, полетели во все стороны щепки.

— Только не сдайся живыми! — прошептала Маша. В глазах ее был ужас. — Ты взорвешь гранату?

— Нет, если потребуется, ее взорвешь ты, — ответил я, подталкивая тяжелый цилиндр к девушке. — Но не спеши. Не спеши...

Я поднялся на ноги. И как Мария осматривала наше убежище? На стене, на вбитом в глину кольшке висела шпага Старостина. Не серебряный клинок, но оружие очень достойное. Прошлый век, ручная работа.

Из ножен шпага выходила почти бесшумно. Сталь золотилась в неверном свете «летучей мыши».

— Что это? — пискнула Маша. — Что ты намерен делать?

— Уничтожить врага.

Подниматься по лестнице оказалось не так трудно, как в прошлый раз. Двое немцев — серая форма, орлы на фуражках — возились с дверью. Мародеры, не иначе. Прodelали в досках дыру, но гранату бросать не спешили. Выламывали не слишком крепкие доски одну за другой. Значит, надеялись пожить хозяйскими припасами. Не ожидали, что здесь скрывается воин.

Удар снизу — и первый немец осел возле двери. Второй замахал руками, подхватил винтовку с примкнутым штыком. Ткнул меня.

В другое время я бы без труда уклонился. Но сейчас двигался слишком медленно. Успел только закрыться раненой рукой и ударил. Войн должен уметь нанести удар даже смертельно раненый.

Начал заваливаться на землю.

— Нет, Никита, нет! — кричала Маша. — Не умирай!

— Уходи. Уходи к своим, — успел сказать я.

* * *

Не помню, как я оказался в госпитале. Палата была огромной и светлой, потолок — высоким, простыни — белоснежными. Они слегка похрустывали, когда я поворачивал голову.

Доктора, медсестры, санитарки, казалось, чередой проплывали мимо. Уколы делали не больно, перевязки — аккуратно. Думать не хотелось ни о чем.

Медицинский персонал начал разговаривать со мной через пару дней после того, как я оказался в госпитале. Или я начал слышать и понимать их через пару дней. А примерно через неделю меня посетили двое в штатском — серые пятна на фоне стерильной белизны. У одного из гражданских тускло пламенел на лацкане пиджака рубиновый ромб — посетитель был мастером довольно известной школы фехтования.

— Никита Васильевич, извините, что мы беспокоим вас, но комиссия генерального штаба требует ваших показаний.

— Значит, вы представляете комиссию?

— Так точно.

Имен своих они не назвали, а я не стал интересоваться. Мы встречаемся по долгу службу — к чему лишние церемонии?

— Что бы вы хотели знать? — подозреваю, мой голос звучал равнодушно и отстраненно.

— Как развивались события на позиции вашего отделения после того, как ее покинул Батыр Джальчинов? Почему вы сказали, что Чекунов убит, когда оказалось, что его взяли в плен? Как попал в плен Пальцев?

Сдержанно усмехнувшись, я спросил:

— Вы подозреваете меня в предательстве?

— Нет. Такой вариант исключается. Но некоторые вопросы ставят комиссию в тупик. Аналитики не могут дать законченную и непротиворечивую версию событий. А ваш бой у Царицына наверняка войдет в учебники истории и военной тактики.

— Прямо-таки в учебники? По-моему, вы нам льстите... Во всяком случае, мне.

— Нет. Вы сделали важное и нужное дело.

Будь по-вашему... Я коротко рассказал о своей стычке с Пальцевым, о том, что видел после того, как пытался пробиться на позицию Сысоева. Закончил тем, что меня подстрелили.

— Пальцев оказался вовсе не Пальцевым, — пояснил мастер школы рубинового ромба. — Его подменили.

— Пришельцы из других миров? — спросил я совершенно серьезно.

— Очень хорошо, что чувство юмора к вам возвращается, — кисло улыбнулся другой мужчина. — Вряд ли все было настолько сложно. Поработала персидская резидентура или купленные ею люди. Но с этим мы разберемся.

— Его поймали?

— Нашли тело. Он был убит, чьим выстрелом — сказать сложно. Но тело лежало у самого берега Волги.

— С какой стороны?

На меня посмотрели, как на сумасшедшего. А я только сейчас понял, что землянка, в которой мы прятались с Машей, была на правом берегу Волги. И тогда это меня ничуть не смутило.

— Нам не совсем ясно другое — как удалось выжить вам? — поинтересовался военный с рубиновым ромбом. — Кто вас перевязал?

— Вы не нашли Марию?

— Какую Марию? — оба посетителя насторожились.

— Девушку. Медсестру. Она мне и помогла.

— Никаких девушек на полигоне не было и быть не могло. Тем более — медсестер.

— Тогда и говорить не о чем. Значит, она привиделась мне в бреду.

— Но бинты... Вы были перевязаны такими бинтами, которые не используются ни в русской, ни в персидской армии. Мы получили заключение экспертов-криминалистов.

— Даже на экспертизу отправили?

— Мы были обязаны...

— Не могу дать объяснение этому факту. Откуда взялись бинты, я понятия не имею. Хотя очень хотел бы знать. А где вы меня обнаружили?

— Китайские наблюдатели нашли вас около траншеи, соединяющей ваши позиции и полуразрушенный подвал. В руке вы сжимали окровавленную шпагу. Рядом не было никого. Кстати, ваш клинок тоже нашли — в поле, метрах в трехстах от вас.

— И в подвале никого не оказалось? Вы проверили?

— Все осмотрели очень внимательно. Искали труп рядового Иванова. Но так и не нашли. Мы были уверены, что вы тоже погибли. Вообще говоря, к тому шло — два дня без помощи выдержит не каждый.

— Мне помогали.

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто перебинтовал меня, кто дал напиток, кто помог не сойти с ума и не замерзнуть.

— Замерзнуть летом? В Царицыне? — удивился мужчина с рубиновым ромбом.

— Да, мне было очень холодно... Почти все время.

— А откуда появилась свежая колотая рана у вас на руке?

— Не знаю. Не помню.

Рассказывать о немцах было просто глупо. Попасть из военного госпиталя в клинику для умалишенных — увольте.

— С удовольствием пообщались с вами. Вы не станете возражать, если мы навестим вас позже?

— Конечно. Приходите, когда вам будет угодно. Кто из ополченцев уцелел?

— Больше половины, — ответил мужчина без знака фехтовальной школы. — Ваши товарищи продержались два дня. Отделение Сысоева потеряло лейтенанта Калинина и рядового Семикопытова. Из ваших в живых остался Джальчинов. Чекунов тоже в госпитале.

— Неужели? Очень рад такой новости!

— Его сильно контузило — и персы бросили его в степи. Потом одумались и отнесли к барже, в медицинскую палатку. Когда срок боя вышел, выдали его нам. За это им простили не слишком джентльменское поведение. О лже-Пальцеве мы тактично не вспоминали. Они — тоже.

— Прикрывать танковую броню пленным — не лучшая идея.

— Хорошо то, что хорошо закончилось. Русские не мстят без нужды.

— Кстати, о мести. Наши танки сбросили персов в Волгу?

— До этого не дошло. Без поддержки бронетехники противник не смог взять укрепления Сысоева. По истечении срока боя противник признал свое поражение. Миссия была выполнена силами вашего отделения. Вы — герои.

— Не все, — вздохнул я. — К сожалению, не все.

* * *

Из госпиталя меня выписали в сентябре. Стояла прекрасная тихая осень — жара спала, но степи были полны теплом.

Почти все ополченцы разъехались по домам, каждый зашел навестить нас с Чекуновым — тот, как оказалось, лежал в соседней палате. Я много спал, гулял по двору госпиталя, иногда смотрел телевизор. С Максимом мы встречались редко — казак был плох, да и мне не хотелось общаться ни с кем. Отдохну, вернусь домой — тогда другое дело. Хотя кто знает?

Дженни писала мне из Америки бумажные письма, которые передавали авиапочтой — я не подходил к компьютеру, забросил интернет, он казался таким ненастоящим... Я отвечал ей изредка. На душе было тревожно. Словно и не кончилась война.

Перед самым отъездом я решил прогуляться по Царицыну. С Мамаева кургана открывался замечательный вид на вытянувшийся вдоль реки город. Поля на западе лежали в дымке, мощные тракторы пахали стерню. Мне отчего-то казалось, что это ползут к Волге вражеские танки. Раны не болели — болело сердце.

Платиновые часы, врученные главнокомандующим, мерно тикали в кармане, отсчитывая уходящие секунды. Минута за минутой, час за часом — наш мир шел вперед. А где-то и время идет по-другому, и самые страшные бои еще впереди...

Я еще раз проверил билет на самолет: вылет из Царицына 11 сентября 1942 года в пятнадцать тридцать пять, прибытие в Ростов — шестнадцать двадцать. Нина обещала приготовить роскошный ужин. Генеральную уборку она уже сделала.

Ах, как бы я хотел пригласить на этот ужин Марию! Показать ей, как мы живем, чего достигли. Просто обогреть и накормить — ведь она согревала меня, заботилась обо мне, даже не зная, кто я такой и чего от меня ждать, а сама, наверное, голодала. Но двери между мирами открываются редко и совсем не случайно...

Надеюсь, когда-нибудь мы все же встретимся. Лет через пятьдесят, на пороге двадцать первого века, когда люди не только выйдут в космос, но и смогут заглянуть в параллельные миры, похожие на наш и полностью от него отличные.

Пусть мне будет за восемьдесят — я все равно буду стремиться знать, как устроена Вселенная. Это не проходит с годами. Ведь мы живем для того, чтобы хоть немного приподнять покров тайн мироздания — здесь и сейчас.

В других мирах все мы — любящие и любимые, отрицающие и сомневающиеся, потерявшие и ищущие — встретимся непременно. И встреча наша будет счастливой.

Д М И Т Р И Й В О Л О Д И Х И Н

СЛИШКОМ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Опель» застрял в километре от деревни. Лужа, огромная, как плац гарнизонной гауптвахты, обступила машину со всех сторон. Впереди — топь, глубина. По бокам — хляби, не ведающие различия между водой и твердью. Позади — растворенная дорога, и по ней «опель» медленно-медленно пытается на сушу, пытаясь напугать грязевую стихию утробным рыком.

— Ханс, не выдержит.

Ханс прикусил губу, сощурил глаза. Ханс мертвой хваткой вцепился в баранку. Ханс не ответил.

— Не выдержит, камрад!

— Заткнись.

И славянская грязь отпустила хорошую, на совесть сработанную немецкую машину.

— Что теперь, Вилли? Где твой деревенский самогон?

Пассажир задумался. Да, самогон — единственное, что здесь умеют делать как надо. И у него был один-единственный шанс уговорить Ханса подвезти его в эту глушь. Но вот не добрались они чуть-чуть, какой конфуз!

С другой стороны, Ханс не увидит всего *этого*, а значит, никому ничего не расскажет. Так даже лучше. В сущности, Вилли приготовился терпеть насмешки. Деревенщина. Колхозник сиволапый! То, зачем он сюда приехал, стоит малой толики терпения.

— Полчаса туда, полчаса обратно. Час там. Полтора в худшем случае. Потерпи.

Водитель кивнул.

Вилли вышел из машины. Моментально озябнув, поднял воротник. Поморщился: надраенные юфтевые сапоги ушли в грязь по голенище. На черных форменных штанах повисли капельки коричневой жижи.

Он медленно побрел, выбирая места помельче. За плечами в пустом ранце глухо тукала саперная лопатка.

— Эй! — крикнул ему в спину Ханс. — Эй!

— Что?

— Холодно. Вилли Васильев, литром ты не отделаешься.

— Не скули, будет тебе...

* * *

За взгорком открылась деревня. Года три назад он был здесь последний раз. Когда закончил Истринское реальное училище для народов 4-го класса и поступил на службу в ландмахт. Приехал на побывку, за три дня разругался со всеми вдрызг... Его бесили тогда люди, слова,

движения, предметы. Но больше всего — запахи. Куда ни сунься, всюду вонь. Отвык...

Старый пьяненький селянин в валенках и телогрейке, худой как жердь, otvorит перед ним дверь. Шатнется, полезет с поцелуями. Старая некрасивая селянка в платке из ситчика с блеклыми разводами предложит ему щи с грибами. Селянка помоложе, простоволосая и распутная, попытается завлечь его к себе в постель. Полуживой пес, которому сто лет в обед, обнюхает его и поставит грязные лапы на штаны. Все предсказуемо и безобразно.

Пфуй!

Он прислушался к себе: дрогнет ли хоть одна струнка в душе, отзовется ли на дымкий аромат осенней деревни, знакомый с детства? Нет, ничего. В прошлый раз он орал тут, как безумец, по одной причине: девушка показалась родной. Тогда еще она казалась родной. И собака. Невесть почему...

Нет. Три года прошло. Теперь он чужак в этом унылом краю.

И еще у него очень хорошая фельдфебельская форма, новенькая, прекрасная — по сравнению с любым одеянием, которое можно было бы тут увидеть. А на левом кармане красуется черный значок за ранение, полученное еще в первой кампании, когда они отбивали у китайцев Читу.

Они и тогда-то разучились понимать Вилли, а ныне меж ним и местным мужичьем разверзлась пропасть.

Но кое-что в этих местах, пожалуй, стоит его терпения...

Стучать не понадобилось: дверь оказалась открыта. В темных сенях пованивало сушеными травками. Горница. Полосатые половики. Дедовские ходики тюк-да-тюк. Ветхий ситец отгораживает кухонный угол. На лавке сидит старый тощий селянин в телогрейке и валенках. Кожа дрябло побалтывается под подбородком. Полуседые-полуземлистые волосы худо расчесаны.

Ну, точно. Бросается с поцелуями. Прах побери, мундир провоняет... Вилли отворачивает лицо, боясь вдохнуть полной грудью самогонный перегар... но нет, старик сегодня трезв.

— Сынок! Ваня... Приехал! А мы и не чаяли. Прошлый раз... мы тебя... прости.

— Рад тебя видеть, папа.

— Маланья! Мать! Ванька приехал!

— Да вижу я, старый...

Мутер наскоро вытирает ладони старым тряпьем и тоже лезет целоваться.

— Сыночка... сыночка... Как я тебя жалею.

Его передернуло от мерзкого слова «жалею».

— Что же ты письма-то не написал, сы́на? Мы ж не готовились. Пусто всё, стола толком не накрыешь.

— Я тут проездом, папа.

— Соседей позовем! Расскажешь...

— У меня один час.

Мутер картинно уронила руки.

— Да как же это? Не по-людски... Всего-то час!

— Служба, мама.

Сейчас же произошло худшее из возможного. Красное, некрасивое лицо мутер затряслось, покатались слезы. Вилли не знал, как ему избавиться от чувства омерзения. К счастью, на помощь пришел фатер.

— Не дребезжи, Маланья! Ну, тетеря, тихо. Радуйся — хоть час у тебя. Ши, вроде, оставались?

— Ой! Дак что ж это я... Как чумовая. Как беспамятная. Сейчас щец грибных. И огурчика. И чаек скипячу, сахарину, правда, нет.

— Ничего, мама. Не беда.

Фатер заговорщицки подмигнул.

— Стáра! Ты это... того.

— Чего?

— Ну... непонятливая стала.

— Да без сопливых знаю.

Бутыль самогона моментально очутилась на столе.

Очень не хотелось просить их даже о малой малости, но придется.

Иначе Ханс поедом съест.

— Папа... а... с собой?

Фатер заулыбался: хоть чем-то он нужен еще сыну, счастье какое! Глупцы. Если бы не требовалось оплатить счет Хансу, он бы и на минуточку не зашел. Сразу отправился бы *к тому месту*.

— Найдется, сы́на. Мать! И грибов ему сушеных дай. Поболе. Уродилось нынче...

— Да не надо мне, папа.

— Дай ему, дай, слышь, стáра!

— Чай сама соображу.

— Ну вот и ладно.

Он зачерпнул горячих шей глиняной ложкой. Откусил хлеба. До чего дрянной хлеб! С чем они его тут мешают? С корой?

— Михалыч, глянь, какой красавец у нас. Какой мужик вымахал! Двадцать годков, а плечищи-то, плечищи!

— Да-а... Ванька, ты на войне-то бывал? С китаёзой-то?

— Был, папа.

— Ну и как оно там?

Хоть какая-то частичка есть в фатере от человека. От воина. Ничего не знает, ничего не понимает, а вопрос умеет задать верный. Вилли опрокинул стопку и ответил спокойно:

— На войне — война, папа. Мы сильнее, мы победим. Сломаем их волю. Только вот какое дело, папа. Потребовалось поменять имя. Отныне следует называть меня Вильгельмом.

Старик оторопел. И видно было: хочется ему заспорить, выдать сынку по первое число. Но лицо его, на мгновение закаменевшее, скоро отмякло. Сын приехал. Хоть Ванька, хоть Вильгельм, может, больше и увидеть-то его не придется...

Вилли ненавидел фатера за слабость. Впрочем, это уже не имеет никакого значения.

— Ванюша, не ранили тебя там? А? Не ранили, нет? Ты не лез бы в самую гущу, зачем оно нам?

Дрянь! И ведь не переменишь никакой силой. Славянская самка, дура, бестолочь.

— Ерунда, мама.

Он показал бы ей «Ванюшу»! И разъяснил бы, кому это «нам» не требуется беспощадно жестокая борьба с желтой угрозой. Но... какой смысл?

Фатер, поев, бормотнул слова молитвы и перекрестился на красный угол. Пожалуй, стоит им объяснить, какие неприятности ждут людей, по старой скотской привычке молящихся чуждым Рейху богам. Но опять-таки зачем? К чему их жалеть? Ходят тысячу лет на очко над выгребной ямой и еще тысячу лет будут ходить, дурная кровь.

Врожденная низость. Вот почему у немцев есть Дюрер, Гёте, Фридрих Великий, Бисмарк и Вагнер, у англичан — Шекспир, у французов — Бодлер, а в славянской истории ничего, кроме пустоши, кроме заросшего буйной травой ровного места, нет. Ни единого большого политика, ни единого великого полководца, ни единого сильного литератора. Дыра! Прореха на человечестве. Весь народ — сверху донизу — рабы. Бездарнее только цыгане и евреи. С кровью не поспоришь.

Стукнула дверь.

— А вот и Катюша! Молодец, что пришла. Садись, я тебе чайку налью.

— Маланья Петровна, мне мальчишки рассказали, вот, мол, у Васильевых сын приехал.

Она не смотрела на Вилли. На стол. На оконные занавески. На печь. Только не на него. Вилли понял: когда расплакалась мутер

и он подумал, что случилось худшее из возможного, эта была большая ошибка. Худшее явилось минуту назад.

— Михалыч, давай-ка подмогни мне в сенях.

— Чегой-то?

— Давай, говорю, с погреба тяжесь подынешь.

— А-а, ну как же...

Оба они, едва сдерживая улыбки, вышли из горницы.

Вот она, самая беда. Ох, как ему хотелось избежать объяснений...

Не судьба.

«Я вам пишу, чего же боле...»

Восемь безответных писем.

Катя хлопнула ресницами раз, другой и осмелилась посмотреть на него. Вилли отвел взгляд. Говорить, по большому счету, не о чем. Лишний разговор.

— Я ждала тебя, Ваня.

Три года назад он еще переписывался с Катей. Подумать только — какие-то сантименты по отношению к невежественной деревенской красоте, пропахшей потом и навозом на всю жизнь, до гробовой доски. Правда, она была очень хороша. Какая коса! А какая кожа! Просто чудо: нищая, грязная, тупая деревня еще может производить на свет подобных красавиц. К тому же Катя была умна. Если бы славянским женщинам позволялось ходить в школу, из нее легко получился бы врач или учитель. Или... да не важно. Катя — лучшее из всего, что здесь есть. Кроме самогона, разумеется.

Вилли вспомнил — не почувствовал, нет, через стол он не мог этого почувствовать, — а именно вспомнил запах ее волос.

— Между нами не может быть ничего общего. Запомни раз и навсегда.

— Ваня...

— Теперь меня зовут Вильгельм.

Ну. Слезы. Обвинения во всех грехах. Оскорбления. Завывания. Пощечины. Ну. Выдай по полной!

Катя отставила чай и молча поднялась. Сделала несколько шагов и лишь у двери, обернувшись, сказала:

— Вильгельма я не знаю.

Она выскочила наружу. Фатер и мутер явились в горницу с одинаково белыми лицами.

— Сыночка... Катя-то... как ошпаренная...

Вилли сделалось противно. Довесок кошмара, пфуй. Фатер взял мутер за руку, пытаясь успокоить. Но мутер не успокаивалась.

— Сыночка... как же вы... промеж вами...

— Маланья, будет, будет. Потом поговорим.

Фатер поставил перед ним две бутылки самогона и положил на стол связки грибов.

— Больше и дать-то нечего, сынок. Живем бедно.

Намекает? Определенно.

— Всё! Мне пора, папа.

Они не понимают. Они думают: «Мы всей семьей собирали деньги, чтобы отправить его в реальное училище. Теперь он поможет нам. Теперь он вытащит нас». И не понимают ни-че-го. А ему хватило одного взгляда — тогда, четыре года назад, в 2007-м. «Союз молодых помощников» заразил всех славной идеей: учащимся бесплатно поработать на строительстве мемориала великому Отто Кумму. Ведь это именно он, в декабре 41-го всего-навсего оберштурмбаннфюрер СС и командир мотопехотного полка СС «Фюрер», совершил знаменитый прорыв от Истринского водохранилища к центру Москвы. Именно он первым въехал на мотоцикле в Кремль! Старику отправили письмо. Кумм был растроган и специально приехал из Оффенбурга — поговорить с юными варварами из народа 4-го класса. Чуть ли не самая светлая личность Рейха, железный дракон дивизии «Лейбштандарт» и... к ним... запросто... как обычный смертный! Училище встретило его цветами. Четыреста мальчиков собрались в актовом зале для торжественной беседы.

Господин Кумм оказался дряхлым старцем. Он шатался, опирался на палочку при ходьбе, голова его тряслась. Случайно задев ладонью дежурного, Отто Кумм достал платочек, чтобы вытереть руку, но уронил палку и чуть не упал. Никто не осмелился прикоснуться к нему, а сам он едва сумел восстановить равновесие. Но когда рейхсмаршал вышел на сцену и подошел к микрофону, вся его дряхлость улетучилась. Голова перестала трястись. Старческие глаза, обесцвеченные временем, глянули грозно, уверенно. Этот дедушка когда-то водил в бой танковые армады и приобрел от бронированных машин несокрушимую прочность конструкции.

— Вы знаете свой потолок. Вы — дурная кровь, а потому можете подняться не выше уровня слуг 1-го класса. Но вашим детям позволят совокупляться с представителями некоторых полноценных народов... — сказал он. — Кроме того, они получают пропуск на свободный проезд в Варшаву, Прагу, Гельсингфорс и даже Будапешт. Не забывайте: ваши сыновья смогут в полной мере оценить, что такое истинная цивилизованность, а ваши внуки получают шанс превратиться в людей. Никогда ни один ваш предок не имел такой возможности. Даже мечтать-то не мог. А вашим внукам дорога в Европу открыта. Все зависит от вас. От вашей воли. От вашей силы. Я дам вам один совет, запомните его

хорошенько: главный ваш враг — собственная слабость, порожденная дурной кровью, текущей по артериям и венам; следует сокрушить в собственной душе любые ростки слабости, любые ростки духовной гнили. Превращая себя в человека, следует уничтожить все слишком человеческое!

Это было в марте 2007-го.

А несколько дней спустя в училище пришла новость: Отто Кумм скончался у себя дома. Выходит, он пожелал отдать финальный долг освободителя освобожденным и потратил на это последние жизненные силы.

Те несколько слов и особенный взгляд Отто Кумма переменяли всю жизнь Вилли. Он научился тому, чему прежде никто выучить его не мог.

...Ему не стоило хлопать дверью. В подобного рода ситуациях полноценному человеку приличествует ледяное спокойствие. О сиволалых не стоит марать разум.

Древний барбос, едва волоча лапы, медленно одолевает ступеньки крыльца. Ни зрение, ни слух у него не работали еще три года назад, жизнь едва теплится в тщедушном теле. Остался нюх. Какая же кличка у барбоса? Может, Барбос? Вилли не помнил. Сейчас обнюхает, лизнет руку, взденет лапы... Предсказуемо и безобразно.

Пес подвигал ноздрями, грустно посмотрел на Вилли и... преобразился. С нервным взвизгом он подпрыгнул и вцепился зубами в руку. Вилли еще не успел осознать, что произошло, а барбос, проявив отнюдь не старческую прыть, скрылся под крыльцом. Больно. У паршивой скотины и зубов-то не должно было остаться!

Спрыгнув на землю, Вилли попытался достать кабысдоха сапогом, но хитрая псина забила под избу и оттуда вызывающе ворчала, понимая, должно быть, нехитрым собачьим умом: человечество ее не достанет, а на честный бой выходить — себе дороже. Пришлось отступить. Дрянная тварь! Кровь выступила в двух местах.

Аллес! Больше сюда ни ногой. Никогда.

Теперь он готов сделать дело, за которым приехал.

...Почти заросшая тропинка вяжет петли между серой травой и серой травой. Избы уходят дальше и дальше. Вот он, старый колодец, давно заброшенный, поросший чудовищных размеров опятами. Черный сруб потерял одно бревно, выпавшее наружу, и другое, рухнувшее внутрь. Все сгнило.

Вилли снимает с плеч ранец, достает саперную лопатку и выбрасывает вон глупые связки сушеных боровиков. К дурости сельской жизни он не желает быть причастным даже краешком, даже маленьким крючочком души, зацепившимся за харч или за юбку.

Сырая глинистая почва отлетает крупными комьями. Дьявол! Запачкал рукав...

Металл звякает о металл. Вот и крышка... Совсем неглубоко, видно, Катя недавно залезала сюда. Когда-то, миллион лет назад, они сделали тайник: вкопали под журавлем большой никелированный бак и положили туда драгоценный сверток. Который... на месте.

Ветхая материя распозалась под пальцами... Сколько их тут было? Две? Три?

Четыре книги. Превосходно. За первые две его сделают абшнитфюрером. Третью он сумеет обменять на бронзовый значок «За отличие по службе для народов 4-го класса». Ну последняя... последняя... если все обставить серьезно... может принести перевод в слуги 1-го уровня.

Вилли бросил взгляд на обложки. Глазам больно от нелепой славянской вязи! Когда-то он неплохо читал на этом языке. Теперь... теперь... ничего и не вспомнить. «Бэ» это или «вэ»? А это как... как... «ч», «ш» или «щ»? Хаотичный, варварский, лишний язык. Пушкин... стихи... наверное, какой-нибудь идиот воспевает прелести колхозного рабства. Достоюк... Достозук... укский... непроизносимая славянская фамилия. Какая разница... Блок. Жид. Вытравить. Только так!

Папер-костры сейчас зажигают редко. Книжек на лишних языках почти не осталось — повыбрали за семьдесят-то лет. Тем выше цена тому, что сыщут неутомимые следопыты. Он представил себе значок «За отличие...» на парадной форме. Не Железный крест и не боевая медаль, но с чего-то надо начинать...

Вилли встал. Теперь ему здесь ничего не нужно. А ведь, пожалуй, Катя будет плакать. Сегодня он лишил ее пустых мечтаний о семейной жизни с человеком более высокого положения. А потом отобрал то единственное, что отличало Катю от всего стада сельских арбайтеров. Красота ее лет через пять или семь поблекнет от дурной пищи и обилия тяжелой работы. А фальшивая культурность исчезнет, не находя подпитки в славянских книжках. Он оставил ее ни с чем. Выжал досуха.

Перед глазами встало ее заплаканное лицо.

Не хочется причинять ей боль. Это... неприятно. Это... нехорошо. Почему так вышло?

Вилли отвесил сам себе пощечину. Неприятно? Нехорошо? Проклятая слабая кровь! Словно ржавчина точит она любой металл, повсюду проникнет! Больше никогда, ни при каких обстоятельствах не следует размышлять об этой женщине. Следует забыть ее имя.

— Человеческое, — произнес он негромко. — Слишком человеческое...

Виктор МЯСНИКОВ

ПОЧЁМ БАВАРСКОЕ ПИВКО?

Фантастика развивалась как жанр литературы, устремленный в будущее. Но по мере становления она все чаще заглядывала в прошлое. И в самом деле, нынешние отечественные фантасты, кажется, куда больше интересуются историей реальной, нежели созданием истории Будущего. Одна из центральных тем альтернативно-исторической НФ последних десяти лет — осмысление итогов второй мировой войны. Проанализировать «военно-историческую» ветвь нашей НФ взялся критик, писатель и военный обозреватель «Независимой газеты».

Историческая необходимость альтернативы

Литература — это не только форма существования национального сознания. Это еще и метод познания действительности художественными средствами. И фантастика, при всей своей, казалось бы, заявленной отвлеченности от текущей действительности, тоже не исключение. Даже самый примитивный космический боевик содержит определенную порцию реального знания, как минимум, о социально-психологическом состоянии своей целевой аудитории. И чем произведение ближе к действительности, тем больше оно говорит о состоянии общества и его проблемах.

В этом отношении альтернативно-историческая фантастика — достаточно чуткий прибор, показывающий температуру нагрева общественного сознания и его отношение к переломным перио-

дам истории отечества. Периоды не переломные или переломные, но не считающиеся таковыми в сознании граждан, альтернативной историей игнорируются. Так, не вызывает особого интереса переоценка русско-японской войны 1905 года или персидских походов.

История — самая идеологизированная из гуманитарных наук. Даже политология может быть одна на всех, а вот история для каждого народа возможна только своя собственная, отличная от исторических наук сопредельных этносов. И это повелось отнюдь не с Советского Союза. Летописи подчищали и переписывали еще в Древней Руси, как и по всей Европе, впрочем. Продолжается это и сейчас и, похоже, в исторически обозримом будущем не закончится. Великое прошлое необходимо всем.

Именно великое прошлое — один из важнейших столпов пат-

риотизма, а любовь к Родине — идеологическая основа государственности. Поэтому так расцветают исторические науки во всех вновь образующихся государствах. Стоит лишить государство прошлого — его идеологический фундамент начинает расползаться, а вскоре и само оно рушится. «Неправильное» прошлое Советского Союза мгновенно разобщило в конце 1980-х входящие в его состав республики. А в 1991-м уже никто не хотел сообщать решать политические и экономические проблемы. Карабахский кризис, как и все остальные межэтнические столкновения, начался с цитирования средневековых текстов. Крах великого государства оказался предрешен. И как в 1917—1918 годах, когда рассыпались сразу четыре империи, на постсоциалистическом пространстве вслед за СССР распались Югославия и Чехословакия, а ближе к экватору — Эфиопия.

Вот почему всякое произведение на историческую тему идеологично, будь это исторический роман, ретро-детектив, политический памфлет с элементами фантастики или альтернативная фантастика в чистом виде. Автор может как угодно открещиваться, заявлять, что ничего подобного и в голове не держал, сочинял чисто коммерческую вещь — это ничего не значит. Кто затронул историю — влез в политику и государственную идеологию, даже сам того не желая.

В любом случае его произведение оказывает влияние на массовое сознание (массштаб может быть какой угодно — от одного читателя до миллионов), а это уже является фактом никогда не прекращающейся идеологической борьбы.

В Советском Союзе настоящей альтернативной истории быть не могло в принципе как раз в силу ее огромного идеологического значения. Демократические перемены конца 1980-х — начала 1990-х сняли все ограничения и барьеры. Наружу выползла другая правда, которая оказалась весьма болезненной. И жизнь в одночасье стала больной: карточки на все, вплоть до спичек, кризис наличности, рост цен, а потом просто разруха и всеобщая растерянность, транши МВФ и гуманитарная помощь из Германии: «Победителям от побежденных».

Извечный русский вопрос «Кто виноват?» упирался в два переломных момента истории — Октябрьскую революцию и Великую Отечественную войну. Но если с революцией все ясно: порушили злодеи империю с добрым царем и пустили счастье под откос, то с войной не все так однозначно. Ответ дает популярный в начале 1990-х анекдот: «Дед с внуком поругались. Дед кричит: «Да я войну выиграл!» А внук в ответ: «А если б проиграл, я бы сейчас баварское пиво пил!»

В 1965 году, когда, по сути,

впервые официально был отпразднован День Победы, этот анекдот просто не поняли бы. Но на всякий случай в морду бы дали. Страна все еще жила войной. Почти все мужчины под сорок и старше на ней побывали. Все, кому за двадцать, ее помнили, хотя бы смутно. Понадобилось еще целое поколение и испытание новым историческим разломом, чтобы произошла эрозия памяти и в обществе появились подобные «настроения».

Победа оставалась единственным светлым пятном на мрачном поле разоблаченной советской истории. Все остальное — сплошные ужасы и провалы: ЧК, рассказывание, коллективизация, индустриализация на костях, расстрелы безвинных, волюнтаризм и застой. Победа не вписывалась в логику отрицания недавнего прошлого. Поэтому за ее развенчание с таким энтузиазмом взялись коммерческие историки — Виктор Суворов, Борис Соколов и прочие.

Тема Великой Отечественной не обошла стороной и фантастов.

«Капитулянты» и корректоры

С прошлым у нас принято расставаться, смеясь и издеваясь. Но это характерно для литературы мейнстрима. Самый дикий пример такого расставания с «коммунистическим мифом о Великой Отечественной войне» — роман «Голая пионерка» Михаила Коно-

нова, сделанный, кстати, с элементами фантастики. В этом романе уничтожение героики войны выходит за все мыслимые пределы. Четырнадцатилетняя пионерка-пулеметчица ночами летает за линию фронта по воздуху, а в остальное, свободное от пулемета время, в блиндаже на нарах «водошевляет» всех подряд — от комдива до последнего рядового. Есть там и генерал с многозначительной фамилией Зуков, который лично расстреливает отступивших с передовой «мальчиков со шпалами в петлицах». Роман, претендующий на принадлежность к мейнстриму, номинировался на литературные премии, а его инсценировка до сих пор идет на сцене одного из московских театров.

Принципиальное отличие альтернативно-исторической фантастики как раз в том и состоит, что разного рода развенчаниями она не занимается. Ее сфера — романы-гипотезы, моделирование иных путей развития истории, версии и варианты нашего непредсказуемого прошлого.

Относительно Великой Отечественной войны четко выделяют три направления.

Первое — «капитулянтское», выразившееся в том самом анекдоте про баварское пиво. А что, если бы Советский Союз и Германия заключили сепаратный мир и стали единым союзным государством, может быть, даже демократическим?

Второе направление — корректирующее. А что, если бы советское командование не надеялось на ошибку и разбило немцев гораздо раньше и с меньшими потерями? Тогда бы наверняка СССР вышел из войны более мощным государством.

Третье направление — реваншистское, точнее, шапкозакидательское. У Советского Союза в 1941 году было столько танков и самолетов, что если бы он сам напал на Германию парой недель раньше, красноармейцы через месяц пили бы баварское пиво в Берлине. Решили бы германский вопрос малой кровью, могучим ударом, воюя на чужой территории.

Эти три гипотезы не сами писатели придумали. Они, как им и положено, только откликнулись на споры, бушевавшие в обществе и отражавшиеся в СМИ. Очень трудно даже спустя многие годы примириться с поражениями 1941—1942 годов, с тяжелейшими людскими и материальными потерями, тем более что сплошь и рядом эти потери были не оправданными. Но главная причина в том, что подлинная история Великой Отечественной войны не написана до сих пор. Нет до сих пор и объективного анализа боевых операций как советской, так и немецкой сторон.

Действие повести Андрея Лазарчука «Иное Небо», затем расширенной до романа «Все, способные держать оружие», проис-

ходит в 1991 году в Москве, входящей в состав рейха. Особо стоит подчеркнуть время действия — после августовского путча у нас все покатило в тартарары, поэтому в романе особо упоминаются полные прилавки. В наше время эту деталь могли бы уже просто опустить — не актуально. У Лазарчука слияние германского порядка и русского энтузиазма дает потрясающие результаты. В общем — мечта домохозяйки из спального района в период государственного распада, гайдаровских реформ и приватизации по Чубайсу.

Естественно, автору придется объяснять читателю, что в 1942 году разбился самолет, на котором летел Гитлер, после чего власть перешла к Герингу, и рейхсмаршал тут же провел реформы, отказавшись от основополагающих идей национал-социализма. Что касается России, то девяноставосьмилетний Геринг в отрывочном интервью напоминает русскому телевидению «о миллионе германских юношей, погибших или навек оставшихся калеками — о цене, заплаченной за освобождение русского народа от кошмара большевизма».

Лазарчук поступает точно так же, как юный герой анекдота, жаждущий баварского пивка. Он опускает детали прошлого, перенося в роман сегодняшнюю ФРГ с Россией, «которую мы потеряли». Разумеется, это нормальный для фантастической литературы

прием, но поскольку роман является гипотезой, она обязана подвергнуться критическому рассмотрению.

Мог ли Геринг прийти к власти и совершить политический переворот? К власти — безусловно, но совершить политический переворот, то есть отречься от теории превосходства германской расы и необходимости расширения жизненного пространства — никогда. Так же, как минимальный отказ от коммунистических принципов привел к краху власти КПСС в конце 1980-х (а следом государственную систему управления и само государство СССР), точно так же подобный исход ожидал бы и третий рейх.

И это несмотря на то, что верховная власть в двух тоталитарных режимах при всем внешнем сходстве была устроена по-разному. В СССР была диктатура личности в чистом виде: один Сталин обладал верховной властью, остальные только подчинялись. В Германии Гитлер выстроил систему из нескольких конкурирующих лидеров, власть была поделена. И даже вооруженные силы были разделены. Так, Геринг мог распоряжаться люфтваффе, и только. Гиммлеру принадлежали ваффен СС. Армия и флот ни тому, ни другому не подчинялись. При такой системе изменить политический строй никому из наследников Гитлера не удалось бы при всем желании. Понадобились бы годы, чтобы

сконцентрировать власть в одних руках.

Не забудем, что главным директивным документом в походе на Россию был план «Ост», предусматривавший сокращение неарийского населения и низведение оставшихся до уровня рабов. Отмена этого плана лишала бы войну на Востоке всякого смысла. Освобождение от большевизма? Это хорошо для геббельсовской пропаганды. Положить немецких мужей и юношей, чтобы 200 миллионов русскоговорящих растворили в себе германскую нацию? Достаточно посмотреть, во что обходится объединенной Германии подтягивание экономики и уровня жизни бывшей ГДР до стандартов западных земель, чтобы понять: присоединенная Россия вытянула бы из рейха все соки. Присоединить, но отгородиться границей? Так ведь заживет по-своему, а там и до новой Куликовской битвы недалеко. В общем-то, и в романе Лазарчука система рухнет...

Другой роман писателя — «Штурмфогель» — сделан в той же логике, но наполнен иным эмоциональным содержанием. Майор СС Штурмфогель и представитель доблестного НКВД Волков смыкаются плечом к плечу перед угрозой из иного мира; они спасают некий град Салем, располагающийся в параллельном пространстве, а война земная не столь уж и важна. Арийцы и славяне, чай, не унтерменши

какие и хотя бы в ином мире придут к согласию, несмотря на пролитую кровь и слезы народные.

«Москву сдали в конце декабря сорок первого, зима стояла нещадная, дышать было колко, немцы шли по Москве не дыша, только снег скрипел на Горького и на Садовом...» Так начинается роман Сергея Абрамова «Тихий ангел пролетел». Жанр обозначен как фантазмагория, где Москву могли сдать вот так запросто — без уличных боев и подрыва еще в октябре заложенных фугасов. А Сталин со всем политбюро просто исчез: вышли из Кремля и канули бесследно.

«В пятьдесят седьмом немцы зафигачили в околосземное пространство искусственный спутник, который вертелся вокруг планеты и верещал: «Бип-бип». Но первыми в космос человека запустили американцы под руководством Сергея П. Королёва. Такова параллельная реальность, в которую попал из новой демократической России начала 1990-х военный летчик Ильин. Ход, который вроде бы позволяет откреститься от обвинений в «капитулянтстве». Тем более что главы, посвященные новой реальности, где как раз в это время происходит перестройка в коммунистической ЮАР (1,8 млн русских эмигрантов — самый сплоченный слой населения), поименованы «Версия».

Но когда наталкиваешься на рассуждения о благотворности

«сильной руки», «которая болтливых и бездеятельных демократов скрутит, выкинет, введет железную дисциплину и вскоре накормит, напоит, оденет и обует народ», понимаешь, что все гораздо серьезнее. Народу опять не позволено самому себя кормить и одевать, корм — только из рук властей предержажих. Зато как образец поминаются Пиночет, диктатуры на Тайване и в Южной Корее.

И сразу вспоминается, как интеллигентные экономисты, вроде бы обличители сталинизма, ратовали за диктатуру пиночетовского типа. И оголтело доказывали, что только так мы возродим Россию. Без китайского и корейского трудолюбия — одним кнутом. И категорически не хотели вспоминать, что первые десять лет правления Пиночета стали катастрофой для Чили, только американские деньги позволили вытащить из пропасти страну, по численности населения равную всего лишь Кубе. При этом Пиночету пришлось делать уступки демократам и вообще однажды отдать власть.

В «Тихом ангеле» продемонстрирована растерянность общества перед не известно куда ведущими переменами. Автор показывает и другие пути развития, правда, не слишком внятно: это бурно растущая автономная Сибирь с сугубо сырьевой экономикой и самостоятельный Дальний Восток. В общем, сбывлась

заветная мечта Збигнева Бжезинского о разделе России на мелкие государственные образования. И об этом тоже активно говорили в 1990-е, когда всем предлагалось столько суверенитета, сколько каждый субъект федерации может откусить.

Но из всех поданных Сергеем Абрамовым вариантов будущего самым прописанным оказался все тот же «капитулянтский». Здесь, конечно, лютует КГБ, возрожденное усилиями гестапо, но оно сохраняет державу от коммунистов, что, разумеется, во благо народу. А пива всякого импортного — залейся...

Вот совершенно другая история, но антураж весьма похож. Генерал Паулюс возлагает цветы к вечному огню на Мамаевом кургане, где стоит памятник германскому солдату-освободителю. Сталинград оставлен в руинах в назидание всем прочим непокорным народам. Таков зачин повести волгоградца Сергея Синякина «Полукровка». Главный герой — натурализованный ариец, из тех белокурых и голубоглазых славянских детей, что по приказу Гимmlера вывозились в рейх на перековку в настоящих немцев. Перековка этого Ганса удалась, он верно служит фюреру в ваффен СС. И быть ему первым немецким космонавтом!..

Но в повести нет благодной России, поднятой из грязи и отмытой культурным германским рейхом. Русь под игом поработи-

телей стонет в полный голос и партизанит. Ясно, что автор, в отличие от многих своих собратьев по «капитулянтской» идее, желает показать всю мерзость нашего будущего, если бы наша отчизна проиграла войну.

Сомнение вызывает не эта задача, а семимильные шаги прогресса, которыми шествует рейх, уже захвативший полмира, включая Ирак, Великобританию, Швецию и Кубу. Очередь уже за Соединенными Штатами. Их раздолбают в очередном блицкриге, потому что противостоять высокотехнологичной державе американцы не в состоянии. В «Полукровке» капитуляция перед «германским гением» достигает всемирного масштаба. Фашисты, загнавшие науку в идеологическое прокрустово ложе национал-социализма, вдруг достигли небывалых технологических высот. Невероятная вещь для милитаристского государства, где техника однозначно обгоняет технологии, поскольку наукой всерьез заниматься некогда, да и затраты на нее минимальны. А все лучшие умы направлены на быстрое достижение технического результата. Так что здесь всегда впереди будут аферисты из «Аненербе» и лысенковцы.

Переиграть миссию

Боль Великой Отечественной длится десятилетия и полностью смолкнет, видимо, еще не скоро. И эта боль отягощена вопросом:

почему так получилось? Обидно осознавать, что твоя великая Родина потерпела страшный и унижительный разгром 1941 года. И тяжко доставшаяся Победа не может унять эту боль. Поэтому совершенно естественно желание «переиграть» 1941-й год, начиная прямо с 22 июня. Хотя бы виртуально. Хочется понять, в чем ошибка, и перемоделировать события, пустить их по более счастливому пути.

Психологически это вполне обосновано. Виртуальная скорая победа над врагом повышает самооценку и не дает развиваться комплексу национальной неполноценности. В общем, победа была бы однозначно за нами, если бы не ошибки здесь, здесь и вот здесь. Главное — такая победа должна быть легкой, в стиле блицкрига.

Отличный образец шапкозакладательской альтернативы — роман Олега Герантиди «Превосходящими силами». Из-за коммунистического восстания в Болгарии немцам пришлось на месяц отложить нападение на СССР. А тем временем Сталин двинул к западной границе массы войск. Выглядело это так: «К вечеру 28 июня 1941 года 9-й мехкорпус был погружен на платформы. Пятьсот с лишним танков, четырехста бронемашин, 180 стволов артиллерии, две сотни тракторов, под тысячу автомашин, почти 27 тысяч человек. Все было увязано, закреплено, размещено

по десятку эшелонов и ушло на восток».

Вот это фантастика в чистом виде — невозможно за день погрузить такую прорву техники и людей. Ну, насчет десятка эшелонов... Возили тогда паровозами, и длина эшелона с тяжелой техникой вряд ли превышала два-три десятка вагонов. Для 500 танков понадобилось бы 20—25 эшелонов. В общем, не одну неделю грузился бы корпус, расредоточенный с этой целью на 100 километров вдоль железной дороги, ожидал подачи вагонов, дымил полевыми кухнями — их, кстати, тоже надо было грузить вместе с прочей техникой и имуществом. А параллельно надо было двигать столько же эшелонов с боеприпасами и горючим, потому что к 22 июня, как свидетельствуют документы, в западных округах на танк имелось по две заправки горючего и по два боекомплекта. О пропускной способности однопутных дорог и говорить-то больно.

Но беда даже не в этом. В реальности к концу 1941 года Красная Армия потеряла порядка 20 100 танков — почти все. При чем половину из них немцы захватили практически в сохранности. Будучи людьми рачительными, они постарались включить трофейную технику в свои боевые порядки, но только 10% — чуть больше 100 танков сгодились для этого. Оказывается, накануне войны 40% советских танков требовали

капитального ремонта, а 26% — текущего. Объясняется это просто: на самые быстрые БТ ставился авиадвигатель с истребителя, выработавший гарантийный срок, такие бывшие в употреблении двигатели даже закупались в США. Это давало высокую скорость и низкую наработку на отказ. А у KB и Т-34, например, постоянно лопались коробки скоростей, снабжение запчастями было минимальным, потому что промышленность обеспечивала только сборку. Производство двигателей и самой боевой техники шло со скрипом, не хватало квалифицированных рабочих, брака выдавали много, качество было крайне низким.

Экипажи танков не только накануне войны, но и всю войну тренировались «по-пешему» — ходили по тактическому полю, изображая боевую машину. Практический опыт вождения у механиков-водителей Т-34 в основном был 1—2 часа, а ведь легендарный танк отнюдь не был легок в управлении. Нередко требовалась помощь кого-нибудь из членов экипажа: только навалившись вдвоем, удавалось победить рычаг управления. Такой же мизерный опыт имели и наводчики. Радиостанции на танках и внутренняя связь существовали лишь в фильмах, в 90% случаев команды отдавались похлопыванием по плечу и жестами. На марше эти танки выбывали из строя десятками. Уже в ходе вой-

ны поставили цель — увеличить гарантированный пробег до 500 км, и лишь к концу войны его довели до 2000 км.

Не лучше обстояло дело и в советской авиации. Налет летчиков составлял в среднем 6—7 часов в год. Устаревшая шаблонная тактика воздушного боя была отлично известна немцам, которые по три года учились в авиаучилище, причем весь третий год отрабатывали исключительно стрельбу, в том числе по наземным целям. Поэтому в воздушном бою они стреляли из пушек одиночными выстрелами — 3—4 снаряда. Причем с расстояния, на каком советские авиационные пулеметы — ШКАСы и ШВАКи — просто не доставали врага прицельным огнем.

И бесполезно сравнивать тактико-технические свойства советских и германских самолетов. Потому что воюют не самолеты, а боевые системы. Система — это целый комплекс, включающий помимо самих боевых машин еще и аэродромное обслуживание, связь, обучение, снабжение, наблюдение за противником и т. д. У нас и сейчас, рассуждая об истребителе 5-го поколения, говорят лишь о его боевых качествах, а не о месте в боевой системе. Что уж говорить о лете 1941-го?

Если сравнивать количество самолетов, как это делают авторы «альтернативки», то Советский Союз имел многократный перевес. И циничное рассужде-

ние, что даже соотношение потерь 1 к 6 все равно немцев первых полностью лишило бы авиации, математически абсолютно верно. Только сравнивать надо другое — число самолётов вылетов. И тут пропорция окажется не в нашу пользу. Не зря же у всех германских асов свыше тысячи вылетов, а у наших прославленных — 120, 150, 200. Немец успевал за день 5—6 раз слетать, а наш в лучшем случае — два. А ведь надо самолет обслужить, проверить, заправить, зарядить, летчика накормить и задание ему дать, чтобы он и на карте успел его оценить. Что такое 150 вылетов за полтора года войны? Один вылет в 3—4 дня. И превосходство в воздухе к концу войны советская авиация получила во многом за счет Запада. Герингу надо было прикрывать города и промышленные районы от все более усиливавшихся англо-американских бомбардировок, а потому для Восточного фронта летчиков и самолетов уже не хватало.

В романе Олега Герантиди ситуация лета 1941 года воспроизводится с точностью до наоборот: мы ударными клиньями рассекаем немецкие порядки в глубину на стратегических направлениях, немцы, лишённые связи и управления, как дураки лезут под точные залпы советских танковых пушек и толпами сдаются в плен. Как-то даже неловко вспоминать, что в ре-

альности на каждое тяжелое орудие у нас к началу войны приходилось по 500 снарядов. Не в западных округах, а вообще. Для нормальной артподготовки перед наступлением этого мало, на сколько же боев хватит такого запаса? Боеприпасную промышленность фактически создавали в войну, почти на каждом заводике точили снаряды и мины. И все равно снарядов не хватало, не то что у немцев...

Те же самые подходы демонстрируют и авторы «корректирующих» романов. Они не выворачивают историю наизнанку, более сдержанны в фантазиях. В наиболее известном из подобных романов, «Одиссей покидает Итаку» Василия Звягинцева, один из героев вселяется в тело и ум вождя всех народов и начинает планомерно готовиться к войне. Открывает узилища и ставит в строй уцелевших после массовых репрессий командиров. Свой культ слегка приглушает и делает еще ряд полезных поправок. В том числе разрабатывается новая тактика воздушных сражений, благо самолетов много и все вполне сопоставимо с немецкими. В результате война кончается к 1943 году.

Сергей Анисимов, автор романа «Вариант «Бис», пожалуй, наиболее знающий из всех альтернативщиков, писавших о Великой Отечественной. В его романе достоверны и боевая тех-

ника, и действующие лица. И он старается альтернативу приблизить к реальному ходу войны, но несколько корректируя наиболее досадные моменты. Главный, разумеется, лето 1941-го. В общем, вовремя были приняты меры, авиация отведена с приграничных аэродромов, войска рассредоточены и приведены в боевую готовность. Провели необходимые контрудары, завязали тяжелые танковые бои, где КВ побиты фрицев. Линия фронта до 1944 года так и колебалась вокруг западной границы: то немцы оттеснят наших, то наши немцев.

Понятно, блокады Ленинграда не случилось, промышленность эвакуировать не пришлось, миллионных потерь избежали, что позволило проводить целенаправленную боевую подготовку даже пехоты. Лендлиз был в прежних «безальтернативных» объемах, боевая техника конструировалась та же самая, и герои носили те же имена. Но война уже не была столь мученически тяжелой. И в Ленинграде строился новый могучий флот во главе с линкором и авианосцем. Когда союзники решили заключить сепаратный мир с Германией и остановить освободительный поход Советской армии, этот новый флот с авиагруппой, укомплектованной асами всех фронтов, стал завоевывать океанские просторы...

Эти романы и им подобные не

зря получали премии и благодарные отклики читателей. Они согрели души людей. В этом их высокая миссия. И это лишний раз показывает, что писатели вовремя откликнулись на запросы общества и сделали это вполне на уровне. В трудное межеемочное время они восполнили нехватку подлинных сведений и исторического анализа.

Технология создания таких произведений понятна. В основе лежит всем знакомая игра в поддавки. Поддаются, естественно, враги, а наши обязаны победить просто по определению. Или хотя бы не проиграть, переходя от вражды к дружбе. Противоположные варианты не просто не примет читатель, он их с гневом отвергнет.

Сейчас, когда Россия становится все более сильной и богатой, а ее нефть и газ завоевывают мир похлестче танков и линкоров, уже нет прежней потребности в психологической компенсации. Вполне вероятно, что новые произведения альтернативной фантастики, посвященные Великой Отечественной войне, будут редкостью. Потому что сократились читательские ожидания и общественный настрой изменился. Текущая жизнь дает достаточную уверенность в стране и ее будущем. И нет острой необходимости искать опору или оправдание в придуманном прошлом.

Одной из излюбленных тем российской альтернативной истории последнего десятилетия стала вторая мировая война. Нередко фантасты пытаются не столько даже осмыслить, сколько переосмыслить ее. Не кажется ли вам, что еще не пришло время с такой легкостью тревожить одну из самых болезненных и до сих пор незаживших ран в истории современной России?

Ольга ЕЛИСЕЕВА:

В вопросе о переоценке итогов или хода второй мировой войны в НФ всегда следует присмотреться — а зачем, собственно говоря, это понадобилось писателю? Только ли для того, чтобы шокировать читателя собственным нигилизмом, презрением ко всему, что принято уважать или ценить? Так поступает, например, В.Сорокин в «Голубом сале», в главах о Сталине и Гитлере, формально являющихся тоже «альтернативной историей». В данном случае автору глубоко начхать и на историю, и на ее живых свидетелей. Ему вообще на все наплевать, кроме самовыражения, шумихи, возникающей вокруг «постчеловеческой литературы», да увеличения тиража за счет скандала, вызванного «попиранием всех и всяческих святынь».

Есть альтернативщики, просто одержимые желанием возопить: «Не так все это было! Не так!» Некоторые сочинения, появившиеся у нас в 1990 годы, вроде нашумевшей повести «Тихий ангел пролетел» С.Абрамова, к жизни явно вызваны желанием писателей поквитаться с набившей оскомину советской пропагандой: «Ах вы, пропагандисты из райкома, рисовали нацистов людоедами в рогатых касках, упырями в черной униформе?! Так мы покажем, что они были не хуже вас, коммунистов. А может быть, и лучше...» Отсюда и возникали произведения, в которых доказывалось, что поражение Советского Союза во второй мировой было бы благом. Иногда это делалось даже с претензией на наукообразность и историософские обобщения, как, например, в «Бриллиантовых дорогах» С.Переслегина. Судя по всему, время такого рода книг закончилось. Сейчас уже каждому ясно, что коммунизм и нацизм — два сапога пара, что наш отечественный тоталитаризм был не лучше немецкого собрата.

Всего неприятнее, когда за эту тему берутся просто из-за недостатка творческого воображения. Не хватает у человека сил выдумать оригинальную предпосылку для развития сюжета, вот он и обращается к переворачиванию наизнанку известных событий мировой истории. «Хм, а не написать ли мне, что не было никакого Христа? Или лучше рассказать, как Русь сгинула во время Смуты? Или что во второй мировой победили немцы с японцами?» Ничего нет в подобном подходе, кроме дряблости мысли да творческой импотенции. Жалко все это. Жалко и гнусно.

Единственное достойное побуждение, которое могут породить альтернативки на тему войны, — это желание показать то будущее, от которого нас избавили наши деды. Книги, вроде «Человека в высоком замке» Ф. Дика или «Звука его рога» Сарбана, демонстрируют куда ярче, ЧТО нес человечеству фашизм, чем тысячи публицистических или исторических исследований на ту же тему. Читая такие книги, лучше понимаешь, что «альтернативная магическая цивилизация» нашему народу могла предложить только истребление или медленную деградацию. И тем ярче выглядит подвиг тех, кто не пожалел своей жизни, чтобы оставить нацизм там, где ему и место — среди никогда не реализовавшихся версий реальности.

Лев ВЕРШИНН:

Вообще-то, ребята, мы с вами давно уже живем в иной реальности. Даже в нескольких. Одна — в дуращике, другая — на улице, третью — сами придумываем. Варианты прошлого множатся в геометрической прогрессии, даже вчерашний день настезь открыт для интерпретаций. И так далее, и тому подобное. В полном ассортименте, хоть на месте, а хоть и на вынос. Никто не хочет быть козлом. Но и отвечать за «козла» тоже неохота. Вот и самоутверждаются. В таких нервных условиях литературе остается скромно курить в сторонке, изредка пытаясь прикнудить к хорошему обслуживанию текущих идеологических нужд — но и без нее предложение превышает спрос. Как всегда на этом рынке.

Что касается второй мировой, то война, изменившая мир в предпоследний раз, — один из самых лакомых кусочков. Десятки «версий», и все «строго научные», как в частности (история 28 панфиловцев), так и по-крупному (на Западе уверены, что исход войны был решен под Эль-Аламейном). Однако нынче ревизия известных, хоть и по-разному трактуемых фактов набирает обороты. Множатся «сенсации», одна другой документальнее. От новейших детализаций «как это было» и до главного вопроса — «могло ли быть по-другому»?

Могло ли не быть той войны? Могли ли воюющие стороны иметь иной состав? Возможна ли была победа иной стороны и что бы она принесла?

Вопросы интересные. Мало кто спорит с тем, что России с Германией, двум не очень похожим, но идеально дополняющим друг дружку близнецам, выгодно и полезно было бы дружить и союзничать. Правда, ученые утверждают, что в случившейся истории дружбы между ними быть не могло. В первую мировую — по той простой причине, что Германия желала вывозить товары, а Россия, напротив, нуждалась в импорте капитала. Во вторую мировую — тем паче, поскольку оба зверя были идеологизированы насковзь и жаждали крови. Было бы лучше или хуже, победи другой зверь? А это уже исходя из критериев. Каждому — свое. Но, по крайней мере, на вопрос: «А ведь было бы неплохо для России, возьми немцы верх?» — ответ дан уже давно. Автором весьма популярным. Адольфом

нашим Алоизовичем, четко расписавшим в «Майн Кампф» свою утопию, где не было места России, а место большинству народов, её населявших, определялось, простите, у параша. Или, если угодно, в местах достаточно отдаленных и на ролях «кушать подано».

Так что, как говорит один мой приятель, не надо трогать руками.

Иначе на почве, унавоженной искателями сюжетов, вырастают жуткие мутанты. От попыток сказку сделать былью, реанимируя нацистские игрища (в сколь угодно благих целях «управляемой демократии»), до не менее омерзительных потуг скачать с несчастных, ни в чем не виноватых нынешних немцев еще пару-тройку миллиардов в пользу внуков (!) выживших жертв (!) Холокоста...

Нет, как раз это — не фантазия. Есть такие общества и фонды, зарабатывающие на хлеб с маслом всеми средствами. В том числе с помощью «исторических альтернатив».

И все же.

Задавать «проклятые» вопросы и можно, и нужно. Потому что альтернативная история как творческий метод осмысления мира принадлежит литературе не меньше, чем философии или истории. Это некая футурология прошлого, прогнозирование не-бывшего, помогающее понять, по крайней мере, как в следующий раз не должно быть. Да, жанр сложнейший, требующий жесткой внутренней логики и самоограничения. Возможно, потому «чистые», без экшн-мистического изюма альтернативки по пальцам сосчитать можно. Но вот только они-то в силах помочь нам не просто осознать, но и ощутить рябь времени, несущую изменения, желанные или не очень. И себя самих — как частички этой ряби.

Без окончательных ответов. И без оргвыводов.

Наталья РЕЗАНОВА:

Это слишком болезненная тема. Слишком многих она кровно (во всех смыслах слова) затрагивает.

Сама бы я не решилась за нее взяться. Некое чувство мешает относиться к теме Великой Отечественной так же свободно, как, например, к наполеоновским войнам.

Дело опять же не в том, что «слишком близко» — хрущевская или перестроечная эпохи вполне позволяют с собой подобное обращение.

Слишком тяжело. Поэтому у меня, как правило, вызывают неприятие альтернативные истории на тему второй мировой — те, которые с позиций «малой кровью, единым ударом», и те, которые «пиво бы пил баварское». Фантастика как средство выплескивания национальных и геополитических комплексов для меня — заведомо дурная фантастика.

Впрочем, бывают исключения, когда ум и талант автора уравновешивают чаши весов. Но таковых примеров, увы, ничтожно мало.

**ЗАКОН
ДАЛЬНЕГО
КОСМОСА.
Антология**

Москва: ЭКСМО,
2007. — 448 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»).
7100 экз.

«Дальний Космос, по опросам... читателей «Если», в настоящий момент является одной из самых востребованных тем жанра. Это легко объяснимо. Человечество пятьдесят лет тому назад ошиблось в своих ожиданиях, но все равно продолжает верить, что когда-нибудь непременно солнечный ветер будет ласково трепать волосы сынам Земли», — пишет в предисловии Андрей Сеницын.

Действительно, космос опять возвращается в фантастику; самые яркие литературные явления отечественной НФ прошлого года отмечались именно на этом поприще. Нынешний сборник призван подтвердить вновь возникший интерес. Доказательством тому — имена, представленные в нем, от патриарха отечественной фантастики Владимира Михайлова и неколебимого «научника» Александра Громова до «сверхновой звезды» Карины Шаинян.

Одни тексты написаны специально «под сборник», другие уже знакомы аудитории, в том числе и читателям журнала «Если». Например, драматичный «антиколониальный» рассказ Эдуарда Геворкяна «Ладонь, обращенная к небу», ядовитый памфлет Далии Трускиновской «Перешейцы», пародийная космоопера Леонида Каганова «Майор Богдамир спасает деньги»...

В юмористическом ключе решать тему предпочли Сергей Слюсаренко, Владимир Васильев, Александр Ройфе, Дмитрий Градинар... Юмор может быть показателем исчерпанности темы, а может, напротив, предшествовать какому-то новому витку. Понятно одно: в новом веке и о Космосе нужно говорить по-новому. Хотя результат такого разговора может разочаровать твердого позитивиста; космические волки из рассказа Алексея Калугина «Что сказать вам на прощанье?» рассуждают о креационизме, а в рассказе Юрия Максимова «Узник», несмотря на весь космический антураж, способность урвать — единственный залог человечности.

Татьяна Рудницкая

Роман ГЛУШКОВ

**БОЕВЫЕ ПСЫ
ОДИУМА**

*Москва: ЭКСМО,
2007. — 480 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
8100 экз.

Роман начинается с описания быта превенторов — охранников некоего подземного города Контрабэллума. Этот город противостоит вымирающему и отравленному внешнему миру — Одиуму. Однако когда одному из превенторов, прозванному Бунтарем, приходится спуститься в Контрабэллум, он узнает, что никакого подземного поселения не существует. Более того, и сам Бунтарь, и его товарищи — всего лишь элементы секретного эксперимента по созданию идеального воина-убийцы, задуманного американским миллиардером Крейгом Хоторном...

Да, начало книги новизной явно не блещет. Все это было уже многожды (вспомним хотя бы всем известного «Универсального солдата» Р.Эммериха). Поэтому «вытянуть» полноценный роман, отталкиваясь от такой исходной точки, весьма и весьма затруднительно. Вот и у Глушкова романного текста не получилось. «Боевые псы Одиума», скорее, искусственно раздутая повесть, хотя и не лишенная отдельных любопытных идей (вроде описания того, к чему может привести попытка тотального контроля над интернетом; в книге Глушкова из такого эксперимента выросла вялотекущая гражданская война на территории Штатов).

Не способствует получению удовольствия от чтения романа и его язык — однообразный, то и дело скатывающийся в канцелярит, перенасыщенный вводными словами. Логика сюжета то и дело хромает: автор, на целые страницы растягивая описания драк превенторов с их противниками, вынужден практически скороговоркой излагать события, которые привели к коренному изменению жизни в США. Да и детективная интрига в романе не раскрывается, а просто разъясняется автором в последней главе. И все эти разъяснения никак не следуют из описанного в большей части романа. Грустное ощущение непродуманности, недоделанности текста не оставляет читателя до последней страницы книги.

Увы, украшением серии «Русская фантастика» роман «Боевые псы Одиума» явно не стал.

Глеб Елисеев

Павел АМНУЭЛЬ

**ЧТО ТАМ, ЗА
ДВЕРЬЮ**

*Москва: Форум,
2007. — 576 с.
(Серия «Другая
сторона»).*
3000 экз.

Впервые под одной обложкой собраны ранее печатавшиеся (большой частью за пределами России) повести, посвященные излюбленной теме израильского фантаста — «эвереттовской структуре» Вселенной, согласно которой в каждый момент осуществляются все вероятности будущего данной системы, рождая разветвленные, не соприкасающиеся друг с другом «эвереттовские деревья» бесчисленного количества миров.

Впрочем, иногда они все же соприкасаются, в результате чего информация проникает из одной вселенной в другую. Так возникают легенды о призраках и привидениях — неких следовых информационных структурах. Иногда (из-за неравномерности хода времени в разных «ветвях») они даже способны принести некую искаженную информацию из будущего, как, например, в новелле «Замок для призрака», тем самым «закольцевав» причину и следствие.

Заодно, как пишет в предисловии к книге Владимир Борисов, известный фэндому как БВИ, «Эвереттовское Многомирье довольно часто подбрасывает нам мелкие загадки чисто бытового характера. Каждый, наверное, может вспомнить случаи из своей жизни, которые невозможно логически объяснить: когда вдруг бесследно исчезают какие-то предметы или, наоборот, появляются из ничего. Когда возникает ощущение дежа вю, стойкое воспоминание о событиях, которые не могли с тобой происходить, и т.д.».

Создается, однако, впечатление, что для одного из представителей «старой гвардии», строго научного фантаста Павла Амнуэля Теория Многомирья стала неким инструментом, дающим возможность постичь Чудо — или, по крайней мере, предполагающим саму его возможность. Ведь то, что не реализовалось в нашей вероятности, вполне может реализоваться во множестве других, тем самым обещая человеку свободу и от собственной брэнной оболочки, и от узких пространственно-временных рамок.

Татьяна Рудницкая

Ольга БЕЛОУСОВА

**ПЕРЕКРЕСТОК
ВОЛКОВ**

*Москва: Форум,
2007. — 288 с.
(Серия «Другая
сторона»).*
3000 экз.

«Lupus», «wolf», «вольф», «волк». Нет в Европе народа, чей этнос в той или иной степени не был бы связан с этим удивительным творением природы. С одной стороны — хищник, лютый зверь, не знающий жалости, бич крестьян, вестник смерти и разорения. А с другой — образ, олицетворяющий красоту, гордую силу, независимость и благородство. Бог и демон в одном лице.

Вотчина зверя, как известно, темный лес. «А что, если бы такой Волк жил среди нас?» — спрашивает дебютантка из Новокузнецка Ольга Белоусова. И сама же отвечает на поставленный вопрос, отправив главного героя, волка по имени Ной, странствовать по дорогам людей.

Нет, конечно, перед нами не традиционный *Canis lupus*. Жители «волчьего поселка», который покинул Ной, способны по собственному желанию принимать человеческий облик, обладают речью и достаточно цивилизованны. Правда, на отношении к роду *homo* как к добыче эта цивилизованность никоим образом не сказывается.

Волки Ольги Белоусовой — это скитальцы, потерявшие дорогу в свой родной мир, где небо имеет цвет вишни, а правит, само собой, не человеческий бог. Такая романтическая интерпретация традиционного образа весьма характерна для современных мечтателей. отождествление себя с существом «не отсюда» — лучше, сильнее, выше обычных людей — чрезвычайно распространено в нынешней фэнтези. «Перекресток волков» не привнес ничего нового в сформировавшийся и успешно эксплуатируемый архетип. Но роман сам по себе удался. Это определенно не провальный дебют. Он с интересом читается, хорошо написан.

А кроме того, в романе присутствует (и главное, работает) то, что редко встречается в книгах дебютантов — тщательно выписанный социально-психологический аспект, синоптика взаимоотношений, тема взросления и неразлучная с ней тема ответственности.

Николай Калиниченко

Наталья
ТОЧИЛЬНИКОВА

КРАТОС

*СПб: Крылов,
2007. — 416 с.
(Серия «Мир
фэнтези»).*
4000 экз.

Новая книга московской писательницы представляет собой образец политологического романа.

Конечно, действие перенесено в отдаленное будущее. Конечно, роману приданы черты космооперы: звездные линкоры крушат друг друга почем зря, колонисты осваивают новые миры для Российской импе... э-э... то есть для империи Кратос. Конечно, появляются особенные люди со сверхвозможностями мистического характера — Т-синдромом в терминологии автора, что освежает в памяти незабвенный зубец Т-ментограммы...

Но главный смысл книги далек от космических баталий, его следует искать в схватках политических. После целого ряда имперских и антиимперских текстов появился чуть ли не первый роман в позитивном либеральном духе. В главных политических фигурах, действующих на страницах книги, легко угадываются президент РФ (у автора — Страдин, то есть немного еще и Сталин), а также опальный олигарх Ходорковский (у автора — Хазаровский). Сюжетные перипетии приводят второго на пост главы галактической державы Кратос. В период, когда реальная предвыборная гонка на просторах РФ уже началась, этот ход Натальи Точильниковой расшифровывается парадоксально: «Единственный по-настоящему достойный претендент пребывает на н-рах».

На страницах «Кратоса» обнаруживается немало дискуссий и рассуждений о смертной казни, допустимости переворота, политическом творчестве эф-фективных собственников, степени толерантности, адекватных правилах игры в большой политике, роли СМИ, недопустимости диктата бюрократии и т.п. Все это подается в духе левого либерализма, впрочем, надо отдать автору должное, без откровенной навязчивости. Что же, когда-нибудь российские либералы должны были подать голос в фантастической литературе, высказав свое видение будущего, и они наконец высказались. Именно в этом состоит основной смысл «Кратоса».

Дмитрий Володихин

Ярослав ВЕРОВ

**ЗАВХОЗ
ВСЕЛЕННОЙ**

*Москва:
Корпорация
«Сомбра»,
2007. — 416 с.
10 000 экз.*

Зачем вам бессмертие? Как убедился на собственном горьком опыте «малоизвестный композитор Игорек» — штука это беспокойная и хлопотная. Стоит только подписать договор с Хомоедом Джафаром из Службы Абсолюта, и ваше физическое тело становится неязвимым для любых внешних воздействий, будь то прыжки из окна или автоматные очереди. А все эти неприятности не преминут произойти с героем книги. Ведь теперь от него зависит судьба Осевого Источника Силы, а значит, и будущее нашего мира.

Ярослав Веров — автор со сложившимися стилем и тематикой произведений. Предыдущий роман «Господин Чичиков» явился своеобразным переложением известного гоголевского сюжета. Новая книга (под диковатым названием) продолжает сатирическую линию, но теперь в прицеле оказываются не нравы губернского города Н, а приключенция вполне себе заурядного, несмотря на возможный музыкальный талант, человека в калейдоскопе фантастических миров и ситуаций.

Интрига замешана на источниках силы, геополитических комбинациях, вавилонских богах и Русском Проекте, в чем разом слышны нотки произведений Крусанова и Проханова. Впрочем, Веров не слишком увлекается осмеянием идеологических конструкций, используя их в сюжете как предлог для путешествий героя по вымышленным мирам. Невероятная, но убедительная логика сновидений, абсурдистская Игра в Центральном Бараке, когда проигравший становится плесенью, — наиболее удачные эпизоды. Как и крушение героем уютного идеалистического мирка, срисованного с ранней советской НФ.

К сожалению, роман написан неровно. Описание нравов ночной жизни музыкальной богемы значительно слабее, а ближневосточные эпизоды и вовсе смотрятся в книге неуместно. Отображение иных миров удалось автору лучше, нежели сатирическое изображение реальности.

Сергей Шикарев

ЧАСТИ РЕЧИ

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО. «VITA NOSTRA». ЭКСМО

Слухи о том, что супруги Дяченко пишут большую книгу, которая выливается из привычной стилистики авторов, бродили в фантастическом сообществе давно. И писатели их не опровергали, только отказывались говорить хоть что-нибудь о сюжете. И тем более — о сроках. Долгожданная книга наконец вышла. Московский критик и писатель стал одним из самых первых ее читателей.

Девочке Саше Самохиной не позавидуешь: в ее жизни появляется странный человек в темных очках и требует непонятного. Если откажешься — с мамой случится какая-нибудь беда.

Так начинается новый роман Марины и Сергея Дяченко. С первых же страниц у читателя возникает стопроцентное сопереживание героям. Вместе с героиней мы пугаемся, негодуем, пытаемся вырваться из кошмара, которым оборачивается милая и уютная реальность. Вырваться не удастся: Сашу принуждают поступить в некий Институт специальных технологий в заурядном городке Торпа. Студенты знакомятся, влюбляются, ссорятся и, конечно, учатся...

Чем дальше, тем больше понимаешь: для авторов психологическая достоверность характеров, сопереживание главной героиней

не — это всего лишь средство поговорить о главном, о конфликте между человечностью и тягой к познанию. Причем «человечность» здесь нечто большее, чем привычная нам этика. Это сама природа человеческая, которая у студентов Института специальных технологий непрерывно видоизменяется.

Учащимся приходится выполнять странные умственные упражнения, заучивать бессмысленные тексты. Зачем? Преподаватели не отвечают, но читателю довольно быстро становится ясно, что таким образом сознание ребят вводят в измененное состояние. Проще говоря, обучают их неким психотехникам.

И тут само собой напрашивается слово «магия», после чего возникают не слишком-то веселые ассоциации с Хогвартсом.

Действительно, вот молодые ребята, вот учебное заведение, где их учат тайному занятию, где им открываются совсем иные грани реальности. Но вместо захватывающих приключений — скучный и скучный студенческий быт, общежитие с отключенной горячей водой, водка, скандалы, торопливый секс. И зубрежка, зубрежка... Попробуй-ка не выучи: героиня пропустила индивидуальное занятие — и ее мама, поскользнувшись, сломала палец. Каждый студент на «крючке», каждого принуждают к учебе страхом за близких.

Но кто же все это затеял и с какой целью? Оказывается, это все происки Истинной Речи. Ведь мир на самом деле текст, или если угодно, Гипертекст. Люди — слова; ситуации, в которые они попадают, — грамматические конструкции. Истинная Речь (она же Гармония) просто-напросто обогащает свой словарный запас. Студенты Института специальных технологий сдают на третьем курсе экзамен, в ходе которого расстаются со своими физическими телами и превращаются в слова. Тут буквально обыграна цитата из поэмы Иосифа Бродского: «От всего человека вам остается часть/речи. Часть речи вообще. Часть речи».

С помощью Истинной Речи можно воздействовать на время, менять человеческие судьбы, создавать и убивать любовь. А уж такие вещи, как левитация, ясновидение, предсказания будущего, —

просто мелочи. Гораздо важнее некие глубинные смыслы, потрясающие внутренние связи, красота многомерных языковых конструкций. Вот ради чего нужно жить...

Конечно, ничего нового в этой концепции нет. Эзотерическое учение каббалы, хотя и изложенное в иной форме, без какого-либо национального колорита, но зато с изрядной примесью современной научной терминологии. Супруги Дяченко не впервые касаются этой темы: в романе «Рубеж» (написанном в соавторстве с Г.Л.Олди и Андреем Валентиновым) она уже звучала. Но, как и в «Рубеже», здесь это не цель, а средство. Марине и Сергею гораздо интереснее людские души.

А вот с душами у студентов Торпы явно что-то не так. Погружение в «специальность» постепенно вытравливает из них все человеческое. Им приходится впустить в себя нечто, последовательно ломать в себе некие барьеры. Тут снова возникают ассоциации — прежде всего, с людинами Стругацких (вспомним и детишек-воспитанников Мокрецов). Здесь тоже отказ от человеческой природы вовсе не означает какого-то озверения, жестокости, гордыни; предполагается, что, становясь частями Истинной Речи, студенты как бы выпадают из нашей реальности и погружаются в прекрасную и нечеловеческую жизнь Гипертекста.

А стоит ли оно того?

Собственно, это и есть главный вопрос романа.

«Vita nostra» строится по привычной для Дяченко схеме: тезис–антитезис–синтез. С тезисом понятно: некто (или нечто) вторгается в жизнь людей, жестокими методами принуждает их менять свою внутреннюю суть.

Затем следует антитезис. Правда преподавателей. Действительно, молодые люди — сущие дети, им бы только гулять и развлекаться, по доброй воле они учиться не станут, пройдут мимо своего счастья, утратят радость бесконечного познания, причастность к гармонии мироздания. Что может быть лучше, чем прозвучать как слово Истинной Речи? Увы, человеческое сознание косно, человеческая воля слаба, человек — это всего лишь личинка, из которой может вылупиться нечто действительно ценное: Глагол, Местоимение, Прилагательное... Вот и приходится мальчиков и девочек подстегивать, и страх — единственно надежный стимул. Но никакого садизма! Им, преподавателям, которые уже не люди, а абстрактные речевые конструкции, такие измененные чувства несвойственны. Они исходят лишь из целесообразности...

И наконец, синтез. Чья правда глубже? Ответ вовсе не очевиден. Более того, в финале авторы загадали нам загадку. Что же случилось в итоге с Сашей Самохиной? Она перестала быть человеком? А кем стала? Словом, с которого начался новый мир? То есть, по сути, богом для этого «нового информационного пространст-

ва»? Или она завалила экзамен и перестала существовать?

А может, став чем-то непредставимым, она все-таки осталась человеком... Может быть, от превращения в монстра ее удержала любовь... Не случайно же, являясь во сне своей маме, она говорит: «Мама, я должна тебе сказать одну важную и секретную вещь. Я люблю тебя. Всегда любила и всегда буду любить».

Но это только мои догадки.

Наверное, такая неопределенность финала необходима: любой ясный и четкий ответ снизил бы философскую (а лучше сказать, духовную) планку. Но все равно чувствуешь в сознании какую-то занозу. Хотя, возможно, без нее тоже нельзя.

«Vita nostra» — это духовно-философский роман, которые у Марины и Сергея бывают несчастно. Ведь в большинстве их произведений основной упор делается не на метафизику души, а на психологию и этику. И «Шрам», и «Пещера», и «Долина совести», и «Алена и Аспирин» — все это о земной жизни, о человеческих отношениях. Исключение — «Пандем», где киевские писатели впервые задались вопросами уже не душевными, а духовными. Новый их роман — яркое свидетельство того, что прозаикам тесно в пространстве прежних смыслов, они рвутся в новое измерение. Где, замечу, игра идет уже по другим ставкам.

Виталий КАПЛАН

ПОВЕРИМ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ?

В последнее время сам жанр оказался порядком размыт. Кто-то вообще предлагает отказаться от термина «фантастика» и говорить о «гиперлитературе» или неформатной прозе. Попробуем вместе с участниками опроса (810 человек) разобраться: «Что позволяет отнести художественное произведение к фантастике?»

Наличие в произведении оригинального фантастического допущения — 52%

Наличие в произведении элементов традиционного фант-антуража — 7%

Мнение критиков и литературоведов — 1%

Книга написана автором, зарекомендовавшим себя как писатель-фантаст — 2%

Книга издана в соответствующей издательской серии — 0,5%

Книга награждена премией на одном из фантастических конвентов — 0,5%

Личное мнение читателя, которому никто не указ — 37%

Фактически опрос показал отношение к фантастике как к явлению литературы. Судите сами.

Более половины опрошенных считают, что фантастикой художественный текст делает оригинальное допущение. То есть фантастика воспринимается как творческий метод — использование особого литературного приема для усиления тех или иных качеств текста. При этом, на наш взгляд, очень важно, чтобы допущение было не только фантастическим, но и оригинальным. Эльф в лесу и звездолет в космосе сами по себе на оригинальность давно не претендуют. А отсутствие новизны превращает фантастику в конструктор «Лего»: из набора всем знакомых кубиков

складываются вроде бы разные игрушки. То есть фантастику зачастую кастрируют, выхолащивая саму ее суть: фантазию, творческое воображение. Посему мы видим положительную тенденцию в том, что в опросе лидирует именно метод, инструмент в его первоизданном виде, который в умелых руках может дать очень много. Похоже, читатели уже обьелись псевдофантастическими штамповками и голосуют за новизну, за возвращение фантастике ее исконной сути.

На втором месте (более трети голосов) воцарилось Личное Мнение Читателя. Долой объективные критерии, да здравствует субъективизм! Тут комментировать трудно. На вкус и цвет, сами

понимаете... В данном случае более трети читателей фантастики решили проявить независимость мышления и наличие собственной позиции. Что также весьма отрадно, ибо давно известно: фантастика — литература свободных людей, не признающих рамок и ограничений. В идеале хорошая фантастика, кроме всего прочего, должна рушить у читателя стереотипы, учить думать самостоятельно. Каковое умение или, по крайней мере, желание и продемонстрировали изрядное количество читателей.

Третье место — за специфическим антуражем, то есть фантастика как жанр. Набор конкретных признаков, принадлежащих к сформированной традиции: маг—барон—дракон, пришелец—робот—бластер. Тот самый типовой конструктор «Лего», о котором мы писали выше. Если ободрать антураж, как шелуху с луковицы, обнаружится, что львиная доля издаваемых ныне текстов похожи друг на друга, как один голый король на другого. Мы были приятно удивлены, что данная позиция набрала сравнительно мало голосов — 7%.

Полагаем, издателям стоит серьезно задуматься по этому поводу. Да, инерция рынка достаточно велика, героические звездные саги и магические квесты в стандартном антураже будут востребованы еще долго, но бурный рост популярности по-

добного чтения уже явно миновал. Этот литературный конвейер никуда не денется, он сохранится и в будущем — но его доля в общем количестве выпускаемой фантастики наверняка со временем сократится. И чтобы оказать «на коне» через несколько лет, пора начать уделять больше внимания оригинальным и ярким текстам уже сейчас.

Остальные позиции востребованы крайне незначительно.

Издательская серия — это фантастика как маркетинговый бренд. Чтобы покупатель в магазине не рыскал ищущими глазами, а сразу шел к полке с нужными книгами. Сегмент рынка, тип обложек и аннотаций. Имеет ли это смысл? — оказывается, для 0,5% от общего числа опрошенных. Издатель же, напротив, полагает, что так правильно и выгодно. Вот ведь противоречие, а? И обложки с нагими меченосицами заказываются, и формат рекламируется, и аннотации криком кричат, а народ говорит: полпроцента вам, и баста. Или массовый читатель не из того народа?

Разумеется, серийный бренд облегчает поиск литературы определенного типа, «дает установку» заинтересованному читателю. Но, с другой стороны, тот же бренд начинает играть и «в минус». Сужается поле выбора. Многие любители умной и качественно написанной фантасти-

ки наверняка с удовольствием прочли бы книги Павла Крусанова, Виктора Пелевина, Ольги Славниковой, Юрия Мамлеева, Дмитрия Липскерова, Алексея Иванова, Дмитрия Быкова и других интересных и неординарных прозаиков. Однако работы этих писателей не входят в бренд «фантастика» и потому не попадают в поле зрения потенциальных читателей. С другой стороны, книги Святослава Логинова, Евгения Лукина, Андрея Лазарчука, Олега Дивова, Марины и Сергея Дяченко, Андрея Валентинова, Вячеслава Рыбакова, Михаила Успенского и других авторов, издающихся в фантастических сериях, наверняка пришлось бы по вкусу многим читателям мейнстрима. Но последних, в свою очередь, отпугивает бренд «фантастика».

Кажется, читатели, судя по результатам опроса, уже начали это понимать. Не пора ли и издателям обратить самое пристальное внимание на создавшуюся ситуацию?

Равнодушие к мнению специалистов лишний раз подтвердило давно наблюдаемый нами факт: фантастическая критика и жанровое литературоведение находятся в плачевном состоянии. Многим фанткритикам (фантикам?) банально не хватает профессионализма. Потому их опусы и не пользуются авторитетом у читателей. А немногие действи-

тельно толковые работы в этой области до аудитории зачастую не доходят, ибо издаются мизерным тиражом. Когда же о фантастике время от времени берутся писать критики, подвизающиеся на ниве Боллитры, читаешь эти труды сквозь смех и слезы, настолько глубокое незнание современной фантастики и непонимание происходящих в ней процессов они демонстрируют.

То, что читатели не обращают особого внимания на личное позиционирование того или иного писателя, открытием для нас не стало. Читателей интересуют книги, а не то, в какой «цех» зачислен их автор.

Невысокий же статус фантастических премий общеизвестен, и опрос этот факт лишний раз подтвердил. Ситуация с «цеховыми» наградами неприглядна, ее надо в корне менять, но это уже тема отдельного большого разговора.

В заключение можем сказать одно: мы довольны результатами опроса. На наш взгляд, он показал, что большинство читателей относится к фантастике как к полноценной литературе, не обращая особого внимания на внелитературные критерии: жанровость, бренды, «цеховые» премии и т. п. И это дает надежду на грядущую позитивную реструктуризацию потока современной фантастической прозы.

Генри Лайон ОЛДИ

Курсор

21 апреля

в Центральном доме литераторов (Москва) отметили 85-летие Евгения Войсунского, известного писателя-фантаста. Среди присутствующих были и прозаики старшего поколения, и представители «четвертой волны», малевцы, для которых Евгений Львович остается другом и наставником, и творческая молодежь. Юбилей Евгения Войсунского совпал с презентацией его новой книги «Румянцевский сквер» о драматических судьбах бывших морских пехотинцев Балтфлота. Незадолго до юбилея писатель дал интервью для журнала «Если», которое будет опубликовано в следующем номере.

Интернет-телевидение

и интернет-радио — относительно новые формы масс-медиа. Тем не менее здесь все больше внимания обращают на фантастику. Так, канал «Живое ТВ» (www.live-radio.ru), вещающий в интернете как в теле-, так и в аудио-режимах, решил сделать регулярными встречи с писателями-фантастами. Прямые эфиры будут проходить каждую третью среду месяца в 20:00 по московскому времени в рамках программы Booking (ведущая — писательница Эва Касански). Первым «фантастическим» гостем Эвы в апреле стал журнал «Если», в дальнейшем предполагается, что именно он будет предлагать кандидатуры для участия в передаче.

Самая престижная

премия в области журналистики — Пулицеровская — вручена в апреле Рэю Брэдбери. С витиеватой формулировкой «За выдающуюся плодотворную деятельность несравненного автора, оказавшую глубочайшее влияние на развитие научной фантастики и фэнтези».

«А может, доживем

до первой Межзвездной?» — именно такая мысль появилась у большинства любителей фантастики, когда они услышали сообщение, что астрономы впервые обнаружили планету, которая по основным параметрам очень похожа на Землю и, вероятно, содержит воду в жидком виде на своей поверхности. Небесное тело находится в созвездии Весов на расстоянии 20,5 световых лет от Земли. Это самая маленькая планета за пределами Солнечной системы из всех, известных ученым. Она обращается вокруг

своего затухающего солнца, красного карлика, получившего название Gliese 581, за 13 дней и гораздо ближе к звезде, чем Земля к Солнцу, но температура на ее поверхности колеблется в пределах от 0 до 40 градусов по Цельсию. Многие телескопы и радиотелескопы сейчас направлены в сторону созвездия Весов в попытке обнаружить следы жизни в атмосфере планеты или даже радиоследы цивилизации.

9 — 22 апреля

в Киеве проходила ежегодная Международная ассамблея фантастики «Портал». Конвент посетили известные фантасты-иностранцы Джон Краули (США) и Анджей Сапковский (Польша). Вручалось множество премий: среди лауреатов — романы «Шайтан-звезда» Д.Трускинской, «Храбр» О.Дивова и рассказ «Гибель замка Рэндол» С.Логонова.

Новый печатный ресурс,

посвященный фантастике, появился в России в начале апреля. Информбюллетень «Обзорение русской фантастики» (ОРФ) будет выходить ежемесячно. Задачей ОРФ его редактор, петербургский критик и издатель Сергей Бережной, ставит мониторинг публикаций и событий в русской фантастике, планов издательств, критических и аналитических материалов, информации о планируемых конвентах, выдвижения фантастических книг на жанровые и внежанровые премии, других событий в отечественной фантастике. ОРФ распространяется (пока бесплатно) по почте, на конвентах, а также в интернете. Сбор информации для очередных номеров бюллетеня осуществляется в сообществе Живого Журнала ORF_daily.

Исполнилось

100 лет со дня рождения Ивана Ефремова. Мероприятия, посвященные памяти классика советской фантастики, прошли по всей стране. Так, в Москве в Тургеневской библиотеке собрались ученые, космонавты, писатели-фантасты, деятели искусств. А в московском музее им. Тимирязева открылась экспозиция, посвященная Ефремову, на которой выставлены фотографии, книги, статьи, карты с маршрутами его научных экспедиций. На телеканале «Культура» в прямом эфире прошел круглый стол, посвященный творчеству Ефремова и проблемам современной российской фантастики.

In memoriam

11 апреля из жизни ушел Курт Воннегут, писатель, ставший одной из знаковых фигур в фантастике XX века. По словам жены писателя Джилл Кременц, Воннегут не оправился от последствий черепно-мозговой травмы, которую получил, упав в своем доме на Манхэттене.

Воннегут родился в Индианаполисе 11 ноября 1922 года. С 1941-го по 1943-й учился в университете Корнелл (штат Нью-Йорк), затем ушел добровольцем на фронт. В 1944 году Воннегут попал в плен, а в феврале 1945-го стал свидетелем бомбардировки Дрездена. Эти впечатления впоследствии отразились в творчестве писателя, в особенности в романе «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей». Первый фантастический роман «Механический рояль» (в русском переводе «Утопия 14») вышел в 1952 году. Затем появляются «Сирены Титана» и «Мать Тьма». В 1963-м публикуется знаменитая «Колыбель для кошки». Писатель-фантаст Килгор Траут (его прототипом считают Теодора Старджона), персонаж нескольких произведений Воннегута, стал именем нарицательным для интеллигенции. Всего перу Воннегута принадлежит 19 романов, а также множество рассказов, пьес, сценариев. Несколько произведений экранизировано. В 2005 году вышла автобиографическая книга К.Воннегута «Человек без родины», мгновенно ставшая бестселлером.

В ночь на 17 апреля на 68-м году жизни в одной из больниц Красноярска после тяжелой болезни скончался известный российский писатель, поэт, драматург Роман Харисович Солнцев.

Роман Солнцев родился в Татарии в мае 1939 года. Начал публиковаться как поэт с начала 60-х. Из-под пера писателя вышло множество стихов, пьес, прозаических произведений, в том числе и фантастических, например, мистический детектив «Сибирский олигарх». В мире фантастики Роман Солнцев знаменит как создатель и бессменный редактор журнала «День и ночь». В журнал приносили свои рукописи А.Лазарчук, М.Успенский, Г.Прашкевич, Л.Кудрявцев, С.Лукьяненко, Ю.Буркин и многие другие популярные авторы. В 1995 году Роман Солнцев стал лауреатом премии «Странник» в номинации «Редактор, составитель».

Агентство F-прессе

ВОЛОДИХИН Дмитрий Михайлович

Писатель, критик и историк Дмитрий Володихин родился в 1969 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ и аспирантуру; кандидат исторических наук, преподает на истфаке МГУ, параллельно занимающаяся издательской деятельностью: он учредитель издательства «Мануфактура», в течение нескольких лет работал в издательстве «Аванта+». Автор научных публикаций и монографий по истории, публикаций книговедческого характера.

С 1998 года Д.Володихин активно выступает в роли литературного критика и фантастоведа, а с 1999-го как писатель. Первое крупное художественное произведение — политический боевик с элементами фантастики «Мы — террористы» (повесть, 1999). С тех пор Д.Володихин выпустил ряд фантастических романов: «Полдень сегодняшней ночи» (2001), «Золотое солнце» (2002; в соавторстве с Н.Мазовой), «Убить миротворца» (2003), «Дети Барса» (2004), «Конкистадор» (2004), «Долиной смертной тени» (2005) и «Команда бесстрашных бойцов» (2006; в соавторстве с К.Кленом). Повести и рассказы Д.Володихина объединены в сборник «Созерцатель» (2005).

За критические публикации становился лауреатом премий «Странник», «Звездный Мост», «Серебряный Роскон», дипломантом журнала «Если». Является соучредителем премии критиков «Филигрань», членом жюри Мемориальной премии им. Кира Булычёва.

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

Фантаст Евгений Гаркушев родился в 1972 году в шахтерском городе Гуково Ростовской области. Получил два высших образования: на факультете физики Ростовского госуниверситета, где специализировался на кафедре кристаллографии (обучался также в аспирантуре), и в Ростовском государственном экономическом университете. После учебы работал в областной газете «Наше время». Сейчас в мэрии города Гуково заведует отделом по информационной политике и связям с общественностью.

Дебютом в НФ стал рассказ «Биологический возраст» в журнале «Уральский следопыт» (1994). В 2002 году увидела свет первая книга фантаста — роман в жанре фэнтези «Ничего, кроме магии», а год спустя вышел роман-продолжение «Обойдемся без магии» (2003). По собственному признанию, после выхода дилогии практически охладел к фэнтези.

Перу Е.Гаркушева принадлежат такие книги, как «Грани матрицы» (2003), «Близкие миры» (2004), «Великий поход» (2005), «Выше времени» (2006), детектив «Изумрудная сеть» (2007; в соавторстве с Дарьей Булатниковой), а также роман для подростковой аудитории «Афанадор» (2003). Кроме того, в соавторстве с Андреем Егоровым выпустил цикл произведений в жанре пародийной космооперы — «Заповедник», «Космический капкан», «Бунт при Бетельгейзе» и «Межпланетная банда».

ЛОВЕТТ Ричард (LOVETT, Richard A.)

Канадский писатель Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование — юридическое, а после этого и третье — экономическое. Защитил диссертацию по экономике. В 1989 году он полностью переключился на творческую деятельность. Спектр интересов Ловетта чрезвычайно широк — он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в научно-популярных и экономических журналах, а также в большинстве самых известных американских и канадских газет на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой микробиологии и т. д. Кроме того, Ловетт активно пишет об экстремальном туризме, велопутешествиях и марафонском беге (книгу о последнем он выпустил в соавторстве с Алберто Салазаром — трехкратным победителем нью-йоркского марафона).

Читателям научной фантастики Ловетт известен в основном своими научно-популярными статьями в журнале «Analog». Но в 2003 году он попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами — «Броуновское движение» и «Равновесие». С тех пор Ловетт опубликовал полтора десятка рассказов; большинство из них также напечатаны в «Analog».

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Библиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

Корр.: У вас естественнонаучное образование, да и начинали вы как автор вполне научной фантастики, но в читательском представлении вы автор-фэнтезийщик. Чем же все-таки фэнтези вас соблазнила?

С. Логинов: Почему именно фэнтези? Прежде всего, в основном я пишу просто фантастику, которая плохо рубрицируется по принципу НФ/фэнтези. А вот рассказы последнее время действительно чаще всего оказываются фэнтезийными. Дело в том, что настоящая фэнтези должна удивлять, а долго удивляться невозможно. Поэтому оптимальными жанрами для фэнтези оказываются рассказ и короткая повесть. Можно, конечно, размазать фэнтезийный рассказ до пятисот страниц и обозвать романом, но это уже будет не фэнтези, а фэнтезня. Фэнтезню мне писать стыдно, поэтому я пишу фэнтези.

МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич

(Библиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр.: За почти полвека активной творческой жизни вы испытали на себе и госнадзор, и «прелести» свободного полета. Так что все-таки для писателя хуже: диктат цензуры или диктат рынка?

В. Михайлов: Из тех 45 лет, что я занимаюсь фантастикой, большая часть приходится на времена, прошедшие, так сказать, под знаком Главлита. Хотя на самом деле даже не цензура была главным злом, а отношение властей к писательскому и издательскому делу вообще. Запомнилось, как чиновная дама, зам. председателя Госкомпечати, главной конторы по издательским делам, изрекла: «Мы не собираемся делать наших писателей миллионерами!» Что означало: даже если автор в состоянии написать, скажем, две книги в год, все равно их издадут с промежутком в три.

Сейчас литературную политику вырабатывает не государство, а частные издательства. А их главной задачей является, естественно, извлекать из своего бизнеса максимальную прибыль. И на слух это воспринимается как-то... ну, неблагородно, что ли. Высокая литература — и низкие расчеты... Но самые простые выкладки заставляют прийти к выводу: нынешнее состояние — рыночное — на порядок лучше прежнего. Лучше для всех его участников: писателей, издателей, а главное — читателей, ради которых и городится весь огород.

Что же касается «издательской цензуры», то это ведь не политический отбор, каким занимался Главлит. Не отвержение идей и общественных позиций. Это отбор по качеству, естественный для любого производства. Причем отбор не только по уровню прибыли, какую его книги приносят издателю. То есть и автор, работающий на максимальный заработок, и другой, стремящийся сделать общим достоянием какие-то свои мысли, — оба имеют возможность реализовать свои замыслы. А вот о поре Главлита сказать этого никак нельзя.

РИД Роберт (REED, Robert)

Двадцать лет назад имя Роберта Дэвида Рида было известно разве что его родным и знакомым, но никак не читателям научной фантастики. В 1986 году все резко изменилось: прямо к своему 30-летию автор-дебютант (Рид родился в 1956-м) получил во всех отношениях «фантастический» подарок! Мало того, что его первый рассказ «Грязные молокососы» победил на ежегодном конкурсе для авторов-новичков в научной фантастике «Писатели будущего» (и, соответственно, был включен в престижную «лауреатскую» антологию). Но организаторы конкурса еще и расщедрились на Гран-при в \$ 5000!

До профессионального занятия литературой Роберт Рид перепробовал много всего: «В начале своей карьеры я вынужден был зарабатывать в основном на фабрике простым рабочим. Правда, там я не был занят целый день, оставалось время и на литературу, и на посещение университета — рано утром или поздно вечером я обычно пропадал на лекциях. Я прослушал несколько курсов по биологии, самым любимым стал — «Популяционная биология». Се-

годня на счету писателя две дилогии — «Звездная вуаль» (романы «За звездной вуалью» и «Позади небесных врат») и «Сущность» (романы «Сущность» и «Звездный колодец»), восемь одиночных романов: «Подветренный берег» (1987), «Гормональные джунгли» (1988), «Черное молоко» (1989), «Вниз по сверкающему пути» (1991) и другие, а также более 160 рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Драконы Весны» (1999). Более десятка рассказов и повестей Рида номинировались на премии «Хьюго» и «Небьюла», однако единственная крупная премия, которую он к настоящему времени успел завоевать (не считая читательских конкурсов, проводимых различными журналами), это французская Imaginaire — за роман «Вниз по сверкающему пути».

Живет Роберт Рид в штате Небраска.

РОЗЕНБЛЮМ Мэри (ROSENBLUM, Mary)

Американская писательница Мэри Розенблум родилась в 1952 году в городе Левиттауне (штат Нью-Йорк). Как она сама о себе пишет, «я была обычной домохозяйкой, воспитывала детей, дрессировала собачек, возилась в саду, профессионально занималась сыроварением — а потом вдруг начала писать детективы и фантастику!»

Первый научно-фантастический рассказ «За плату» Розенблум опубликовала в 1990 году. С тех пор вышли ее четыре романа — «Химера» (1993), «Иссушенные земли» (1993, премия Compton Crook, присуждаемая за лучший роман-дебют), «Сад камней» (1995) и «Горизонты» (2006), а также сорок с лишним рассказов и повестей, некоторые из них вошли в сборник «Синтез и другие виртуальные реальности» (1996).

ТРУСКИНОВСКАЯ Даля Мейеровна

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр.: В своих произведениях вы довольно часто и весьма едко иронизируете, скажем так, над гендерным вопросом. Но иногда возникает ощущение, что женщин вы все-таки недолюбливаете больше. Это так?

Д. Трускиновская: В отношении мужчин я еще строю какие-то иллюзии, а женщин знаю как облупленных. Кроме того, это впечатление возникает только у тех, кто читает мою фантастику и не знает других вещей, скажем, исторических. Когда я пишу фантастику, то, как хорошая актриса, влезаю в мужскую шкуру и моделирую мужское отношение к женщине. Это с моей стороны обыкновенная вежливость — ведь читают фантастику в основном мужчины, и они хотят взаимопонимания с автором-мужчиной, вот я его и предлагаю.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 65 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна только на номера 2007 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: (495) 248-21-90. Факс: (495) 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)